

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2026

Том 17
Vol.

№ 3

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press
2026

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2026
Том 17
№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2026.
240 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия) — главный редактор; Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; Наталия Сергеевна Автономова, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); Наталия Михайловна Азарова, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); Хенрик Баран, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); Димитр Веселинов, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); Ив Гамбье, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия); Игорь Николаевич Данилевский, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); Николай Николаевич Казанский, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Александр Васильевич Лавров, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); Иван Борисович Микиртумов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); Джеймс Расселл, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); Игорь Витальевич Силантьев, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); Игорь Павлович Смирнов, профессор, Констанцкий университет (Германия); Су Кван Ким, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); Цзиньлин Ван, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); Татьяна Владимировна Черниговская, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 31.08.2026 г.

© БФУ им. И. Канта, 2026

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2026
Vol. 17
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2026.
240 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Editorial office

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia) – Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'yeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigori L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Тулъчинский Г.Л. Особенности исследования коммуникации в России.....	6
Ван Цзиньлин, Юань Лиин, Чжан Симу. Ключевая мораль Жэнь в книге «Суждения и беседы» (Лунойю) и переводы русских китаистов	26
Садовникова О.Н., Кремнёв Е.В., Кузнецова О.В. Адаптация дискурсивных стратегий социального управления инновациями в Китае.....	46
Романов Д.А. Лексика повести Л.Н. Толстого «Отрочество» в контексте развития русского литературного языка	62
Дементьев И.О. Что значит «теперь»? Историчесофские эксперименты Рикса Васковски в стихотворном цикле “Das alte Königsberg”	79
Северская О. И. Олицетворение и олицетворяющая деталь в контекстах тропеического взаимодействия	95
Черняков А.Н. Иконическая грамматика Егора Летова. Статья первая: Грамматика конструкций.....	112
Подлеская В.И. «Средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак...» — конструкции с парными местоимениями дальнего и ближнего указания.....	126
Шубин К.А. Трансформация поэтики Довида Кнута (квантитативный анализ метафор).....	138
Коннова М.Н., Нахрачев И.Д. Коммодификация спорта в зеркале метафор (на материале англоязычных СМИ)	162
Еременко А.А. «62. Модель для сборки»: ситуационистский роман Хулио Кортасара.....	178
Петров А.М. О пограничных явлениях в фольклорной метрике	203
Разухина К.Э. Селфи-нарратив: автомедиальное построение субъектности в русскоязычных автофикциональных текстах	222

CONTENTS

<i>Tulchinskii G.L.</i> Communication research in Russia: distinctive features and approaches	6
<i>Wang J., Yuan L., Zhang X.</i> Core moral concept of <i>ren</i> (仁) in the <i>Analects</i> (<i>Lunyu</i>) and its translation in Russian Sinology.....	26
<i>Sadovnikova O.N., Kremnyov E.V., Kuznetsova O.V.</i> Adaptation of discursive strategies for social management of innovations in China	46
<i>Romanov D.A.</i> The lexis of Leo Tolstoy's novella "Boyhood" in the context of the evolution of the Russian literary language	62
<i>Dementev I.O.</i> What does "now" mean? Riekus Waskowsky's historiosophical experiments in the poem cycle "Das alte Königsberg"	79
<i>Severskaya O.I.</i> Personification and personifying detail in the context of tro- peic interaction	95
<i>Chernyakov A.N.</i> Yegor Letov's iconic grammar. Article one: Grammar of const- ructions	112
<i>Podlesskaya V.I.</i> "Srednii syn i tak i syak, mladshii vovse byl durak...": constructions with paired demonstrative pronouns of remote and proximal reference.....	126
<i>Shubin K.A.</i> Transformation of Dovid Knut's poetics: a quantitative study of metaphors	138
<i>Konnova M.N., Nakhrachev I.D.</i> The commodification of sport in English sports media: a look through the lens of metaphor.....	162
<i>Eremenko A.A.</i> "62: A Model Kit": a Situationist novel by Julio Cortázar.....	178
<i>Petrov A.M.</i> On borderline phenomena in folklore metrics	203
<i>Razukhina K.E.</i> Selfie narrative: automedial construction of subjectivity in Rus- sian-language autofictional texts	222

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ

Г. А. Тульчинский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 07.06.2026 г.
Принята к публикации 28.06.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1

Интенсивная трансформация социальной коммуникации в формате цифровых технологий радикально изменяет деловую активность, формы занятости, управление, образование, культурные индустрии, личную жизнь, весь образ жизни. Речь идет о масштабной и глубокой проблеме выработки междисциплинарного подхода, который решил бы две задачи: давал бы общую концептуальную платформу анализа и одновременно был бы достаточно операциональным, сохраняя накопленные результаты и потенциал дальнейших дисциплинарных исследований и разработок. В российских исследованиях коммуникации сложился подход, который отличается расширительным пониманием коммуникации, когда социальная культура и личность предстают взаимодополнительными коммуникативными сущностями по своей природе. Исследования фокусируют несколько специфических содержательных топик: смыслообразование и понимание; апофатический семиозис и роль субъектности; междисциплинарность и конвергенция широкого круга методов и подходов — как sciences, так и humanities. Современным российским исследованиям коммуникации свойственны сильно различающиеся теоретические подходы и модели, использование методов самых различных наук. При этом сами коммуникативные практики явно тяготеют к интеграции. Любая наука в какой-то мере является коммуникативной — потому что порождается и оперирует осмыслением своего предмета как со-общением о природе, обществе, собственной мысли (и как со-общением с ними). Если исследования коммуникации — это перекресток, по которому многие проходят, но редко кто останавливается, то русская традиция часто уделяла и уделяет внимание самому перекрестку. Она принципиально междисциплинарна, в ней переплетаются и дополняют друг друга антропология, когнитивистика, лингвистика, логическая семантика, психология, семиотика, социология, теория и практика искусственного интеллекта, теория и философия культуры, урбанистика. Русская традиция представляет интерес в перспективе интенсивного развития коммуникации в цифровых форматах и созревания протонауки коммуникации.

Ключевые слова: апофатический семиозис, коммуникация, медиацифровизация, понимание, семиотика, смыслообразование, субъектность, языковые практики

1. Предварительные соображения

Исследования коммуникации довольно молоды. Как таковые они были от-refлексированы во второй половине XX века в связи с развитием кибернетики и математических моделей передачи информации, осмысления социального значения этих разработок и практик. Однако различные аспекты обмена знаниями и эмоциями, обеспечивающего взаимодействие в религиозной, политической, экономической, художественной, образовательной сферах, в личной жизни не могли не рассматриваться задолго до публикации работ Н. Винера, К. Шеннона, Д. фон Неймана, У. Эшби — и не только в России.

Концепции анализа коммуникации, сложившиеся в России, хорошо укладываются в систематизацию Роберта Крэйга (Craig 1999, p. 133 – 134), которая позволяет выявить переклички в российско-советских и зарубежных подходах к исследованию коммуникации. Это традиции: семиотическая, с акцентом внимания на знаках и знаковых системах; феноменологическая, подчеркивающая роль сознания; кибернетическая, связанная с техническими системами и математическими моделями; социально-психологическая; социально-культурная; критическая, укорененная в филологии; лингвистико-коммуникативистская, связанная с языкознанием и практиками перевода.

Принимая такую систематизацию, представляется важным дополнить ее. Некоторые упомянутые традиции возникали в различное время, некоторые сохраняли устойчивое влияние, и все они взаимодействовали, конвергировали. Например, идеи Михаила Бахтина и его круга возникли в дисциплинарном поле филологии, но и по истокам, и по своему значению выходили в горизонты феноменологии, философии, теории культуры и личности. Недаром И. Э. Клюканов подчеркивает, что если за рубежом анализ коммуникации сосредоточивается на количественных исследованиях эмпирического материала, то в России в такой анализ вовлечен широкий фронт гуманитарных наук (2021, с. 21).

Поэтому ниже приводится рассмотрение русской традиции изучения коммуникации в плане этапов ее развития и акцентуации специфических проблем, в рассмотрении которых реализуется взаимодействие узкодисциплинарных подходов.

2. Речевые практики

К собственно русской традиции изучения коммуникации можно относить исследования, впервые опубликованные на русском языке с конца XIX столетия, когда роль и значение коммуникативных процессов стали привлекать внимание различных исследователей — от лингвистов, историков, философов до инженеров и специалистов по техническим способам связи. Основы такой традиции были заложены в осмыслении особенностей самого русского языка, практик его исполь-

зования. Первое обстоятельное исследование таких особенностей было реализовано Константином Аксаковым в 1875—1880 годах на материале русской письменной речи (художественной и обыденной), в том числе в сравнении с практиками других славянских и индоевропейских языков (Аксаков 1875; 1880).

С тех пор не прекращаются исследования особенностей русского коммуникативного поведения, анализ связи норм этого поведения с этнокультурными мыслительными и речевыми стереотипами (Аннушкин 2011; Балакай 2001; Иссерс 2008; Прохоров, Стернин 2011), которые обусловлены спецификой российской культуры, историческим опытом хозяйствования, доминированием властной воли (Пивоваров, Фурсов 2001). В исследованиях подчеркивается эмоциональная насыщенность, предпочтение полемики вместо дискуссии, личностное самоутверждение, акцентуация на побуждение к совершению действий. Роль побуждающей коммуникации укрепилась в советский период в пропаганде коммунистической идеологии, жесткого администрирования¹.

Первоначальный интерес к языковым практикам до сих пор является в России постоянным направлением в изучении коммуникации, ее роли в широком поле современных исследований — от антропогенеза и истории до символической политики и AI. Именно на базе профессиональной среды филологов и переводчиков в 2000 году была создана *Russian Communication Association (RCA)*, а в 2008—2024 годах выходил ее официальный научный журнал *The Russian Journal of Communication*.

3. Понимание и смысл: два вектора

Уже с начала XX века в исследовании языковых практик на первый план выходит проблема понимания транслируемого содержания (контента) сообщений. Как раз на этот период приходится творческий пик российской культуры («Русский Ренессанс Серебряного века» плюс первое десятилетие советской власти) с его проективизмом, символизмом, эсхатологизмом, авангардизмом, верой в преображение мира с широким диапазоном обостренного интереса к чувственному опыту. Произносимое и письменное слово предстает как носитель, выразитель и создатель смысла. Можно выделить два основных вектора такой аналитики. Один из них был связан с интерпретацией религиозного опыта. Другой — с адаптацией и развитием европейской традиции языкознания, герменевтики и феноменологии.

Активное воздействие языковых средств на сознание, как поле смыслообразования — главный момент в ныне полузабытом движении имяславия (ономатодоксии). Возникшее в 1907 году и после богословского спора разгромленное в 1913 году с привлечением армии, оно оставило не афишируемый глубокий след в русской культуре, оказало

¹ Эта установка даже нашла выражение даже в нетривиальной концепции Бориса Поршнева (2007), согласно которому речь возникла именно как средство побуждения, внушения, а развитие самосознания связано с противодействием манипуляции.

серьезное влияние на философов (С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский), поэтов (О. Э. Мандельштам, Б. Л. Пастернак), математиков (Д. Ф. Егоров, Н. Н. Лузин, А. Н. Колмогоров, В. В. Налимов) (Graham, Kantor 2009; Троицкий 2024). Имяславцы опирались на духовный опыт исихазма, идеи отцов церкви (Григорий Нисский, Григорий Палама), Платона, неоплатонизма. Имяславие — яркое проявление апофатического («отрицательного») богословия, согласно которому божественная сущность непосредственно не дана, для ее выявления необходим опыт личностной сопричастности и воплощения в знаках, именах (Булгаков 2008; Флоренский 1990, с. 264 — 287).

В апофатическом смыслообразовании особую роль играет отрицание — не как пустота предметной области, а как дополнение универсума рассуждения, реализуемое самосознанием личности. Алексеем Лосевым (2016) была разработана грандиозная развертка *step by step* семиозиса из «ничто» (меона), которая близка интуиционизму и конструктивизму в обоснования математики. Позже автор вероятностной модели языка Василий Налимов уподоблял смыслообразование возникновению элементарных частиц под воздействием энергетического импульса на физический вакуум. Аналогично для смыслообразования необходимо воздействие на семантический вакуум (меон) μ -функции, под которой Налимов понимал личностный фактор (1974; 2007).

Ярким представителем другого вектора анализа смыслообразования был Густав Шпет — непосредственный ученик Э. Гуссерля. Шпет различал интеллектуальное (уразумение) и симпатическое (чувственно-эмоциональное) виды понимания, которые, помимо предварительного схватывания смысла, предполагают облечение смысла в слова. Шпет опирался на концепцию «внутренней формы» слова (Потебня 1976), которая развивала трактовку языка В. фон Гумбольдтом, А. Фосслером, А. Марти не как комплекса словарной лексики и правил грамматики, а как части культуры, развивающейся вместе с мыслями и переживаниями ее носителей. Шпетом был сделан следующий шаг в трактовке внутренней формы как единства социального и индивидуального опыта. Задача внутренней формы — раскрыть соответствующую организацию «смысла», проникнуть во внутренний мир человека (Шпет 1927, с. 141 — 163). Люди понимают друг друга не в силу тождественности их чувств, а потому что в коммуникации знаки ударяют по одним и тем же «клавишам», порождая в каждом индивиде как «инструменте» соответствующие, но не тождественные предметные понятия, окрашенные переживаниями, проявляющимися в деятельной активности (Шпет 1916, с. 164; Шпет 1927, с. 178). Внутренняя форма предстает «живым понятием, переживанием смысла как конкретного жизненного опыта социальной практики. Этим взаимодействием внешнего и внутреннего опыта смысловое содержание обогащается, прирастает за счет некоего потенциала, «избытка», привносимого наделенной сознанием личностью и всегда присутствующего в коммуникации, делая невозможным «абсолютное понимание». Как писал Фёдор Тютчев: «...Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь...»

Личностное переживание выступает источником творчества, в искусстве оно порождает сопричастность субъектов творчества и восприятия, в философском понимании — переживание единства с целостностью бытия (Шпет 1914, с. 212). Тем самым самосознание личности, единство ее переживаний важно как его включенность в общее смысловое поле, в котором оно занимает свое никем не занимаемое место (Шпет 1916)². Такое видение смыслообразования близко идеям Владимира Соловьева, Сергея Трубецкого о «соборности» сознания, бахтинским идеям «не-алиби в бытии» и «диалогичности» «участного мышления» (Бахтин 1975; 1979; 1986). Фактически об этом же писали чуть позже также Мартин Бубер, Эммануэль Левинас, Мартин Хайдеггер.

Смысл — не просто программа социального опыта, закодированная в знаковых системах, в «культурных кодах», и не результат пресловутого «диалога культур». Любая культура нормативна, самодостаточна и не нуждается в диалоге. В диалог вступают носители культур — люди, существа несамодостаточные и нуждающиеся в «обмене» веществ, товаров, знаний, опыта. В этом плане смыслообразование и коммуникация персонологичны. Это проявилось в обоих отмеченных направлениях — как коренившегося в религиозном опыте, так и осмыслявшего герменевтику, социальную психологию, феноменологию понимания.

4. Социальный и личностный факторы

Таким образом, за первые три десятилетия XX века в понимании смыслообразования как формирования коммуникативного контента были выявлены два ключевых фактора. Во-первых, это социальные обстоятельства, включая культуру и сам язык. И во-вторых, личность — как результат, продукт социального коммуникативного воздействия (социализации) и как источник динамики нового осмысления. Соотношение этих двух ключевых факторов стало главной линией дальнейшего анализа.

Показательно наглядна эта траектория в психологическом анализе коммуникаций на примере семейной преемственности трех выдающихся ученых. Один из основателей советской психологии Алексей Николаевич Леонтьев (1975) предложил различать в означаемом словесными и другими знаками относительно нормативное социальное значение, связанное с культурными практиками, и личностный смысл, связанный с отношением, переживанием этого значения конкретным индивидом. Его сын доктор филологических и психологических наук Алексей Алексеевич Леонтьев занимался ролью речевой деятельности в формировании личности (1969; 1997; 2001). Их внук и сын Дмитрий

² Без учета той роли, которую Г.Г. Шпет отводил переживанию, непонятны его отступления (вплоть до цитирования пыточных листов) в личностный опыт мыслителей в «Очерках развития русской философии», излишне дотошным выглядит его герменевтический комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба», его пристальный интерес к фактам биографии А.И. Герцена, как и трагедия судьбы самого Шпета, раскрывается дополнительными гранями.

Алексеевич Леонтьев (как и связанная с ним российская школа экзистенциальной психологии) сфокусировался на психологии смысла как ключевом аспекте самосознания личности, в отношениях человека с миром и другими людьми (2007). Причем для всех троих ключом к постановке проблемы, развертывания концепции и применения результатов оказывается коммуникация.

Особого внимания заслуживает вклад в изучения коммуникации, сделанный русскоязычными авторами-семиотиками (Иванов 1976; Почепцов 1998). Наиболее известны идеи авторов Тартуско-московской школы семиотики, прежде всего ее лидера Юрия Михайловича Лотмана (Waldstein 2008). По Лотману, текст, интеллект (сознание) и культура (семиосфера), по сути дела, различные аспекты одного и того же явления — коммуникации, в котором каждый из членов этой триады взаимно определяет, создает и развивает другие. В этом плане текст предстает комплексным отношением между знаковой композицией, адресатом и контекстом коммуникации (Лотман 1981). Текст — генератор смыслов, динамически саморазвивающийся объект. Он выполняет роль пускового механизма, приводящего в движение сознание реципиента (Лотман, 1992), что подтвердилось последующими исследованиями нейрофизиологии мозга и AI. Лотман не ограничивал социальную семиотику (этот термин он предложил раньше Майкла Хэллидея) рассмотрением языковых практик социальной коммуникации, настаивая на развитии структурно-смыслового подхода к самим социальным отношениям как коммуникации.

Менее известны, но также релевантны другие семиотические школы (Tulchinskii 2021). Коммуникативная природа осмысленного знания была в центре внимания Арона Брудного, его коллег в Институте философии АН Киргизии. Брудный различал два вида коммуникации — «аксиальную» (лат. *axis* «ось»), направленную конкретному адресату, и ретиальную» (лат. *rete* «сеть»), адресованную неограниченному кругу получателей (1996; 1998). Такое различие аналогично действию нервной системы, которая передает импульс в точку, от которой требуется определенная реакция, и кровеносной системы, омывающей все органы.

В 1970–2000-е годы в Калининском (Тверском) университете была разработана глубокая концепция практической герменевтики (практик понимания) (Богин 2001). Концепция включала систему «поясов» («герменевтических кругов») понимания как комплексов конкретных коммуникативных техник: усмотрение и построение смысла (19 техник); использование «рефлексивного мостика» (6 техник); «расклеивания» смешиваемых конструкторов (12 техник); 16 техник интерпретационного характера; 26 техник перехода; 26 техник выхода через понимание к новым состояниям сознания. Эти наработки были реализованы в различных сферах деятельности — от науки и преподавания до государственного управления, бизнеса и православной церкви.

Масштабная исследовательско-проектная программа была разработана и реализована Тамарой Дридзе и ее учениками. Дридзе понимала

знаковые системы как механизм порождения, хранения, трансляции и воспроизводства социального опыта — вплоть до образа жизни конкретного социума. Сначала эта идея использовалась при целевом анализе содержания текстов, где смыслообразование предстало как довольно строгий алгоритм, задаваемый практическим контекстом (Дридзе 1980; 1984). Затем этот подход был применен к анализу городской среды, трактуемой как связанная знаковая система коммуникации населения, бизнеса, органов власти (Дридзе 1994). Эти проблемы коммуникации как инструмента социально-культурного инжиниринга и социального управления регулярно обсуждаются на «Дридзеvских чтениях» в Институте социологии Российской академии наук.

Перспективен и коммуникативный синтез социальной семиотики, философии языка, культуры и личности, предпринятый в Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина. Исследования философии символа, текстовой деятельности в социально-культурной коммуникации (Сулимов, Фадеева 2003; 2004) переросли в программу анализа содержания коммуникативного пространства культуры русского Севера (Фадеева, Сулимов 2016). Тем самым в поле семиозиса вводятся различные коммуникативные социальные практики от образования и социализации до региональной модернизации.

Как обобщение широкого комплекса семиотических идей (Тульчинский 1986; Золян, Тульчинский 2024), медийно-образовательного опыта (Фещенко 2020) возникла концепция *deep semiotics*, которая включила в семиозис роль личности как источника, средства и результата смыслообразования. Это позволило перейти от рассмотрения структурных характеристик к коммуникативной динамике *understanding and meaning making*, а затем и к стадиям институционализации смысловых комплексов — от личностных переживаний, эмоций и оценок до выработки общего понимания, объединяющего всё более масштабные социальные общности вплоть до профессий, организаций. Ключевым фактором этих стадий институционализации выступает интенсивность и регулярность коммуникации. Такой подход позволил интегрировать личностные и социальные факторы смыслообразования, а также семиотические и социологические аспекты коммуникации. В дальнейшем это выразилось в развитии прагмасемантики (Золян 2022; Золян и др. 2024), как каскада взаимодействия контекстов смыслообразования, задаваемых ценностно-регулятивными системами (ЦРС) социальных практик, одной из которых является язык как ЦРС, обслуживающая ЦРС культуры и являющаяся путеводителем по ним. Универсальным интерфейсом взаимодействия этих контекстов является самосознание личности (субъектность), позволяющая менять, дополнять контексты.

5. Аккумуляция и систематизации

В целом с конца 1950-х годов в СССР складывалась качественно новая ситуация интереса к проблемам коммуникации. Это было вызвано несколькими обстоятельствами. Введение логики в школьные про-

граммы в 1950-х годах стимулировало устойчивый интерес к теории и практике аргументации, другим формам коммуникации в различных сферах деятельности (Панфилова 1999; Петрова 1981; Юшкова-Борисова 2015). Планирование социально-экономического развития регионов и трудовых коллективов, развитая система пропаганды предполагали соответствующее обеспечение, разветвленную и координируемую социальную коммуникацию в публичном медийном пространстве, трудовых и учебных коллективах. Изучением и оценкой эффективности этих коммуникативных процессов занимались центры социологических исследований на базе университетов, Академии наук, органов власти (федеральных и региональных) (Шилова 2025).

Политическая «оттепель» оживила общественную жизнь, был снят ряд ограничений на гуманитарные и социологические исследования, открылись спецхраны научных библиотек, архивов. Краткий период этих послаблений стимулировал развитие коммуникации в приватной и полуприватной среде — «кухонные разговоры», анекдоты, самиздат. Это способствовало четкому различению публичной коммуникации и доверительных личностных контактов («общения»). Владимир Библиер (1998) в середине 1960-х годов создал неофициальный домашний теоретический семинар по диалогичности культуры как внутреннему диалогу индивидуального Я и Я всеобщего. Для Генриха Батищева (1987) общение — экзистенциально-творческое со-бытие, вхождение и сопричастность духовной смысловой (религиозной) общности.

К концу XX — началу XXI столетия в российских (советских) исследованиях коммуникации сложилась чрезвычайно богатая идеями ситуация. На русский язык были переведены практически все классические работы по теории коммуникации Норберта Винера, Клода Шеннона, Мануэля Кастельса, Маршалла Маклюэна, Никласа Лумана, Томаса Лукмана, Скотта Катлипа, Ролана Барта, Юргена Хабермаса, Ричарда Льюиса и др. Они использовались в исследованиях, образовательных программах (Василькова и др. 2005; Козловский 2011).

Вместе с тем появились работы российских авторов, в которых представлены оригинальные систематические обобщения коммуникации, уровней, типов и методов ее осуществления (Почепцов 2003; 2008; Гнатюк 2012; Гавра 2011). Лариса Викулова и Александр Шарунов (2007) предложили практикум по основам теории коммуникаций — гид по широкому полю концепций и подходов к изучению коммуникационных процессов, их функций и факторов эффективности. Аркадий Соколов представил общую теорию («метатеорию») социальной коммуникации (2001; 2011), в которой ключевым аспектом является проблема смысла и понимания. Специально рассмотрена эволюция социальных коммуникаций от ее палеоформ до современных медиа и Интернета, социально-коммуникативные институты, права и свободы, управление коммуникацией в разных политических режимах.

6. Вызовы медиацифровизации

Практики социальных коммуникаций, сложившиеся в стране, и научное сообщество, исследующее эти практики, были вполне подготовлены к последовавшим событиям. Экономические реформы, череда бурных политических кампаний 1985–2000 годов совпали с появлением и освоением Интернета, формированием социальных сетей, все более интенсивной трансформацией социально-культурных практик в цифровые форматы информационно-коммуникативных технологий. Эти процессы открыли следующий качественно новый горизонт исследований коммуникации, вызвали всплеск интереса к таким коммуникативным технологиям, как реклама, PR, социальные сети, блогосфера, электронная коммерция, информационные войны в бизнесе и политике, управление массовой коммуникацией, связанная с ними медиаметрия.

Как и во всем мире, с начала нынешнего столетия на первый план стали выходить проблемы «постправды» (фейки, дипфейки, манипуляции и мошенничество в сети), контроля и безопасности коммуникации, формы ответственности за недобросовестную публичную коммуникацию (Ситников, Гундарин 2003; Кирия 2010; Коломиец 2014; Новикова, Кирия 2017; Тульчинский 2021), трансформация идентичности под влиянием современных информационно-коммуникативных технологий (Емелин 2017; Лисенкова 2021). Новые качество и масштаб этим проблемам придали практики использования технологий искусственного интеллекта органами власти, бизнес-структурами, частными пользователями. Конечно же, сохраняется тренд инжинирингового подхода к коммуникации как системе обеспечения и порождения социально-культурных практик (Почепцов 2008; Арканникова 2022; 2024). Ключевым моментом эпохи является растворение смарт-технологий в окружающей среде, наделение коммуникативными свойствами окружающие предметы, которые в Интернете вещей приобретают свой уникальный адрес; способность воспринимать (ощущать) действительность и реагировать на ее изменения; способность запоминать; возможность обрабатывать информацию; возможность коммуницировать, взаимодействовать с другими вещами, сетями, устройствами, людьми (Чеклецов 2015). Мир становится коммуникативно гибридным: удаленная перцепция, удаленное действие, удаленное обозначение, неоднократная репрезентация.

Отмеченная ранее российская практика решения всех вопросов вертикально-административно, формализованный контроль социальной и личной жизни получили новые импульсы в цифровых форматах коммуникации. В результате сложились две сферы медийного пространства. В первой («массовой») безоговорочно доминирует телевидение, в меньшей степени — общественно-политическая пресса. Эти медиа транслируют контент с позиций государства, местных органов власти. Вторая сфера воспроизводит ограниченные коммуникативные воз-

возможности для разрозненных групп маргинализированных интеллигентов вроде советских «кухонных разговоров» — теперь в формате контролируемых личных контактов в сетевых мессенджерах.

Однако освоение цифровых технологий, использование AI придали новую глубину личностному (персоналистско-субъектному) фактору коммуникации, который всегда был акцентирован в русской традиции. Цифровизация вышелушила необходимость различения субъектности, субъективности, идентичности и агентности. Субъектность — результат социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративной коммуникацией типа «Это не само произошло — это ты сделал!». Смысл воспитания, обучения, освоения профессии состоит в том, что человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая причины на нем, делая его *causa sui*. К третьему году жизни ребенок осваивает нарратацию от 1-го лица, что является свидетельством формирования вменяемого субъекта (Damasio 2010). Субъектность — точка склейки рефлексивного самоописания как ленты Мёбиуса, *strangle loop* (Hofstadter 2007), точка входа в герменевтический круг смыслообразования. Как всякое рефлексивное самоописание, она противоречива (допуская $A \& \sim A$), а значит, открыта различным дополнениям универсума рассуждения. Это делает ее универсальным интерфейсом для дополнения, смены и порождения различных контекстов, открывая возможность дополнения реально сущего воображением. Коммуникативно-семиотическая по своей природе субъектность, по сути, является операционализацией трансцендентального субъекта. Как и он, она ненаблюдаема, но является условием познания и смыслообразования — подобно слепому пятну в глазу, которое, будучи не наблюдаемым, является условием зрения. Именно субъектность фокусирует предмет познания (*subject* суждения, тема). Она условие и средство прокреативной преадаптации личности и социума — способности приспосабливаться не только к динамике среды, но и к упреждающему воздействию на эту среду, ее преобразованию (Асмолов и др. 2018; Киященко 2022). Именно эта способность лежала до сих пор в основе успешного развития цивилизации *homo sapiens*. Источником и средством такой прокреации выступает именно субъектность индивидов и их коммуникация.

Идентичность — наполнение субъектности («человека-без-свойств») конкретным социально-культурным опытом, а субъективность — эмоциональное отношение к этому опыту. В этом плане идентичность и субъективность являются содержанием, наполнением социально-личностной конкретизацией субъектности. Будучи эпифеноменом коммуникации, субъектность является условием существования и развития культуры. Ситуативно подвижная, способная к лимиальности субъектность оказывается прагмасемантическим интерфейсом взаимодействия между индивидуальным и социальным, реальным и воображаемым, перехода от физической реальности к миру желаний, надежд, тревог — и наоборот.

Главное — различие субъектности от агентности. Субъектность допускает противоречивую рефлексю, она апофатична, создает контек-

стуальную вненаходимость (out) по отношению к осмысляемому. Агентность непротиворечива, катафатична и встроена в систему следования алгоритму. В этой связи у них разная ответственность в коммуникации: у субъектности — ответственность за новый контекст осмысления, у агентности — за следование алгоритму. Они не противостоят, а дополняют друг друга. Между ними необходим баланс, взаимодействие. Однако вся история использования технологий есть история укрощения субъектности посредством агентности. Поэтому перспектива непродуманной цифровизации как сведение субъектности к агентности чревата колоссальным искушением власти властью, жестким расслоением социума и деградацией: физической, интеллектуальной, цивилизационной (Гульчинский 2025).

Коммуникативно-семиотическая по природе субъектность — главный фактор развития. Это гвоздь, на котором держится цивилизация *homo sapiens*. Если этот гвоздь выдернуть или забить по самую шляпку, то цивилизация лишается своего источника, средства и результата развития, то есть обесмысливается. Рассмотрение коммуникации в цифровых форматах показывает необходимость выхода за рамки технорациональной парадигмы к фундаментальным основаниям человеческого бытия и этики, что как раз свойственно русской традиции.

7. Ergo: специфика и значение русской традиции

Вышеприведенный экскурс показывает, что в России, включая советский период, сложилась фундированная и развитая традиция трактовки природы, роли и значения коммуникации, в которой коммуникации предстает не просто кодированием-декодированием информации, а как сложный социокультурный и психологический процесс, связанный с порождением и интерпретацией смыслов. Эта традиция выработывалась на разном материале: обыденный опыт, религия, искусство, политика, образование, деловая активность, медиа, реклама. Но при этом она весьма целостна и обладает рядом нетривиальных акцентировок, порождающих ее специфику и релевантность.

Обобщая, можно сказать, что главная особенность русской традиции исследования коммуникации выражена в двух векторах изучения коммуникации. С одной стороны, акцент на социальной природе, процессах и механизмах коммуникативной деятельности, ее публичных формах; с другой — на глубоко личностных, ментальных ее источниках и последствиях, связанных с мотивацией, эмоциями, пониманием. По этим обоим векторам можно выделить некоторые общие черты тематико-содержательного плана, характерные для русской традиции. Это:

1) несводимость коммуникативных процессов к информационно-сигнальным, их связь с пониманием и интерпретацией смыслового содержания, порождаемого, транслируемого и воспринимаемого в коммуникации. Такая акцентировка является принципиально важной для понимания перспектив, возможностей и антропологических последствий бурного расширения применений информационно-коммуника-

тивных технологий в цифровом формате. Поскольку коммуникация, ее регулярность и интенсивность является решающим фактором формирования и развития социальных институтов, постольку такой подход дает возможность расширения коммуникативного анализа на социально-культурные практики, включая социальное управление;

2) различие публичной коммуникации и приватного общения. Оба процесса направлены на формирование общности, но разного уровня. Коммуникация связана с преимущественно внешними социальными процессами, которые консолидируют («мобилизуют») социум: медиа, образование, PR, реклама, пропаганда, информационные войны, символическая политика, региональный брендинг — то, что связано с трансляцией нормативных значений, образов. Общение — создание глубокой межличностной общности на уровне личностных смыслов, эмоциональных отношений, сопереживаний. Соотношение, взаимовлияние этих двух уровней прослеживается в глубокой семиотике, лотмановской текстовизации культуры и личности, идее бахтинского диалога как участного мышления, сопричастности ткани («блокчейну») человеческого бытия;

3) роль контента, *message*, проблемы смыслообразования, семиозиса и семипозиса, действие в этом процессе ценностно-регулятивных систем социально-культурных практик, задающих контексты осмысления и смыслообразования и важность субъектности как универсального интерфейса этих контекстов. Интенсивная трансформация социально-культурных практик и обеспечивающей их коммуникации в цифровые форматы делает принципиально важным различие субъектности и агентности. Субъектность по своей природе апофатична, открыта дополнению различными контекстами, их смене, тогда как агентность катастрофически встроена в заданные алгоритмы;

4) значение апофатического семиозиса оказывается важным в наше время, когда медийная переизбыточность, коммуникативный *brain rot* порождают необходимость коммуникативно значимых отрицаний, пробелов, умолчаний, отказов от коммуникации. Отрицание, умолчание не только и не столько уничтожает, сколько переводит внимание на другое, что дает перспективу для переосмысления, возникновения новых смыслов. В последние годы все более очевидным становится интерес западных исследователей к апофатическому семиозису (Badiou 2007; Galloway et al. 2014; Leone 2025). Так, использование формальных моделей квантовой теории позволило представить коммуникацию как пространство неопределённых состояний, референцию (дейксис) — как семиотический аналог измерения, где смысл предстает полем потенциалов, которое контекстуально актуализируется посредством акта высказывания. Тем самым семиозис операционализируется в апофатическом ключе, буквально согласно идеям В. Налимова относительно семантического вакуума, вероятностной модели языка и роли субъектности, а также Г. Шпета об интерпретационном «схватывании» смысла. Это формирует аппарат теории, способной рассматривать сложность, не сводя ее к минимуму, и поддерживать неопределенность, не отказываясь от строгости;

5) расширительное понимание коммуникации, в которой культура и личность предстают не как контекст и актор коммуникативного процесса, а как коммуникативные сущности по самой своей природе и реализации. Любая наука в какой-то мере является коммуникативной — потому что порождается и оперирует осмыслением своего предмета как со-общением о природе, обществе, собственной мысли (и с ними) (Клюканов 2018, с. 248; Zolyan et al. 2025). Если исследования коммуникации — это перекресток, по которому многие проходят, но редко кто останавливается (Schramm 1963, р. 2), то русская традиция часто уделяла и уделяет внимание самому перекрестку. Она принципиально междисциплинарна, в ней переплетаются и дополняют друг друга антропология, когнитивистика, лингвистика, логическая семантика, психология, семиотика, социология, теория и практика искусственного интеллекта, теория и философия культуры, урбанистика... Этот ряд можно продолжать.

Современным российским исследованиям коммуникации свойственны сильно различающиеся теоретические подходы и модели, использование методов самых различных наук. При этом сами коммуникативные практики явно тяготеют к интеграции (Дзялошинский, Шариков 2017). В принципе это вполне соответствует общемировой ситуации, диагностированной Робертом Крэйгом, согласно которому разные подходы к коммуникации имеют общую практическую основу, позволяющую различным теориям и концепциям взаимодействовать, налаживая общий междисциплинарный дискурс, «протонауку» (Craig 1999, р. 121–122). А как было показано выше, в русской традиции изучения коммуникации сложилась довольно дифференцированная и при этом единая агломерация, где взаимодействуют различные науки. И похоже, постепенно формировавшаяся «протонаука» этих исследований созрела в России до формальной институционализации: 24 декабря 2025 года Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации приняла решение включить группу научных специальностей «Коммуникационные науки» в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Социальная коммуникация — ключевая практика, определяющая формирование и развитие общества и личности, — социогенез, культурогенез и творчество, формирование, развитие и позиционирование личности, самосознание. Интенсивная трансформация социальной коммуникации в формате цифровых технологий радикально изменяет деловую активность, формы занятости, управление, образование культурные индустрии, личную жизнь, весь образ жизни. Эти процессы являются серьезными вызовами политике, праву, морали, что предполагает переосмысление устоявшихся представлений, используемых подходов, концептуального аппарата, выявление перспективных направлений их применения. Речь идет о масштабной и глубокой проблеме выработки междисциплинарного подхода, который решал бы две зада-

чи: давал бы общую концептуальную платформу анализа и одновременно был бы достаточно операциональным, сохраняя накопленные результаты и потенциал дальнейших дисциплинарных исследований и разработок.

Наследие русской традиции изучения коммуникации представляет в этом плане неординарный интерес — как в плане современного то ли постсекуляризма, то ли расширенного секуляризма, так и в плане перспективы преодоления разрыва между социолого-количественным и феноменолого-герменевтическим подходами к изучению коммуникации. Хочется надеяться, что в этой работе опыт русской традиции исследования коммуникации не будет забыт и окажется полезным.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант №26-18-00672 «Знако- и смыслопорождение как семиопозис в языке, социально-культурных практиках, цифровой среде») (<https://rscf.ru/project/26-18-00672/>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список источников и литературы

Аксаков, К. С., 1875. Полное собрание сочинений. Том II. Сочинения филологические. Часть I. М. [Aksakov, K.S., 1875. Complete Works. Volume II. Philological Works. Part I. Moscow (in Russ.)].

Аксаков, К. С., 1880. Полное собрание сочинений. Том III. Сочинения филологические. Часть II. Опыт русской грамматики. М. [Aksakov, K.S., 1880. Complete Works. Volume III. Philological Works. Part II. An Essay on Russian Grammar. Moscow (in Russ.)].

Аннушкин, В. И., 2011. История русской риторики. М. [Annushkin, V.I., 2011. A History of Russian Rhetoric. Moscow (in Russ.)].

Арканникова, М. С. (ред.), 2022. Инженеры смыслов в новой реальности: тренды и практики коммуникационной индустрии. СПб. [Arkannikova, M.S., ed., 2022. Engineers of Meaning in the New Reality: Trends and Practices in the Communications Industry, St. Petersburg (in Russ.)].

Арканникова, М. С. (ред.), 2024. Инженеры смыслов: от концепта к профессионализации. СПб. [Arkannikova, M.S., ed., 2024. Engineers of Meaning: From Concept to Professionalization, St. Petersburg (in Russ.)] EDN: INHSIQ

Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., Черноризов, А. М., 2018. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М. [Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M., 2018. Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes, Moscow (in Russ.)].

Балакай, А. Г., 2001. Словарь русского речевого этикета. Формы доброжелательного обхождения. 2-е изд. М. [Balakay, A.G., 2001. Dictionary of Russian Speech Etiquette. Forms of Friendly Treatment. 2nd ed. Moscow (in Russ.)].

Батищев, Г. С. (ред.), 1987. Диалектика общения: гносеологические и мировоззренческие проблемы. М. [Batishchev, G.S., ed., 1987. Dialectics of communication: epistemological and ideological problems, Moscow (in Russ.)].

Бахтин, М. М., 1975. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. [Bakhtin, M.M., 1975. Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years, Moscow (in Russ.)].

Бахтин, М. М., 1979. Эстетика словесного творчества. М. [Bakhtin, M.M., 1979. Aesthetics of verbal creativity, Moscow (in Russ.)].

Бахтин, М.М., 1986. К философии поступка. *Философия и социология техники. Ежегодник. 1984 – 1985.* М., с. 80 – 160. [Bakhtin, M.M., 1986. To the philosophy of action. *Filosofija i sotsiologija tekhniki. Ezhegodnik. 1984 – 1985.* Moscow, pp. 80 – 160 (in Russ.).]

Библер, В.С., 1998. Диалектика и диалогика. *Архэ.* Вып. 3. М., с. 14 – 15. [Bibler, V.S., 1998. Dialectics and dialogics. *Arkhe.* Issue 3. Moscow, pp. 14 – 15 (in Russ.).]

Богин, Г.И., 2001. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М. [Bogin, G.I., 2001. *Gaining the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics.* Moscow (in Russ.).]

Брудный, А.А., 1996. Наука понимать. Бишкек [Brudny, A.A., 1996. *Science to understand.* Bishkek (in Russ.).]

Брудный, А.А., 1998. Психологическая герменевтика. М. [Brudny, A.A., 1998. *Psychological hermeneutics.* Moscow (in Russ.).]

Булгаков, С.Н., 2008. Философия имени. СПб. [Bulgakov, S.N., 2008. *Philosophy of the name,* St. Petersburg (in Russ.).]

Василькова, В.В., Козловский, В.В., Минина, В.Н. (ред.), 2005. Социальные коммуникации. Сборник программ и методических материалов к учебным курсам. СПб. [Vasil'kova, V.V., Kozlovsky, V.V., Minina, V.N., eds., 2005. *Social Communications. A Collection of Curriculums and Methodological Materials for Academic Courses.* St. Petersburg (in Russ.).]

Викулова, Л.Г., Шарунов, А.И., 2008. Основы теории коммуникации: практикум. М. [Vikulova, L.G., Sharunov, A.I., 2008. *Fundamentals of Communication Theory: A Practical Course.* Moscow (in Russ.)] EDN: VFBBBZ

Гавра, Д., 2011. Основы теории коммуникации. СПб. [Gavra, D., 2011. *Fundamentals of Communication Theory.* St. Petersburg (in Russ.).]

Гнатюк, О.Л., 2012. Основы теории коммуникации. М. [Gnatyuk, O.L., 2012. *Fundamentals of Communication Theory.* Moscow (in Russ.)] EDN: SUOBFL

Дзялошинский, И.М., Шариков, А.В., 2017. О современном состоянии и дальнейшем развитии сферы коммуникационных наук в России. *Медиаскоп*, 3. [Dzyaloshinsky, I.M., Sharikov, A.V., 2017. On Modern Condition and Future Development of the Sphere of Communication Sciences in Russia. *Mediaskop*, 3 (in Russ.)] EDN: ZRPWFP

Дридзе, Т.М., 1980. Язык и социальная психология. М. [Dridze, T.M., 1980. *Language and social psychology.* Moscow (in Russ.).]

Дридзе, Т.М., 1984. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. [Dridze, T.M., 1984. *Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology.* Moscow (in Russ.).]

Дридзе, Т.М. (ред.), 1994. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М. [Dridze, T.M., ed., 1994. *Predictive social design: Theoretical, methodological and methodological problems.* Moscow (in Russ.).]

Емелин, В.А., 2017. Идентичность в информационном обществе. М. [Emelin, V.A., 2017. *Identity in the Information Society.* Moscow (in Russ.).]

Золян, С.Т., 2022. Прагмасемантика – интерфейс и механизм смыслообразования. *Метод*, 2(2), с. 7 – 18. [Zolyan, S.T., 2022. Pragmasemantics – an Interface and Mechanism of Meaning Production. *Method*, 2(2), pp. 7 – 18 (in Russ.)] EDN: PEDLEX, <https://doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01>

Золян, С.Т., Тульчинский, Г.Л., 2024. Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М. [Zolyan, S.T., Tulchinskii, G.L., 2024. *Dynamics of Meaning: Deep Semiotics and Stereometric Semantics.* Moscow (in Russ.).]

Золян, С.Т., Тульчинский, Г.Л., Чернявская, В.Е., 2024. Прагмасемантика и философия языка. М. [Zolyan, S.T., Tulchinskii, G.L., Chernyavskaya, V.E., 2024. *Pragmasemantics and philosophy of language.* Moscow (in Russ.)] EDN: RSPTEO

- Иванов, В.В., 1976. *Очерки по истории семиотики в СССР*. М. [Ivanov, V.V., 1976. *Essays on the history of semiotics in the USSR*. Moscow (in Russ.)] EDN: UCFKRZ
- Иссерс, О.С., 2008. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М. [Issers, O.S., 2008. *Communication strategies and tactics of Russian speech*. Moscow (in Russ.)] EDN: UFGTIF
- Кирия, И.В., 2010. Социальная традиция российской модели коммуникации. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 1, с. 51–74. [Kyria, I.V., 2010. Social tradition of the Russian communication model. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, pp. 51–74 (in Russ.)] EDN: MOTIER
- Киященко, Л.П. (ред.), 2022. *Человек как открытая целостность*. Новосибирск. [Kiyashchenko, L.P. (ed.), 2022. *Man as open integrity*. Novosibirsk (in Russ.)] EDN: JWOMRO
- Клюканов, И.Э., 2021. Отечественные традиции теории коммуникации. *Журнал психолингвистики*, 4(50), с. 12–37. [Klyukanov, I.E., 2021. Russian traditions in the theory of communication. *Journal of Psycholinguistics*, 4(50), pp. 12–37 (in Russ.)] EDN: SRQQBV, <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37>
- Клюканов, И.Э., 2018. *Сообщение и забытие*. М.; СПб. [Klyukanov, I.E., 2018. *Communication and Forgetting*. Moscow; St. Petersburg (in Russ.)].
- Козловский, В.В. (ред.), 2011. *Социальная коммуникация: универсум профессиональной деятельности*. СПб. [Kozlovsky, V.V. (ed.), 2011. *Social communication: the universe of professional activity*. St. Petersburg (in Russ.)].
- Коломиец, В.П., 2014. *Медиасоциология: теория и практика*. М. [Kolomiets, V.P., 2014. *Media sociology: theory and practice*. Moscow (in Russ.)] EDN: WESMZN
- Леонтьев, А.А., 1969. *Язык, речь, речевая деятельность*. М. [Leontiev, A.A., 1969. *Language, speech, speech activity*. Moscow (in Russ.)] EDN: NKXEGF
- Леонтьев, А.Н., 1975. *Деятельность. Сознание. Личность*. М. [Leontiev, A.N., 1975. *Activity. Consciousness. Personality*, Moscow (in Russ.)] EDN: ZJUELZ
- Леонтьев, А.А., 1997. *Психология общения*. М. [Leontiev, A.A., 1997. *Psychology of communication*, Moscow, (in Russ.)] EDN: RYANNZ
- Леонтьев, А.А., 2001. *Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)*. М. [Leontiev, A.A., 2001. *Active mind (Activity, Sign, Personality)*. Moscow (in Russ.)].
- Леонтьев, Д.А., 2007. *Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие*. М. [Leontiev, D.A., 2007. *Psychology of meaning. The nature, structure and dynamics of semantic reality: a textbook*. Moscow (in Russ.)] EDN: QXQUUJ
- Лисенкова, А.А., 2021. *Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве*. Пермь. [Lisenkova, A.A., 2021. *Transformation of sociocultural identity in the digital space*. Perm (in Russ.)] EDN: TOSUPY
- Лосев, А.Ф., 2016. *Философия имени*. М. [Losev, A.F., 2016. *Philosophy of the name*. Moscow (in Russ.)].
- Лотман, Ю.М., 1981. Семиотика культуры и понятие текста. В: *Труды по знаковым системам. XII. Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту, с. 3–7. [Lotman, Yu.M., 1981. Semiotics of culture and the concept of text. In: *Sign Systems Studies XII. Scientific Notes of Tartu State University*. Tartu, pp. 3–7 (in Russ.)].
- Лотман, Ю.М., 1992. *Культура и взрыв*. М. [Lotman Yu.M., 1992. *Culture and explosion*. Moscow (in Russ.)].
- Луц, У., 2014. *Нагорная проповедь (Мф 5–7). Богословско-экзегетический комментарий*. Перевод Р. Штубеницкой. М. [Luz, U., 2014. *The Sermon on the Mount (Matthew 5–7). Theological and exegetical commentary*. Moscow (in Russ.)].
- Налимов, В.В., 1974. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков*. М. [Nalimov V.V., 1974. *Probabilistic model of language. On the Relation of natural and artificial languages*. Moscow (in Russ.)] EDN: QXGCTG

Налимов, В.В., 2007. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М. [Nalimov, V.V., 2007. *Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality*. Moscow (in Russ.)].

Новикова, А.А., Кирия, И.В., 2017. История и теория медиа. М. [Novikova, A. A., Kyria, I. V., 2017. *History and theory of media*. Moscow (in Russ.)] EDN: YJILMF

Панфилова, А.П., 1999. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб. [Panfilova, A.P., 1999. *Business communication in professional activities*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: SHIIPX

Петрова, А.Н., 1981. Сценическая речь. М. [Petrova, A.N., 1981. *Stage speech*. Moscow (in Russ.)].

Пивоваров, Ю.С., Фурсов, А.И., 2001. «Русская система» как попытка понимания русской истории. *Полис*, 4, с. 37–48. [Pivovarov, Yu.S., Fursov, A.I., 2001. "Russian system" as an essay of grasping Russian history. *Polis*, 4, pp. 37–48 (in Russ.)] EDN: ESCUBR

Поршнева, Б.Ф., 2007. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб. [Porshnev, B.F., 2007. *On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: VZYRNJ

Потебня, А.А., 1976. Эстетика и поэтика. М. [Potebnja, A. A., 1976. *Aesthetics and poetics*. Moscow (in Russ.)].

Почепцов, Г.Г., 1998. История русской семиотики до и после 1917 года. М. [Pocheptsov, G. G., 1998. *History of Russian semiotics before and after 1917*. Moscow (in Russ.)].

Почепцов, Г.Г., 2003. Теория коммуникации. М.; Киев. [Pocheptsov, G. G., 2003. *Communication theory*, Moscow; Kiev (in Russ.)].

Почепцов, Г.Г., 2008. Коммуникативный инжиниринг. Теория и практика. Киев. [Pocheptsov, G. G., 2008. *Communicative engineering. Theory and practice*. Kiev (in Russ.)].

Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А., 2011. Русские: коммуникативное поведение. М. [Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A., 2011. *Russians: Communicative behavior*. Moscow (in Russ.)] EDN: UVSTNN

Ситников, А.П., Гундарин, М.В., 2003. Победа без победителей: очерки теории прагматических коммуникаций. М. [Sitnikov, A.P., Gundarin, M.V., 2003. *Victory without winners: essays on the theory of pragmatic communications*. Moscow (in Russ.)].

Соколов, А.В., 2001. Метатеория социальной коммуникации. СПб. [Sokolov, A. V., 2001. *Metatheory of social communication*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: TLFEFZ

Соколов, А.В., 2011. Философия информации. Челябинск. [Sololov, A. V., 2011. *Philosophy of information*. Chelyabinsk (in Russ.)] EDN: QONPPL

Сулимов, В.А., 2003. Текстовая деятельность. Культура. Коммуникация. Сыктывкар. [Sulimov, V. A., 2003. *Text activity. Culture. Communication*. Syktyvkar (in Russ.)] EDN: QQWWKN

Сулимов, В.А., Фадеева, И.Е., 2004. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы. *Философские науки*, 4, с. 110–123. [Sulimov, V. A., Fadeeva, I. E., 2004. *Communicative space of modern culture: signs and symbols*. *Philosophical Sciences*, 4, pp. 110–123 (in Russ.)].

Троицкий, В.П., 2024. Тропа и Путь, или Ономатодоксия. СПб. [Troitsky, V.P., 2024. *The Path and the Way, or Onomatodoxy*. St. Petersburg (in Russ.)].

Тулъчинский, Г.Л., 1986. Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. Л. [Tulchinskii, G. L., 1986. *The Problem of Understanding Reality. Logical and Philosophical Analysis*. Leningrad (in Russ.)] EDN: XTYZUT

Тулъчинский, Г.Л. (ред.), 2021. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. СПб. [Tulchinskii, G. L., ed., 2021. *Fakes: Communication, Meaning, Responsibility*. St. Petersburg (in Russ.)].

Тульчинский, Г. Л., 2025. Предпосылки фашизма в цифровом обществе: вызов и возможные демпферы. В: *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VII международной научно-практической конференции* (27–29 ноября 2024 г.): ежегодник; выпуск 8 в 4-х ч. Ч. 3. М., с. 257–265. [Tulchinskii, G. L., 2025. Preconditions for Fascism in a Digital Society: Challenges and Possible Dampeners. In: *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference* (November 27–29, 2024): Yearbook; issue 8 in 4 parts. Part 3. Moscow, pp. 257–265 (in Russ.)] EDN: GHYSMF

Фадеева, И. Е., Сулимов, В. А., 2016. *Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации* (Республика Коми). СПб. [Fadeeva, I. E., Sylymov, V. A., 2016. *Man in the culture of the North: from modernity to modernization* (Komi Republic). St. Petersburg (in Russ.)].

Фещенко, В. В., 2020. Лингвозстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте. М. [Feshchenko, V. V., 2020. *The linguoesthetic turn in the theory of language and artistic linguistic experiment*. Moscow (in Russ.)] EDN: QSXAAT

Флоренский, П. А., 1990. *Сочинения: в 2 т.* Т. 2: У водоразделов мысли. М. [Florensky, P. A., 1990. *Works: in 2 volumes*. Vol. 2: At the Watersheds of Thought. Moscow (in Russ.)].

Чеклецов, В. В., 2015. Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 1(9), с. 70–84. [Chekletsov, V. V., 2015. Dynamical emergent interfaces of complex sociotechnical systems. *Philosophical problems of IT and Cyberspace*, 1(9), pp. 70–84. (in Russ.)] EDN: UACRCN, <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.1.18>

Шилова, В. А., 2015. *Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика*. М. [Shilova, V. A., 2015. *Communicative field of management: theory, methodology, practice*. Moscow (in Russ.)] EDN: VHJOYT

Шпет, Г. Г., 1914. *Явление и смысл: феноменология как основная наука и ее проблемы*. М. [Shpet, G. G., 1914. *Phenomenon and meaning. Phenomenology as a fundamental science and its problems*. Moscow (in Russ.)].

Шпет, Г. Г., 1916. Сознание и его собственник. В: *Статьи по философии и психологии*. М., с. 156–210. [Shpet, G. G., 1916. Consciousness and its owner. In: *Articles on philosophy and psychology*. Moscow, pp. 156–210 (in Russ.)].

Шпет, Г. Г., 1927. *Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта)*. М. [Shpet, G. G., 1927. *The internal form of the word (Etudes and variations on Humboldt themes)*, Moscow (in Russ.)].

Юшкова-Борисова, Ю., 2015. *Живое общение*. М. [Yushkova-Borisova, Yu., 2015. *Live communication*. Moscow (in Russ.)].

Badiou, A., 2007. *Being and Event*. Translated by O. Feltham. New York.

Craig, R., 1999. Communication Theory as a Field. *Communication Theory*, 9, p. 119–161.

Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York.

Galloway, A. R., Thacker, E. and Wark, M., 2014. *Ex-communication. Three inquiries in media and mediation*. Chicago, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226925233.001.0001>

Graham, L. and Kantor, J.-M., 2009. *Naming Infinity. A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity*. Cambridge, MA; London.

Hofstadter, D., 2007. *I am strange loop*. New York.

Leone, M., 2025. *Quantum Attention*. Available at: https://www.academia.edu/145518617/2025_Quantum_Attention [Accessed 23.12.2025].

Schramm, W., ed., 1963. *The science of human communication*. New York.

Tulchinskii, G.L., 2021. Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970–2000s. *Russian Journal of Communication*, 13(2), pp. 203–221, EDN: FNDXVT, <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1972829>

Waldstein, M., 2008. *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken.

Zolyan, S.T., Ilyin, M.V., Teslya, A.A. and Tulchinskii, G.L., 2025. Where and How Meanings Emerge. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 95(1), pp. 2–18, EDN: NCMENJ, <https://doi.org/10.1134/S1019331625600775>

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербургский государственный университет; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

SPIN-код: 9081-4712

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Особенности исследования коммуникации в России // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 6–25. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

COMMUNICATION RESEARCH IN RUSSIA: DISTINCTIVE FEATURES AND APPROACHES

Grigorii L. Tulchinskii

Higher School of Economics National Research University,
16 Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 Polytechnicheskaya St., St Petersburg, 195251, Russia

St. Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg 199034, Russia

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 07.06.2026

Accepted on 28.06.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1

The intensive transformation of social communication in the digital format is radically changing business activity, forms of employment, management, education, cultural industries, personal life, and the entire lifestyle. This is a large-scale and profound problem of developing an interdisciplinary approach that would solve two tasks: it would provide a common conceptual platform for analysis and, at the same time, be sufficiently operational, preserving the accumulated results and potential for further disciplinary research and develop-

ment. The Russian tradition of communication research is characterised by an expansive understanding of communication, in which social culture and personality are seen as complementary communicative entities by their very nature. Research focuses on several specific topics: meaning-making and understanding; apophatic semiosis and the role of subjectness; interdisciplinarity and convergence of a wide range of methods and approaches, both in the sciences and the humanities. Contemporary Russian communication studies are characterised by widely varying theoretical approaches and models, as well as the use of methods from a broad range of sciences. At the same time, communication practices themselves clearly tend toward integration. Any science is communicative to some extent because it is generated by and operates on the understanding of its subject as communication with and about nature, society, and one's own thoughts. If communication studies are a crossroads that many pass through but few stop at, then the Russian tradition has often focused and continues to focus on the crossroads itself. With its inherent interdisciplinary nature, it intertwines and synergises anthropology, cognitive science, linguistics, logical semantics, psychology, semiotics, sociology, artificial intelligence theory and practice, cultural theory and philosophy, urban studies, and more. The Russian tradition is of interest in the context of the intensive development of digital communication and the maturation of the proto-science of communication.

Keywords: apophatic semiosis, communication, language practices, meaning making, media-digitalization, semiotics, subjectness, understanding

Acknowledgments. This research was supported by the Russian Science Foundation under Grant №26-18-00672 "Sign and Meaning Production as Semiopoiesis in Language, Socio-Cultural Practices, and the Digital Environment" (<https://rscf.ru/project/26-18-00672/>) in Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

The author

Prof. Grigorii L. Tulchinskii, Professor, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; St. Petersburg State University; Immanuel Kant Baltic Federal University. Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii G.L., 2026, Communication research in Russia: distinctive features and approaches, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 6–25. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

КЛЮЧЕВАЯ МОРАЛЬ ЖЭНЬ В КНИГЕ «СУЖДЕНИЯ И БЕСЕДЫ» (ЛУНЬЮЙ) И ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ КИТАИСТОВ

Ван Цзиньлин, Юань Лиин, Чжан Симу

Чанчуньский университет,
Китай, 130022, Чанчунь, ул. Вэйсин, 6543
Поступила в редакцию 03.01.2026 г.
Принята к публикации 20.03.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-2

Рассмотрены взаимоотношения ключевых конфуцианских понятий, фигурирующих в «Пяти правилах» “五常”, которые изложены в книге «Суждения и беседы» (Луньюй). Выявлена многозначность наиболее важной морали Жэнь в различных контекстах книги, сопоставлены и проанализированы переводы российских китаистов на примере суждений, содержащих понятие «Жэнь». Цель исследования заключается в описании методов и стратегий перевода древнекитайского философского текста русскими китаистами на протяжении трехсот лет, выявлении недостатков и искажений в переводах и представлении нового перевода. В исследовании использованы описательный, историко-сравнительный, сопоставительный анализ и индуктивно-дедуктивный метод для выяснения значений ключевых понятий и их отношений в разных контекстах. Выявлено, что буквальный перевод и сохранение формальной структуры оригинального древнекитайского текста были характерны для работы многих русских китаистов. В более ранний период многие искажения в переводе были вызваны отсутствием достаточной информации у переводчиков об исторических знаниях, выражаемых в суждениях Конфуция. Чаще всего наблюдалось недопонимание или недовыражение подтекстуального и коннотативного смыслов. Сокращенная структура оригинального текста нередко обуславливала потерю логической связи между фразами в высказываниях и отсутствие философского смысла в переводах. Подробный предпереводческий анализ позволяет нам использовать стратегию перевода с восстановлением исходного замысла, тактику эксплицитной передачи подтекстуального смысла оригинала и добавления пропущенных членов предложения и связанных единиц.

Ключевые слова: Луньюй, мораль Жэнь, переводы российских китаистов, тактики перевода философского текста, эволюция значения понятия «Жэнь»

1. Введение

В китайском конфуцианстве понятия Жэнь (仁), И (义), Ли (礼), Чжи (智) и Синь (信) традиционно называются «Пятью правилами». В истории развития конфуцианства Конфуций (551–479 до н. э.) выдвинул систему, образованную из первых трех понятий — Жэнь, И, Ли. Потом Мэн Цзы (372–289 до н. э.) в книге «Дискуссия между Мэн Цзы и Гао Цзы о природе человека» (孟子·告子上) на основе учения Конфуция добавил понятие Чжи, позднее ученый и философ

Дун Чжуншу (179–104 до н.э.) в книгах «Процветание периода Чунь-чү» (春秋繁露·基义) и «Первые меры по избиранию добродетельных» (举贤良对策一) расширил конфуцианскую систему до пяти правил с добавлением новой категории Синь и учредил эти правила как постоянные для нормализации поведения человека.

Рационалист Чжу Си (朱熹) из династии южной Сун в своих книгах «Подборка цитат из диалогов между Чжу Си и его учеников» (朱子语类) и «Сборник стихов, писем и научных статей Чжу Си» (朱子文集) сравнивал функции этих пяти правил с функциями неба и земли, считая, что именно в этих пяти правилах заключается конкретное воплощение разума неба и земли в человеческой природе и социальной этике.

Мы покажем основные значения этих пяти понятий и рассмотрим их взаимоотношения, сделаем акцент на ключевом понятии «Жэнь», изложенном в классике конфуцианства «Луныюй» («Суждения и беседы»), и проанализируем его философские значения в разных контекстах по беседам Конфуция со своими учениками, представленным в книге «Луныюй», а также проанализируем переводы суждений с объяснением понятия «Жэнь», осуществленные российскими китаистами в разное время, выявив адекватность передачи ими общего контекстуального смысла высказываний, где объясняется мораль «Жэнь».

2. Основные конфуцианские понятия и их взаимоотношения

В китайском конфуцианстве понятия Жэнь仁, И义, Ли礼, Чжи智, Синь信, называемые общим термином «Пять правил», являются основными моральными требованиями к индивидуальному самосовершенствованию и нормами поведения человека. Они стали также основными правилами для налаживания взаимоотношений между людьми в Китае с древних времен (Peng Fei et al. 2021, p. 139).

Среди них первое место занимает категория «Жэнь», которая является универсальной моралью и имеет ключевое значение «любить других», требует от человека сочувствовать, заботиться, любить, уважать и помогать другим. Идеологема «Жэнь» подчеркивает такие качества, как близкие отношения между людьми, взаимное внимание и забота, ответственность с точки зрения социальной справедливости, уважение к другим, скромность в поведении, стремление к гармонии общества и человеческому счастью и т. д. (Fang Ling, Lin Qingqing 2023, p. 39).

На втором месте находится понятие «И», основное значение которого заключается в требовании к целесообразности и разумности поведения. Это понятие является основным моральным принципом в отношениях между людьми и при различении добра от зла. Стержнем содержания у понятия «И» является акцент на уважении талантливых людей.

Третье понятие «Ли» включает три уровня значения: (1) соблюдение традиций и обычаев, (2) действие в соответствии с нормами нравственности, (3) действие в соответствии с политическими и юридическими правилами (Yang Tianyu 2004, p. 109). Понятие «Ли» является правилом для установления социального порядка и урегулирования

межчеловеческих отношений. Ли представляет собой внешнее проявление понятия «Жэнь» и конкретизирует способы реализации понятия «И» (Wang Yi, Wang Zaorong 2025).

Четвертым понятием конфуцианства является «Чжи», которое подразумевает мудрость, то есть способность отличать правильное от неправильного, доброе от злого. Наличие морали Чжи становится предпосылкой и инструментом для реализации предыдущих трех моралей — Жэнь, И и Ли.

Пятое понятие «Синь», обозначающее честность, требует быть правдивым и не творить зло, действовать так, чтобы слова соответствовали поступкам.

Среди этих пяти основных правил конфуцианства понятие «Жэнь» является ключевым, оно основано на любви к другим, подчеркивая нравственную сознательность от заботы о себе до заботы о других при соблюдении принципа альтруизма. Понятие «Ли» коренится в традиции династии Западной Чжоу с требованием соблюдать определенные ритуалы по отношению к другим и развивалось как внешнее проявление уважения к другим. Оно подчеркивает почтение к себе, к другим, к семье, к обществу и к государству. Ли соответствует ключевому значению «Жэнь». Конфуций в своем высказывании «Сдерживать себя, с тем чтобы в речи и поступках соответствовать требованиям ритуала, — это и есть человеколюбие» (克己复礼为仁) («Луныюй. Яньюань» (论语 颜渊); здесь и далее перевод авторов статьи) четко объяснил отношения между этими двумя центральными понятиями конфуцианства: понятие «Ли» (ритуал) относится к этическим категориям, а «Жэнь» (человеколюбие) обозначает нравственное качество человека. Эти пять моральных категорий в современном китайском обществе продолжают действовать как традиционные высокие моральные обязательства и проявляются в социальном управлении. Жэнь воспринимается как уважение к народу, забота о народе; И подчеркивает стремление к справедливости и честности; Ли требует уважения к общественной морали, к соблюдению социальных этикетов; под понятием «Чжи» понимается уважение к знаниям и стремление к истине; в понятии «Синь» подчеркивается верность долгу, честность и стремление заслужить доверие (Wang Li 2013). Среди этих основных правил китайского конфуцианства самое важное место занимает категория «Жэнь», без которой не может быть и речи о других качествах. Далее рассмотрим подробнее понятие «Жэнь» и эволюцию его значений.

3. Эволюция значений понятия «Жэнь» у Конфуция

«Луныюй» представляет конфуцианскую концепцию нравственных, моральных и этических качеств индивида в ходе изложения беседы Конфуция со своими учениками. Эта книга является наиболее важным классическим и влиятельным шедевром традиционной китайской культуры. Ключевой идеологемой, введенной Конфуцием, является понятие «Жэнь» (仁). В китайском языке иероглиф 仁 образуется от

двух частей: 人 (человек) и 二 (два), что означает взаимные близкие отношения и любовь между людьми. Сущностный компонент этого понятия — это любовь к другим. Это этическое понятие появлялось в древнем стихотворном сборнике «Шицзин» (составлен в 1046—501 годах до н.э.) в таких фразеах: 洵美且仁 в значении: 他确实英俊又仁慈. (*Он действительно красивый и добросердечный*) («Шицзин. Чжэнфэн. Шуюй-тянь» (诗经·郑风·叔于田)); 卢令令, 其人美且仁 в значении: “黑猎犬项上的铃声响个不停, 那个猎人形象好又有好品行”. (*На шее у гончей все время звучит колокольчик на воротнике, у того охотника красивый вид и добрые качества*) («Шицзин. Цифэн. Лулин» (诗经·齐风·卢令)). Однако из этих примеров не было четкого понимания, какое значение подразумевается под словом «Жэнь». Только к периоду Чуньчу (770—476 до н.э.) значение понятия «Жэнь» стало более ясным. В хронике политических речей важных фигур 8 государств за 990—453 годы до н.э. («Исторические события государства Цзинь», часть 1; 国语·晋语) было дано более четкое определение слова «Жэнь»: «тот, кто любит своих родных, называется человеком-Жэнь» (为仁者, 爱亲之为仁). Это было первое этическое значение слова «Жэнь» в китайской культуре. Однако Конфуций придал более широкое значение этому понятию. Как писал Л. С. Васильев, «гуманность, по Конфуцию, значила очень многое. Она предполагала сдержанность, скромность, ум, доброту, беспристрастие, чувство справедливости. Гуманный человек должен был выше всего ставить любовь к людям; он должен быть лишен эгоистических помыслов и все свои силы и способности отдавать на благо других» (Васильев 2015, с. 111). По подсчетам исследователя Ян Боцзюнь (Yang Bojun), в книге «Луньюй» слово «Жэнь» появлялось 109 раз, в большинстве случаев оно звучало в речи Конфуция, тогда как в «Шицзин» и «Шаньшу» это слово появлялось только 7 раз, что говорит об особом акценте Конфуция на этой идеологеме (Yang 1980, p. 96). Отсюда видим, что в разных контекстах слово «Жэнь» имеет различные значения.

Когда Конфуций сказал: «Благородный человек сосредоточивает свое внимание на основе существования человека, когда основа сложится, то рождается правильный путь. Почтение к родителям, уважение и любовь к своим старшим братьям — вот в чем заключается основа человеколюбия» (君子务本, 本立而道生, 孝弟也者, 其为仁之本与! ; «Луньюй. Сюэр» (论语·学而)), то в слове «Жэнь» (仁) он видел наследие первоначального значения из древнего комментария к книге «国语·晋语一»: «Любовь к своим родным — это и есть “Жэнь”». Таким образом, Конфуций признает первоначальным значением слова «Жэнь» «любовь к своим родителям и братьям». А в другом высказывании «Фань Чи спросил: “Что такое Жэнь”? Конфуций ответил: “Жэнь значит *любить других*”» (樊迟问仁。子曰: ‘爱人’。; «论语·颜渊») «любить других» — это ключевой семантический компонент понятия «Жэнь». Конфуций придал этому понятию более высокое значение: в этом контексте слово «Жэнь» обозначает уже не только любовь к своим родным, а включает и любовь к другим людям. Концепция «Жэнь» у Конфуция стала распространяться от семейных отношений до всего общества, добродетель

Жэнь стала более широким понятием и необходимым требованием к морали человека. Конфуций определяет суть морали Жэнь как эмоциональную заботу обо всех людях без ограничений. В идеологии Конфуция мораль Жэнь для человека является первенствующим качеством, она должна стать высочайшей нравственной целью человека.

В «Луньюй» специально обсуждалась идеология с моралью Жэнь в четвертой главе, представленной в 26 высказываниях. Добродетель Жэнь с духовной сутью любви для управления общественной жизнью функционирует как социальная норма, что отражается в двух формах — активной и пассивной. Соответственно, они проявляются в двух человеческих качествах: 忠恕 (чжон-шу) — искренность (верность) и прощение (Hu Wanqi 2023, p. 100). Значение искренности (верности) у понятия Жэнь конкретизируется в следующих фразах: 夫仁者，己欲立而立人，己欲达而达人。 («Луньюй. Юнье» (论语·雍也)) в значении: *Человеколюбивый человек — это тот, кто сам стремится добиться лучшего осуществления дел и одновременно помогает в этом и другим.* В этом заключается активный аспект добродетели Жэнь, что подчеркивается Конфуцием тем, что человеку внутренне сознательно хочется быть человеколюбивым, а внешне эта сознательность проявляется в любви к другим. По концепции Конфуция, Жэнь принадлежит к этическим стандартам, является главенствующей моралью человека, относится к свойству человека, без которой человек не может называться человеком (Zhang Xichen 1978, p. 321). Такое значение отражается в высказывании Конфуция в третьей главе «Луньюй» («Луньюй. Бай» (论语·八佾)): 人而不仁，如礼何？人而不仁，如乐何？ в значении: *Если человек не обладает человеколюбием, то как он может соблюдать ритуал? Если человек не обладает человеколюбием, то о какой музыке может идти речь?* То есть ритуал и музыка как основные качества человека в общественной жизни будут иметь значение только тогда, когда человек сам будет человеколюбив. Наличие качества человеколюбия — это предпосылка существования всех других положительных качеств. Если человек теряет свойство человеколюбия, то он не отличается от других животных. А другой важный аспект морали Жэнь в значении активной помощи другим подчеркивает уважение к людям, избегание навязывания себя им. Это значение проявляется в известном изречении Конфуция: 己所不欲，勿施于人 (*Не делай людям того, чего не желаешь себе*) («Луньюй. Яньюань» (论语·颜渊)). Конфуций против того, чтобы исходить от собственного мнения, потому что другой человек как отдельная личность, может во многом отличаться от меня, мы не имеем права навязывать свои мнения и предпочтения другому (Wu Xinghua 2013).

У понятия «Жэнь» как в его положительном аспекте (искренность к другим и помощь им), так и в пассивном (понимание и уважение к другим) отражается сущностный признак морали Жэнь — любовь к другим людям. Эту мораль Конфуций всегда ставил в первую очередь в воспитании своих учеников и в то же время всегда следовал ей в своем поведении.

Наряду со значениями «любить своих родных» и «любить других» мораль Жэнь дополняется и другими смысловыми компонентами. Это

выражается в суждении Конфуция: «唯仁者能好人，能恶人。」 (Только человеколюбивый человек может любить других и ненавидеть отвратительных) («Луньюй. Лижэнь» (论语·里仁)). Значение этого суждения говорит о том, что только человек с моралью Жэнь способен отличать хорошее от плохого, правильное от неправильного. Конфуций подчеркивает, что если человек не может различать правильное от неправильного, хорошее от плохого, он не может, исходя из принципа справедливости, называться человеколюбивым. Умение различать хорошее и плохое становится третьим значением понятия Жэнь.

Четвертое значение заключается в сознательном отстранении от зла и действиях по-доброму. Такое значение отражается в следующем высказывании: «苟志于仁矣，无恶也。」 (Тот, кто искренне стремится к человеколюбию, зла от него не будет) («Луньюй. Лижэнь» (论语·里仁)).

Человеческая мораль Жэнь обладает общественным характером (Li Zehou 2015, p. 298). Концепция Конфуция под понятием «Жэнь» должна осуществляться на разных уровнях: на уровне семьи мораль Жэнь важна для создания гармоничной домашней обстановки и близких отношений между родными и родственниками на основе почтения к старшему поколению и уважения друг к другу; на уровне общественной жизни под словом «Жэнь» проявляется забота и поддержка слабых, содействие социальной справедливости и стабильности в обществе; на уровне международного общения понятие «Жэнь» является мостом для инициативы в создании мира, дружбы и сотрудничества между странами и регионами. Когда каждый человек относится к другим с честностью, искренностью и любовью, то в семье, обществе и мире будет больше гармонии и процветания.

С помощью морали Жэнь Конфуций подчеркивает роль индивидуальной личности. В книге «Луньюй» он во многих случаях высказал уважение к морали Жэнь и выразил надежду на то, чтобы каждый человек поставил эту мораль как свое нравственное целеустремление на всю жизнь. В настоящее время в международных отношениях как раз не хватает такой концепции гармонии. Конфуцианство как никогда должно привлечь внимание всего человечества, призывая создать между людьми и между государствами взаимодоверие, взаимопонимание и взаимоподдержку. В этом мы видим огромную актуальность учений конфуцианства и распространения переводов конфуцианской классики «Луньюй» на фоне современного турбулентного мирового сообщества.

4. Анализ выполненных российскими китаистами переводов высказываний, содержащих понятие «Жэнь» в книге «Луньюй»

История перевода древнекитайской конфуцианской литературы «Луньюй» на русский язык началась с деятельности российских православных миссий в Пекине с 1715 до 1956 г. (Ли Юйхань, Ли Минхуэй 2022, с. 434). К настоящему моменту существует ряд полных или частичных переводов «Луньюй» на русский язык, выполненных в разное

время В. М. Алексеевым (1978), Л. И. Головачёвой (1992), Л. С. Переломовым (1998; 2000) и др. Далее в статье мы будем сравнивать переводы В. П. Васильева, П. С. Попова, В. А. Кривцова, И. И. Семененко, А. Е. Лукьянова (Беседы... 1999).

4.1. Трудности перевода «Луньюй» на русский язык

За почти триста лет становления перевода древнекитайской литературы в России конфуцианское произведение «Луньюй» подвергалось различным трактовкам. Это связано с особым культурным и историческим контекстом, различными целями и методами переводчиков. В переводе неизбежно появляются некоторые неточности и отклонения от оригинальных текстов. Более того, текст «Луньюй» отличается краткостью, глубокими смыслами, многочисленными культурно насыщенными словами. В переводе этого произведения на любой иностранный язык чаще возникают семантическое отсутствие и культурная неуместность (Zhang Kai 2026, p. 164). Эти обстоятельства значительно влияют на качество перевода, и возникает немало случаев ошибок и неточностей в работе российских переводчиков. Типы неточных переводов в основном проявляются в двух случаях: 1) неточное понимание многозначных иероглифов древнего китайского языка и игнорирование заимствования связи, изменения буквального значения слова, использования 通假字 (тун-цзя-цзы), которые имели одинаковое или схожее произношение, разные варианты написания, но одно и то же значение, а также стратегий использования существительных и прилагательных в качестве глаголов (Tian 2006, p. 68); 2) отсутствие контекстуального значения слов из-за дословного перевода без восстановления расширенного контекста под сокращенной формой выражения в древнем китайском языке. Из-за неполного или недостаточного понимания языковых особенностей произведения «Луньюй» российские переводчики часто допускали ошибки и нарушения логики текста. Поэтому возникает необходимость проанализировать причины возникновения ошибок и искажений оригинального текста.

4.2. Анализ некоторых переводов высказываний «Луньюй», содержащих понятие «Жэнь»

Книга «Луньюй» и включенные в ней конфуцианские идеи переводили на русский язык в разное время по-разному, они различными способами понимались и отображались, в них было отмечено немало ошибок из-за неправильного прочтения оригинального философского текста. Естественно, были созданы много вариантов и образов в переводе ключевых конфуцианских понятий, в частности центрального понятия «Жэнь».

«Жэнь» — самое главное понятие конфуцианской идеологии, оно имеет широкое содержание и образует универсальную нравственно-моральную систему. А в книге «Луньюй» Конфуций выявил его разные контекстуальные идеи и способы их реализации (Zhou Xinkai 2016,

р. 59). Значения этого понятия проявляются во многих аспектах: 1) суждения, где объясняются сущностные значения понятия «Жэнь»; 2) фразы, где излагаются требования морали Жэнь к поведению человека; 3) высказывания, в которых объясняются способы реализации морали Жэнь на практике и методы ее воспитания в человеке; 4) фразы, где описывается роль морали Жэнь в формировании человеческой личности (Huang Huaixin 2007, р. 6–7).

Далее мы на примерах переводов высказываний, содержащих понятие «Жэнь», сделанных пятью российскими китаистами в разное время, проанализируем нюансы перевода, приводящие к неточности и неадекватности для восприятия конфуцианской идеи. Для сравнения и сопоставления мы представим перевод с древнего на современный китайский, осуществляемый известным китайским исследователем «Луньюй» Ян Боцзюнем (Yang 2009, р. 201, 298) и наш перевод, а также проанализируем адекватность перевода каждого переводчика и попытаемся выяснить причины возникновения отклонений и неточностей.

4.2.1. Сущностные значения слова «Жэнь» и способы его перевода на русский язык

1. Центральное значение у морали Жэнь состоит в любви к другим. В этом определении подчеркивается эмоциональное свойство понятия «Жэнь», распространяется любовь между людьми от кровных и родственных отношений до социального братства. Но такая любовь ограничивается ритуалом (Ли).

Рассмотрим такое значение морали Жэнь и сопоставим переводы российских китаистов в следующих высказываниях.

樊迟问仁。子曰：「爱人。」 («Луньюй. Яньюань» (论语 颜渊)) 今译： 樊迟问仁。孔子道：「爱人。」 Фань Чи спросил о человеколюбии. Конфуций ответил: — Это значит «любить других» (перевод авторов статьи)	Фань-чи спросил: «(Что такое) <u>человеколюбие</u> (любовь)?» Философ сказал: «(Это значит) — любить людей» (перевод В. П. Васильева)
	На вопрос Фань-чи о <u>человеколюбии</u> (гуманности) Философ отвечал: «Гуманность — это любовь к людям» (перевод П. С. Попова)
	Фань Чи спросил о <u>человеколюбии</u> . Учитель ответил: «Это значит любить людей» (перевод В. А. Кривцова)
	Фань Чи спросил о том, что такое <u>человечность</u> . Учитель ответил: — Это любовь к людям (перевод И. И. Семененко) Фань Чи спросил о <u>человеколюбии</u> . Учитель ответил: — Это значит любить людей (перевод А. Е. Лукьянова)

В переводе этого высказывания под понятием «Жэнь» российские китаисты дали три варианта: *человеколюбие*, *гуманность* и *человечность*. По «Толковому словарю русского языка онлайн» (sinonim.org) *гуманность* (от лат. *humanus* 'человеческий') означает любовь и внимание к

человеку, уважение к человеческой личности; человеколюбие. Это система установок личности по отношению к человеку, группе, обусловленная нравственными нормами и ценностями, представленная в сознании переживаниями сострадания и сорадования и реализуемая в общении и деятельности в актах содействия, помощи. *Человечность* — свойство по значению прилагательного «человечный»; то же, что человеколюбие, гуманность. Человечность есть высшая добродетель, высшее достоинство человека, потому что без нее человек есть только животное. *Человеколюбие* — любовь к человечеству, к людям, готовность помочь им, гуманность.

Из этих определений видно, что, несмотря на то что все три слова являются синонимами, но слово «человечность» — более абстрактное понятие о добродетели человека, отличающей человека от животного. Слово «гуманность» также носит более абстрактный характер. В этом контексте Конфуций, отвечая на вопрос своего ученика, что такое качество человека Жэнь, имеет в виду более универсальное нравственное значение этого человеческого качества, поэтому мы предпочитаем вариант «человеколюбие», то есть любовь к людям, готовность помочь им. Эти два элемента как раз отражают на практике реализации морали Жэнь по правилам чжон-шу (忠恕), где 忠 означает верность и искренность по отношению к другим, 恕 имеет буквальное значение «прощать» (в конфуцианском учении это слово означает «думать о других на основе альтруизма, помогать другим так, как самому себе», то есть любить и помогать). В нашем случае переводчики Васильев, Попов (который дал и второй вариант — «гуманизм»), Кривцов и Лукьянов выбрали слово «человеколюбие» для перевода понятия «Жэнь», и только Семененко выбрал слово «человечность» для передачи «Жэнь» на русский язык.

Более того, все переводчики буквально перевели словосочетание 爱人 как «любовь к людям» или «любить людей». Мы считаем, что Конфуций подразумевал под этим словосочетанием именно «любить не только своих родных, но и других людей», тут он подчеркивал искреннюю любовь к окружающим людям. Поэтому мы в своем переводе использовали «любить других». В этих переводах также привлекается внимание способ передачи имени собственного, когда переводчики не имели возможности уяснить фоновые знания древнего Китая об официальном имени, имени для обращения Цзы (字), что привело к неправильной передаче имен собственных в форме одной части с помощью дефиса и вторая часть с маленькой буквы в переводах Васильева и Попова: Фань-чи. А правильным вариантом является передача фамилии и имени раздельно с большой буквы: Фань Чи. Таких ошибок в переводах разных переводчиков было много и особенно там, где нужно писать слитно (имя-прозвище без фамилии).

2. Жэнь проявляется во взаимодействии с моралью Ли — вести себя в соответствии с требованием ритуалов (Ли), придерживаясь принципа сдержанности. Мораль Жэнь является внутренней сознательной добродетелью, а соблюдение ритуалов представляет собой внешнюю нор-

му поведения, Жэнь и Ли соотносятся как внутреннее и внешнее качество человека. В этом значении Жэнь подчеркивается соблюдение ритуалов как нормы поведения человека в реализации морали Жэнь, то есть без соблюдения ритуала нельзя совершать любое действие. Это значение проявляется в следующем высказывании:

颜渊问仁。子曰：「克己复礼为仁」 («Луньюй. Яньюань» (论语)) 今译： 颜渊问仁德。孔子道：「抑制自己，使言语行动都合于礼，就是仁。」	Янь-юань спросил: «(Что такое) человеколюбие, (добродетель, любовь, святость)?» Философ сказал: « <u>Превозмочь себя</u> (свои страсти) и <u>возвратить</u> , (обратно получить в первобытном виде <u>внешние</u>) церемонии составляет человеколюбие» (перевод В.П. Васильева)
Янь Юань спросил о человеколюбии.	На вопрос Янь-юаня о <u>гуманизме</u> Конфуций сказал: « <u>Победить себя и вернуться к церемониям</u> значит стать гуманистом» (перевод П.С. Попова)
Конфуций ответил: — Сдерживать себя, чтобы своя речь и поступки соответствовали требованиям ритуала, — это и есть человеколюбие (перевод авторов статьи)	Янь Юань спросил о <u>человеколюбии</u> . Учитель ответил: «Сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, — это и есть человеколюбие» (перевод В.А. Кривцова)
	Янь Юань спросил о том, что такое <u>человечность</u> . Учитель ответил: — Быть человеческим — значит <u>победить себя</u> и обратиться к ритуалу, все в Поднебесной признают, что ты человек (перевод И.И. Семененко)
	Янь Юань спросил о <u>человеколюбии</u> . Учитель ответил: — Победить себя и обратиться к ритуалу — это и есть человеколюбие (перевод А.Е. Лукьянова)

В этом контексте Попов использует слово «гуманизм» как замену ранее употребленного «человеколюбие». Для этого суждения все переводчики применили метод буквального перевода и из-за этого не смогли передать значение и логику философского контекста за исключением перевода Кривцова. Семененко даже добавил лишнюю фразу в качестве компенсации: «все в Поднебесной признают, что ты человек». Здесь самое большое отклонение отмечается в передаче значения древнекитайских слов 克己复礼, которые имеют расширенное семантическое значение: слово 克己 здесь означает «сдерживать себя в говорении и в поступках», а не «победить себя». Слово 复礼 имеет значение «делать так, чтобы свои речи и поступки соответствовали требованиям ритуалов», а не «возвратить церемонии». Как видим, в этих переводах был потерян оригинальный философский смысл высказывания Конфуция.

3. Мораль Жэнь проявляется в практике активной помощи другим и отсутствии навязывания другим того, чего сами себе не желаем. Мораль Жэнь требует относиться к другим исходя из их точки зрения, думая об их выгоде. Эти две стороны образуют методы достижения морали Жэнь. Рассмотрим вопросы перевода через следующий пример:

子曰: «夫仁者, 己欲立而立人, 己欲达而达人。」 («Луньюй. Юнье» 论语» 雍也)) 今译: 孔子道: «仁是什么呢? 自己要站得住, 同时也使别人站得住; 自己要事事行得通, 同时也使别人事事行得通。」 Конфуций ответил: «Каким должен быть человеколюбивый человек? Это тот, кто, стараясь упрочиться, помогает другим упрочиться, стремясь добиться успехов во всех отношениях, помогает и другим добиться этого» (перевод авторов статьи)	Конфуций сказал: «човеколюбивый (там, где) желает посвятить себя, (желает, чтобы) стояли и люди, (что) желает сам постигнуть, (желает, чтобы) постигли и люди» (перевод В.П. Васильева)
	Философ сказал: Гуманист сам, желая иметь устои, создает их и для других; сам, желая развиваться, развивает и других» (перевод П.С. Попова)
	Учитель ответил: «Човеколюбивый человек — это тот, кто, стремясь укрепить себя [на правильном пути], помогает в этом и другим, стремясь добиться лучшего осуществления дел, помогает в этом и другим» (перевод В.А. Кривцова)
	Учитель ответил: Кто человечен, тот дает другим опору, желая сам ее иметь, и помогает им достичь успеха, желая сам его достигнуть (перевод И.И. Семененко)
	Учитель ответил: Човеколюбивый — это тот, кто сам желая утвердиться, утверждает и других, кто сам желая возвыситься, возвышает и других (перевод А.Е. Лукьянова)

В этом контексте идея Конфуция заключается в том, что качество Жэнь (човеколюбие) требует от человека быть полезным для других людей: он должен не только сам развиваться и утверждаться в обществе, но и развивать других. Анализируя вышеуказанные переводы этого суждения, отметим, что, несмотря на то что эти переводчики использовали разные слова, они передали смысл оригинального текста, то есть именно то, что подчеркивал Конфуций: надо активно помогать другим, вставать на место других на основе принципа альтруизма. Эту главную идею под словом «Жэнь» наиболее близко к оригинальному тексту передали Кривцов и Лукьянов; в переводе Попова использовано слово «устои», а Семененко — «опора», что, на наш взгляд, не очень адекватно для этого контекста, потому что в контексте 己欲立而立人 первое слово 立 означает «утверждаться и развиваться в обществе», а второе — 立 — является переходным глаголом в значении «помочь другим утверждаться и развиваться». На наш взгляд, самый неудачный перевод для этого контекста сделал Васильев, который дал дословное объяснение слова 立 через одно из современных значений «стоять». Ясно, что в этом случае из-за неправильного выбора значения слова 立 перевод всего высказывания становится не очень понятным.

4.2.2. Требования морали Жэнь к поведению человека

Конфуций подчеркивал, что человек, стремящийся к морали Жэнь, не может быть злым, потому что мораль Жэнь естественным образом приводит его к нравственной сознательности (Hu Yonghui, Hong Xiu-

ping 2015, p. 26–27) и тем самым к добрым поступкам. Это говорит о том, что наличие морали Жэнь не позволяет человеку совершать плохие и злые поступки. Мораль Жэнь становится в реальной жизни инструментом для достижения сознательного самосовершенствования. Конфуций против того, чтобы человек поступал по морали Жэнь только тогда, когда видит выгоду для себя (Cheng Shude 1990, p. 229). Человек с такой моралью способен отличать правильное от неправильного, может любить или ненавидеть кого-либо, обладает справедливым отношением к другим — любит или ненавидит только исходя из нравственности, а не из собственной выгоды или предпочтения. Мораль Жэнь требует быть сердечным, искренним и справедливым, внутренне и внешне единым. Такие требования к человеку указывают, как нужно правильно вести себя. Приведем следующие примеры со словом «Жэнь» в переводе разных российских китаеведов.

子曰: «苟志于仁矣, 无恶也。」 (《Лунь-юй. Лижэнь》(论语·里仁)) 今译: 孔子说: «假如立定志向实行仁德, 总没有坏处。」 Конфуций сказал: «Тот, кто искренне стремится к человеколюбию, не сделает дурного» (перевод авторов статьи)	Конфуций сказал: «Если есть (искреннее) стремление к человеколюбию, то не (может выйти) дурного (дела)» (перевод В.П. Васильева)
	Философ сказал: «Если у кого есть искреннее стремление к гуманности, то тот не сделает зла» (перевод П.С. Попова)
	Учитель сказал: «Тот, кто искренне стремится к человеколюбию, не совершит зла» (перевод В.А. Кривцова)
	Учитель говорит: — Устремленность к человечности освобождает от всего дурного (перевод И.И. Семененко)
	— Если направить помыслы к человеколюбию, не будет зла (перевод А.Е. Лукьянова)

Сравнивая переводы, мы видим, что у Васильева, Лукьянова и Семененко отсутствует субъект действия, так как переводчики строго соблюдали структуру оригинального древнекитайского текста, не учитывая инициативу человека с моралью Жэнь. Такая структура в древнекитайском языке является типичным способом сокращения, для перевода на другой язык прежде всего надо восстановить структуру с добавлением необходимых членов предложения. В этом случае нужно добавить подлежащее: «тот, кто». Во всех этих переводах правильно понимали значение слова 惡 (читается как è) «зло, дурное дело», а не в его глагольном значении 惡 (wù) «ненавидеть», «отвращать». Конфуций в этом суждении подчеркивал, что когда человек устремляется осуществлять человеколюбие, то его поведение исходит из того, соответствуют ли оно правилу Жэнь, и во всех своих поступках он избегает того, чтобы причинять вред другим и приносить только себе пользу.

Иными словами, человеколюбие делает человека только лучшим. Мы считаем переводы этого высказывания у Попова и Кривцова более адекватными и близкими по смыслу к оригинальному тексту.

子曰: «唯仁者能好人, 能恶人。」 » («Луныюй. Лижэнь» 论语» 里仁)) 今译: 孔子说: «只有仁人才能够喜爱某人, 厌恶某人.» Конфуций сказал: «Только человеколюбивый может любить кого-то и испытывать отвращение к кому-то, то есть он всегда умеет объективно и справедливо оценить человека, различать хорошего от плохого» (перевод авторов статьи)	Конфуций сказал: «Только человеколюбивый может любить людей и (иметь право) ненавидеть их» (перевод В.П. Васильева)
	Философ сказал: «Только гуманист может любить людей и ненавидеть их» (перевод П. С. Попова)
	Учитель сказал: «Только обладающий человеколюбием может любить людей и ненавидеть людей» (перевод В.А. Кривцова)
	Учитель говорил: — Лишь тот, кто человечен, умеет и любить людей, и испытывать к ним отвращение (перевод И.И. Семененко) Учитель сказал: — Только человеколюбивый может любить людей и может ненавидеть их. (перевод А.Е. Лукьянова)

В оригинальном тексте скрыт подтекст: только человеколюбивый человек может объективно и справедливо относиться к людям — любить и ненавидеть кого-то только исходя из объективной и справедливой оценки. Это одно из важных качеств человеколюбивой личности. Из этих переводов, мы считаем, что только у Семененко было передано подтекстуальное значение оригинала. Остальные переводы дали лишь буквальный перевод, а глубинное философское значение суждения передано не было. Особо нужно отметить, что в переводе Васильева были добавлены слова «иметь право»: «Только человеколюбивый может любить людей и (иметь право) ненавидеть их». Это значит, что если человек не человеколюбив, он даже не имеет права ненавидеть других. То, что человеколюбивый человек якобы обладает какой-то привилегией ненавидеть других людей, противостоит ключевому значению понятия «Жэнь» — «любить других вне зависимости от их социального статуса». Но в этом контексте акцент ставится на способности человеколюбивого человека объективно и справедливо относиться к хорошему и плохому, на умении решать, каких людей ценить, а каким надо откровенно показывать свое отвращение, с кем можно активно общаться, а от кого надо отдаляться и таким путем перевоспитывать злых людей, чтобы они обратились к добру. Мы в своем переводе эксплицитно компенсировали подтекстуальное значение с помощью комментирования оригинального суждения.

4.2.3. Способы формирования и воспитания морали Жэнь в человеке

Мораль Жэнь является самой высокой целеустремленностью человека, она требует постоянного совершенствования в течение всей жизни, но она не так далека. Все зависит от внутренней самосознательно-

сти, если человек хочет достичь этой высокой нравственной цели, то он ее достигнет. Осуществление такой цели также не зависит от внешней силы, здесь подчеркивается субъективная инициатива человека в формировании своей морали. В то же время окружающая обстановка также играет роль для воспитания в человеке высокой морали Жэнь. Когда человек общается и дружит с человеколюбивым человеком, то под влиянием другого он может постоянно совершенствоваться и обретать эту высокую мораль. Для становления высокого качества Жэнь человеку нужно всегда придерживаться этого принципа — даже в самом плохом физическом и психологическом состоянии. Проанализируем эту концепцию на примере следующих высказываний с точки зрения адекватности перевода.

子曰: «仁远乎哉? 我欲仁, 斯仁至矣。」 (《Лунььюй. Сюэр» (论语·述而))	Философ сказал: «Далеко ли от нас гуманность? (Нет). Когда мы хотим ее, то она у нас под руками» (перевод П. С. Попова)
今译: 孔子道: «仁德难道离我们很远吗? 我要它, 它就来了。」	Учитель сказал: «Разве человеколюбие далеко от нас? Если я хочу быть человеколюбивым, человеколюбие приходит» (перевод В. А. Кривцова)
Конфуций сказал: — Разве добродетель «човеколюбие» далека от нас? Когда я хочу быть человеколюбивым,	Учитель говорит: — Далека ли человечность? Едва к ней устремлюсь, она ко мне приходит (перевод И. И. Семененко)
то в любой момент можно легко это желание осуществить (перевод авторов статьи)	Учитель сказал: — Далеко ли человеколюбие?! Я пожелал человеколюбия и человеколюбие тут как тут (перевод А. Е. Лукьянова)

Глубокий смысл этого высказывания заключается в инициативе человека в реализации морали Жэнь на практике и доступности такой морали для каждого. Мораль Жэнь должна укорениться в душе человека — если сам хочешь ее иметь, то не надо обращаться к другим за помощью. Повседневные поступки — это самая доступная площадка для практической реализации нравственности, Жэнь не требует больших действий, оно проявляется во всех жизненных деталях — в помощи другим, в защите травы и деревьев, в ограничении своей выгоды и соблюдении ритуалов и т. д. По мнению Конфуция, когда человек стремится к добру, то сразу являет свое человеколюбие. В этом качестве нет ничего таинственного, оно возможно и доступно для каждого.

Опираясь на такое понимание, рассмотрим переводы этого высказывания. Все вышеуказанные переводчики переводили буквально, не было передано значение «любой человек легко достигает морали Жэнь». Особенно у Лукьянова слово «пожелал» и разговорное выражение «тут как тут» явно не соответствуют этому контекстуальному значению.

4.2.4. Роль морали Жэнь в формировании человеческой личности

По мнению Конфуция, мораль Жэнь для человека выше, чем сама жизнь. Ученик Янь Хуай (颜回) является отличным представителем практики этой морали в своей жизни. В его деятельности отражается то, что он доказал своим поведением в духе Жэнь ценность своей жизни, показал социальную идентификацию морали Жэнь для тогдашнего китайского общества (Zhang Weiliang, Mo Jiangping 2017, p. 80–81). Когда добродетель Жэнь противоречит существованию человеческой жизни, то надо пожертвовать жизнью ради сохранения морали Жэнь. Эта концепция формировала дух многих революционеров в периоды многих войн в китайской истории. Рассмотрим роль морали Жэнь в формировании духа человека через следующее высказывание Конфуция.

子曰: «志士仁人, 无求生以害 人, 有杀身以成仁。」 («Луньюй. Вэй Лингун» (论 语·卫灵公)) 今译: 孔子说: «志士仁人, 不会因贪生 怕死而损害仁德, 只会牺牲生命而 成全仁德。」 Конфуций сказал: — Целеустремленные и высо- конравственные люди не нано- сят ущерб человеколюбию из-за жадности до жизни и боязни смерти, они могут пожертво- вать своей жизнью во имя осу- ществления социальной спра- ведливости (перевод авторов статьи)	Философ сказал: «Чиновники (ученые, имею- щие определенные, благие) цели (намерения, стремления), человеколюбивый (добродетель- ный) не ищут (не станут искать средств на со- хранение) жизни, чтоб повредить человеколю- бию, (напротив), бывает, (что) убивают тело (жертвуют жизнью), что совершить (или до- вершить) человеколюбие» (перевод В.П. Васи- льева)
	Философ сказал: «Ученый с твердою волею (направленною к гуманным целям) и гуманист не стремятся сохранить жизнь во вред гума- низму, а жертвуют собою для сохранения в целости последнего» (перевод П. С. Попова)
	Учитель сказал: «Целеустремленный человек и човеколюбивый человек идут на смерть, ес- ли человеколюбию наносится ущерб, они жертвуют своей жизнью, но не отказываются от человеколюбия» (перевод В. А. Кривцова)
	Учитель говорил: — Мужа высоких помыслов и те, кто полны человечности, не согласятся ради сохранения своей жизни нанести вред человечности, но могут лишь пожертвовать собой, чтобы до конца быть человеческими (перевод И. И. Суще- венко) Учитель сказал: — Муж высоких стремлений и человеколюби- вый человек не пойдут на то, чтобы ради своей жизни нанести вред человеколюбию. Они ско- рее пожертвуют собой, чтобы только сохра- нить совершенство человеколюбия (перевод А. Е. Лукьянова)

В этом суждении подчеркивается Жэнь как самое высокое правило поведения человека. Мораль для целеустремленных и высоконравственных людей всегда выше всего, такой человек всегда действует мужественно во имя реализации своей мечты. В этом контексте под словом «Жэнь» не только имеется в виду индивидуальная добродетель как любовь к другим и готовность простить и помочь им. Выражается также и значение «придерживаться социальной справедливости» и «полная верность к нравственным правилам». В этом суждении проявляется отношение Конфуция к смыслу жизни: смысл жизни не в длительности, а в реализации добродетели Жэнь и готовности пожертвовать жизнью ради высокой социальной справедливости.

На основе такого понимания суждения рассмотрим его русские переводы. Из пятерых, на наш взгляд, полнее других воспроизвел идею Конфуция Лукьянов. Но и в его переводе, как и в других, не было передано значение понятия «Жэнь», предполагающее стремление к социальной справедливости наряду с человеколюбием. Не было передано и то, что мораль Жэнь для целеустремленного человека формируется в утверждении социальной справедливости. В этом контексте Конфуций понимал Жэнь как важность смело придерживаться справедливости в своем поведении.

5. Заключение

Подводя итог, мы констатируем, что мораль Жэнь должна отражаться в отношениях между людьми всех социальных слоев. Конфуций объяснял содержание этого понятия на основе поведения человека в конкретных ситуациях общественной жизни. Идеология Жэнь функционировала для тогдашнего китайского общества как инструмент, заменяющий законы управления государством и обществом. Жэнь охватывает все социальные сферы, подчеркивая любовь не только между людьми, связанными кровными узами, но и ко всем и всему, что образует норму порядка на основе нравственной сознательности, способности отличать доброе от злого, стремления к социальной справедливости. С помощью понятия «Жэнь» Конфуций утвердил принцип искренности и активной помощи другим, уважения к другим без принуждения других к тому, чего мы сами себе не желаем. Мораль Жэнь всегда воспринимается китайским народом как золотая и универсальная этическая норма для управления обществом и сохранения человечества, а дух самопожертвования во имя социальной справедливости отражает ключевую концепцию китайского национального духа. Мораль Жэнь является ключевым понятием конфуцианства, и она до сих пор актуальна для создания взаимодоверия между людьми, нациями и государствами.

«Луньей» и отраженные в ней конфуцианские идеи переводили на русский язык в разное время по-разному, ориентируясь на различные способы понимания. В переводе ключевых конфуцианских понятий, таких как «Жэнь», возникало немало сложностей для российских

переводчиков. Был сделан ряд неточных и неадекватных переводов, что можно объяснить отсутствием культурного фона и реалий в переводимом языке. Вклад этих переводчиков в распространение древнекитайской литературы в России несомненен, но всякое обращение к этим вопросам также становится важным поводом для нового перевода этого философского шедевра. Изучение переводов древнего философского текста, стратегий и тактик переводчиков, пересмотр контекстуальных значений и социального фона, содержащихся в «Лунь юй» очень важно и для развития современных теорий перевода. Обсуждение вопросов, связанных с переводом древнекитайских шедевров, должно быть внесено в процесс подготовки синологов и русистов в российских и китайских вузах.

Список литературы

Васильев, Л. С., 2015. Культы, религии, традиции в Китае. М. [Vasilyev, L. S., 2015. Cults, Religions, and Traditions in China. Moscow (in Russ.)].

Ли Юйхань, Ли Минхуэй, 2022. Межкультурная интерпретация классики: Перевод и распространение «Лунь юй» в России. *Мир науки, культуры, образования*, 2(93), с. 434–436. [Li Yuhan and Li Minghui, 2022. Cross-cultural Classic Interpretation: the Translation and Dissemination of the Analects of Confucius in Russia. *The world of science, culture and education*, 2(93), pp. 434–436 (in Russ.)] EDN: URMTWN, <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-293-434-436>

Cheng Shude, 1990. *Collected Commentaries on the Analects (4 Volumes)*. Beijing [程树德, 1990. 论语集释 (全四册) . 北京]

Fang Ling and Lin Qingqing, 2023. The Practical Value of Confucian Benevolence. *Couplets*, 12(2), pp. 39–42. [方玲, 林卿卿, 2023. 儒家仁爱思想的现实价值. «对联», 12(2), 39–42页。]

Hu Wanqi, 2023. Confucius: The Founder of an Ideal Virtue Ethics. *Hubei Social Sciences*, 1, pp. 98–103. [胡婉琪, 2023. 孔子: 理想的美德伦理学的奠基者. «湖北社会科学», 1, 98–103页。]

Hu Yonghui and Hong Xiuping, 2015. The Moral and Instrumental Values of Benevolence and Righteousness. *Philosophical Studies*, 8, pp. 25–31. [胡永辉, 洪修平, 2015. 仁义的道德价值与工具价值. «哲学研究», 8, 25–31页。]

Huang Huaixin, 2007. The Concept of 'Ren' in the "Analects" and the Essence of Confucius's Philosophy of Ren. *Qilu Academic Journal*, 1, pp. 5–8. [黄怀信, 2007. <论语>中“仁”与孔子仁学的内涵. «齐鲁学刊», 1, 5–8页。]

Li Zehou, 2015. *A Contemporary Reading of the Analects*. Revised ed. Beijing [李泽厚, 2015. 论语今读 (增订版) . 北京]

Peng Fei, Zhang Mei and Li Hengqiang, 2021. On the Contemporary Characteristics of Confucian 'Five Constant Virtues' Culture in Keeping Pace with the Times. *Jiangsu Business Review*, 2, pp. 139–141. [彭飞, 张梅, 李恒强, 2021. 论儒家“五常”文化与与时俱进的时代特质. «江苏商论», 2, 139–141页。]

The Analects: Translation and Commentary, 2009. Translated by Yang Bojun. Beijing 298 p. [论语译注, 2009. 杨伯峻译注. 第2版. 北京, 298页。]

Tian Ch., 2006. A Brief Discussion of the Phenomenon of Redundancy in the Analects. *Journal of Wuhan University of Science and Technology (Social Sciences Edition)*, 4, pp. 68–70, 82. [田长生, 2006. 浅谈《论语》中的复叠现象. «武汉科技大学学报» (社会科学版), 4, 68–70, 82页。]

Wang Li, 2013. Scientifically Inheriting the Core Traditional Values of China. *People's Daily*, July 18, p. 7: Theory. [汪力, 2013. 科学继承中华传统核心价值观. «人民日报», 18.07, 7页: 版:理论。]

Wang Yi and Wang Zaorong, 2025. The Intellectual Content and Value Implications of Confucian 'Li' Culture. *Central Plains Literature*, 8, pp. 69–71. [王易, 汪早容, 2025. 儒家“礼”文化的思想内涵与价值意蕴. «中原文学», 8, 69–71页。]

Wu Xinghua, 2013. The 'Other' in Confucius's Philosophy of Benevolence. *Qilu Academic Journal*, 234(03), pp. 10–14. [吴兴华, 2013. 孔子仁学中的“他人”. «齐鲁学刊», 234(03), 10–14页。]

Yang, B., 1980. *Annotated Translation of the Analects*. Beijing [杨伯峻, 1980. 论语译注. 北京].

Yang Tianyu, 2004. *Commentary on the Book of Rites*. Shanghai [杨天宇, 2004. 礼记释注. 上海]

Zhang Kai, 2026. An Exploration of the Practice of Translating the “Analects” from Chinese into English from the Perspective of Ecological Translation Studies. *Western Studies Journal*, 9, pp. 164–167. [张凯, 2026. 生态翻译学视角下《论语》汉译英翻译实践探赜. «西部学刊», 9, 164–167页。]

Zhang Weiliang and Mo Jiangping, 2017. “Ren”: An Analysis of the Concepts, Content, and Methodological Value of Moral Education for Contemporary College Students. *Modern University Education*, 4, pp. 75–81. [张卫良, 莫江平, 2017. “仁”: 当代大学生德育的理念、内容和方法资源价值探析. «现代大学教育», 4, 75–81页。]

Zhang Xichen, 1978. *Collected Works of Zhang Zai*. Beijing. [章锡琛, 1978. «张载集». 北京]

Zhou Xinkai, 2016. A Study on the Legal Translation of Core Concepts in the “Analects”: Taking “Ren” as an Example. *French Studies*, 103, pp. 58–65. [周新凯, 2016. «论语»核心概念法译研究—以“仁”为例. «法国研究», 103, 58–65页。]

Список источников

Алексеев, В.М., 1978. Луньюй (образец перевода с китайского первых трех глав «Бесед и суждений» Конфуция). В: *Китайская литература*. В.М. Алексеев (ред.). М. [Alekseev, V.M., 1978. Lunyu (a sample translation from Chinese of the first three chapters of Confucius' Discourses and Judgments). In: V.M. Alekseev, ed. *Chinese literature*. Moscow (in Russ.)].

Беседы и суждения Конфуция, 1999. Перевод В.П. Васильева, П.С. Попова, В.А. Кривцова, И.И. Семененко, А.Е. Лукьянова. М. [*Conversations and judgments of Confucius*, 1999. Translated by V.P. Vasiliev, P.S. Popov, V.A. Krivtsov, I.I. Semenenko, A.E. Lukyanov. Moscow (in Russ.)].

Головачева, Л.И., 1992. *Беседы и суждения Конфуция*. М. [Golovacheva, L.I., 1992. *Conversations and judgments of Confucius*. Moscow (in Russ.)].

Переломов, Л.С., 1998. *Конфуций «Лунь юй»*. М. [Perelomov, L.S., 1998. *Confucius “Lun yu”*. Moscow (in Russ.)] EDN: XGGKWH

Переломов, Л.С., 2000. *Конфуций: «Лунь юй»*. М. [Perelomov, L.S., 2000. *Confucius: “Lun yu”*. Moscow (in Russ.)].

Об авторах

Ван Цзиньлин, доктор филологических наук, профессор второй категории, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

ORCID: 0009-0006-5865-2169

E-mail: elizaveta@163.com

Юань Лиин, доктор филологических наук, доцент, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

E-mail: 1271766319@qq.com

Чжан Симу, магистрантка, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

E-mail: 1332782170@qq.com

Для цитирования:

Ван Цзиньлин, Юань Лиин, Чжан Симу. Ключевая мораль Жэнь в книге «Суждения и беседы» (Луньюй) и переводы русских китаистов // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 26—45. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

CORE MORAL CONCEPT OF REN (仁) IN THE ANALECTS (LUNYU) AND ITS TRANSLATION IN RUSSIAN SINOLOGY

Wang Jinling, Yuan Liyin, Zhang Ximu

Changchun University,
6543 Weixin St., Changchun, 130022, China

Submitted on 03.01.2026

Accepted on 20.03.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-2

This article examines the interrelationship among the key Confucian concepts known as the “Five Constants” (五常) in the ancient Chinese philosophical text “The Analects” (Lunyu). It focuses on the polysemy of the central moral concept ‘ren’ (仁) in different contexts and analyzes how this concept is rendered in Russian through a comparison of passages translated by Russian sinologists. The study aims to describe the methods and strategies used by Russian translators of classical Chinese philosophy over the three centuries of work on this canonical text, to identify shortcomings and shifts in meaning in their translations, and to offer a revised translation of selected passages. The research methodology combines descriptive, historical-comparative, and comparative analysis with inductive and deductive reasoning to clarify the meanings of key concepts and their interrelations in diverse contexts. The findings show that many Russian sinologists relied primarily on literal translation and preservation of the formal structure of classical Chinese. In earlier periods, numerous discrepancies arose from insufficient historical knowledge of the concepts embedded in Confucius’s teaching, leading above all to misunderstandings or under-representation of subtextual and connotative meanings. The highly condensed structure of the original often resulted in the loss of logical connections between clauses and a weakening of philosophical content in translation. A detailed pre-translation analysis makes it possible to adopt a translation strategy guided by the original text’s intent, including tactics for making implicit meanings explicit and supplying omitted sentence elements and connective units where required for clarity in Russian.

Keywords: Lunyu (Analects), ren, translations by Russian Sinologists, philosophical text translation strategies, evolution of the concept of ren

The authors

Dr Wang Jinling, Associate Professor, Changchun University, Changchun, China.

ORCID: 0009-0006-5865-2169

E-mail: elizaveta@163.com

Dr Yuan Liing, Associate Professor, Changchun University, Changchun, China.

E-mail: 1271766319@qq.com

Zhang Ximu, Master's student, Changchun University, Changchun, China.

E-mail: 1332782170@qq.com

To cite this article:

Wang Jinling, Yuan Liyin, Zhang Ximu, 2026, Core moral concept of *ren* (仁) in the *Analects* (*Lunyu*) and its translation in Russian Sinology, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 26–45. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

АДАПТАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ В КИТАЕ

О. Н. Садовникова¹, Е. В. Кремнёв², О. В. Кузнецова²

¹ Иркутский государственный университет,

Россия, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,

Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 07.10.2025 г.

Принята к публикации 15.04.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-3

Представлены результаты изучения способов структурирования дискурса социального управления инновациями с помощью модусного подхода к аксиологическим стратегиям в модели траектории дискурсивизации. Цель исследования заключается в выявлении и описании механизмов реализации аксиологических стратегий, а также выведении новых актуальных ценностных смыслов в виде «узлов» в структуре концепта 创新, которые реструктуризируют его структуру. Методология исследования осуществляется в русле когнитивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода к анализу дискурса. В результате анализа установлены визионерский и оптимизирующий модусы реализации аксиологических стратегий. Выявлены наиболее частотные способы аргументации визионерской аксиологической стратегии: аксиологическая перспективизация, формулизация, метафоризация, экспрессивный повтор, дескриптивная оценочная квалификация, аттрактивный майевтический вопрос. В стратегии оптимизирующего характера превалирует валоризирующая аргументация, направленная на раскрытие значимых смыслов и основанная на приемах аксиологического программирования, синтаксического параллелизма, метафоризации, деонтической модализации, экзemplификации и эвлюации. Анализ реализации стратегий дискурса социального управления инновациями выявил актуально значимые ценностные смыслы в виде концептуальных узлов различных типов, которые способствуют формированию и обогащению концепта 创新 на данном этапе его осмысления. Указанные смыслы рассматриваются авторами как способы адаптации глобальных дискурсивных стратегий социального управления инновациями в условиях китайязычного дискурса.

Ключевые слова: аксиологическая стратегия, валоризирующий дискурс, инновации, концептуальные узлы, модус, социальное управление, траектория дискурсивизации

1. Введение

Дискурс, рассматриваемый через призму динамики оценочной концептуализации и его реализации в медийном коммуникативном пространстве, представляет собой инструмент социального управления (Лизина 2010). Его смысл разворачивается от интенциональности, проектируемой на аргументацию к дестинации (целевой предназначенно-

сти) как конечной аксиологической доминанте (Плотникова, Серебrenникова 2013). Данный инструмент конструирует и встраивает в коллективное сознание ценностные установки, мнения, оценки, национальную идеологию и картины действительности. Тем самым он формирует, формулирует и продвигает наиболее значимые социальные ценностные смыслы, ментальные образы мира и его оценочные матрицы, а также актуально новое видение дискурсного топика. Социально-управленческий дискурс, встроенный в медийное коммуникативное пространство, открывает широкие возможности для реализации управленческих манипулятивных стратегий. Он целенаправленно воздействует и трансформирует концептосферу и национально-культурную аксиосферу массового социального адресата в интересах медиатора. В результате подобной трансформации происходит адаптация глобальных дискурсивных стратегий в рамках национально-культурной аксиосферы.

В дискурсе социального управления, функционирующем в медийном коммуникативном пространстве в условиях конкурентной борьбы за публичного адресата, выбор аттрактивных средств воздействия и приемов аргументации зависит от установки адресанта. Эта установка определяет модус высказывания — «оценочно-интерпретативный способ реализации в дискурсе видения мира в ситуации когнитивной неопределенности, ориентирующий дискурсивизацию» и призванный «валоризировать субъектно формулируемое высказываемое» (Садовникова 2021, с. 11). Модус, в свою очередь, определяет способ организации дискурса и выбор дискурсивной стратегии. В дискурсе социального управления как мощном инструменте легитимизации, конструирования и продвижения наиболее значимых ценностных смыслов в дискурсивной стратегии доминирует аксиологическая доминанта. Такая модусно-аксиологическая стратегия представляет собой «оптимальный для медиатора способ конструирования наиболее значимого смысла в определенной модусной рамке, отграничивающей способ его продвижения и валидации» (Воронина и др. 2021, с. 198). Стратегия модуса с аксиологической доминантой реализуется прототипически в валоризирующем дискурсе, организованном опорным концептом (Демьянков 2003) с ярко выраженным ценностным содержанием.

В современном китайском медиапространстве управление социальными процессами часто связано с темами модернизации и цифровой трансформации. Дискурс социального управления Китая, организованный ценностно-насыщенным концептом 创新 (инновации) (см.: Садовникова 2016) содержательно имеет валоризирующий характер и отражает позицию партийно-государственных органов («позицию сверху») в отношении управленческих решений, инструментов, рисков и результатов инновационных процессов в стране. В модусной рамке реализации дискурса оценочное конструирование наиболее значимого смысла осуществляется путем убеждения целевой аудитории в кредитibility выдвигаемой позиции высших органов власти по предметному топиксу 创新, порождающему прагматическую ситуацию оценоч-

ного осмысления. В связи с этим возникает вопрос о выборе подходящей стратегии дискурса, определяющей способы валоризирующей аргументации для обоснования позиции субъекта высказывания.

Задача настоящего исследования — выявить способы реализации модусно-организованной аксиологической стратегии на основе анализа валоризирующего социально-управленческого дискурса китайской медиасферы, а также вывести концептуальные домены ценностных смыслов в виде новых «концептуальных узлов» (Садовникова, Серебренникова 2023, с. 137), которые формируются в аттрактивных зонах медиaprостранства и которые подразделяются на оппозитивный и коррелятивный типы. Под «узлом» понимаем вид биполярного соотношения между компонентами в структуре концепта.

Объектом анализа выступает совокупность медиатекстов социально-управленческого дискурса в сфере инноваций, которые представляют позицию партийно-государственных органов КНР по проблемно осмысливаемой ситуации референциального мира.

2. Методология и материал исследования

Методология исследования осуществляется в русле динамического подхода к анализу дискурса в рамках модели траектории дискурсивизации (Плотникова, Серебренникова 2013). Работа опирается на теорию ценностей и оценки (Арутюнова 1988; Риккерт 1998), теорию аксиологической стратегии (Баранов 1989; Бардина 2004; Тогошиева 2010), положения о совмещенности процессов концептуализации и оценивания в коммуникации (Болдырев 2011). В рамках когнитивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода (Серебренникова 2024) применяются следующие методы: интерпретативный анализ, инферирование к ценностному измерению языка, когнитивное моделирование.

Эмпирическую базу исследования составили статьи, раскрывающие и продвигающие идею внедрения инноваций во все сферы общества с точки зрения модели социального управления «сверху вниз». Выборка включает 120 текстов за 2024—2025 годы, отобранных с сайта агентства новостей «Женьминь жибао» (人民网. URL: <http://www.people.com.cn/>) и сайта для членов КПК (共产党员网. URL: <https://www.12371.cn/>). Для наглядности выделенных способов реализации модусно-аксиологических стратегий из общего корпуса были выбраны наиболее репрезентативные тексты на китайском языке.

3. Результаты и обсуждение

Анализ репрезентативных медиатекстов социально-управленческого дискурса в сфере инноваций показал, что аксиологические стратегии реализуются в парадигме визионерского и оптимизирующего модусов оценочной концептуализации и раскрываются в динамике развертывания траектории дискурсивизации смысла в коммуникации на уровнях интенциональности, аргументации и дестинации.

4. Визионерская модусно-аксиологическая стратегия

В визионерском модусе в дискурсе социального управления, построенном вокруг концепта 创新 (инновации), субъект высказывания моделирует зону ближайшего развития для отдельных регионов и для Китая в целом, формирует в массовом сознании определенные представления, связанные с предметом обсуждения, целенаправленно трансформируя мышление и взгляды аудитории (Калашникова, Филиппова 2020), а также способствует формированию позитивного отношения к реализации текущего социально-политического курса Китая в области инноваций. В модусе визионерского плана интенциональность направлена на создание образа «инновационного Китая» и отдельных провинций и районов посредством экстраполирования и проецирования мира будущего на основе аналитических данных и прогнозов. В социально-управленческом дискурсе об инновациях валоризация предмета осмысления приводит к реструктуризации концепта 创新, появляются и перспективизируются новые концептуальные узлы вокруг денотатов (дискурсных топиков). В результате концепт переосмысливается как ведущая ценность будущего Китая, что реконструирует ценностную картину мира адресата. Такого рода интенциональность проецируется на аксиологическую стратегию визионерского плана, для которой основными способами аргументации являются аксиологическая перспективизация, метафоризация, экспрессивный повтор, дескриптивная оценочная квалификация, аттрактивный майевтический вопрос, формулизация. Проиллюстрируем способы реализации аксиологической стратегии в визионерском модусе.

Одним из высокочастотных способов продвижения позиции субъекта высказывания является опора на аргументы дескриптивной оценочной квалификации со знаком "+". С их помощью власти выражают свое отношение к инновациям и обозначают стратегические цели развития страны на ближайшую перспективу.

当世界之变、时代之变、科技之变以前所未有的方式展开，新质生产力以其高科技、高效能、高质量特征，正在成为赢得竞争的制胜之道。培育新质生产力，必须着力提升含“新”量、含“质”量、含“优”量、含“绿”量。

Когда изменения в мире, эпохе и технологиях разворачиваются беспрецедентным образом, производительность с новой инновационной концепцией развития, отличающаяся высокой технологичностью, высокой эффективностью и высоким качеством, становится ключом к победе в конкурентной борьбе. Для развития производительности с новой инновационной концепцией развития необходимо сосредоточиться на повышении содержания «нового», «качественного», «совершенного» и «экологичного»² (破解创新密码 引领未来发展. URL: <https://theory.people.com.cn/n1/2025/0121/c40531-40405882.html> (дата обращения: 29.01.2025)).

² Здесь и далее переводы с китайского принадлежат О. Н. Садовниковой.

В представленном примере аргументация осуществляется с помощью словосочетаний, построенных по принципу синтаксического параллелизма и усиленных экспрессивным повтором определяемого 世界之变、时代之变、科技之变 *изменения в мире, изменения в эпохе, изменения в науке и технике*. Этот прием увеличивает воздействие на аудиторию, акцентируя внимание на ключевой установке — конкурентоспособности. Дальнейшее смыслообразование в визионерском модусе осуществляется с помощью квалификаторов со знаком “+”, валоризирующих концептуальный топик и высвечивающих социальные ориентиры будущего: (新) новизна, (质) качество, (优) совершенство, (绿) экологичность. Таким образом в дискурсе синтезируются выводные ценностные смыслы в виде коррелятивных узлов констеллятивного типа (см.: Ельмслев 2006, с. 10): 高科技 *высокие технологии* — 竞争 *конкурентоспособность*, 新 *новизна* — 质 *качество*, 优 *совершенство* — 绿 *экологичность*. Под констеллятивными отношениями понимаем «открытые, двусторонние, равноправные отношения в виде свободной зависимости двух компонентов, которые не отталкивают и не предопределяют друг друга» (Садовникова 2021, с. 12).

Смыслообразование в модусе визионерского плана также структурируется в вопросно-ответной форме. Аттрактивным элементом здесь выступает риторический вопрос. Его цель — вовлечь адресата в размышление над дискурсным топиком, а также подчеркнуть и означить стратегическую цель:

如何迈向下一个十年? 向前望, 上海已有方向。锚定2035年建成科技强国战略目标, 上海明确到2035年全面建成国际科技创新中心。

这绝不是一条坦途。当前, 全球正处于新一轮颠覆性技术大爆发的前夕, 谁占据了科技创新制高点, 谁就能在激烈的国际竞争中掌握主动权。放眼世界, 没有哪座大城市不在创新路上全力奔跑。

Как двигаться навстречу следующему десятилетию? Заглядывая вперед, у Шанхая уже есть направление. Ставя перед собой стратегическую цель превратить Китай в мощную научно-техническую державу к 2035 году, Шанхай подтвердил, что к 2035 году полностью создаст международный центр научно-технической инновации.

Это отнюдь не легкий путь (досл. «ровная дорога». — О.С.). В настоящее время мир стоит на пороге нового витка прорывного технологического взрыва. Тот, кто займет лидирующие позиции в области научно-технических инноваций, сможет перехватить инициативу в условиях жесткой международной конкуренции. В мире нет ни одного большого города, который бы не стремился идти по пути инноваций (上海以创新能力抢占发展先机 创新活力持续迸发. URL: <http://yn.people.com.cn/n2/2024/1023/c372441-41016840.html> (дата обращения: 29.01.2025)).

В представленном фрагменте продвижение позиции адресанта осуществляется через аттрактивный майевтический вопрос 如何迈向下一个十年? Как двигаться навстречу следующему десятилетию? Данный вопрос выводит на стратегию развития Китая с ориентиром на инновации и фокусирует внимание на Шанхае как образцовом городе, следующем курсу, установленному государственной властью. В метафориче-

ском ключе означаются возможные риски на пути к достижению поставленной цели *这绝不是一条坦途 Это отнюдь не легкий путь*, моделируется ближайшее будущее *当前, 全球正处于新一轮颠覆性技术大爆发的前夕 В настоящее время мир стоит на пороге нового витка прорывного технологического взрыва*. В результате в процессе дискурсивизации формируется выводной ценностный смысл — коррелятивный узел конверсивного типа связи (Новиков 1982, с. 214) *主动权 преимущество — 竞争 конкурентоспособность*. Конверсивная корреляция представляет собой «импликацию компонентов, находящихся в отношениях взаимообратимости» (Садовникова 2021, с. 12).

Другим распространенным приемом в визионерском модуле является аксиологическая перспективизация. Под этим понимается конструирование ценностного образа будущего при помощи взаимодействия в траектории дискурсивизации различных лингвокогнитивных механизмов — выдвижения, инспирации, позитивизации и др. (Казыдуб 2020, с. 146):

近年来, 宣汉县围绕推进基层治理体系建设, 积极探索党建引领智慧化推动治理现代化, 大力建设“智慧社区”, 逐步形成“一机制二平台”即“社区两委+小区物业+居民群众”三级互动的服务机制和“智慧便民服务、为老服务”两大平台, 聚焦居民对“政务服务、医疗养老、就业保障、人居环境”等现实需求, 扎实推进智慧城市建设, 大力推动智慧社区建设, 将一系列与居民息息相关的生活场景“数智化”, 推动基层治理由“治”转“智”。

В последние годы уезд Сюаньхань сосредоточился на создании и продвижении системы управления на низовом уровне и активном изучении вопросов партийного строительства для того, чтобы направить усилия по содействию модернизации государственного управления, активно создавая «умные сообщества» и постепенно формируя «один механизм и две платформы», а именно, механизм трехстороннего взаимодействия «руководящие комитеты сообщества + управляющие компании жилых комплексов + жители», платформа «Умный и удобный сервис для удобства жителей и обслуживания пожилых людей». Две основные платформы «услуг» сфокусированы на реальных потребностях жителей в «государственных услугах, медицинском обслуживании и уходе за пожилыми людьми, вопросах занятости и социального обеспечения», активном продвижении вопросов строительства «умных городов», создании «умных» сообществ и цифровизации ряда жизненных сценариев жителей. Всё для того, чтобы способствовать продвижению управления на низовом уровне по линии от «управления» к «интеллекту» (让城市更“聪明” 生活更美好. URL: <http://yn.people.com.cn/n2/2024/1023/c372441-41016840.html>).

Данный дискурс описывает сценарий модернизированной системы управления на уровне уезда посредством включения в дискурсивное пространство фокусной аксиологемы *智慧社区 умное сообщество*. Дальнейшее построение перспективы осуществляется с помощью механизма акционального воздействия — инспирации, организующей мотивирующий контекст с помощью оценочного квалификатора *智慧 умный* (*智慧服务 умное обслуживание, 智慧城市 умный город*). Процесс конструирования аксиологической перспективы также осуществляется при по-

мощи формулизации — способа аргументации, заключающегося в компрессировании смысла в аттрактивных формулах (社区两委+小区物业+居民群众 «руководящие комитеты сообщества + управляющие компании жилых комплексов + жильцы»). Этот прием раскрывает сущность презентуемой программы и формирует представление о новой системе управления. В результате в структуре концепта 创新 формируются новые смысловые связи: коррелятивный узел констеллятивного плана 数智化 цифровая интеллектуальная трансформация — 智慧社区 умное сообщество, оппозитивный узел эквиполентного (равнозначного) характера (см.: Трубецкой 1960, с. 80) 治 руководство (управление) — 智 мудрость.

Дестинация визионерской стратегии заключается в продвижении концепции инновационного будущего и выражении ожиданий от предстоящих перемен. Структурирование наиболее значимого смысла осуществляется путем конструирования зоны ближайшего будущего в модели мира реальности:

推进城市智慧化发展、数字化转型，是推动城市治理体系和治理能力现代化的必然要求。期待更多城市通过培育发展数字经济、加强改进数字治理、提升优化数字服务，让城市更加宜居、韧性、智慧，让全体人民共享数字经济发展红利。

Содействие умному городскому развитию и цифровой трансформации является обязательным требованием для модернизации систем городского управления и возможностей управления. Ожидается, что все больше городов будут развивать цифровую экономику, укреплять и совершенствовать цифровое управление, а также улучшать и оптимизировать цифровые услуги, чтобы сделать города более пригодными для жизни, устойчивыми и умными, чтобы все люди могли пользоваться преимуществами развития цифровой экономики (让城市更“聪明” 生活更美好. URL: <http://yn.people.com.cn/n2/2024/1023/c372441-41016840.html>).

Дискурс в визионерском модуле финализируется экспликацией связей аксиологем-словосочетаний 城市智慧化发展 умное городское развитие 数字化转型 цифровая трансформация, которые моделируют желаемый образ будущего, транслируют ожидания в отношении поведения участников системы управления. На этапе дестинации формируется выводная концепция структуры понимания объекта осмысления, которая формулируется при помощи каузативного глагола 让 предоставлять возможность. В результате в структуре концепта 创新 формируются новые смысловые связи: коррелятивные узлы с констеллятивным типом связи: 数字经济 цифровая экономика — 数字治理 цифровое управление; 数字服务 цифровые услуги — 共享 совместное пользование, общедоступность, а также узел конверсивного типа — 智慧化发展 умное развитие — 数字化转型 цифровая трансформация.

5. Оптимизирующая модусно-аксиологическая стратегия

Аксиологическая стратегия в оптимизирующем модуле направлена на продвижение «интенционального значимого смысла необходимости изменения и улучшения способа действия в сфере инноваций в модуле

оценочной деонтической концептуализации реальности путем конструирования программы необходимых действий, средств, ресурсов» (Садовникова 2021, с. 16). В этом модусе субъект социального управления стремится трансформировать ценное отношение к дискурсивному топику, предлагая четкий алгоритм действий для достижения стратегических целей. Интенциональность такого типа проецируется на аксиологическую стратегию оптимизирующего плана. Ее ключевыми способами аргументации являются экзemplификация, аксиологическое программирование, синтаксический параллелизм, метафоризация, деонтическая модализация, эвалюация. Эти способы аргументации служат для актуализации и продвижения концепта 创新 в социально-управленческом дискурсе.

Так, например одним из способов аргументации выступает аксиологическое программирование, которое подразумевает последовательное изложение алгоритма действий в сфере социального управления инновациями с целью валоризации концепта 创新:

改造提升传统产业。<...>培育壮大新兴产业。<...>布局建设未来产业。

Трансформировать традиционные отрасли промышленности. <...> Развивать и укреплять новые отрасли промышленности. <...> Планировать и создавать отрасли будущего (创新的中国大步向前. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2025/0113/c64387-40400684.html> (дата обращения: 29.01.2025)).

В представленном фрагменте аксиологическое программирование реализуется через неполные параллельные предложения, построенные по принципу градации: 传统产业 *традиционные отрасли промышленности*, 新兴产业 *новые отрасли промышленности*, 未来产业 *отрасли будущего*. Они служат реперными точками для осмысления программы модернизации и трансформации производственной модели инновационного будущего.

Маркером аксиологического программирования часто выступают вводные выражения 一是, 二是, 三是, 四是, 五是. Они эксплицитно выстраивают алгоритм действий по модернизации и управлению в различных сферах китайского общества:

一是开展区域协同创新行动。<...>四是开展科学技术突破行动。<...>五是开展科技成果转化行动<...>。

Первое — провести совместные региональные инновационные мероприятия. <...> Четвертое — осуществить научно-технический прорыв. <...> Пятое — осуществить действия, направленные на трансформацию научно-технических достижений. <...> (聚力九大创新行动 打造科技创新2.0版. URL: <http://henan.people.com.cn/n2/2024/1222/c351638-41083402.html> (дата обращения: 29.01.2025)).

Ключевые меры по продвижению инновационной политики последовательно излагаются при помощи вводных слов. Эта политика направлена на преобразование производственных систем и интеграцию в них новейших научно-технических достижений. Прием парал-

лелизма, усиленный лексическим повтором сказуемого 开展。。。行为 осуществлять... действия выступает аттрактивным элементом высказывания. Его цель — продвижение значимого смысла и перспективизация выводных категорий, таких как 区域协同创新 *совместные региональные инновации*, 科学技术突破 *научно-технологический прорыв*, 科技成果转化 *трансформация научно-технических достижений*. Эти категории коррелируют между собой, образуя узлы констеллятивного типа связи.

Другим способом реализации оптимизирующей аксиологической стратегии является использование образно-экспрессивных средств, которые делают сложные модели социального управления инновациями более доступными и наглядными для целевой аудитории:

科技成果要转化为现实生产力, 催生新产业、推动产业深度转型升级, 必须形成企业“出题”、联合“答题”、市场“阅卷”的融通创新模式, 畅通从“书架”到“货架”的路。

Научно-технические достижения должны быть преобразованы в реальную производительность, породить новые производственные отрасли, способствовать глубокой промышленной трансформации и модернизации. Для этого необходимо сформировать интегрированную инновационную модель, в которой предприятия «ставят задачи», совместно «решают задачи», а рынок «оценивает результаты», чтобы сгладить путь от «теоретических разработок» к «коммерческой реализации» (дословно «от книжной полки до прилавка». — О. С.) (科技创新与产业创新. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-10/14/nw.D110000renmrb_20241014_2-04.htm (дата обращения: 14.03.2025)).

Конструкция *从书架到货架的路* *путь с книжной полки до прилавка* построена на метонимическом переносе: «книжная полка» замещает лабораторные или теоретические разработки (невостребованное знание), а «прилавок» («товарная полка») — готовую продукцию на рынке (реализованную производительную силу). *路* *путь, дорога* выступает метафорой процесса трансформации научных достижений в реальный сектор экономики, образно обозначая необходимость преодоления разрыва между теорией и практикой.

Фразы *企业“出题”、联合“答题”、市场“阅卷”* *предприятия ставят задачу, совместно ищут решение, рынок оценивает результат* представляют развернутое сравнение инновационного процесса с экзаменом: предприятия формулируют запрос (ставят задачу), участники совместно находят решение (отвечают на вопросы), а рынок выступает экзаменатором, оценивающим итоговый продукт. Эта метафора наглядно описывает интегрированную модель «предприятие — кооперация — рыночная верификация». Структурно словосочетания *企业“出题”、联合“答题”、市场“阅卷”* имеют идентичную синтаксическую структуру, что создает эффект параллелизма. Параллелизм усиливает ритмическую организацию текста, придает ему динамичность и наглядно демонстрирует взаимосвязь всех этапов инновационного цикла. Целевая установка акцентируется с помощью модальных операторов *должны* и *必须* *необходимо*. Эти средства деонтической мо-

дализации указывают на требуемый способ достижения высокотехнологичного и модернизированного производства. В результате в структуре концепта 创新 формируется коррелятивный узел гиперо-гипонимического характера: 转型 трансформация — 升级 модернизация.

Другим частотным способом аргументации в дискурсе об инновациях является экзemplификация (доказательство через примеры) положительного опыта инновационного управления. Этот прием часто сочетается с эвалуацией (Тванба 2013) — использованием объективной, измеримой, фактологической информации для обоснования оценки и принятия решений:

科技驱动智慧治理。着力构建数字化政务服务体系，如瑞典通过数字服务实现了90%政务服务线上办理，服务效率大大提高。运用数据和人工智能技术提升治理效能，如新加坡通过智能交通系统缓解交通拥堵，事故率降低约15%。

Наука и технологии способствуют развитию умного управления. Прилагаются усилия по созданию цифровой системы государственных услуг. Например, Швеция перевела 90% государственных услуг в онлайн-режим с помощью цифровых сервисов, что значительно повысило эффективность обслуживания. Применение данных и технологий искусственного интеллекта способствует повышению эффективности управления. Например, интеллектуальная транспортная система в Сингапуре позволяет уменьшить количество пробок на дорогах и снизить уровень аварийности примерно на 15% (科技创新与产业创新. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-10/14/nw.D110000renmrb_20241014_2-04.htm).

В представленном примере позиция автора обосновывается через конструирование модели инновационного управления, опирающейся на успешный зарубежный опыт. В качестве аргумента приводятся конкретные статистические данные, которые верифицируют позицию субъекта высказывания, подчеркивают значимость внедрения инноваций во все сферы китайского общества по примеру других стран. В результате такой аргументации валоризацию получает концепт 创新, в его структуре образуются новые коррелятивные узлы констеллятивного типа: 数字化 цифровизация — 效率 эффективность; 人工智能技术 технологии искусственного интеллекта — 治理效能 эффективность управления.

Оптимизирующий модус направлен на продвижение идеи о правильности выбранного курса — стратегии развития и управления, ориентированной на инновации. Дестинация может структурироваться в метафорической форме через идеологически окрашенные целевые установки. Для этого часто используются контактно-относительные предложения с опущенным подлежащим

岁月不居，时序流转，创新的中国大步向前。向“新”而行，提“质”而上，继续做好创新这篇大文章，推动我国经济航船乘风破浪、行稳致远。

Время летит, один год сменяет другой, и инновационный Китай широкими шагами идет вперед. Нужно двигаться к «новому», улучшать «качество», продолжать работать в области инноваций, чтобы экономический корабль нашей страны смело преодолевал трудности и уверенно двигался вперед (创新的中国大步向前. URL: <http://sc.people.com.cn/n2/2023/1114/c345167-40640538.html> (дата обращения: 29.01.2025)).

В данном действии представлены в безличной форме, что создает образ оптимального пути к процветающему будущему Китая. На этапе финализации и дестинации дискурса аттрактивным элементом становится метафорическое выражение *推动我国经济航船乘风破浪* *продвигать экономический корабль нашей страны, чтобы он смело преодолевал трудности и уверенно двигался вперед*. Эта метафора указывает на единственно верный курс — непрерывное развитие и управление, основанное на инновациях. С помощью оценочного квалификатора *创新的* раскрывается современная концепция развития страны, апеллирующая к ценностям модернизации и глубокой трансформации общества. В результате формируется ценностная связь в виде коррелятивного узла констеллятивного типа: *新 новое, новизна — 质 качество*.

6. Заключение

Модусный подход к анализу валоризирующего социально-управленческого дискурса позволил выявить две ключевые аксиологических стратегии, позволяющие адаптировать глобальные дискурсивные стратегии социального управления инновациями в условиях китаеязычного дискурса — визионерскую и оптимизирующую.

В визионерском модусе моделируется мир будущего, интенциональность приобретает проецирующий характер. Визионерская модусно-аксиологическая стратегия структурируется при помощи аксиологической перспективизации, метафоризации, экспрессивного повтора, дескриптивной оценочной квалификации, аттрактивного майевтического вопроса, а также формулизации. Дестинацией модуса визионерской аксиологической стратегии является визуализация инновационного будущего. В результате медийной оценочной концептуализации в социально-управленческом дискурсе при помощи вышеперечисленных средств формируются новые ценностные смыслы в виде «концептуальных узлов»: коррелятивные концептуальные узлы констеллятивного плана: *高科技 высокие технологии — 竞争 конкурентоспособность, 新 новизна — 质 качество, 优 совершенство — 绿 экологичность, 数智化 цифровая интеллектуальная трансформация — 智慧社区 умное сообщество, 数字经济 цифровая экономика — 数字治理 цифровое управление, 数字服务 цифровые услуги — 共享 совместное пользование, общедоступность; конверсивного типа: 主动权 преимущество — 竞争 конкурентоспособность, 智慧化发展 умное развитие — 数字化转型 цифровая трансформация; оппозитивный узел эквиполентного характера — 治 руководство (управление) — 智 мудрость.*

Оптимизирующая аксиологическая стратегия проецируется интенциональностью, имеющей программирующий характер и реализуется через метафоризацию, аксиологическое программирование, синтаксический параллелизм, деонтическую модализацию, эвалюацию, экземплификацию. Структурирование дискурса при помощи вышеперечисленных средств аргументации в рамках стратегии оптимизирующего

плана и на этапе дестинации способствует формированию ценностных смыслов в актуальном слое концепта 创新 в виде коррелятивных узлов констеллятивного типа: 区域协同创新 совместные региональные инновации — 科学技术突破 научно-технологический прорыв — 科技成果转化 трансформация научно-технических достижений, 数字化 цифровизация — 效率эффективность; 人工智能技术 технологии искусственного интеллекта — 治理效能 эффективность управления, 新 новое, новизна — 质 качество и коррелятивного узла гиперо-гипонимического характера — 创新: 转型 трансформация — 升级 модернизация.

Выявленные концептуальные узлы различного типа и степени устойчивости реструктурируют смысловую структуры концепта 创新 на данном этапе его осмысления. К перспективе дальнейшего исследования относим выявление других возможных модусов в дискурсе социального управления инновациями, а также способов структурирования нового понятийного знания, мнения, оценки с целью осмысления эволюции сущностных смыслов в концептосфере и аксиосфере на уровне индивидуального, а затем и коллективного сознания.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00601.

Список литературы

Арутюнова, Н.Д., 1988. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М. [Arutyunova, N.D., 1988. *Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact.* Moscow (in Russ.)] EDN: YKBSRJ

Баранов, А.Н., 1989. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремнология и лексика). *Вопросы языкознания*, 3, с. 74—91. [Baranov, A.N., 1989. *Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary).* *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 74—91 (in Russ.)] EDN: RSICMH

Бардина, Н.Е., 2004. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материалах политической риторики и социально-бытового общения): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. [Bardina, N.E., 2004. *Axiological strategies of argumentative discourse in contemporary English (based on materials from political rhetoric and social everyday communication).* PhD Dissertation. Irkutsk (in Russ.)] EDN: NMSMTF

Болдырев, Н.Н., 2011. Интерпретирующая функция языка. *Вестник Челябинского государственного университета*, 33(248), с. 11—16. [Boldyrev, N.N., 2011. *The interpretative function of language.* *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 33(248), pp. 11—16 (in Russ.)] EDN: OZMWHT

Воронина, О.Ю., Горшкова, В.Е., Казыдуб, Н.Н. и др., 2021. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации. Иркутск. [Voronina, O. Yu., Gorshkova, V. E., Kazydub, N. N. et al., 2021. *Dynamics and Statics in the Cognition of Language Reality: Approaches, Phenomena, Ways of Representation.* Irkutsk (in Russ.)] EDN: KTHHMA, <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>

Демьянков, В.З., 2003. Интерпретация политического дискурса в СМИ. В: *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие.* М., с. 116—133. [Demyankov, V. Z., 2003. *Interpretation of political discourse in the media.* In: *The language of the media as an object of interdisciplinary research: textbook.* М., pp. 116—133. (in Russ.)] EDN: SCEGEZ

Ельмслев, Л., 2006. *Прологомены к теории языка*. Перевод В.Д. Мазо. М. [Hjelmslev, L., 2006. *Prolegomena to the theory of language*. Translated by V.D. Mazo. M. (in Russ.)].

Казыдуб, Н.Н., 2020. Аксиологическая перспективизация как инструмент дискурсивного конструирования. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)*, 4(54), с. 143–152. [Kazydub, N.N., 2020. Axiological perspectivization as a tool for discursive construction. *The bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev*, 4(54), pp. 143–152 (in Russ.)] EDN: COFWYP, <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-54-4-250>

Калашникова, И.В., Филиппова, К.В., 2020. Социальное управление, социальный менеджмент: понятия и трактовки. *Вестник Тихоокеанского государственного университета*, 1(56), с. 65–70. [Kalashnikova, I.V. and Filippova, K.V., 2020. Social Administration, Social Management: Concepts and Interpretations. *Bulletin of Pacific State University*, 1(56), pp. 65–70 (in Russ.)] EDN: USLKLY

Лизина, Н.В., 2010. Дискурс как инструмент социального управления в масс-медийных манипулятивных технологиях. *Ползуновский вестник*, 4–2, с. 32–37. [Lizina, N.V., 2010. Discourse as a tool of social governance in mass media manipulative technologies, *Polzunovskiy vestnik*, 4–2, pp. 32–37 (in Russ.)] EDN: PTTWSV

Новиков, Л.А., 1982. *Семантика русского языка*. М. [Novikov, L.A., 1982. *Semantics of the Russian language*. Moscow (in Russ.)].

Плотникова, С.Н., Серебренникова, Е.Ф., 2013. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 1(22), с. 183–189. [Plotnikova, S.N., Serebrennikova, E.F., 2013. The cognitive trajectory of discursivization: destination, strategy, technology. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 1(22), pp. 183–189 (in Russ.)] EDN: PYJXZX

Риккерт, Г., 1998. *Науки о природе и науки о культуре*. М. [Rickert, G., 1998. *Natural sciences and cultural sciences*. Moscow (in Russ.)].

Садовникова, О.Н., 2016. Инновация: этносемиотрия знака в русском и китайском языках: сравнительные параллели. В: *Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения*. Иркутск, с. 192–200. [Sadovnikova, O.N., 2016. Innovation: Ethnosemiometry of the sign in the Russian and Chinese languages: comparative parallels. In: *Problems of Sustainable Development in the Humanities and Natural Sciences: Graduate Student Readings*. Irkutsk, pp. 192–200 (in Russ.)].

Садовникова, О.Н., 2021. *Аксиологические стратегии дискурса об инновациях (на материале русского и китайского языков)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. [Sadovnikova, O.N., 2021. *Axiological strategies of discourse on innovations (based on the material of the Russian and Chinese languages)*. PhD thesis. Ulan-Ude (in Russ.)].

Садовникова, О.Н., Серебренникова, Е.Ф., 2023. Способы реализации аксиологической стратегии дискурса китайской мечты. *Культура и текст*, 4(55), с. 134–145. [Sadovnikova, O.N., Serebrennikova, E.F., 2023. Ways of implementing the axiological strategy of the discourse on the Chinese Dream. *Culture and text*, 4(55), pp. 134–145 (in Russ.)] EDN: OGRSEG, <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2023-4-134-145>

Серебренникова, Е.Ф., 2024. Аксиологизация дискурса: к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 3(55), с. 110–121. [Serebren-

nikova, E.F., 2024. Axiologization of discourse: concept definition through media discourse perspective. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), pp. 110–121 (in Russ.)] EDN: FVYMZI

Тванба, Т. А., 2013. *Аксиологические характеристики концептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе*: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. [Tvanba, T.A., 2013. *Axiological Characteristics of the Conceptualization of the Subject Area of Health in French Media Critical Discourse*. PhD Dissertation. Irkutsk (in Russ.)] EDN: SURRQB

Тогошиева, Н. Е., 2010. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса (на материалах политической риторики). *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*, с. 98–102. [Togoshieva, N.E., 2010. *Axiological Strategies of Argumentative Discourse (Based on Political Rhetoric Materials)*. *Herald of Buryat State University. Language. Literature. Culture*, pp. 98–102 (in Russ.)].

Трубецкой, Н. С., 1960. *Основы фонологии*. С. Д. Кацнельсон (ред.). Перевод А. А. Холодовича. М. [Trubeckoy, N.S., 1960. *Fundamentals of Phonology*. S.D. Kacnelson, ed. Translated by A. A. Holodovich. Moscow (in Russ.)].

Об авторах

Ольга Николаевна Садовникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения, и. о. заведующего кафедрой китаеведения, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

ORCID: 0000-0003-4197-5552

SPIN-код: 5088-0787

E-mail: olgasdvnkv@gmail.com

Евгений Владимирович Кремнёв, доктор социологических наук, доцент, доцент-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID: 0000-0001-5255-3772

SPIN-код: 9597-5548

E-mail: kremnyov2005@yandex.ru

Ольга Владимировна Кузнецова, кандидат филологических наук, доцент, доцент-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID: 0000-0002-9895-0471

SPIN-код: 9800-9784

E-mail: kuznetsova1@mail.ru

Для цитирования:

Садовникова О. Н., Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В. Адаптация дискурсивных стратегий социального управления инновациями в Китае // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 46–61. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-3.

ADAPTATION OF DISCURSIVE STRATEGIES FOR SOCIAL MANAGEMENT OF INNOVATIONS IN CHINA

Olga N. Sadovnikova¹, Evgeny V. Kremnyov², Olga V. Kuznetsova²

¹ Irkutsk State University,

1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received on 07.10.2025

Accepted on 15.04.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-3

The article presents the results of a study of how the discourse of the social management of innovation is structured through different modes of implementing axiological strategies within the discursive trajectory model. The methodology of the analysis is grounded in the theory of conceptualization and evaluative categorization, principles of the semiotics of communication, as well as the theory of the strategic nature of discourse. In line with a dynamic approach to discourse analysis, methods of interpretative analysis of inference and cognitive modeling have been employed. Visionary and optimizing modes of implementing axiological strategies have been established. The most typical and frequent ways of implementing the visionary axiological strategy have been identified, namely axiological perspectivization, formulation, metaphorization, expressive repetition, descriptive evaluative qualification, and attractive maieutic questioning. In the optimizing strategy, valorizing argumentation of significant meaning prevails through techniques of axiological programming, syntactic parallelism, metaphorization, deontic modalization, exemplification, and evaluation. The analysis of the implementation of visionary and optimizing axiological strategies in the discourse of social management of innovations has revealed relevant and significant value meanings in the form of correlative and oppositional conceptual nodes of various types, which contribute to the formation and enrichment of the current layer of the concept 创新 (innovation), as well as its promotion in the media's axiologically parameterized communicative space. The specified meanings are interpreted by the authors as ways of adapting global discursive strategies for social management of innovations within the context of Chinese-language discourse.

Keywords: axiological strategy, valorizing discourse, social management, innovations, discursive trajectory, conceptual nodes, *modus*

Acknowledgements. The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, Grant No. 25-28-00601, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00601/>.

The authors

Dr Olga N. Sadovnikova, Associate Professor of the Department of Sinology, Acting Head of the Department of Sinology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

ORCID: 0000-0003-4197-5552

E-mail: olgasdvnkv@gmail.com

Dr Evgeny V. Kremnyov, DSc (Sociology), Associate Professor, Research Associate, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0001-5255-3772

E-mail: kremnyov2005@yandex.ru

Dr Olga V. Kuznetsova, Associate Professor, Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0002-9895-0471

E-mail: kuznetsova1@mail.ru

To cite this article:

Sadovnikova O.N., Kremnyov E.V., Kuznetsova O.V., 2026, Adaptation of discursive strategies for social management of innovations in China, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 46–61. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

**ЛЕКСИКА ПОВЕСТИ А. Н. ТОЛСТОГО «ОТРОЧЕСТВО»
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Д. А. Романов

Тульский государственный педагогический университет им. А. Н. Толстого,
Россия, 300026, Тула, проспект Ленина, 125
Поступила в редакцию 09.10.2025 г.
Принята к публикации 15.04.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4

Исследуется лексика второй повести биографической трилогии Л. Н. Толстого – «Отрочество». Рассматриваются лексические пласты и отдельные лексемы, которые определяют специфику лингвопоэтики произведения. Словарный состав повести изучается на фоне лексики эпохи ее написания – середины XIX века, что позволяет увидеть новации Толстого и определить их роль в динамике развития русского литературного языка. Выявляются впервые зафиксированные в художественном тексте слова и формы слов (окказиональная неология), семантические сдвиги в полисемии уже используемых лексем, добавление словам новой коннотативной окраски. Методом корпусного анализа (по конкордансу и статистическим сводам Национального корпуса русского языка) определяются не только собственно новообразования толстовского текста, но и те лексемы, которые были укоренены в составе русского литературного языка благодаря повести Толстого и его творчеству в целом, а также те словарные единицы, которые получили своеобразный отпечаток толстовского идиостиля и сохраняют его до настоящего времени. Прослеживается роль отдельных лексем в создании особой лингвопоэтики повести, определяемой диалектикой души главного героя (эмоциональная, нравственно-этическая по значению, отвлеченная по лексико-грамматическим характеристикам лексика). Рассматриваются стилистические сдвиги некоторых слов в повести «Отрочество», использование автором разговорных единиц для достижения семантической точности выражения мысли и чувства, а также художественно-изобразительного результата. У большинства рассмотренных лексем определен вектор дальнейшего развития как в идиостиле Толстого зрелого и позднего периодов творчества, так и в словарном составе русского литературного языка.

Ключевые слова: коннотация, лексика, лексикография, лингвопоэтика, Л. Н. Толстой, Национальный корпус русского языка, неология, повесть «Отрочество», семантика, традиция

1. Введение

Достаточно долго изучение языка и стиля Л. Н. Толстого представляло собой рассмотрение отдельных его произведений в определенных лингвистических ракурсах. Масштаб творческого наследия писателя не позволял начать системную аналитическую работу, связанную с определением его вклада в развитие литературного языка той эпохи и последующего времени. Сейчас и лингвистическое толстоведение, и кор-

пусная лингвистика подошли к той точке, с которой можно начать говорить о соотношении языка произведений Толстого с литературным языком периода их создания и с лингвистическими фактами, зафиксированными в последующие годы, но так или иначе связанными с его текстами. Это позволяет в полной мере выявить творческие новации великого писателя и определить во всей полноте его влияние на развитие русского литературного языка.

Предметом настоящего исследования служит лексика второй повести биографической трилогии Толстого — «Отрочество» (1854), взятая на фоне отраженного Национальным корпусом русского языка словарного состава текстов середины XIX века и последующих эпох. Рассматривается текст повести, отредактированный автором и определенный как окончательный; дополнительно привлекаются первая и вторая черновые редакции повести, помещенные в 19-м томе полного собрания сочинений Толстого в 100 томах (2000).

В исследовательское поле включается не только формальная неология (окаzionaliальные новообразования), но и семантические, стилистические и отдельные грамматические черты толстовского языка, являющиеся оригинальными.

2. Теоретическая база исследования

Изучение вклада Л.Н. Толстого в развитие лексического состава русского литературного языка началось в середине XX века. Родоначальником этих исследований стал академик В.В. Виноградов, многие работы которого по истории слов и словообразовательных гнезд русского литературного языка иллюстрированы примерами из произведений Толстого. Это нашло отражение в итоговом капитальном собрании работ В.В. Виноградова по данной теме «История слов» (1999). Дальнейшее интроспективное рассмотрение лексических новаций Толстого осуществлено в работах Санкт-Петербургской семасиологической школы под руководством Ю.С. Сорокина. Изучая активные процессы в лексике русского языка XIX века, Ю.С. Сорокин и его последователи в группе «Словаря русского языка XIX века» Института лингвистических исследований РАН (В.Н. Калиновская, О.А. Старовойтова, С.А. Эзериня и др.) выявили главные направления эволюции словарного состава, развитие в нем комплекса конкретных дериваций, обогащение заимствованиями, стилистические преобразования, переходы внутри лексико-семантических и идеографических групп (Сорокин 1965; Старовойтова 2005; Калиновская, Старовойтова 2016; Калиновская, Эзериня 2019). В Институте русского языка АН СССР в 1970—1980-е годы коллектив лексикологов под руководством Ф.П. Филина (Е.Т. Черкасова, Л.М. Грановская, Е.С. Копорская и др.) активно изучал преобразования «различных генетико-стилистических пластов русской лексики XIX в.» — славянизмов, заимствований, регионализмов, базовой литературной лексики (Грановская 1978; Черкасова 1978; Филин 1981; Копорская 1988).

Во всех вышеназванных ономаσιологических и семаσιологических процессах второй половины XIX века Толстой, находившийся в наиболее активном периоде своего творчества, играл ключевую роль.

Вместе с тем только корпусная лингвистика дает возможность системно, последовательно и объективно определить новаторские черты, внесенные Толстым в лексические пласты русского языка. Возможности Национального корпуса (НКРЯ), представленные его создателями (Плунгян 2008; Гришина 2015; Савчук, Архангельский и др. 2024), ресурсы постоянно обновляемых его подкорпусов (диалектного, разговорного, журнального), данные совместимых с ними цифровых баз толстовских текстов и материалов о них (включая базы проекта *Tolstoy Digital*) позволяют увидеть подлинную картину эволюции лексического состава языка и место в ней тех или иных толстовских словоупотреблений. Современные компьютерные технологии позволяют не только анализировать большие текстовые объемы произведений Толстого, но и сопоставлять отдельные их компоненты с идентичными элементами языковой системы, в том числе зафиксированными лексикографическими источниками середины и второй половины XIX века.

Материалом данного исследования является лексический состав канонического варианта повести «Отрочество» (Толстой 1960) и некоторые фрагменты подготовительных вариантов текста Толстого (2000). Кроме того, привлекаются все сопоставимые с толстовским словоупотреблением примеры из НКРЯ (преимущественно в текстах других писателей и публицистов XIX – XX веков).

3. Методология

Текстовый неологический потенциал является основой отбора лексических единиц для рассмотрения; учитываются также уже имеющиеся в филологии материалы об общих новаторских чертах толстовского словоупотребления. Некоторые лексические единицы оказались в поле зрения ввиду их отсутствия в максимально близком по времени к толстовскому тексту лексикографическом своде — Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (1994). Главным методом изучения лексики был корпусный анализ, включавший привлечение всех доступных автору подкорпусов НКРЯ. Во всех случаях применялась функция хронологического выстраивания материала НКРЯ (от более раннего к более позднему). При необходимости использовались статистические данные о количестве вхождений на ту или иную лексику и повторяемости использования лексических единиц у Толстого. Определение семантики лексем проводилось с опорой на электронные лексикографические ресурсы, а в некоторых случаях — и на специализированные лексикографические источники: (Грот, Шахматов web; Словарь XIX в. web; БАС).

4. Результаты и их обсуждение

Уже раннее творчество отразило внедрение Толстым в художественный текст сложных новообразований — преимущественно прилагательных и наречий, — состоящих из двух соединенных компонентов. Разумеется, подобного рода неологизмы не способны приобрести общезыковое распространение и узуальный статус, однако чрезвычайно велики их внутритекстовое значение (лингвопоэтическое) и роль в характеристике языковой личности автора, а также в структурировании его идиостилистического лексикона. Дальнейшее творчество Толстого свидетельствует о том, что он был склонен к словопроизводству сложных наречий и прилагательных, отводил им видное место в лексической ткани своих произведений. В «Отрочестве» отмечены четыре подобных лексемы: *пристально-бессмысленный*, *равнодушно-презрительный*, *страшно-мрачный* и *строго-повелительный*.

Надо указать также на создание Толстым одной из форм глагольного действия со значением 'осуществление действия некоторое, непродолжительное время', вполне в традициях русского словообразования по модели, до настоящего времени остающейся актуальной: *по-* + *глагол несовершенного вида* («Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мне *поправить*. Филипп дает мне сначала одну вожжу, потом другую...» [130]¹).

Ряд слов, создающих особый психологический колорит повести, объединял «Отрочество» с произведениями классиков русской литературы того времени — Григоровича, Островского, Достоевского, Тургенева и др. Эти слова выполняют у Толстого вполне традиционную, уже закрепленную за ними в языке роль. Толстовские контексты в этом отношении поддерживают уже сложившийся арсенал психологических лексем русского языка. Специфика их использования состоит в том, что в «Отрочестве» (и биографической трилогии в целом) они оформляют художественное открытие Толстого-психолога, детально проследившего, как именно «способность смотреть на мир чужими глазами приходит при взрослении, сопровождающем когнитивное становление, осознание своей роли в окружении и т.д.» (Демьянков 2022, с. 47). Вот три показательных примера:

1. «Но по тому *инстинктивному* чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводною нитью разговора, Катенька поняла, что мне больно ее равнодушие...» [136]. Прилагательное *инстинктивный* в значении 'непреднамеренный, произвольный, безотчетный' (БАС, т. 7, с. 300) употреблялось в литературном языке с 1830-х годов. По данным НКРЯ, одними из первых в художественном

¹ При отсутствии специальных указаний в квадратных скобках после цитаты из повести Толстого приводится страница канонического варианта текста (по изданию 1960 года). Курсив в цитатах принадлежит автору статьи, если не оговорено иное.

тексте его употребили Н. А. Полевой и Н. И. Греч (1834), затем оно встречалось в романе «Кто виноват?» А. И. Герцена (1841), в рассказах В. А. Соллогуба и Д. В. Григоровича (1845).

2. «— Будто я странная? — отвечала Катенька с *одушевлением*, которое доказывало, что мое замечание интересовало ее...» [137]. Слово *одушевление* в значении 'эмоциональный подъем, энтузиазм' (БАС, т. 13, с. 576) отпочковалось от религиозных контекстов в конце XVIII века. Одно из первых таких употреблений — статья Д. И. Фонвизина. Конструкция с *одушевлением* возникла в художественных текстах с начала XIX столетия. НКРЯ дает контексты С. П. Жихарева (1806), П. А. Вяземского (1830), И. И. Лажечникова (1835).

3. «С приездом в Москву перемена моего взгляда на предметы, лица и свое отношение к ним стала еще *ощутительнее*» [139]. Прилагательное *ощутительный* ('остро чувствуемый, хорошо воспринимаемый' (БАС, т. 15, с. 244)) стало достоянием русского литературного языка в начале XIX века.

В целом биографическая трилогия Толстого, и «Отрочество» в частности, представляется полем большого толстовского эксперимента по детальному отражению человеческих эмоций, чувств, состояний. Здесь в каждой главе встречается множество лексических единиц упомянутой семантики. Так, лишь на первой странице главы «Ненависть» нами зафиксированы следующие лексемы, передающие эмоционально-чувственные и интеллектуальные состояния человека: *ненависть, наслаждение, отвращение, уважение, хладнокровно, легкомысленный эгоизм, тщеславие, дерзость, невежественная самоуверенность, удовольствие, подавленное отчаяние, злоба, досада* (Толстой 2000, с. 131–132). Первый рецензент повести С. С. Дудышкин справедливо отмечал: «Не знаем, что больше хвалить... талант ли автора неоспоримый, мастерство ли рассказа, или ту умную наблюдательность, которая так редка» (Дудышкин 1854, с. 130).

Заметную группу в составе лексики «Отрочества» составляют «имена эмоций», то есть названия широкого спектра эмоциональных модальностей. В тексте нами отмечены *отчаяние, страх, ненависть* (так даже называется одна из глав), *презрение, любовь, стыд, наслаждение, уважение, страдание* и многие другие.

Нравственно-этические по содержанию слова также вносят весомый вклад в лингвопоэтику повести: *идеал, добродетель, совершенствование, мораль, достоинство, истина, вечность, бессмертие духа* и т. п.

Отдельно следует поставить французское *comme il faut*, которое Толстой впервые вводит в «Отрочестве», над которым он будет долго думать в дальнейшем и коннотация (а может быть, и содержание) которого в понимании писателя значительно изменится (подробнее см.: Романов 2007). Это французское выражение Толстой и его современники могли оформлять и в кириллической графике как одно слово — *комильфо*. В период написания «Отрочества» Толстой понимал *comme il faut* как 'порядочность' и даже придавал этому сочетанию позитивную коннотативную окраску. Вот микроконтекст: «Дубков имел двоякую

прелесть — воинственной наружности и, главное, возраста, с которым молодые люди почему-то имеют привычку смешивать понятие порядочности (*comme il faut*), очень высоко ценимую в эти года» [197].

Произведение Толстого во многом способствовало актуализации и закреплению приведенных выше лексем в литературно-художественном контексте эпохи и последующих этапов развития отечественной словесности.

Одним из ключевых слов повести является *направление*, обозначающее в толстовских контекстах 'систему взглядов, черты мировоззрения человека'. Вот два показательных примера использования этой лексемы: «Не стану час за часом следить за своими воспоминаниями, но брошу быстрый взгляд на главнейшие из них... до сближения моего с необыкновенным человеком, имевшим решительное и благотворное влияние на мой характер и *направление*» [187]; «Само собою разумеется, что под влиянием Нехлюдова я невольно усвоил и его *направление*...» [206]. Данное слово стало приобретать переносные значения, отличные от первичного пространственного, уже в XVIII веке. Применительно к человеческим взглядам, идеям, устремлениям первым, по данным НКРЯ, его употребил П. А. Вяземский, который в одном из своих писем 1819 года использовал словосочетание *направление умов, желаний*. Перевод семантики лексемы в мировоззренческую плоскость весьма созвучен эпохе романтизма, поэтому вполне понятно, что в духе Вяземского слово *направление* употребляли его современники, например А. И. Тургенев (*сие направление мыслей*) и А. С. Пушкин («О *направлении нашей поэзии*») (НКРЯ web). По наблюдениям Ю. С. Сорокина, «популярность и влияние этого слова в 40-е гг. становятся исключительными; требование *направления* — одним из основных требований по отношению к литературе и ее деятелям. <...> Бурная семантическая эволюция слова приводит еще к одному метонимическому смещению в его семантике. Оно начинает обозначать не только определенную тенденцию и устремление мысли, определенную идейную ориентацию, не только совокупность взглядов и воззрений писателя или журнала и т. д., но и известную литературную, научную, политическую группу, школу, носителей и хранителей этих тенденций, представителей определенного мировоззрения» (Сорокин 1965, с. 506). Толстой продолжает эту традицию, делая слово *направление* одним из знаковых для всей биографической трилогии. Он применяет его не к группе людей, не к «литературному органу, писателю или произведению», а к обычному человеку, чей поиск жизненных идеалов становится главным предметом изображения писателя.

Содержание и поэтика повести «Отрочество» естественно предполагают употребление большого количества слов, связанных с рефлексией человека. К их числу следует отнести и те лексемы, которые своей формой показывают обращенность чего-либо на себя, то есть формально-лингвистически, а не только семантически отражают рефлексивность. Ярким примером таких лексем выступают сложные слова с первой частью *сам-* /*сам(о)-* и *сво(е)-*. В тексте повести неоднократно

встречаются следующие существительные и прилагательные: *самодовольный, самодовольство, самодовольствие, самоуверенный, самоуверенность, своенравный, своенравие* и т.п. А слова *самолюбивый* и *самолюбие* становятся ключевыми в финале главы «Рассуждения», где они повторяются несколько раз. Именно рассуждения героя о самолюбии человека становятся отправной точкой его дружбы с Дмитрием Нехлюдовым, которую он считает очень важной для становления своего мировоззрения. В отроческие годы герой считает, что «всякий человек *самолюбив*, и все то, что ни делает человек, — все из *самолюбия*» [202]. Толстовская повесть доказывает, что «развитие этого класса слов находит свое объяснение и во внеязыковых обстоятельствах. Оно стоит в тесной связи с тем особым вниманием ко всякого рода проявлениям духовных процессов, протекающих в отдельной личности, и к развитию активного, деятельного начала в жизни общественной» (Сорокин 1965, с. 300).

К числу рефлексивных слов принадлежит, конечно, *умствование*, употребляемое Толстым во вполне традиционном для его времени значении, а также сочетание *изворотливость ума*, где ощутимо толстовское языкотворчество.

Толстой одним из первых русских писателей стал закреплять за словом *изворотливость* отрицательную оценочность. Эта лексема стала активно входить в употребление с началом XIX века. Первоначально оно имело значение ‘способность к легким и быстрым поворотам’ (Грот, Шахматов, т. 3, вып. 2, с. 316). Так, по данным НКРЯ, П. В. Анненков использовал это слово как характеристику умелых юридических деятелей — *адвокатская изворотливость*. К середине столетия *изворотливость* наиболее часто определяла деятельность купцов, торговцев и т.п., употребляясь в одном ряду с *ловкостью, оборотистостью, смекалкой, хитростью, лукавством*. Здесь уже стала намечаться тенденция к коннотативной окрашенности слова как отрицательно оценочного. Толстой — один из первых литераторов, который в своем творчестве последовательно придавал слову *изворотливость* негативную оценку, затем вошедшую и в узуальное его употребление. В «Отрочестве» читаем: «Из всего этого тяжелого морального труда я не вынес ничего, кроме *изворотливости* ума, ослабившей во мне силу воли, и привычки к постоянному моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка» [186]. В таком же отрицательно коннотативном значении однокоренное слово возникнет потом в «Войне и мире» (умственные способности Пьера были «*сильнее и изворотливее*», что ставило Николая Ростова в тупик). И хотя Толстой имеет в виду прежде всего так называемую *гибкость ума* (которую все равно саму по себе оценивает отрицательно), тем не менее можно утверждать, что его творчество способствовало оформлению современного значения существительного *изворотливость* с негативной оценочностью — ‘хитрость, ловкость, умение любыми путями выходить из затруднительных ситуаций’ (БАС, т. 7, с. 103).

Некоторые существительные конкретной семантики на страницах «Отрочества» Толстой употреблял в значениях, не являвшихся высокочастотными для его времени. Например: «Папа был очень весел (он

был в выигрыше в это время), подарил Любочке дорогой серебряный сервиз и за обедом вспомнил, что у него во флигеле осталась еще бон-боньерка, приготовленная для именинницы» [163]. Разумеется, здесь под сервизом понимается 'набор украшений' или 'набор предметов для туалетного столика'. Корпусный анализ показывает, что в художественной литературе подобную семантику слово *сервиз* имело только в «Обрыве» И. А. Гончарова. Очевидно, Толстой и несколько позже Гончаров зафиксировали малочастотный смысловой вариант французского *servise* на русской почве.

Толстой способствовал внедрению в русский язык отдельных заимствований. Например, французское *flacon*, начавшее активно использоваться в русском языке с 1840-х годов, было быстро освоено и дало начало уже русскому деривационному гнезду. Первым производным в этом гнезде стал деминутив *флакончик*. В свою очередь «Отрочество», по свидетельству НКРЯ, — один из первых русскоязычных художественных текстов, где это новое слово было употреблено неоднократно. В главе «Старший брат» *разноцветный флакончик* из коллекции украшений на столе Володи, разбитый Николенькой, становится причиной ссоры братьев и отправной точкой для психологического исследования характера их взаимоотношений.

Прилагательное *несообразный* Толстой употребляет в двух значениях: 1) более привычном и распространенном для середины 1850-х годов — 'не соотносимый с чем-то, не соизмеримый с чем-то' (управление творительным падежом) и 2) 'лишенный необходимых свойств, недостаточный, ущербный; разительно отличающийся от других' (БАС, т. 12, с. 273). В первом значении слово *несообразный* применимо только к неодушевленным предметам, и его семантика объясняется внутренней формой (соотношением двух образов — сравниваемого предмета и объекта сравнения). В этом значении слово существует в языке с начала XVIII столетия. У Толстого находим: «Едва ли мне поверят, какие были любимейшие и постояннейшие предметы моих размышлений во время моего отрочества, — так они были *несообразны* с моим возрастом и положением» (2000, с. 136).

Второе, переносное значение, применимое в том числе к людям, активно начало развиваться в русском языке с 1820-х годов. Оно носило отчетливо разговорный и негативно-оценочный характер. По данным НКРЯ, одним из первых его использовал в своей «Хронике русского 1825—1826 гг.» А. И. Тургенев, написавший о *несообразном сюжете оперы*. Затем А. И. Герцен в романе «Кто виноват?» (1846) использовал сочетание *несообразная нелепость положения*. В этих примерах значение явно переносное, так как слово не управляет творительным падежом и нет семантики сравнения, однако оно еще применимо к предметному миру. Уже с 1840-х годов это прилагательное стало отрицательной характеристикой человека: у А. Н. Островского в «Свои люди — сочтемся» (1849) в речи Подхалюзина возникает сочетание *несообразная женщина*, а у И. С. Тургенева в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» (1851) — *несообразный человек*. Толстой подхватывает это относительно новое значение.

В «Отрочестве» читаем: «...проявления его любви были весьма странны и несообразны...» [180]; «...не хотевшего и слышать о замужестве своей племянницы с Васильем, которого он называл человеком *несообразным и необузданным*» [Там же] (курсив автора). В последнем случае, как у Островского и Тургенева, явно разговорный контекст: так оценивает Василия, возлюбленного служанки Маши, ее дядя Николай.

«Отрочество» — одно из первых произведений отечественной литературы, где глагол *драпироваться* употреблен в переносном значении (применительно к St.-Jérôme сказано: «любил *драпироваться* в роль наставника» [178]). Как свидетельствует НКРЯ, значение 'принимать несвойственный вид, скрывать подлинную сущность, притворяться' (Словарь XIX в. web) начало развиваться у этого глагола в 1840-е годы, и Толстой (наряду с М. Ю. Лермонтовым и Н. В. Гоголем) является одним из творцов этой новой для языка метафорической семантики ранее сугубо «галантерейного» глагола. Как точно заметил Д. С. Мережковский, «из таких-то маленьких поразительных наблюдений и открытий, как из первоначальных клеточек, состоит самая основа — вся живая ткань его произведений» (1909, с. 158).

Толстой был способен актуализировать, «оживлять» отдельные достаточно распространенные в литературно-художественной практике метафоры путем обновления их сочетаемости. Например, лексема *театр* в метафорическом значении 'площадка для каких-либо действий, событий' (Словарь XIX в. web) широко использовалась в литературных текстах середины XIX века. У Толстого эта семантика актуализируется необычной валентностью лексемы: «О предмете моих размышлений расскажу в следующей главе; *театром* же моих *наблюдений* преимущественно была девичья...» [179–180].

Прилагательное *патетический* стало применяться в нетерминологическом значении начиная с 40-х годов XIX века: «...распространение слова *пафос* в употреблении совлекает с него... эстетические одежды» (Сорокин 1965, с. 123); то же можно сказать и о родственном прилагательном *патетический*. Оно иллюстрирует общую языковую тенденцию столетия — семантическое преобразование слов-терминов «происходит чаще всего не в пределах терминологически замкнутых систем, а в системе общелитературного языка в целом» (Филин 1981, с. 241). У Толстого оно используется уже как вполне характерное для художественного дискурса: «— Николенька! — сказал он мне самым простым, нисколько не *патетическим* голосом...» [143]. Слово представляет определенный ракурс авторского видения ситуации, совмещающий сознание взрослого (рассказчика) и подростка (главного героя). Свидетель первой публикации «Отрочества» П. В. Анненков писал: «...каждое слово его проникнуто уважением как к задаче, принятой им [Толстым] на себя, так и к возрасту, который столько же имеет неразрешимых вопросов... сколько и всякий другой возраст» (1982 [1855], с. 340).

Сложное прилагательное *миротворный*, церковнославянское по происхождению, долгое время оставалось в русском языке атрибутом высокого стиля и употреблялось преимущественно в контекстах рели-

гиозного содержания. Лишь в начале 1850-х годов оно стало переходить в нейтральную сферу употребления и терять свойства поэтизма. Этому во многом способствовали писатели натуральной школы А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский и др. (в частности из Писемского НКРЯ приводит такое словосочетание: *миротворное расположение духа*, 1851). Толстой также внес вклад в стилистическую демократизацию этого прилагательного. В «Отрочестве» о докторе Блюментале сказано: «...тщетно старался успокоить Гашу, делая ей глазами и головой таинственные *миротворные* знаки» [146].

Отдельные отвлеченные существительные в тексте «Отрочества» приобретают акцентированную семантику, если используются в афористических предложениях нарратора. В таком случае подобные слова особенно весомы для языка именно в толстовском употреблении, а вклад писателя в их смысловое развитие и функциональное художественное закрепление начинает осознаваться вполне четко. Корпусная проверка, как правило, показывает, что толстовский контекст слова в таких случаях относится к числу первых или семантически оригинальных. Так, слово *неправдоподобность* заметно акцентировано в следующем толстовском умозаключении: «Опять повторяю, что *неправдоподобность* в деле чувства есть вернейший признак истины» [196]. Абстрактное существительное *неправдоподобность* НКРЯ впервые фиксируется в письме А. С. Пушкина В. К. Кюхельбекеру (1825), затем — в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (1847). Толстовское употребление — одно из первых в художественном тексте и, хотя оно не является семантически или стилистически оригинальным, тем не менее весьма показательным в лингвистически иллюстративном плане, потому что лексема здесь выполняет роль ключевого компонента авторского афоризма.

Как свидетельствует НКРЯ, «Отрочество» — произведение, в котором обнаруживается вторая текстовая фиксация отвлеченного существительного *поразительность* (до этого оно употреблялось лишь в «Опыте риторики» И. С. Рижского, 1822). Нужно отметить, что в повести ощутимо начало той лингвопоэтической линии, которая будет свойственна дальнейшим сочинениям Толстого, — частотное употребление абстрактной лексики, закономерно оформляющей авторские размышления, отступления от основной содержательной линии, вставки философского характера. Многие подобные слова Толстой употреблял одним из первых, продвигал их в литературный язык (не только художественный, но и публицистический), возводил в ранг морально-этических терминов. В биографической трилогии эти тенденции уже наметились.

Выше говорилось об акцентуации слова *неправдоподобность*. Существительное *поразительность* так не выделено, однако весьма заметно в философско-рассуждающей части авторской наррации: «Мысли эти представлялись моему уму с такой ясностью и *поразительностью*, что я даже старался применять их к жизни, воображая, что я *первый* (курсив автора. — Д. Р.) открываю такие великие и полезные истины» [184]. Разумеется, это слово не изобретение, не окказионализм Толстого или

упомянутого выше первого ректора Харьковского университета, ритора и философа И. С. Рижского. Оно относилось до своего первого употребления к числу так называемых потенциальных слов, способных развиваться в деривационной цепочке от прилагательного *паразитный*. Вместе с тем нельзя недооценивать роль первых текстовых фиксаций лексемы и значение для литературного языка творчества тех людей, которые первыми слово использовали. Толстой — родоначальник применения этой лексемы в художественном тексте. Вслед за ним, по данным НКРЯ, идут В. В. Крестовский, Н. С. Лесков, Г. И. Успенский и др. Всего НКРЯ отмечает на эту лексему 40 вхождений, то есть она принадлежит в русском литературном языке к числу низкочастотных. Но для толстовского идиостиля лексема характерна, потому что писатель использовал ее еще раз, уже в поздний период творчества, — в статье «Закон насилия и закон любви» (1908).

Отвлеченная лексика, чаще всего обозначающая качества и свойства, составляет заметную зону в художественном лексиконе Толстого и постоянный предмет его языкотворчества. Зарождение и семантические преобразования подобных слов в произведениях Толстого и других крупных писателей второй половины XIX века сформировали одну из важнейших тенденций развития словарного состава русского литературного языка этого периода, объяснимую «интересом к внутренней жизни человека» (Филин 1981, с. 24).

Текст «Отрочества» сыграл роль в продвижении в литературный язык отдельных разговорных слов. Так, существительное общего рода *коротконожка* стало достоянием русского литературного языка во многом благодаря Толстому. В «Отрочестве» читаем: «Дубков был маленький жилистый брюнет, уже не первой молодости и немного *коротконожка*, но недурен собой и всегда весел» [197]. По свидетельству НКРЯ, толстовское текстовое употребление было не первым: родоначальником литературного использования слова стал А. В. Дружинин (1850). Но вхождений из Толстого в корпусе два: слово *коротконожка* встречается еще в романе «Анна Каренина». Следовательно, это существительное было в лексиконе Толстого и из него шагнуло в литературный язык. Налет разговорности за лексемой, конечно, сохранился. Она встречается впоследствии в текстах В. В. Крестовского, Н. С. Лескова. Всего НКРЯ дает на слово 21 вхождение вплоть до XXI века, то есть оно заняло свое место в литературном языке, хотя и не стало частотным.

В целом Толстой не чуждался разговорных слов и даже просторечия, но только в том случае, если они нужны были ему с художественно-выразительными целями. Так, чтобы снизить излишнюю патетику и охарактеризовать отца как человека, способного к теплым, «домашним» отношениям с детьми, которых он искренне любит, Толстой вводит в его лексикон слова подобного стилистического разряда. Обращаясь к затравленному St.-Jérôme Николеньке он участливо спрашивает: «Об чем ты, *пузырь?*» [177], стремительно взрослеющий Николенька вспоминает: «Одно утешает меня: это то, что про меня папа сказал как-то, что у меня *умная рожа*, и я вполне верю в это» [196] (курсив автора. — Д. Р.).

В других случаях разговорные слова нужны для придания тексту предельной смысловой точности. Так, рассказывая о проводах Володи на первый университетский экзамен, автор сообщает: «...бабушка, тоже *притащившаяся* к окну, со слезами на глазах, крестит Володю до тех пор, пока фэтон не скрывается за углом переулка, и шепчет что-то» [188]. Общеупотребительный разговорный глагол *притащиться* имел и до сих пор имеет значение 'дойти с трудом, через силу' (в том числе применительно к людям больным, старым, немощным и т.п.) (БАС, т. 20, с. 215). В данном случае причастие от этого глагола максимально соответствует смыслу изображаемой сцены.

Нужно отметить, что глагол *притащиться*, несмотря на свой разговорный характер, довольно активно использовался литературой эпохи Толстого именно в приведенном выше значении (НКРЯ дает фрагменты из произведений Н. Ф. Павлова, И. И. Панаева, Н. А. Некрасова и др. конца 1830-х — начала 1850-х годов, где этот глагол отнесен к старикам, нищим, калекам). Об особенностях лексического выбора Толстого весьма точно писал в свое время Ю. И. Айхенвальд: «Толстой говорит первыми словами. Он потом не поправляет. Он не отделяет. Кто видел корректуры его сочинений, тот знает, каким бесконечным переделкам подвергает он все им написанное, как долго и добросовестно обдумывает он каждую строку, — но ни одна, решительно ни одна из этих бесчисленных настойчивых поправок не касается стиля, внешности: все они имеют в виду только существо, только содержание. Забота о слоге для Толстого не существует; о технике он не думает...» (1908, с. 111).

В таком же общепринятом значении, как причастие *притащившаяся*, Толстой использует и частотную для его времени разговорную лексему *гиль* («...все то, о чем я думал, была ужаснейшая *гиль*» [186]), входившую, по В. В. Виноградову, в гнездо древних просторечных слов: *гилить* — 'балагурить, острить', *изгилай*, *разгильдай* — 'лентяй, повеса' и др. (1999, с. 123). Здесь нужно отметить и уже сложившуюся в языке к 1850-м годам привычную сочетаемость этого существительного с адъективом *ужаснейшая* (*ужасная*).

Повесть Толстого содержит один из первых контекстов книжной лексики *удобоисполнимый*: «Тогда исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастья людские казалось *удобоисполнимою* вещью...» [206]. Согласно НКРЯ, первые употребления этого сложного и отчетливо книжного, стилистически закрепленного за юридическим и политическим дискурсами слова относятся к 1840-м годам. Оно встречается в «Темневской ярмарке» В. А. Соллогуба (1845), «Брусине» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1848). У Толстого лексема поддерживает контекст философских рассуждений нарратора и выступает в значении, которое становилось постепенно традиционным для языка, — 'удобный, легкий для исполнения'.

Нечасты для Толстого какие-либо грамматические преобразования и нововведения. Можно отметить образование сравнительной степени относительного прилагательного с сохранением исконного значения (без перехода в разряд качественных признаков): *дорога становится пыльнее* [129].

Обращает на себя внимание и авторский фразеологизм (метафорическое фразеологическое единство) *удить рыбу* в значении 'дремать во время работы, выполнения какого-либо дела': (о кучере Василии) «...я... замечаю, что он начинает *удить рыбу* на козлах» [Там же] (курсив автора. — Д. Р.). Этот фразеологизм отмечен со ссылкой на Толстого и пометой *иносказание* в «Опыте русской фразеологии» М. И. Михельсона как синоним к слову *дремать* и устойчивому сочетанию *клевать носом* (1994, с. 408).

5. Заключение

Идиостилю «раннего» Толстого не было свойственно создание окказиональных новообразований. Исключение составляют сугубо текстовые сложные единицы, включающие преимущественно прилагательные. Они не становились достоянием словаря, а выполняли исключительно текстовую лингвопоэтическую роль.

Новаторство Толстого состоит преимущественно в семантическом развитии лексем, в выработке у них новых значений, расширении структуры полисемии. Подобные явления внесли существенный вклад в смысловую детализацию, в углубление семантики многих лексем русского языка, входящих в состав морально-этической, эмоционально-чувственной и интеллектуально-аналитической тематических групп русского языка.

Уже раннее творчество Толстого способствовало активному взаимодействию различных стилистических пластов русской лексики: художественному освоению просторечия, переходу в литературный язык терминологической лексики, обретению обычными узуальными лексемами статуса морально-этических категорий.

Творчество Толстого способствовало отражению в литературном языке широкого семантического спектра бытовавших в языке середины XIX века заимствований. Часть значений подобных слов, зафиксированных в повести Толстого «Отрочество», до настоящего времени не сохранилась, а следовательно, подобная фиксация является важным источником понимания семантической эволюции заимствованной лексики в русском языке.

Толстой способствовал освоению заимствованных (преимущественно французских) лексем на русской почве и их включению в систему национальной деривации.

В раннем творчестве Толстого началось закрепление за отдельными лексемами коннотативной окраски, до того им не свойственной. Такая «печать» толстовского творчества у отдельных слов укоренилась в лексикографической традиции и сохраняется до настоящего времени при иллюстрировании их семантики в толковых словарях.

Языку Толстого свойственны отдельные грамматические и фразеологические новации, которые носят преимущественно «камерный» характер, однако получают широкую известность благодаря популярности произведений писателя.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л.Н. Толстого: XXI век», <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Список литературы

Айхенвальд, Ю.И., 1908. Лев Толстой. В: *Силуэты русских писателей*. Выпуск 2. М., с. 109–136. [Aikhenvald, Yu.I., 1908. Lev Tolstoy. In: *Silhouettes of Russian Writers*. Issue 2. Moscow, pp. 109–136 (in Russ.)].

Анненков, П.В., 1982 [1855]. О мысли в произведениях изящной словесности. (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л.Н.Т.). В: *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века*. Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. М., с. 319–344. [Annenkov, P.V., 1982 [1855]. On Thought in Works of Belles-lettres. (Notes on the Recent Works of Messrs. Turgenev and L.N.T.). In: V.K. Kantor and A.L. Ospovat, eds. *Russian aesthetics and criticism of the 40–50s of the XIX century*. Moscow, pp. 319–344 (in Russ.)].

БАС — Большой академический словарь русского языка, 2004–2024. Т. 1–28. М.; СПб. [Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language, 2004–2024. Vol. 1–28. Moscow; St. Petersburg (in Russ.)].

Виноградов, В.В., 1999. *История слов*. М. [Vinogradov, V.V., 1999. *History of Words*. Moscow (in Russ.)] EDN: LWUKGY

Грановская, Л.М., 1978. О некоторых семантических изменениях в русской литературной лексике последней трети XIX — начала XX в. В: *Эксперименты в историю русской лексики*, Сборник статей. М., с. 89–105. [Granovskaya, L.M., 1978. On Some Semantic Changes in Russian Literary Lexicon of the Last Third of the 19th — Early 20th Centuries. In: *Excursions into the History of Russian Lexicon*, Collection of Articles. Moscow, pp. 89–105 (in Russ.)].

Гришина, Е.А., 2015. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, 6, с. 65–88. [Grishina, E.A., 2015. A Multimodal Module in the National Corpus of the Russian Language. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, pp. 65–88 (in Russ.)] EDN: VJQBVB

Грот, Я.К., Шахматов, А.А. (ред.), 1891–1937. *Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Императорской Академии наук*. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_\(1891-1937\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_(1891-1937)) (дата обращения: 22.08.2025). [Grot, Ya.K. and Shakhmatov, A.A., eds., 1891–1937. *Dictionary of the Russian language, compiled by the 2nd Section of the Imperial Academy of Sciences*. Available at: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_\(1891-1937\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_(1891-1937)) [Accessed 22 August 2025] (in Russ.)].

Даль, В.И., 1994. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. И.А. Бодуэн де Куртенэ (ред.). (Репринт 1903–1909 гг.). М. [Dal, V.I., 1994. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. In 4 vols. I.A. Baudouin de Courtenay, ed. (Reprint 1903–1909). Moscow (in Russ.)].

Демьянков, В.З., 2022. О креативности обыденной мудрости. В: *Язык. Человек. Культура*, Сборник научных трудов. М., с. 45–51. [Dem'yankov, V.Z., 2022. On the Creativity of Everyday Wisdom. In: *Language. Man. Culture*, Collection of Scientific Papers. Moscow, pp. 45–51 (in Russ.)] EDN: CPDASG

Дудышкин, С.С., 1854. Раздел «Журналистика». *Отечественные записки*, 11, с. 128–144. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/dudyshkin-zhurnalistika-statya-pervaya.htm> (дата обращения: 22.08.2025). [Dudyshkin, S.S., 1854. Section “Journalism”. *Otechestvennye zapiski*, 11, pp. 128–144. Available at: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/dudyshkin-zhurnalistika-statya-pervaya.htm> [Accessed 22 August 2025] (in Russ.)].

Калиновская, В.Н., Старовойтова, О.А., 2016. «Словарь русского языка XIX века» как историко-лексикологическое исследование нового типа. В: *Язык и метод: Русский язык в исследованиях XXI века. Том 3*. Краков, с. 35–42. [Kalinovskaya, V.N. Starovoytova, O.A., 2016. "Dictionary of the 19th Century Russian Language" as a New Type of Historical and Lexicological Study. In: *Language and Method: Russian Language in 21 Century Research. Vol. 3*. Krakow, pp. 35–42 (in Russ.)] EDN: XHNNWV

Калиновская, В.Н., Эзериня, С.А., 2019. Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, 19, с. 77–84. [Kalinovskaya, V.N., Ezerynya, S.A., 2019. Semantic derivation in the 19th century Russian language: the system-based and the authors' individual. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 19, pp. 77–84 (in Russ.)] EDN: RNUGRN

Копорская, Е.С., 1988. *Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени*. М. [Koporskaya, E.S., 1988. *Semantic history of Slavisms in the Russian literary language of modern times*. Moscow (in Russ.)].

Мережковский, Д.С., 1909. *Л. Толстой и Достоевский: жизнь и творчество*. [Merezhkovsky, D.S., 1909. *L. Tolstoy and Dostoevsky*. (in Russ.)].

Михельсон, М.И., 1994. *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Том 2. (Репринт 1912 г.). М. [Mikhelson, M.I., 1994. *Russian Thought and Speech: One's Own and Another's: An Essay on Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories*. In 2 volumes. Vol. 2. (Reprint of 1912). Moscow (in Russ.)].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.08.2025 г.). [Russian National Corpus. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 01 August 2025] (in Russ.)].

Плунгян, В.А., 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*, 2(16), с. 7–20. [Plungyan, V.A., 2008. Corpus as a Tool and as an Ideology: On Some Lessons of Modern Corpus Linguistics. *Russian Language in Scientific Light*, 2(16), pp. 7–20 (in Russ.)] EDN: MTBALV

Романов, Д.А., 2007. Феномен *comme il faut*. В: И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Рязань, с. 165–171. [Romanov, D.A., 2007. The phenomenon *comme il faut*. In: *I.I. Sreznevsky and the History of Slavic-Russian Philology: Trends in Science, Education, and Culture*. Ryazan, pp. 165–171 (in Russ.)].

Савчук, С.О., Архангельский, Т.А., Бонч-Осмоловская, А.А. и др., 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2, с. 7–34. [Savchuk, S.O., Arkhangel'skiy, T.A., Bonch-Osmolovskaya, A.A. et al., 2024. Russian national corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, pp. 7–34 (in Russ.)] EDN: AATSXV, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>

Словарь русского языка XIX в. URL: <https://xix.iling.spb.ru/> (дата обращения: 22.08.2025) [Dictionary of the Russian language of the 19th century. Available at: <https://xix.iling.spb.ru/> (in Russ.)].

Сорокин, Ю.С., 1965. *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века*. М.; Л. [Sorokin, Yu.S., 1965. *Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30s – 90s of the 19th century*. Moscow; Leningrad (in Russ.)].

Старовойтова, О.А., 2005. Динамика языковых процессов в художественном тексте XIX века как предмет лексикографического описания. В: *Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии*. СПб., с. 247–277. [Starovoitova, O.A., 2005. Dynamics of linguistic processes in 19th century fiction as a subject of lexicographical description. In: *Current issues in historical lexicography and lexicology*. St. Petersburg, pp. 247–277. (in Russ.)] EDN: VLUAKH

Толстой, Л. Н., 1960. Отрочество. В: *Собрание сочинений в 20 т.* Т. 1. М., с. 97 – 170. [Tolstoy, L. N., 1960. Adolescence. In: *Collected works in 20 volumes.* Т. 1. Moscow, pp. 97 – 170. (in Russ.)].

Толстой, Л. Н., 2000. Отрочество. В: *Полное собрание сочинений в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений.* Т. 1(19). М., с. 235–358. [Tolstoy, L. N., 2000. Adolescence. In: *Complete works in 100 volumes. Editions and variants of works of art.* Vol. 1(19). Moscow, pp. 235 – 358 (in Russ.)].

Филин, Ф. П. (ред.), 1981. *Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века.* М. [Filin, F. P., ed., 1981. *Vocabulary of the Russian Literary Language of the 19th – Early 20th Centuries.* Moscow (in Russ.)].

Черкасова, Е. Т., 1978. О роли диалектной лексики в обогащении словарного состава русского литературного языка (К постановке вопроса). В: *Эксперименты в историю русской лексики.* М., с. 45–61. [Cherkasova, E. T., 1978. On the Role of Dialectal Lexicon in Enriching the Vocabulary of the Russian Literary Language (Towards the Formulation of the Question). In: *Excursions into the History of Russian Lexicon.* Moscow, pp. 45–61 (in Russ.)].

Об авторе

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия.

ORCID: 0000-0002-9650-3408

SPIN-код: 1110-3808

E-mail: kafrus@rambler.ru

Для цитирования:

Романов Д. А. Лексика повести Л. Н. Толстого «Отрочество» в контексте развития русского литературного языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 62–78. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE LEXIS OF LEO TOLSTOY'S NOVELLA "BOYHOOD" IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Dmitry A. Romanov

Tula State L. N. Tolstoy University,
125 Lenin St., Tula, 300026, Russia

Received on 09.10.2025

Accepted on 15.04.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4

The article examines the lexis of "Boyhood", the second novella in Leo Tolstoy's autobiographical trilogy. It considers the lexical strata and individual lexemes that shape the distinctive linguopoetics of the work. The lexis is analysed against the lexical background of the period in which it was written, namely the mid-nineteenth century. This approach makes

it possible to identify Tolstoy's linguistic innovations and determine their role in the evolution of the Russian literary language. The study identifies words and word forms first recorded in a literary text, which are instances of occasional neology, as well as semantic shifts within the polysemous structures of established lexemes and the acquisition of new connotative meanings. Corpus analysis, based on concordance data and statistical summaries provided by the Russian National Corpus, is used to distinguish Tolstoy's own lexical innovations from lexemes that became firmly established in the Russian literary language owing to "Boyhood" and Tolstoy's oeuvre more broadly. The analysis also considers lexical units that acquired the distinctive imprint of Tolstoy's individual style and have retained this association to the present day. Particular attention is paid to the role of individual lexemes in creating the novella's specific linguopoetic structure, which is shaped by the dialectics of the protagonist's inner life. This structure is characterised by emotionally and ethically marked vocabulary that is predominantly abstract in its lexical and grammatical properties. The article also examines stylistic shifts affecting certain words in "Boyhood" and Tolstoy's use of colloquial lexical units to achieve semantic precision in the expression of thought and emotion, as well as specific artistic and representational effects. For most of the lexemes under consideration, the study traces the direction of their subsequent development both in Tolstoy's individual style during the mature and later periods of his literary career and in the lexis of the Russian literary language as a whole.

Keywords: Boyhood, Leo Tolstoy, vocabulary, semantics, connotation, neology, tradition, linguapoetics, Russian National Corpus, lexicography

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-20226 "Contexts of Leo Tolstoy's Biographical Trilogy: The 21st Century", <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

The author

Prof. Dmitry A. Romanov, Centre for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State L.N. Tolstoy University, Tula, Russia.

ORCID: 0000-0002-9650-3408

E-mail: kafrus@rambler.ru

To cite this article:

Romanov, D.A., 2026, The lexis of Leo Tolstoy's novella "Boyhood" in the context of the evolution of the Russian literary language, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 62–78. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4.

**ЧТО ЗНАЧИТ «ТЕПЕРЬ»?
ИСТОРИОСОФСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ РИКУСА ВАСКОВСКИ
В СТИХОТВОРНОМ ЦИКЛЕ “DAS ALTE KÖNIGSBERG”**

И. О. Дементьев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 15.05.2026 г.
Принята к публикации 05.06.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5

Представлен анализ стихотворного цикла “Das alte Königsberg” («Старый Кёнигсберг») нидерландского поэта Рикуса Васковски (1932 – 1977) из сборника “Tant pis pour le clown” (1966). В четырех стихотворениях цикла поэт описывает четыре события из повседневной жизни Кёнигсберга XVI – XVII веков: убийство студента, празднование университетского юбилея, операцию по извлечению ножа из желудка пациента, казнь преступника. Установлен источник фактов, положенных в основу нарратива, – книга Каспара Штайна «Старый Кёнигсберг». Критики пришли к выводу, что обсуждаемый цикл отражает в первую очередь интерес Васковски к истории и его сочувственное отношение к ее жертвам. Я пытаюсь также показать, что “Das alte Königsberg” можно интерпретировать как иллюстрацию к постулату Фридриха Ницше о трех родах истории – монументальном, антикварном и критическом. Своеобразная историософия Васковски сочетает эмпатию по отношению к жертвам с апологией науки и искусства (мастерства), а также с вниманием к нюансам ускользающей повседневности. Отдельно рассмотрен вопрос о выборе имени профессора поэтики Пита Калиссиуса, которое представляет собой одну из немногих вымышленных поэтом деталей. Благодаря помощи поэта и переводчика Яна Х. Мишкина удалось установить смысл этой аллюзии.

Ключевые слова: Кёнигсберг, история, нидерландская поэзия, Рикус Васковски

К свершившемуся 60-летию сборника “Tant pis pour le clown”, а также к предстоящему 95-летию рождения и 50-летию смерти его автора – Хендерикуса Маттеуса Васковски

1. Введение

Рикус Васковски (Riekus Waskowsky, 1932 – 1977; полное имя – Hendericus Mattheus Waskowsky) принадлежит к числу нидерландских поэтов, которые практически неизвестны в России. Между тем на родине его считали одним из самых оригинальных авторов, наследником традиций Эзры Паунда и Томаса Стернза Элиота. Васковски родился 15 октября 1932 года в Роттердаме. Один из его прадедов был польского происхождения, трудился смотрителем маяка на голландском побере-

жье (биография далее излагается по (Muiswinkel 1997)). Семья, в которой родился будущий поэт, была католической и одновременно симпатизировала социал-демократии, сам Рикус впоследствии имел разные профессии — от жестянщика до машиниста поезда. Отличаясь начитанностью и эрудицией, он быстро завоевал репутацию поэта-интеллектуала, ценителя Людвига Витгенштейна и одаренного переводчика с английского и испанского языков.

В 1966 году в издательстве *De Bezige Bij* увидел свет первый сборник Васковски *“Tant pis pour le clown”* (фр. «Тем хуже для клоуна»), который был с энтузиазмом встречен критикой. Название его второго поэтического сборника, вышедшего двумя годами позже, приобрело широкую известность в кругах ценителей «новой голландской поэзии» — *“Slechts de namen der grote drinkers leven voort”* («Выживают только имена великих пьяниц»). Дальнейшая его судьба, к прискорбию многих критиков, была типичной для многих поэтов жестокого двадцатого века: страдавший с детства от астмы Васковски также питал пристрастие к алкоголю и умер, не дожив до сорока пяти лет, 14 апреля 1977 года в Роттердаме. Насколько критика была благожелательно настроена к его дебютным сборникам, настолько же безжалостна к его позднему творчеству, оценки которого обычно сводились к печальной констатации угасания самобытности.

Тем не менее в сборнике *“Tant pis pour le clown”* талант молодого нидерландского поэта обнаружил себя со всей очевидностью. Среди стихов, включенных в него, выделяется тетраптих «Старый Кёнигсберг» (*Das alte Königsberg*), который отражает несколько неожиданный интерес поэта к немецкому городу, уже два десятилетия к тому моменту не существовавшему на карте (Waskowsky 1966, p. 14–18). Очарование испано- и англоязычной поэзией, типичное для Васковски, внезапно сменяется пристальным вниманием к хронотопу, который к моменту написания цикла исчез во всех измерениях: немецкий Кёнигсберг превратился в советский Калининград, Пруссия была ликвидирована в 1947 году решением держав — победительниц во Второй мировой войне, также ушла в небытие и эпоха, зафиксированная этим текстом, — между серединой XVI и серединой XVII века. Любопытно, что Васковски обратился к далекому востоку запада Европы практически в тот же момент, когда побывавший *физически* в городе К. — на дальнем западе востока Европы — молодой русский поэт Иосиф Бродский начал вносить свой вклад в «кёнигсбергский текст» русской литературы (Венцлова 2012).

Действие четырех стихотворений цикла Васковски происходит в прусской столице. На первый взгляд, сюжеты не взаимосвязаны, это случайно оказавшиеся в поле зрения поэта фрагменты ускользнувшей реальности¹.

¹ В сборник также включено стихотворение *“Canto II”*, одним из персонажей которого выступает Иммануил Кант (в параллели *Canto* — *Kant* невозможно не усмотреть языковую игру), но его интерпретация, как и характеристика его необычной судьбы, — задача для отдельного исследования.

2. Цикл «Старый Кёнигсберг»

Первое стихотворение цикла посвящено Эгидию Эрнесту Гуннию — человеку, которого можно смело назвать *ноунеймом* в истории города К.

На площади перед университетом
стоит теперь (но что значит «теперь»?) пересохший фонтан
а рядом под деревьями — надгробный камень
Эгидия Эрнеста Гунния, сына и т.д., и т.д.,

который 14 мая 1634 года жестоким оружием
бесполезного человека был ранен
и 21-го числа того же месяца непрестанно
взывая к своему Спасителю в час дня
в возрасте 19 лет, 4 месяцев и 24 дней
отдал свою душу Творцу.

В ожидании Судного дня².

В основе сюжета — реальный случай со студентом Кёнигсбергского университета (Альбертины) Эгидием Эрнестом Гуннием (Aegidius Ernest Hunnius, 1614, Айленбург, Северная Саксония — 1634, Кёнигсберг). Вошедший в историю благодаря смертельному инциденту, Эгидий родился в семье крупного лютеранского теолога Николауса Гунния (Nicolaus Hunnius, 1585—1643) и Анны (Anna Hettenbach), дочери профессора Виттенбергского университета Эрнестуса Хеттенбаха (Ernestus Hettenbach, 1552—1616). Гунний-отец получил докторскую степень по теологии в Виттенберге в 1612 году, тогда же вступил в брак, который, однако оказался далеко не самым счастливым: вскоре Анна родила троих детей, но из них две дочери (Элеонора и Анна Мария) умерли в детстве (старшая, Элеонора, прожила всего десять дней) (Heller 1843, S. 23). Родители, надо полагать, возлагали особые надежды на сына, родившегося в рождественские дни 1614 года. Оба имени отпрыск получил в честь своих дедов — также профессора теологии в Марбурге и Виттенберге Эгидия³ (Ägidius Hunnius der Ältere, 1550—1603) и Эрнестуса Хеттенбаха. К линии сын — отец — дед и отсылает, похоже, поэт в конструкции “*zoon van enz, enz*” (сын [такого-то] и т.д., и т.д.).

Эгидий Эрнест решил посвятить себя изучению теологии — начал обучение в Виттенберге в 1628 году, а в 1633-м переехал в Кёнигсберг, причем этот переезд был профинансирован персональной стипендией, выданной гамбургским торговцем-филантропом Генрихом Шаббелем

² Здесь и далее приводятся подстрочники текстов Васковски. Оригинальные тексты цикла “Das alte Königsberg” доступны онлайн. URL: <https://www.vanoorschot.nl/dbnl/vier-gedichten-riekus-waskowsky/> (дата обращения: 01.03.2026). По возможности сохранена своеобразная пунктуация оригинала.

³ В русской литературе также встречаются другие транслитерации: Егидий Гунний (Леонардов 1900), Эгидий Гунниус (Луц 2014, с. xv).

(Heinrich Schabbel; 1565–1639)⁴. В Кёнигсберге с Эгидием произошло несчастье: вечером 4 мая 1634 года на улице он подвергся неожиданно нападению и был ранен в голову, от чего спустя несколько дней скончался (Ibid.). Профессор теологии Альбертины Иоганн Бем (Johann Behm, 1578–1648) произнес надгробную речь, текст которой был построен на фрагменте Книги Притчей Соломоновых (1:6–14) – очевидно, в первую очередь отсылая к словам грешников в 1:11 «...сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины...» (в лютеровской Библии: “...wir wollen auf Blut lauern und den Unschuldigen ohne Ursache nachstellen...”). Убийца, по всей видимости, установлен не был; в позднейшей литературе утверждалось, что за этим убийством стояли «паписты», которые мстили таким образом отцу за его опасные для католической веры труды (Ibid.). Доказать это, разумеется, невозможно, да и факт влиятельности католиков-экстремистов в Кёнигсберге более чем через сто лет после Реформации выглядит сомнительным.

Топографические реалии не вызывают сомнений: упомянута площадь перед университетом, здание которого располагалось на острове Кнайпхоф, образуемом рукавами реки Прегель (совр. остров Канта в Калининграде). Здание это не пережило Вторую мировую войну.

Второе стихотворение цикла посвящено юбилею Альбертины – поэт как будто по ассоциации переходит от одной университетской темы к другой.

Кстати, столетие Кёнигсбергского университета тоже стало настоящим событием.

– Дело не только в том, что мы все были сильно пьяны, но и в том, что мы слушали профессорские речи
на греческом, иврите, халдейском и сирийском языках.

Кроме того, там была юбилейная песнь (jubileumscarmen),
сочиненная тогдашним профессором поэзии:
доктором Питом Калиссиусом.

Юбилей Кёнигсбергского университета широко отмечался в 1644 году, но профессора по имени *Piet Calissius* в Альбертине никогда не было. Реальность первого сюжета оттеняется мнимой реальностью второго – поэт предлагает читателю познакомиться с вымышленным персонажем, и значение этого трюка еще предстоит оценить.

Третье стихотворение повествует об операции по извлечению ножа из желудка пациента.

(первая операция на желудке – 9 июля 1635 года)
В тот день Андреас Грюнхайде из Грюнвальда,
расположенного недалеко от Ландсберга, был крепко привязан к доске.

⁴ В 1637 году, уже после трагической гибели сына, Николаус Гунний оказался одним из тех, кто посоветовал Шаббелю учредить стипендиальный фонд в поддержку студентов (Jubelfeyer... 1737, S. 944). Фонд просуществовал до 1929 года.

А Даниэль Швальбе, пользовавшийся большой известностью в Пруссии как стоматолог, умело вскрыл стенку желудка.

Затем с Божьей помощью и посредством изогнутой иглы проглоченный нож был извлечен и показан присутствующим.

“Ja, das ist mein Messer!”⁵ — радостно воскликнул пациент.

В реальности фамилия врача была не Швальбе (Schwalbe), а Швабе (Daniel Schwabe, 1592—1635), и он был хирургом, а не стоматологом. Первая известная в истории успешная операция по извлечению ножа из желудка, произведенная над Андреасом Грюнхайде (Andreas Grünheide), действительно была совершена в июле 1635 года, причем с разрешения медицинского факультета Альбертины (Albinus 1988, S. 284).

Четвертое стихотворение связывает сразу несколько сюжетов.

В старой Кнайпхофской ратуше
под лестницей до сих пор висит ступка,
с помощью которой Иоганнус Вегнер в 1550 году,
во вторник после праздника Богоявления⁶,
забил до смерти своих отца и мать.

И поскольку
Эсхин говорит, что государство ничего не стоит
если оно не обладает властью над преступниками,

Иоганнуса Вегнера протащили по всему городу
а затем на Кнайпхофской площади
растерзали на куски раскаленными клещами.

Палача звали Адам Пранг.

Здесь нарратив распадается на три компонента — описание преступления, апелляция к морализирующей античной риторике и характеристика наказания. Упомянутые исторические деятели (Вегнер, Эсхин, Пранг) реальны, но степень авторского участия в организации логической связи между разными сюжетами пока не вполне ясна.

3. Источник

Нет оснований полагать, что Васковски собирал из разных источников разрозненные факты из истории старого Кёнигсберга XVI—XVII веков. На самом деле источник этих сведений один, и поэт, не да-

⁵ Нем. «Да, это мой нож!»

⁶ В оригинале: *Driekoningen*, то есть Праздник трех царей (6 января у лютеран). Характерно, что Кёнигсберг до 1724 года де-юре состоял из трех городов, то есть *королевских гор* было как будто три.

вая точной ссылки, намекает на него самим названием цикла. «Старый Кёнигсберг» — это наименование немецкого перевода латиноязычного сочинения Каспара Штайна (Caspar Stein, 1592–1652). Штайн закончил медицинский факультет Виттенбергского университета. Работая в Кёнигсберге врачом, он принадлежал к кругу поэта Симона Даха и сам занимался творчеством — в частности, написал исторический путеводитель по городу под названием “Peregrinator” (лат. «Путешественник»). Рукопись сочинения, датируемая 1644 годом, хранилась в Кёнигсберге и погибла в конце Второй мировой войны (Albinus 1988, S. 303), но известность приобрел его перевод, выполненный книготорговцем и переводчиком Арнольдом Харизиусом (Arnold Charisius, 1867–1945) (Ibid., S. 56) и увидевший свет в 1910 году.

Именно в этом немецком переводе можно найти все четыре сюжета, описанных Васковски, причем с деталями и аллюзиями, которые не оставляют сомнений в том, что именно это сочинение поэт держал в руках.

Процитируем далее фрагменты из «Старого Кёнигсберга» Штайна для сравнения с текстом Васковски.

[1] «На площади перед коллегией находился ныне засыпанный фонтан, а также надгробный камень, на котором высечено следующее: Эгидий *Эрнст Гунний*, сын любекского суперинтенданта д[октора] Николауса Гунния и Анны Хелленбах⁷, внук виттенбергского теолога д[октора] Эгидия Гунния, родившийся в Айленбурге 24 декабря 1614 года, который посещал нашу академию для изучения теологии, был ранен 14 мая 1634 года бездушным оружием одного никчемного человека и отдал 21-го числа того же месяца в час пополудни, в 19 лет, 4 месяца и 24 дня, с самой искренней мольбой Спасителю, свою душу Творцу и ожидает радостного воскресения» (Stein 1910, S. 29).

Заметно, что почти всё Васковски заимствовал из этого короткого текста, в том числе даты нападения и смерти, приведенные Штайном. В литературе указываются другие даты — в частности, Л. Хеллер в биографии Гунния-отца точно датирует нападение 4 мая, а смерть — 11 мая 1634 года (Heller 1843, S. 23). Обращает на себя внимание хронологический сдвиг: из биографии Эгидия следуют даты нападения и смерти 4 и 11 мая, у Штайна и в стихотворении указаны 14 и 21 мая. Разница в десять дней объясняется, возможно, тем, что авторы использовали разные стили (именно столько составляет разница между юлианским и григорианским календарями для XVII века).

В первом стихотворении почти нет самого Васковски — он практически дословно цитирует книгу Штайна, и роль автора ограничивается сокращением некоторых деталей и, собственно, переводом с немецкого на нидерландский; ему также принадлежит ремарка в скобках «(но что значит “теперь”?)».

⁷ В переводе сочинения Штайна девичья фамилия матери погибшего указана с ошибкой — *Хелленбах* вместо *Хеттенбах*.

[2] Семнадцатого августа 1644 года (27 августа по новому стилю) в рамках празднования столетия университета состоялись торжественные церемонии, включавшие молитвы и проповеди. Звучали «торжественные речи на латинском, греческом, иврите, халдейском и сирийском языках, произнесенные профессорами и студентами, юбилейная песнь, исполненная профессором поэтики» (Stein 1910, S. 27)⁸.

Здесь текст источника, который содержит фактуру (в точности повторяется список языков, на которых звучат речи), обрамлен уже с двух сторон дополнениями, сделанными Васковски: в начале стихотворения он вводит читателя в тему: «Кстати, столетие Кёнигсбергского университета тоже стало настоящим событием. Дело не только в том, что мы все были сильно пьяны...»; в конце — прибавляет к тексту источника вымышленную фамилию Пита Калиссиуса.

[3] Описывается находящийся в районе Кёнигсбергского замка «дом дворянского рода Лендофф (Lehndoffsche Haus)⁹, в котором 22-летний молодой крестьянин, а именно так называемый “глотатель ножей” (Messerschlucker) Андреас Грюнхайде, уроженец деревни Грюнвальде, расположенной недалеко от городка Ландсберг... чудесным образом сохранил здоровье и жизнь. <...> 9 июля [1635] хирург вскрыл брюшную полость юноши с левой стороны, на расстоянии двух пальцев ниже ложных ребер с помощью изогнутой иглы вытянул желудок и, после того как острие ножа было направлено вверх, над ним слегка надрезали стенку желудка и, с Божьей помощью, удачно извлекли нож, а также показали его всем присутствующим» (Stein 1910, S. 88 – 89).

Реплика пациента заимствована из помещенного в конце книги текста источника — фрагмента описания операции, сделанного очевидцем: «Увидев нож, пациент тут же радостно воскликнул: «Это мой нож!» (Das ist mein Messer!) — Удачливым и умелым хирургом оказался придворный и городской хирург Даниэль Швабе...» (Ibid., S. 133).

В третьем тексте Васковски также сохранил общую фактуру и добавил немногочисленные детали («крепко привязан к доске»), изменил фамилию и специализацию врача, «пользовавшегося большой известностью в Пруссии» (фактически эта известность пришла к Швабе как раз после этого случая); в реплике ошастливленного больного появилось отсутствовавшее в источнике слово «да».

[4] «Кнайпхофская ратуша на одноименной рыночной площади с двумя башенками, часами и свободно болтающимся колоколом. Внизу, у лест-

⁸ В оригинале: “Festreden in lateinischer und griechischer, in hebräischer, chaldäischer und syrischer Sprache von Professoren und Studenten gehalten, mit einem vom Professor der Dichtkunst gesprochenen Jubiläumscarmen” — ср. у Васковски: “professorale toespraken / in het Grieks, het Hebreeuws, het Chaldees en het Syrisch <...> / een jubileumscarmen, / vervaardigd door de toenmalige professor in de Dichtkunst”.

⁹ В переводе Штайна фамилия домовладельца воспроизведена с ошибкой — должно быть Лендорф (вместо Лендофф, Lehndorff вместо Lehndoff).

ницы ратуши, висит железный пестик для ступы (eine eiserne Mörserkeule)¹⁰, которым в 1550 году, во вторник после Праздника трех царей, Иоганн Вегнер (Johann Wegner) убил своего отчима и собственную мать. Его опознали по окровавленным ботинкам, которые он отдал сапожнику; его арестовали, провели по всем трем городам¹¹, а затем разорвали раскаленными клещами. Над дверью зала городского совета находится надпись, частично стертая временем: *Эсхин говорит, что государство, не обладающее силой и энергией для борьбы с преступниками, бесполезно*» (Ibid., S. 42).

В четвертом тексте Васковски вновь воспроизводит почти дословно текст источника. Правда, описывая преступление Вегнера, Штайн не называет имени палача, но Адам Пранг (Adam Prang) также встречается на страницах его «Старого Кёнигсберга»: именно Пранг в 1566 году казнил обвиненного в государственной измене лютеранского теолога Иоганна Функа (Johann Funck, 1518–1566) с его сторонниками (Ibid., S. 45). Теоретически он мог быть тем же самым лицом, которое осуществило экзекуцию матереубийцы шестнадцатью годами ранее, но прямого указания на это в сочинении Штайна нет. Другие правки Васковски таковы: отчим Вегнера заменен отцом; локализовано место казни (площадь Кнайпхофа¹²).

Цитата из афинского оратора IV века до н. э. Эсхина претерпела ряд сокращений в цепочке интерпретаторов: Васковски упростил текст Штайна, который, в свою очередь, пересказал исходный фрагмент речи древнегреческого оратора. Текст последнего выглядит так: «Ведь если вы будете наказывать преступников, то законы у вас будут хорошими и имеющими силу, а если будете прощать, то хорошими они, конечно, останутся, но силу свою потеряют»¹³ (Эсхин 2013, с. 614–615; пер. Э.Д. Фролова). Следует признать, что смысл, в общем, передан верно.

4. Интерпретации

В научной литературе, несмотря на популярность цикла Васковски, встречается не так много его интерпретаций. В газетной рецензии на сборник нидерландский поэт и переводчик Шекспира Корнелис Буддинг (1918–1985) особо выделил “Das alte Königsberg” и воспроизвел

¹⁰ У Штайна однозначно речь идет о пестике для ступки, в стихотворении же Васковски используется обозначающее инструмент для перемалывания слово *vijzel*, которое имеет два значения — как ступка сама по себе, так и ступка вместе с пестиком; пестик без ступки, как мне подсказал А.И. Сходнов, передается в нидерландском словом *stamper*. Таким образом, Васковски здесь либо ошибся в переводе, подменив пестик самой ступкой, либо сознательно внес в цитату из источника правку в своем стиле.

¹¹ Имеются в виду Кнайпхоф, Альтштадт и Лёбенихт — города, которые формально были объединены в 1724 году в Кёнигсберг.

¹² Таким образом, действие 1-го, 2-го и 4-го стихотворений разворачивается на Кнайпхофе, и только третий сюжет локализован за пределами острова — в районе замка.

¹³ В оригинале: ἐὰν μὲν γὰρ κολάζῃτε τοὺς ἀδικοῦντας, ἔσονται ὑμῖν οἱ νόμοι καλοὶ καὶ κύριοι, ἐὰν δ' ἀφίητε, καλοὶ μὲν, κύριοι δὲ οὐκ ἐτί (Aeschin. In Timarch. 36).

целиком четвертое стихотворение (далее цитируется по: Buddingh' 1966). Сравнив Васковски с Паундом, рецензент отметил: «...сразу бросается в глаза то, что он, как и Паунд, очарован историей и — опять же, как и Паунд — включает в свои стихи факты из прошлого и высказывания известных исторических личностей в качестве “готовых элементов”». Но у Васковски нет монументальности, присущей Паунду, он фокусируется на конкретных сюжетах (мы бы сегодня сказали — выбирает микроисторический подход). «Поэтому его стихи совершенно прозрачны, но преимущественно анекдотичны; это не анализ культуры, а в лучшем случае иллюстрация к тезису Гиббона о том, что история — это не что иное, как “список преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода”¹⁴».

Буддинг резюмирует, процитировав сюжет с Вегнером: «Сдержанный, фактологический стиль письма, внимание к конкретным деталям, отсутствие каких-либо комментариев — все это характерно для того, что называют “новой голландской поэзией”». Обсуждая другое стихотворение, Буддинг находит, что в нем, в отличие от «Старого Кёнигсберга», поэт «подразумевает гораздо больше, чем говорит», но в целом оценивает дебют Васковски очень высоко.

Поэт и теолог Мария де Грот (род. 1937), размышляя над сборником Васковски, констатирует, что он «в своих стихах предпочитает излагать исторический материал таким образом, чтобы открыть неожиданный взгляд на человеческую природу (*condition humaine*)¹⁵» (Groot 1967, p. 49). В первом и четвертом стихотворениях цикла она усматривает проявление солидарности поэта с жертвами глупости¹⁶ и насилия. «Каждое стихотворение Васковски — это аварийный тормоз, благодаря которому стремительно развивающаяся мировая история на мгновение останавливается, так что время и пространство снова становятся общедоступными» (Ibid.). Внимание критика привлекает вопрос Васковски «но что значит *теперь?*»: «...в поэзии Васковски присутствует все, во временном и пространственном смысле. Нет завершеного прошлого, потому что это прошлое присутствует в настоящем. Он специально выбирает неизвестные имена и события в качестве материала, чтобы подчеркнуть важность личности, продемонстрировать абсурдность систем

¹⁴ Цитата Эдуарда Гиббона дана по русскому переводу (Гиббон 2008, с. 169). В оригинале: “...register of the crimes, follies, and misfortunes, of mankind”.

¹⁵ Возможно, Мария де Грот специально отсылает в этом предложении к одному из ключевых понятий книги Ханны Арендт «*Vita activa*, или О деятельной жизни», вышедшей в 1958 году в США под названием “*The Human Condition*”. Стоит ли напоминать, что Ханна Арендт, до 18 лет прожившая в Кёнигсберге, где столкнулась с разными проявлениями *человеческой природы*, вполне могла бы оказаться среди героев цикла Васковски “*Das alte Königsberg*”.

¹⁶ Критик здесь сближает Васковски с Эразмом Роттердамским, отсюда упоминание глупости (*domheid*); однако, строго говоря, мотивы убийства в обоих стихотворениях остаются непонятными, а в случае Вегнера мы даже не можем быть уверены до конца в его виновности. Поэтому утверждение, будто Васковски сочувствует *жертвам глупости*, не вполне доказательно.

и внушить нам мысль о том, что “l’histoire se répète”¹⁷ (Ibid., p. 50). Иллюстрируя свой тезис, Мария де Грот также обращается к заключительному сюжету цикла. Прочитав полностью текст, она резюмирует: «Отличительной чертой этого стихотворения является прежде всего очевидная причинно-следственная связь событий. Бессмысленность и иррациональность этого порочного круга смерти становятся неизбежными благодаря явному упоминанию места, времени и людей. В значительной степени этому способствует заключительное предложение» (Ibid.).

Оба критика, выделив «Старый Кёнигсберг», сходятся в констатации повышенного, почти болезненного внимания поэта к истории и (хотя говорят об этом разными словами) связанной с этим вниманием эмпатичности автора. Васковски (что, кстати, неудивительно с учетом его профессионального пути) выражает демократичный взгляд на историю как на пространство торжества насилия и глупости. Но им, на мой взгляд, нельзя исчерпать «историософию» поэта. Я бы сказал, что Васковски не просто очередной автор, призывающий милость к падшим; он умело сочетает три рода *истории*, *полезной* и *вредной* для жизни, описанных Фридрихом Ницше¹⁸. Тщательная (хотя и не всегда точная) передача деталей событий, происходивших с малоизвестными историческими персонажами, — это антикварный род истории, который регистрируется во всем цикле. Сочувствие к жертвам, сквозящее в обрамляющих текст первом и четвертом сюжетах, — это критический род истории.

Третий выделенный Ницше род — монументальный — спрятан во втором и третьем стихотворениях, где описываются разные грани *мастерства творца*: поэтический талант профессора как венец интеллектуальной игры в бисер и профессионализм спасающего жизнь пациенту врача. Характерно, что в выбранных из книги Штайна сюжетах фоном для события выступает чувство радости: общее пьяное веселье, ставшее контекстом для поэтического творчества, во втором стихотворении и радость пациента, опознавшего свой нож (одновременно свой и чужой, *собственность* и *чужеродное тело*) в руках хирурга. Эти две внутренние *оды к радости* органично дополняют две внешние *оды меланхолии*, и историософия Васковски превращается как в идеальную *историю* — «историю равновесия» (перефразируя слова «поэзия равновесия», которыми Мария де Грот уже в названии своей статьи характеризует творческий метод Васковски (Groot 1967, p. 51)), так и в идеальную *историографию*, соединяющую все три ницшевских рода дисциплины.

¹⁷ Фр. «История повторяется».

¹⁸ «История трояким образом служит живущему: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический род истории» (Ницше 2014, с. 97).

Нельзя не обратить внимание и на «теологический» аспект этого цикла. В первом сюжете подчеркивается набожность Гунния и сразу выстраивается перспектива Судного дня, в свете которого и подлежит оценке все свершившееся. Второй сюжет внешне лишен признаков сакральности; собственно, его роднит с первым только факт того, что празднование юбилея, то есть продолжающейся жизни и долголетия, «тоже стало настоящим событием» (тоже — событием было и случившееся десятилетием ранее нападение на безвинного студента). Преодоление смерти, которая должна была шокировать читателя в первом стихотворении, здесь происходит посредством творчества, вписанного в контекст античного симпозиума. Но аллюзии на библейскую историю обнаруживаются и здесь, в этом бесстрастном описании совершенно мирского события: в многоязычии звучащих речей¹⁹ можно усмотреть отсылку к сюжету Вавилонского столпотворения, а акцент на юбилейной песни (*jubileumscarmen*) заставляет вспомнить об этимологии слова «юбилей»: в этом понятии сочетаются ветхозаветная традиция прощения долгов («йовель» пророка Моисея) и католическая традиция прощения грехов (*Jubilaus annus*).

Третий сюжет эксплицитно упоминает «Божью помощь» (*Gods hulp*), ставшую условием успешности операции. Вероятно, именно для того, чтобы подчеркнуть роль Бога, Васковски меняет профессию Швальбе — хирург, может быть, справился бы и сам, а вот стоматологу поддержка свыше явно не помешала. Здесь тоже происходит *преодоление смерти* (или, вернее, предотвращение смерти) с помощью науки, которая станет знаменем эпохи модерна.

В четвертом сюжете Праздник трех царей (Богоявление) ненавязчиво представлен как неорганичный контекст отвратительного поступка Вегнера. Мы едва ли узнаем когда-либо, осознанным или бессознательным выбором поэта было прямо названное имя палача, но его нельзя не признать удачным: в нем имя первого человека Адам сочетается со словом *prang* (англ. «катастрофа, авария», в этом значении заимствовано и нидерландским языком; ср. также нидерл. *prangen* «давить, сжимать, притеснять» с иной этимологией). Так вся священная история от сотворения человека до Судного дня оказалась «вшита» в имя кёнигсбергского палача середины XVI столетия.

Две жуткие смерти, которыми открывает и закрывает цикл Васковски, имели разные последствия. В первом случае история скрыла имя убийцы, защитив лишь память о жертве (надгробный камень на площади). Все, что может сделать поэт, — назвать анонимного преступника *беспольным, никчемным* человеком. Пересохший фонтан — метафора истлевающей памяти, ведь в 1966 году не найти ни фонтан, ни надгробный камень на бывшем острове Кнайпхофе. Вся надежда — только

¹⁹ Многоязычие проявляется и в тексте: пациент доктора Швальбе посреди нидерландского стихотворного потока подает реплику на немецком, что создает иллюзию достоверности, но в то же время производит и «вавилонский эффект». Само название сборника нидерландской поэзии сочетает французский текст со словом английского происхождения (*clown* с нетипичной для романских языков буквой w).

на Судный день, когда сбудется пророчество: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20:12; синодальный пер.).

Неотвратимость наказания, впрочем, уже настигла убийцу, нарушившего нормы права и морали в четвертом сюжете. Жестокая показательная казнь преступника также имела коммеморативное измерение: о преступлении и наказании напоминает ступка, висящая под лестницей ратуши. Из орудия убийства она превратилась в *место памяти*, а также в инструмент политического воспитания (о чем недвусмысленно свидетельствует цитата из Эсхина). Впрочем, едва ли Васковски не отдавал себе отчет в том, что на 1966 год Кнайпхоф уже опустел, так что рассчитывать на назидательный характер истории и в этом случае приходилось лишь в перспективе Страшного суда.

Ремарка Васковски «но что значит *теперь?*» по поводу слова, обозначающего момент речи, проблематизирует понятие «теперь», что также вписывается в общее представление о его условности в рамках эсхатологического представления, характерного для христианского сознания. Как единая Церковь воплощает идею неразрывного единства верующих, независимо от конкретно-исторического времени их жизни, так История помещает всех своих персонажей в пространство коллективной памяти, где категории «тогда» или «теперь» (и даже «потом») теряют строгость своих значений. Все происходит с нами когда-то.

5. Профессор Калиссиус

Из немногочисленных деталей, которые Васковски добавил к нарративу Штайна, выделяется одна совершенно конкретная — Пит Калиссиус. Имя вымышленного профессора *Piet* напоминает лат. (польск.) *poeta*, то есть «поэт, пиит», что легко объяснить его профессией. Латинизированное *Calissius* может означать «из Калиша» — ср. фамилию польского писателя и религиозного деятеля Войцеха из Калиша (лат. Альбертус Калиссиус; *Wojciech z Kalisza* / *Albertus Calissius*, ум. 1601), принадлежавшего к протестантскому течению польских братьев. Профессора с аналогичным происхождением, впрочем, среди преподавателей Альбертины нет.

После установления источника нарратива возникает соблазн усмотреть в имени Калиссиус реминисценцию на фамилию совершенно реального исторического лица — переводчика «Пereгринатора» *Chari-sius*. Нельзя исключать вероятность того, что поэт имел в виду и это обстоятельство, конструируя фамилию оставшегося анонимным у Штайна профессора поэтики. Однако разгадка «проблемы Калиссиуса», как это часто бывает, лежит во внетекстовой действительности. Приблизиться к ней позволило знакомство с переводами цикла Васковски на европейские языки.

Поэт и переводчик Ян Х. Мишкин (*Jan H. Mysjkin*) во французском переводе, увидевшем свет в знаменитом журнале Мишеля Деги *Poésie* в

2007 году, передал фамилию Пита Калиссиуса неожиданно — *dr. Michel Daegidius* (Waskowski 2007, p. 134). Он же выступил переводчиком этого цикла на румынский язык вместе с Линдой Марией Барос, и они передали имя того же профессора иначе — *dr. Alexander Pirus* (Waskowsky 2011, p. 68).

К счастью, Ян Х. Мишкин откликнулся на просьбу автора этих строк прояснить мотивы выбора таких далеких от *Piet Calissius* имен. В электронном письме от 16 мая 2021 года он написал:

Я понимаю ваше удивление по поводу различий в именах в разных языках. Вот ответ:

— “*dr Piet Calissius*” — это латинизированная версия имени Пита Калиса (*Piet Calis*), известного голландского литературоведа и критика того времени, когда Васковски написал свое стихотворение; все в Нидерландах поняли эту аллюзию; спустя сорок лет Пит Калис все еще активен, но боюсь, что молодые читатели не уловят отсылку так же легко, как в семидесятые годы;

— при переводе стихотворения на французский язык стало ясно, что никто во Франции и других франкоязычных странах не поймет присутствия Пита Калиса²⁰ (или Калиссиуса), поэтому я решил латинизировать имя Мишеля Деги²¹, получив “*dr. Michel Daegidius*”; Деги был и остается огромным авторитетом в области поэзии во Франции; давайте будем откровенны, в выборе его имени не было злого умысла, я перевел много стихов Деги на голландский язык и не раз сотрудничал с его поэтическим журналом *Poésie*; Более того, французский перевод стихотворения Васковски был опубликован... в его журнале; все было сделано в шутиливой форме;

— при переводе стихотворения на румынский язык нам пришлось придумать еще одно имя, которое стало *dr. Alexander Pirus* для Александру Пиру²², эксперта в области поэзии в своей стране.

Таким образом, получилось три разных имени, потому что французское и румынское должны были функционировать в культуре нового языка так же, как Калис в оригинале (пер. с англ. мой. — И.Д.).

Ян Х. Мишкин поинтересовался, как можно было бы передать это имя на русском, чтобы оно так же удачно вписалось в национальный культурный контекст. Я предложил два варианта — *dr Georgius Lotman* или *dr Michael Bachtin*. Оставим это на выбор будущему переводчику цикла Рикуса Васковски на русский язык.

6. Заключение

Цикл Рикуса Васковски “*Das alte Königsberg*”, включенный в его дебютный поэтический сборник “*Tant pis pour le clown*”, производит впечатление рандомного набора малоизвестных сюжетов, отражавших реалии повседневной жизни провинциального немецкого города раннего

²⁰ Пит Калис (*Piet Calis*, 1936—2024) — нидерландский историк литературы.

²¹ Мишель Деги (*Michel Deguy*, 1930—2022) — французский поэт и переводчик. Основал журнал *Poésie* в 1977 году и редактировал его вплоть до своей смерти.

²² Александру Пиру (*Alexandru Piru*, 1917—1993) — румынский филолог и историк, литературный критик.

Нового времени. Уже от внимания первых критиков не ускользнули ни оригинальная поэтическая техника, ни глубоко демократическое мировоззрение поэта, которые со всей ясностью дали о себе знать в этом сборнике и, в частности, в рассмотренном цикле. Вопрос об источнике фактов, которые поэт вплет в свое повествование, можно решить практически с полной уверенностью: в руках Васковски, очевидно, оказалась книга — немецкий перевод сочинения Каспара Штайна о старом Кёнигсберге, и поэт, читая ее, утолил свой интерес к городу, который ассоциировался с известным ему, как и всему просвещенному миру, философом Иммануилом Кантом. Воспроизведенный по книге Штайна набор событий в их последовательности, нарушающей хронологию (1634 — [1644] — 1635—1550), дает некоторые основания для реконструкции «поэтической историософии» Васковски.

Исторический процесс для поэта на микроуровне отражает глобальные явления, свойственные и прошлому, и нашему времени, — постоянное колебание между жизнью и смертью, в котором обнаруживают себя инструменты преодоления смерти. Этих инструментов в первом приближении два — литературное творчество и научное знание. Хотя «теологическое измерение» цикла подчеркивает и статус религиозной веры как формально основного способа преодоления тварности и смертности, но *вера без дел мертва сама по себе* (Иак. 2:17), и поэт демонстрирует два оставшихся в распоряжении человечества дела для утверждения веры — искусство и науку. В случае профессора поэтики, кстати, *веселая наука* и искусство синтезируются, в случае оперирующего врача, анализирующего, то есть (этимологически) *расчленяющего* тело, — *строгая наука* проявляет свое превосходство над творчеством.

Сохранение памяти также есть операция, имеющая воспитательное значение в политическом (в качестве демонстрации силы власти), и нравственном (в память о безвинных жертвах насилия) смыслах. Память эта тем не менее хрупка: вода в фонтане пересыхает, имена и жертв, и подвижников стираются из коллективного сознания. Восстанавливая поэтическими средствами несколько судеб из забытого хронотопа, Рикус Васковски и возвращает право голоса всем миллионам аналогичных «жизней незамечательных людей», и утверждает историософию, в которой внешний баланс оптимизма и пессимизма хотя бы ненадолго — благодаря творчеству — склоняется в пользу человеческого достоинства.

Благодарности. Автор благодарит Нильса Схилстру (Niels Schilstra, Rotterdam) за содействие в работе и Яна Х. Мишкина (Jan H. Mysjkin, Paris) за консультации и любезное разрешение процитировать письмо о Пите Калисснусе.

Список литературы

Венцлова, Т., 2012. «Кёнигсбергский текст» русской литературы и кёнигсбергские стихи Иосифа Бродского. В: *Собеседники на пиру: Литературоведческие работы*. Т. Венцлова (ред.), М., с. 235—254. [Venclova, T., 2012. The “Königsberg Text” of Russian Literature and Joseph Brodsky’s Königsberg Poems. In: Venclova, T., ed. *Interlocutors at the Feast: Studies in Literary Scholarship*. Moscow, pp. 253—254 (in Russ.)].

Гиббон, Э., 2008. *Закат и падение Римской империи: в 7 томах*. Т. 1. М. [Gibbon, E., 2008. *The Decline and Fall of the Roman Empire: in 7 volumes*. Vol. 1. Moscow (in Russ.)] EDN: QPIGQX

Леонардов, Д., 1900. Вербальные теории боговдохновенности Св. Писания среди западных богословов в XVII веке. *Вера и разум*, 15, с. 135–157. [Leonardov, D., 1900. Verbal Theories of the Divine Inspiration of Holy Scripture Among Western Theologians in the 17th Century. *Faith and Reason*, 15, pp. 135–157 (in Russ.)].

Ницше, Ф., 2014. О пользе и вреде истории для жизни. В: *Полное собрание сочинений в 13 томах*. Т. 1, ч. 2. М., с. 83–172. [Nietzsche, F., 2014. On the Use and Abuse of History for Life. In: *Complete Works in 13 volumes*. Vol. 1, part 2. Moscow, pp. 83–172 (in Russ.)].

Эсхин, 2013. Против Тимарха. В: Исократ, Малые аттические ораторы. *Речи. Письма*. Э.Д. Фролов (ред.). М., с. 603–657. [Aeschines, 2013. Against Timarchus. In: Frolov, E.D., ed. Isocrates, Minor Attic Orators. *Speeches and Letters*. Moscow, pp. 603–657 (in Russ.)].

Albinus, R., 1988. *Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung*. Leer.

Buddingh', C., 1966. Debuut van Riekus Waskowsky. *Het Parool*, 9 April, p. 12.

Groot, M. de, 1967. Riekus Waskowsky: De poezie van de balans. *Contour*, 3(6), pp. 49–51.

Heller, L., 1843. *Nikolaus Hunnius: sein Leben und Wirken; ein Beitrag zur Kirchengeschichte des siebzehnten Jahrhunderts, größtentheils nach handschriftlichen Quellen*. Lübeck.

Jubelfeyer des Schabbelianischen Stipendii, 1737. In: *Acta historico-ecclesiastica, oder gesammelte Nachrichten und Urkunden zu der Kirchengeschichte unserer Zeit*. Weimar. T. 2, part 7, pp. 943–953.

Muiswinkel, E. van, 1997. Biografische schets. *Passionate*, 4(5), pp. 8–21.

Stein, C., 1910. *Das alte Königsberg. Eine ausführliche Beschreibung der drei Städte Königsberg samt ihren Vorstädten und Freiheiten wie sie anno 1644 beschaffen waren / nach dessen lateinischem "Pegrinator" zum ersten Male ins Deutsche übertragen von Arnold Charisius*. Königsberg.

Waskowsky, R., 1966. *Tant pis pour le clown*. Amsterdam.

Waskowsky, R., 2007. *Das alte Königsberg*. Trad. en français par J.H. Mysjkin. *Poésie*, 122–123, pp. 33–34.

Waskowsky, R., 2011. *Das alte Königsberg*. Traduse în limba română de L.M. Baros si J.H. Mysjkin. *VERSUs/m*, 4 pp. 68–69.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID: 0000-0001-5530-1108

SPIN-код: 5748-8084

E-mail: idementev@kantiana.ru, io.dementiev@gmail.com

Для цитирования:

Дементьев И.О. Что значит «теперь»? Историософские эксперименты Рикуса Васковски в стихотворном цикле “Das alte Königsberg” // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 79–94. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5.

WHAT DOES "NOW" MEAN? RIEKUS WASKOWSKY'S HISTORIOSOPHICAL EXPERIMENTS IN THE POEM CYCLE "DAS ALTE KÖNIGSBERG"

Ilya O. Dementev

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 15.05.2026

Accepted 05.06.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5

This article analyses the poem cycle "Das alte Königsberg" ("Old Königsberg") by the Dutch poet Riekus Waskowsky (1932 – 1977), from his collection "Tant pis pour le clown" (1966). In the four poems of the cycle, the poet describes four events from the everyday life of Königsberg in the 16th and 17th centuries: the murder of a student, the celebration of a university anniversary, an operation to remove a knife from a patient's stomach, and the execution of a criminal. The source of the facts underlying the narrative is identified – Caspar Stein's book "Old Königsberg." Critics have concluded that the cycle under discussion primarily reflects Waskowsky's interest in history and his compassion for its victims. I also attempt to demonstrate that "Das alte Königsberg" can be interpreted as an illustration of Friedrich Nietzsche's postulate of three kinds of history – monumental, antiquarian, and critical. Waskowsky's distinctive historiosophy combines empathy for victims with a vindication of science and art (craftsmanship), as well as attention to the nuances of the fleeting everyday. The choice of the name of the poet's professor of poetics, Piet Calissius, is considered separately; it represents one of the few details invented by the poet. With the help of poet and translator Jan H. Mysjkin, the meaning of this allusion has been established.

Keywords: Königsberg, history, Dutch poetry, Riekus Waskowsky

Acknowledgements. *The author would like to thank Niels Schilstra (Rotterdam) for his assistance with this work, and Jan H. Mysjkin (Paris) for his advice and kind permission to quote the letter about Piet Calissius.*

The author

Dr *Ilya O. Dementev*, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0001-5530-1108

E-mail: idementev@kantiana.ru, io.dementiev@gmail.com

To cite this article:

Dementev, I.O., 2026, What does "now" mean? Riekus Waskowsky's historiosophical experiments in the poem cycle "Das alte Königsberg", *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 79 – 94. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ И ОЛИЦЕТВОРЯЮЩАЯ ДЕТАЛЬ В КОНТЕКСТАХ ТРОПЕИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. И. Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 30.12.2025 г.
Принята к публикации 15.04.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6

Статья посвящена исследованию олицетворения (персонификации) в русской поэзии XX века с позиций тропеического взаимодействия в «образном поле». Цели работы состоят в определении статуса олицетворения как тропа и метакомпонента образной системы и модели мира текста, выявлении его роли в формировании «образных полей» и взаимодействии с метафорой, сравнением и метонимией. Исследовательская методология основана на структурно-семантическом контекстном анализе репрезентативной выборки поэтических текстов. Установлено, что олицетворение функционирует как самостоятельный троп в «сильной» позиции однозначного прочтения и как метатекстовый элемент сложных тропеических комплексов в «слабой» позиции, где оно взаимодействует с другими тропами, создавая многозначные образные поля. Особое внимание уделено референтным персонифицирующим метафорам, в которых олицетворение становится маркером авторской точки зрения, моделирующей мир по антропоморфному принципу. Олицетворение является ключевым инструментом создания гибридной дискурсивности, при которой персонифицируемый объект становится «потенциально говорящим», и служит выражением эмпатической позиции говорящего. Перспективы исследования автор видит в комплексном анализе когнитивных, прагматических и семантических аспектов персонификации и разработке новых классификаций олицетворений.

Ключевые слова: взаимодействие тропов, метафорическое перифразирование денотата, образная модель мира, образное поле, олицетворение, персонификация

В поэтической семантике, которую вслед за С.Т. Золяном можно определить как систему взаимосвязанных операторов, соотносящих семантическую систему языка с множеством релевантных миров-контекстов (Золян и др. 2024, с. 16), способы тропеического «словопреобразования» занимают особое место. По замечанию В.П. Григорьева, они формируют образную модель мира, своего рода метасемантический и метаграмматический уровень языкового и концептуального его моделирования (1979, с. 182–186). Традиционно выделяются метафорический, представленный компаративными тропами (метафорой, сравнением и олицетворением), и метонимический принцип образного моделирования. Однако соответствующие им способы словопреобразования не атомарны, а «взаимодействуют друг с другом, оказываются комплексными и разнонаправленными» (Григорьев 1973, с. 69) и образуют

«образные поля», объединяющие разноструктурные тропеические конструкции, которые передают либо один образ, либо серию образов в едином «блоке» (Григорьев 1979, с. 183). Первостепенной задачей, которую и призвана решить эта статья, в этом случае становится выделение «полеобразующего» метатропа.

Сосредоточимся на олицетворении, которое рассмотрим и как самостоятельный троп, и как метакомпонент тропеического комплекса, взаимодействующий с метафорой, сравнением и метонимией. Статья отражает результаты исследования, проведенного методом структурно-семантического контекстного анализа на репрезентативной выборке текстов русской поэзии XX века. Их обсуждение начнем с обзора научных трендов в изучении и определении самого понятия олицетворения и связанных с его ролью в тексте понятий и сущностей.

1. Олицетворение и персонификация в науке первой четверти XXI века

С рубежа XX–XXI веков изучение олицетворения существенно расширилось и трансформировалось, выйдя за рамки традиционных дисциплин (лингвопоэтики, литературоведения и риторики) и приобретя междисциплинарный характер. В целом акцент смещается с вопроса «как устроено олицетворение» на то, «почему и зачем мы его используем» и «как оно работает в реальном общении и мышлении». С позиций когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии олицетворение (часто обозначаемое как «персонификация» или «антропоморфизм») рассматривается как фундаментальный когнитивный механизм освоения сложных явлений и структурирования знаний о мире через антропоморфные проекции. Дискурсология обращает внимание на воздействующий потенциал олицетворения в разных сферах и формах публичного дискурса — от науки до политики и рекламы. Анализируются частотность, контексты и грамматические модели олицетворения, их сходства и различия в разных лингвокультурах. Обращаются исследователи также к семантическим классам персонифицируемых реалий и классам сочетающихся с ними предикатов со значением человеческих действий, состояний и свойств в языке художественной литературы (Константинова 1997; Петрова и др. 2022; Петрова, Северская 2018а; 2018б; Петрова, Фатеева 2019; 2023).

Обсуждается и тропеический статус олицетворения и его отношения с метафорой и сравнением. В этом плане выделяются две позиции. Если Е. А. Некрасова определяет олицетворение как самостоятельный «троп, не связанный с семантическим сдвигом» (1994, с. 15), тем самым отделяя его от метафоры и сравнения, то З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева не разграничивают эти феномены, понимая под олицетворением «метафоры и сравнения со значением персонификации, то есть компаративные тропы, образы сравнений которых относятся к семантической категории “Человек”» (2019, с. 36), одновременно акцентируя узкое понимание термина (Там же, с. 35), исключаящее зооморфность образов.

Отдельно стоит остановиться на понятиях олицетворения и персонификации. В большинстве случаев (особенно в западной научной традиции) они синонимичны, обозначая троп или композиционно-стилистический прием, заключающийся в приписывании неодушевленным предметам, растениям, животным, абстрактным понятиям человеческих свойств, признаков и действий (Greene, Cushman 2016, p. 254; Paxson 2009, p. 40–41; Дубовицкая и др. 2022, с. 514; Мамадалиев, Каримова 2019, с. 21; Петрова, Фатеева 2019, с. 35). Однако встречаются и работы, в которых разграничиваются *олицетворение* (конкретный троп, частный случай персонификации — частичное «очеловечивание» объекта) и *персонификация* (полное, системное отождествление чего-либо с человеком, создания образа-персоны), сближающаяся с аллегорией ((Bane 2013; Zeeman 2020); ср. возражения против синонимизации персонификации и аллегии: (Bauer et al. 2025, p. 231; Paxson 2009, p. 5)). Аллегоричность «очеловечивания» отмечает и Е. А. Некрасова: «Олицетворяющий прием “повернут” от объекта олицетворения в сторону его символического или аллегорического “заместителя”» (1994, с. 23). Ориентируясь на концепцию образной модели мира В. П. Григорьева (1979, с. 183), можно предположить, что олицетворение как троп создает «микрообразы» («образные значения») на уровне текста, тогда как персонификация, вербализуемая в соотносимых лексико-семантических рядах, формирует «макрообраз» — «образное поле».

Некоторые исследователи расширяют трактовку персонификации, выходя за рамки ее понимания как чисто стилистического приема. В частности, Дж. Паксон рассматривает олицетворение (для которого предлагает термин «антропоморфизм») как «главный троп поэтического дискурса», а персонификацию — как «нарратологический семиотический код», который обуславливает дискурсивный дуализм и гибридность текста (Paxson 2009, p. 40–41). Согласно его концепции, персонифицированный объект художественного мира становится «потенциально говорящим “лицом”», обладающим способностью к языку, мышлению, имеющим голос и личность (Ibid., p. 42). Сходную идею развивает теория «двуизотопии», предложенная А. Мамадалиевым и Н. А. Каримовой. Она описывает эффект одновременного «прочтения» высказывания в двух планах: изотопия текста (антропонима) передает точку зрения говорящего, образность; изотопия метатекста (неантропонима) указывает на реальный референт, о котором идет речь (Мамадалиев, Каримова 2019, с. 24). Например, в высказывании: *Лиса рассмеялась* речь о лисе (метатекст), но мы видим ее как персонажа с человеческими чертами (текст). Уточним, что изотопию исследователи, вслед за А. Греймасом (Greimas 1966), понимают как повторяемость близких семантических компонентов.

Учитывая приведенные точки зрения, будем различать олицетворение как единичный (или воплощаемый в серии текстовых реализаций) атомарный троп и персонификацию как дискурсивную стратегию и, в терминах В. П. Григорьева, принцип «денотативного перифразирования».

2. Олицетворение в контексте метафорического «перифразирования»

Называя «принцип перифразирования денотатов» главнейшей категорией лингвистической поэтики, В.П. Григорьев признает, что «моделью связей между словом и образом может служить метафора» (1979, с. 187). С этой точки зрения олицетворение, понимаемое расширительно как «увеличение меры духовности, присущей денотату», признается им дифференциальным признаком метафоры (Григорьев 1973, с. 116). И сопоставление олицетворения с метафорой и рядом семантически одноплановых тропов (Некрасова 1994, с. 13–48), и анализ взаимодействия олицетворения с другими способами словопреобразования в метафорическом контексте (Северская 1994, с. 105–130) на материале русской поэзии XX века убеждают в справедливости такого взгляда.

Важные положения для осознания роли и места олицетворения в образной модели мира и ее вербальном воплощении содержит теория метафорического словопроизводства В.Н. Телия. Критически осмысливая модели метафоризации А. Ричардса, опиравшегося на понятийную теорию значения, и М. Блэка, строившего свою теорию метафоры на основе теории референции, она находит их уязвимость: недостаточное внимание к собственно-человеческому, субъективно-личностному фактору (Телия 1988, с. 33–34). И предлагает свою «модель метафоры, где каждый из ее гетерогенных и разномасштабных компонентов может быть интерпретирован как номинативный параметр, т.е. минимальный осмысленный фрагмент, связанный некоторой функциональной зависимостью с тем, что условно можно назвать замыслом метафоры (ее целью) — условно, потому что в спонтанной речи этот замысел скорее всего остается на уровне бессознательного» (Там же, с. 36).

Основой этой модели стал принцип фиктивности: «Метафора “начинается” с принципа фиктивности, живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования» (Там же, с. 48). С этим принципом связаны антропоморфность и антропометричность процесса метафоризации — «способность помыслить одну сущность как если бы она была подобна другой, а это значит соизмерить их в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов» (Там же, с. 40). С точки зрения В.Н. Телия, антропометричность — это осознание человеком себя «мерой всех вещей» и причина антропоморфности: если *совесть заговорила* (в ком-л.) — это антропоморфная метафора, то выражение *совесть проснулась* (в ком-л.) имеет «более широкий спектр “-морфности”: это может быть любое олицетворение, одушевление и вообще — любое уподобление» (Там же).

Основному принципу метафоризации В.Н. Телия сопоставляет модус фиктивности «как если бы»: «Это и есть то “зажигание”, которое пробуждает в сознании восприятие мира сквозь призму антропомет-

ричности, высвечивающую образно-ассоциативные комплексы, приводит в движение аналогию — когнитивную операцию, вовлекает в интеракцию субъекта метафоры и ее гетерогенные объекты. <...> Если замысел и цель предопределяют основание метафоры, то принцип фиктивности обеспечивает выбор ее носителя или, лучше сказать, донора — того языкового выражения, которое поделится своей “кровью и плотью” с формирующимся понятием» (Там же, с. 42–43). Следует уточнить, что в концепции В. Н. Телия модус понимается не как свойство отдельного высказывания, а как стратегия построения всего коммуникативного акта или текста, способ воздействия на адресата, формирования у него определенной картины мира и нужной эмоциональной реакции. Поэтому к числу отношений, объединяющих субъекта метафоризации и ее вспомогательные средства, кроме модусов фиктивности (“как если бы X был тождествен Y”) и антропометричности, соизмеряющего свойства Y-а со стереотипами в масштабе знаний человека о мире или о языковой картине мира, относятся также оценочный и эмотивный (который передает чувство-отношение, стимулируемое тем, что X предстает в образе Y-а) модусы.

Фактически любая метафорическая «денотативная перифраза», таким образом, будет иметь формулу «X есть как бы Y / X должен рассматриваться так, как если бы он был Y-ом» (Телия 1988), или «Представляя себе X, вообрази Y (в аспекте признака P)» (Крейдлин 1990). Олицетворение в данном случае воплощает модус антропоморфности и антропометричности, связанный с модусом фиктивности, а метафора как смыслообразующая модель создает контекст тропеического взаимодействия.

Структурной единицей контекста взаимодействия становится минимальный контекст каждого из соотносимых тропов, который составляют слова, выявляющие семантический сдвиг и формирующие (или уточняющие) сам характер сдвига. В каждом таком контексте можно выделить «центр» и «периферию» преобразования. В центре оказывается слово (или словосочетание), которое обладает самостоятельным образным значением. Периферию же образует группа слов, которые либо усиливают, либо поддерживают экспрессивное воздействие «центра». При этом взаимодействуют не только они, но и разные «центры» и «периферии» образных структур (Григорьев 1973, с. 69). Взаимодействие тропов приводит к тому, что исходной точкой преобразования становятся те разновидности тропов, в которых отношения частей наиболее проявлены, а основная характеристика «ведущего» тропа превращается в дифференциальный признак тропеических структур, приходящих ему на смену.

Отличие олицетворения от метафоры Е. А. Некрасова видит в том, что «при метафоризации названная деталь или характеристика должна иметь предметный (в расширительном понимании) аналог, <...> при олицетворении такого аналога может не быть» (1994, с. 15). Олицетворяться могут и сущности, в реальности не имеющие предметной основы, но приобретающие ее за счет олицетворяющих деталей.

Так, в следующем примере: *На площадь, убранную странно, / мы все глядели — синий мрак, / собор святого Иоанна / и сотня пестрая зевак...* (В. Набоков), «денотативное перифразирование» затрагивает два элемента образного контекста. Во-первых, персонифицируется *мрак*, обретая способность видеть. Во-вторых, оживляется сопоставленная *собору* стертая общеязыковая олицетворяющая метафора *глядеть* (*смотреть*) *на что-л.* 'быть повернутым в сторону чего-л.', обуславливающая возможность вторичной метафоризации (*окна собора* 'глаза'). В то же время *сотня зевак* имеет конкретную референцию и *глядит* ('направляет взгляд') *на площадь* в прямом смысле, и это действие становится персонификатором, позволяющим сформировать образное поле «глядящих сущностей», обозначаемое словосочетанием *мы все*.

«Центром» преобразования в другом контексте также оказывается олицетворение «засыпающего мира»: *Радио замолкло. Дремлет снег. Бодрствует в Горплане человек* (Е. Долматовский). И здесь персонификацию определяет конкретно-референтное употребление: *человек бодрствует* 'не спит', олицетворяющие детали образуют семантическую оппозицию (*бодрствовать* — *дремать*, **говорить* — *молчать*). Однако в первом случае прием осложняется метонимией (*радио замолкло* 'смолкли голоса, доносящиеся из радиоприемника'), во втором на стертую общеязыковую метафору *дремать* 'быть неподвижным, тихим, оставаться в бездействии' (соответственно: *снег дремлет* 'лежит, не идет') накладывается олицетворяющая деталь (*снег дремлет* 'находится в состоянии полусна'). Метонимия и вторичная метафоризация, возникая на периферии, создает образное поле, соответствующее представлению о человеке, борющемся со сном в момент, когда все в ближайшем и дальнем окружении засыпает.

Наконец, рассмотрим пример, в котором тропы в пределах контекста взаимообратимы: *Вдалеке, меж звездой и дорогой, Сам дивясь, что он здесь и таков, Пролетел лучезарно здоровый И ликующий лыжник снегов* (Б. Ахмадулина). В контексте упомянутой в стихотворении «всё переиначившей безымянной прелести зимы» образ становится стереоскопичным и амбивалентным. С одной стороны, *лыжник пролетел, как* пролетает *снег* (тогда пространство членится по горизонтали: *меж звездой и дорогой* 'на линии горизонта'); б) *снег пролетел, как* пролетает *лыжник* (появляется вертикаль: *меж звездой и дорогой* 'на линии горизонта между небом и землей', *снег* характеризуется как *лучезарно здоровый и ликующий* 'сверкающий, искрящийся, несущий заряд бодрости'). Иными словами, генитивная метафора-сравнение переплетается с олицетворением: это может быть и в прямом смысле *лыжник, ликующий, летящий по снегам*, и *снег-лыжник, летящий с небес* (что подкрепляется языковой полисемией: *лететь* 'быстро передвигаться по воздуху / очень быстро перемещаться в пространстве', *пролететь* 'летя, переместиться / промелькнуть'). Возможно и метонимическое прочтение образа, основанное на смежности *лыжника* и *снега* в референтной и текстовой ситуации.

В подобных случаях, как замечает И. И. Ковтунова, важно «не перенесение свойств лиц на неодушевленные предметы или явления при-

роды, но стремление вступить с ними в тесный контакт, установить связь, чтобы глубже их понять, ярче выразить эмоционально-волевое отношение к ним и таким путем образно представить место человека в мире вещей и явлений» (1986, с. 90). Опираясь на это наблюдение И. И. Ковтуновой, Е. А. Некрасова предпочитает говорить в этой связи не об олицетворении в прямом значении слова, а о «коммуникативной метафоре» (1994, с. 53). В современных исследованиях встречается и термин «синтаксическая метафора», за которым стоит определительная метафоризация адъективных и генитивных словосочетаний, основанная в том числе и на персонификации (Чайко 2022, с. 277–278). Представляется, что точнее и продуктивнее будет говорить о референциальной метафоре, имеющей чисто физическую основу, которая и определяет установление осмысленного взаимоотношения между референтами образов.

Олицетворение, то есть персонификация, в подобных контекстах может использоваться и как самостоятельный троп, и как метакомпонент. Соответственно, можно говорить о «сильной» и «слабой» позициях (Некрасова 1994, с. 15): в первой оказывается олицетворение в чистом виде, во второй — «олицетворяющие детали», а троп не имеет однозначного прочтения.

Примером чистого употребления олицетворения в сильной позиции, где деталь зависит не столько от контекста, сколько от персонифицированного облика субъекта действия, получающего в тексте образное развертывание, может быть «Сказка о дожде» Б. Ахмадулиной, в которой *дождь* характеризуется через семантически однородные олицетворяющие предикаты: *не расставался; шел за мной; смотрел, как сирота; детским пальцем щекотал мне ухо* и др.

Как сильную можно определить позицию развернутого олицетворения и в следующем фрагменте: *Смотри! — ручей надбил скорлупку льда / И снова спрятался, как виноватый. / Он что-то с берега хотел стянуть, Уже струю он протянул, как руку...* (Н. Матвеева), где ручью приписываются действия и эмоции человека, а олицетворение подтверждается осложненным метонимией (*ручей* — *струя* / человек — *рука*) метафорическим сравнением, занимающим подчиненную позицию.

В некоторых случаях ассоциация образов по сходству признаков дополняется ассоциацией по смежности в ситуации: *Не дождь ли стучнул пальцем по стеклу? Бегут, шумят осенние ручьи. «Кто там?» — «Откройте, это мы, свои...» Солдаты, нагибаясь, входят в дом И греют руки на огне рудом. <...> Кто б мог, как мы, в лесах, где шли бои, Стучать в окно и говорить: «Свои!»* (Е. Долматовский). Пример интересен параллелизмом двух планов, которым и создается антропоморфный, близкий к метафорическому, образ *дождя-солдата* (и одновременно — референциальная метафора с параллельной метонимией: *дождь* — (*дождевые*) *ручьи*, *солдаты* — (*солдатские*) *руки*). В результате олицетворяющая семантика усиливается, но олицетворение как троп становится частью более широкого тропеического контекста, и его позиция ослабевает.

3. Персонифицирующие метатропы

Исходя из понимания персонификации как модуса антропоморфности и антропометричности, выведем структурно-семантическую формулу олицетворения: 'можно сказать, что это не объект X, а человек Y, обладающий свойством / состоянием P, совместимым / сопоставимым со свойствами / состояниями объекта X'.

Объект X — это некий образ, пучок признаков, образующих единое целое, который потом фокусируется в множестве существенных признаков, релевантных в текстовой ситуации, а объект Y воображается как объект-эталон в аспекте тех своих отличительных свойств, которые «фильтруются» по принципу совместимости с множеством существенных признаков X. Так, в образе *крутых белолобых сугробов* (Б. Ахмадулина) *крутые, белые* сугробы обнаруживают совпадение признаков с человеческими *крутыми белыми лбами*. В этом случае олицетворение ничем не осложнено, однако чаще встречаются контексты, в которых персонификация играет роль «ведущего» тропа, но тропеическое взаимодействие ослабляет олицетворение.

4. Олицетворение ↔ Сравнение

Интересный случай взаимодействия олицетворения и сравнения представляет следующий контекст: *Ходит кадык, будто со стыками рельс я разделил глоток* (А. Парщиков). С одной стороны, перед нами сравнение движения кадыка в горле с определенной ситуацией — однако она может быть прочтена референтно: вагон поезда «подпрыгивает» на стыке рельс, пассажир, делая глоток, едва ли не давится от этого толчка, резкость глотка вызывает резкое же движение кадыка... и *ходит кадык* в буквальном, конкретно-референтном смысле. С другой стороны, движение стыка рельс напоминает движение кадыка, и выражение *ходит кадык* в этом ракурсе прочитывается уже как олицетворяющая рельсы деталь. Преобразование поддерживается стертой метафорой: *ходить* 'двигаться вперед и назад'. «Центром» персонифицирования является автор, обозначенный прагматической переменной «я».

Рассмотрим также фрагмент стихотворения А. Вознесенского «Ночной аэропорт в Нью-Йорке»:

*Автопортрет мой, реторта неона, апостол
небесных ворот —
аэропорт!*

*Брезжат дюралевые витражи,
точно рентгеновский снимок души.
Как это страшно, когда в тебе небо стоит
в тлеющих трассах необыкновенных столиц!
<...>*

Звездный десантник, хрустальное чудище,
сладко, досадно быть сыном будущего,
где нет дураков

и вокзалов-торгов —
одни поэты и аэропорты!

Стонет в аквариумном стекле
небо,

приваренное к земле.

<...>

Сто поколений
не смели такого коснуться —

преодоленья
несущих конструкций.

Образное макрополе задано в этом тексте синтаксемой *поэты* и *аэропорты*, которая может быть расценена как синтаксическая метафора-сравнение, осложненное олицетворением.

Благодаря персонификации *аэропорт* предстает в образе персоны (апостол небесных ворот, звездный десантник), мифологического существа (чудище), части человеческой идентичности (автопортрет, рентгеновский снимок души). Каждое высказывание об аэропорте читается в двух планах одновременно:

— в **изотопии текста** (персонифицированный образ) — аэропорт как живое, обладающее душой, способное чувствовать и выражать свои чувства существо;

— в **изотопии метатекста** (реальный референт) — аэропорт как сооружение с диоралевыми витражами, несущими конструкциями, приваренным стеклом, мигающими огоньками на табло трассами авиамаршрутов.

Вторичная метафоризация (*аэропорт — небо, приваренное к земле*) также сопровождается олицетворением (небо *стонет в аквариумном стекле*). Через олицетворение передается экзистенциальное состояние — страдание, напряжение, вызванное противоестественным соединением стихий.

Точкой пересечения образных полей «поэты» и «аэропорты» становится *преодоление несущих конструкций* — это одновременно и инженерный термин, и метафора духовного, поэтического преодоления границ. Одновременно *рентгеновский снимок души* проецируется на витражи аэропорта, технология становится инструментом проникновения во внутренний мир.

Таким образом, персонификация в этом контексте является когнитивным инструментом осмысления феномена технологического будущего (в образе аэропорта) через человеческие (душевные, мифологические) категории. Она создает устойчивый эффект двуизотопии, где каждый образ существует в двух параллельных реальностях — технической и экзистенциально-поэтической, и при этом функционирует как развернутая метафора-сравнение, строящаяся на синтаксическом и се-

мантическом сближении полей «поэт» и «аэропорт». Эмотивный модус проявляется в передаче системой олицетворений сложной амбивалентной эмоции — восторга и ужаса перед новым миром, где материальная и духовная культура сливаются в гибридных образах «поэтов и аэропортов».

5. Метафора-сравнение ↔ олицетворение

Сложное взаимодействие тропов можно увидеть и в кажущемся на первый взгляд простым примере олицетворяющего сравнения: *Вспыхивает и гаснет **фонарь** — как в кино **артистка*** (Ю. Мориц).

На первом плане — конкретно-референтное употребление номинации *фонарь*, который *вспыхивает* и *гаснет* в буквальном смысле. На втором — сравнение *фонаря* с *артисткой* кино, благодаря которому актуализируется общеязыковое переносное значение у приписываемых *фонарю* предикатов (*вспыхнуть* 'внезапно и сильно выразить какое-л. чувство / зардеться / воодушевиться', *гаснуть* 'ослабевать, утрачивать живость, энергию, воодушевление'): *фонарь как если бы он был артисткой* испытывает и утрачивает сильную эмоцию, воодушевляется и обессиливает — таким образом, *фонарь* и *артистка* становятся метафорическими обозначениями.

Однако здесь можно увидеть и метонимию: проекционный аппарат, который использовался для демонстрации изображений в XX веке, называется «волшебным *фонарем*», а значит *артистка в кино* связывается с *фонарем* по смежности в ситуации (как отчужденное от *фонаря* изображение).

Нечто похожее мы наблюдаем и в другом контексте словопреобразования, в конструкции с эпитетом, внутреннюю форму которой составляет генетивная метафора: *Медлительнее снежный улей, / Прозрачнее окна хрусталь...* (О. Мандельштам). Цепочка преобразований может быть представлена следующим образом: *снежный улей / улей снега* 'летающий снег' → *снег как медлительный улей* → *улей медлительных пчел* → *снежинки как пчелы*. Оговоримся, что в этом случае, хоть и происходит «увеличение степени одушевленности денотата», речь не идет об олицетворении в узком смысле: образ сравнения зооморфен, а не антропоморфен. Но модель переосмысления та же: метафора дополняется «ощущающей» деталью, тем самым представленный ею образ имеет двойную изотопию — теста (речь о снеге) и подтекста (*снежинки* воспринимаются как *рой* «замедливающихся» зимой *пчел*).

6. Метафора ↔ метонимия ↔ олицетворение

К уже рассмотренным случаям персонификации, которые осложнены метонимическими сдвигами, актуализированными прямой референцией, добавим еще пару примеров.

В микроконтексте: *Поля в вечерней жалобе... / Вечерние поля в росе* (М. Цветаева) словосочетание *вечерняя жалоба* может быть квалифици-

ровано как метафора *росы* (а параллелизм позволяет говорить и о синтаксической метафоре), предполагающая серию метонимических преобразований: *роса* 'капли' → 'слезы' → *жалоба*. Еще одно метафорическое преобразование основано уже на зафиксированном в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля значении *жалоба* 'траурное платье', которое, в свою очередь, обуславливает ряд метонимических сдвигов: *вечерние поля* → 'покров темноты' → 'темный цвет' → 'траурные одежды' → *вечерняя жалоба* → *вечерняя роса* 'слезы'.

О таком типе метафор писал Дж. Миллер: в метафорах типа «головокружительный склон» скорее выражается отношение причинности (*головокружительный склон* 'опасный спуск' → 'ощущение головокружения'), собственное головокружение наблюдателя проецируется на вызвавший его склон; проективное преобразование отмечается и в метафорических выражениях типа «грустная чашка кофе» ('ему грустно' → 'он грустно пьет кофе' → *грустная чашка кофе*) (Миллер 1990, с. 268). Дж. Миллер приходит к выводу: «Если склон или чашка встраивается как часть в объемлющую ситуацию, то этот троп, возможно, должен описываться как частный случай синекдохи или метонимии» (Там же).

Это ярко проявляется в следующем примере: *Как разниму я сад и дождь / для мимолетной щели светлой, / чтоб птицы маленькая дрожь / вместились меж дождем и веткой?* (Б. Ахмадулина). Внутреннюю форму метафоры составляет скрытое метонимическое преобразование: 'ветка и сидящая на ней, дрожащая мелкой дрожью, птица' → 'вспорхнувшая птица' → 'мелко дрожащая ветка' → 'дрожь ветки, принявшей тяжесть птицы, вернувшейся с первым лучом солнца'. Перенос по смежности в ситуации, представляющей предмет изображения в тексте, может дополняться отвлечением признака, который мотивирует метафорический перенос: *дрожь птицы* буквальна, *дрожь ветки* — «одушевляющее» метафорична. Олицетворение здесь ослаблено до предела: *дрожь* как состояние человека сообщается *дождю*, *птице* и *ветке* рукой автора-говорящего, *разнимающего* их в саду.

7. Метафора ↔ персонификация / опредмечивание

Дж. Паксон в свою онтологическую модель словопреобразований (которую он предпочитает называть «фигуративным переводом») включает не только антропоморфизм и персонификацию, но и субстанциализацию («опредмечивание») (Paxson 2009, p. 42). Покажем, как они могут сосуществовать в образном поле, определяя те или иные особенности его структуры.

Рассмотрим такой микроконтекст: *Гонит в глазницы стеклам — / Разбиться наверхняка — / Встревоженная и мокрая / Зебра березняка. Стынет в разливе речки / вспыхливости горячей, Прядает скворечниками / Струнных пустых ушей* (А. Парщиков). В нем на первый план выходит зооморфная метафора *зебра березняка* (изотопию метатекста создает референт реального мира *березняк* 'роща / лес из берез'; изотопию текста — фауноним *зебра*): черно-белая полосатая шкура зебры действительно

похожа на белую в черных прожилках кору березы. Метафора реализуется и в сопряженных с нею зооморфных предикатах *гонит, прядает ушами (скворечниками, относящимися к изотопии метатекста)*. Но одновременно *зебре березняка* сопоставляются человеческие качества — *вспыльчивость и горячность*, а *скворечники пустых ушей* напоминают о поговорке *в одно ухо влетело, в другое вылетело*, также относящейся к человеку. Олицетворяются и *стекла*, сравниваемые с *глазницами* (и *зебра березняка* возникает в них, в кадре человеческого взгляда). Развернутое олицетворение относится к образу метафорического сравнения, тем самым возникает образ пограничных состояний внутреннего и внешнего, духовного и материального миров. «Опредмечивание» обеспечивает разговорное переносное значение слова *зебра* 'пешеходный переход, размеченный белыми полосами' (еще один элемент реального мира, осмысленный метафорически), эта метафора сопрягается с зооморфным образом за счет признака 'быстрое движение': *зебра березняка* с учетом этого возможного преобразования — уже убегающий от наблюдателя путь в пространство. Именно с позицией наблюдателя в этом случае и связан антропоморфный код.

Олицетворенный мир как бы «смотрит» на человека, становясь его зеркалом: *Лицо дождя, заплаканное в день, Когда он шел, теперь уж просветлело — Его глазами смотришь ты на ветви* (И. Жданов). *Заплаканное лицо, глаза* — точка пересечения двух образных микрополей, характеризующих, с одной стороны, человека, смотрящего на мир сквозь призму дождевых капель (возможно, оставшихся и на оконном стекле), и, с другой, «очеловеченный» дождь, в прямом смысле *идуций*, оставляя на ветвях *слезы-капли*. Олицетворение здесь — маркер точки зрения автора, которую тот предлагает и читателю принять, чтобы войти в мир текста. На возможность использования олицетворяющих деталей и персонификации в этой роли обращают внимание и другие исследователи (Дубовицкая и др. 2022, с. 517).

Наконец, олицетворяющая деталь может лишь косвенно указывать на сравнение с человеком, остающимся неназванным: *И вот снова в тот же день и час, / Но в год иной / Над берегом реки ты прошел... / Я не знаю, где клетки рубашки той, / Что впору пришлишь теперь зеленым полям / И коричневым пашням, / Уходящим вверх на той стороне реки* (В. Аристов). Образ полей и пашен, одетых в рубашку в зеленую и коричневую клетку, мотивирован зрительным впечатлением (чередующимися квадратами зелени и земли), олицетворяющая деталь структурно представляет собой метафорическое сравнение. Это не единственная «текстильная» метафора в тексте: герой входит в *купальни с штапельными пятнами кувшинок*. Но клетки рубашки могут иметь и прямую референцию — к одежде человека, переходящего через реку: он *проходит* — и по мере его движения поля и пашни *уходят* 'простираются, тянутся; удаляются'. Здесь мы имеем образный параллелизм двух микрополей, актуализирующих сходные признаки субъекта и объектов поэтического мира. И опять персонификация создает двойную изотопию: метатекстовую, с конкретно-референтным прочтением, и текстовую, образно-метафорическую.

8. Выводы

Избранный подход к изучению олицетворения позволяет рассматривать его как важный элемент образной модели мира, формирующий метасемантический и метаграмматический уровень языкового моделирования. Олицетворение (частичное «очеловечивание») представляет собой частный случай персонификации (наделение объекта свойствами человеческой личности), которую нередко определяют как способ создания «гибридной дискурсивности», поскольку персонифицированный субъект становится потенциально мыслящим и говорящим, а значит, транслирующим адресату текста некоторую точку зрения и определенное знание о мире, релевантном для референции.

Олицетворение представляет собой не только самостоятельный троп, но и метакомпонент текста, взаимодействующий с другими тропеическими структурами (метафорой, сравнением, метонимией). Сильной позицией для олицетворения можно считать контекст однозначного прочтения, слабой — контексты комплексного и разнонаправленного тропеического взаимодействия, вследствие которого «перифразирование денотата» становится многозначным. В последнем случае возникают сложные конструкции в рамках одного образного поля, в которых метафора может осложняться олицетворяющими деталями, сравнение — включать персонифицирующие элементы, а олицетворение, метафоры и сравнения — становиться результатом метонимических сдвигов.

В поэзии XX века отчетливо прослеживается тенденция к формированию так называемых референтных персонифицирующих метафор, в которых образ-персонификатор не только создает олицетворение, «повышая меру духовности» некоего объекта мира текста, но и одновременно имеет конкретно-референтное значение, отсылая к говорящему. На рубеже XX—XXI веков олицетворение начинает указывать на присутствие «за кадром» человека, прямо в тексте не названного, но моделирующего мир по своему образу и подобию. Иными словами, придавая художественному высказыванию модус антропоморфности и антропометрии, олицетворение становится выражением «голоса» автора в позиции говорящего, маркером его точки зрения, создающей фокус эмпатии.

Перспективы исследования, как представляется, заключаются в разработке комплексного подхода к анализу олицетворения как многоаспектного явления, включающего когнитивный, прагматический и семантический компоненты. Такой подход потребует как уточнения терминологического аппарата, так и сопоставления лингвистических и психологических аспектов персонификации, разработки комплексных моделей ее описания, а также новых подходов к классификации олице-

творений на основе изучения его синтаксических моделей и семантических классов объектов и сопоставляемых им образов-персонификаторов. Новым направлением может стать и статистический анализ частоты употребления олицетворений разных типов и их дистрибуции в текстах разных жанров.

Список литературы

Григорьев, В.П., 1973. Предисловие. В: *Поэт и слово: опыт словаря*. М., с. 13—170. [Grigor'ev, V.P., 1973. Foreword. In: *The Poet and the Word: An Attempt at a Dictionary*. Moscow, pp. 13—170 (in Russ.)].

Григорьев, В.П., 1979. *Поэтика слова*. М. [Grigor'ev, V.P., 1979. *The Poetics of the Word*. Moscow (in Russ.)].

Дубовицкая, М.А., Монастырецкая, О.В., Филатова, Н.П., Шаповалова, О.Н., 2022. Синестезия и персонификация в художественном тексте: лингвостилистический аспект. *Неофилология*, 8(3), с. 512—519. [Dubovitskaya, M.A., Monastretskaya, O.V., Filatova, N.P. and Shapovalova, O.N., 2022. Synesthesia and personification in the literary text: linguostylistic aspect. *Neophilology*, 8(3), pp. 512—519 (in Russ.)] EDN: HXCGIC, <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-512-519>

Золян, С.Т., Тульчинский, Г.Л., Чернявская, В.Е., 2024. *Прагмасемантика и философия языка*. М. [Zolyan, S.T., Tulchinskii, G.L., Chernyavskaya, V.E., 2024. *Pragmasemantics and philosophy of language*. Moscow (in Russ.)] EDN: RSPTEO

Ковтунова, И.И., 1986. *Поэтический синтаксис*. М. [Kovtunova, I.I., 1986. *Poetic Syntax*. Moscow (in Russ.)].

Константинова, С.К., 1997. *Семантика олицетворения*. Курск. [Konstantinova, S.K., 1997. *The Semantics of Personification*. Kursk (in Russ.)].

Крейдлин, Г.Е., 1990. Некоторые пути метафоризации слов в языке. В: *Логический анализ языка. Тожество и подобие. Сравнение и идентификация*. М., с. 124—130. [Kreidlin, G.E., 1990. Some ways of word metaphorization in language. In: *Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification*. Moscow, pp. 124—130 (in Russ.)].

Мамадалиев, А., Каримова, Н.А., 2019. К вопросу о семантической основе персонификации. *International Journal of Innovative Technologies in Social Science*, 1(13), с. 21—27. [Mamadaliyev, A. and Karimova, N.A., 2019. On the question of the semantic basis of personification. *International Journal of Innovative Technologies in Social Science*, 1(13), pp. 21—27 (in Russ.)] https://doi.org/10.31435/rsglobal_ijitss/31012019/6325

Миллер, Дж., 1990. Образы и модели, уподобления и метафоры. В: *Теория метафоры*. Перевод В.В. Туровского. М., с. 236—283. [Miller, G., 1990. Images and models, similes and metaphors. In: *The Theory of Metaphor*. Translated by V.V. Turovsky. Moscow, pp. 236—283 (in Russ.)].

Некрасова, Е.А., 1994. Олицетворение. В: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке*. М., с. 13—104. [Nekrasova, E.A., 1994. Personification. In: *Essays on the History of the Language of 20th Century Russian Poetry. Tropes in Individual Style and Poetic Language*. Moscow, pp. 13—104 (in Russ.)].

Петрова, З.Ю., Северская, О.И., 2018а. Говорящий мир в русской поэзии XVIII—XX вв. *Верхневолжский филологический вестник*, 1, с. 78—90. [Petrova, Z. Yu. and Severskaya, O.I., 2018a. The speaking world in Russian poetry of the 18th—20th centuries. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 1, pp. 78—90 (in Russ.)] EDN: YTRNXW

Петрова, З. Ю., Северская, О. И., 2018б. Говорящий мир человека в русской поэзии XVIII—XX вв. *Верхневолжский филологический вестник*, 2, с. 93—102. [Petrova, Z. Yu. and Severskaya, O. I., 2018b. The speaking world of man in Russian poetry of the 18th–20th centuries. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2, pp. 93—102 (in Russ.)] EDN: XSDANF, <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10040>

Петрова, З. Ю., Северская, О. И., Фатеева, Н. А., 2022. Лексико-семантическая группа «Отсутствие речи» в русской поэзии: конструкции персонификации. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 44(7), с. 8—18. [Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. and Fateeva, N. A., 2022. Lexical-semantic group “Absence of Speech” in Russian poetry: personification constructions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44(7), pp. 8—18 (in Russ.)] EDN: EVIZQZ, <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.811>

Петрова, З. Ю., Фатеева, Н. А., 2019. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 18(1), с. 33—46. [Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2019. Description of Personification in the Dictionary as a Problem of Poetic Lexicography. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(1), pp. 33—46 (in Russ.)] EDN: YTSLKD, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

Петрова, З. Ю., Фатеева, Н. А., 2023. Образный потенциал слова язык в русской поэзии: конструкции персонификации. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 45(6), с. 108—114. [Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2023. Figurative potential of the word language in Russian poetry: constructions of personification. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 45(6), pp. 108—114 (in Russ.)] EDN: ONNFWQ, <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.947>

Северская, О. И., 1994. Метафора. В: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке*. М., с. 105—190. [Severskaya, O. I., 1994. Metaphor. In: *Essays on the History of the Language of 20th Century Russian Poetry. Tropes in Individual Style and Poetic Language*. Moscow, pp. 105—190 (in Russ.)].

Телия, В. Н., 1988. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. В: *Метафора в языке и тексте*. М., с. 26—51. [Te-liya, V. N., 1988. Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function. In: *Metaphor in Language and Text*. Moscow, pp. 26—51 (in Russ.)].

Чайко, Н. Н., 2022. Синтаксическая метафора как одно из средств грамматической выразительности в поэзии XIX в. *Современные исследования социальных проблем*, 14(4), с. 274—286. [Chaiko, N. N., 2022. Syntactic metaphor as one of the grammatical expressiveness means in poetry of the 19th century. *Modern Studies of Social Issues*, 14(4), pp. 274—286 (in Russ.)] EDN: QTNRBB, <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-274-286>

Bane, T., 2013. *Encyclopedia of Fairies in World Folklore and Mythology*. Jefferson, North Carolina.

Bauer, M., Gerok-Reiter, A., Pawlak, A. and Robert, J., eds., 2025. *Different Aesthetics: Principles – Questions – Perspectives*. Berlin, <https://doi.org/10.1515/9783110768763>

Greene, R. and Cushman, S., eds., 2016. *The Princeton Handbook of Poetic Terms*. 3d ed. Princeton, NJ, <https://doi.org/10.1515/9781400880645>

Greimas, A.-J., 1966. *Sémantique structurale. Recherche de méthode*. Paris.

Paxson, J. J., 2009. *The Poetics of Personification*. Cambridge.

Zeeman, N., 2020. *The Arts of Disruption: Allegory and Piers Plowman*. Oxford, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198860242.001.0001>

Об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-6277-9756

SPIN-код: 7991-2559

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Северская О.И. Олицетворение и олицетворяющая деталь в контекстах тропического взаимодействия // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 95 – 111. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PERSONIFICATION AND PERSONIFICATING DETAIL IN THE CONTEXT OF TROPEIC INTERACTION

Olga I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 30.12.2025

Accepted on 15.04.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6

This article examines personification in 20th-century Russian poetry from the perspective of interaction of tropes. The aim of the study is to determine the status of personification as a trope and metacomponent of the figurative system and model of the textual world, to identify its role in the formation of "figurative fields" and its interaction with metaphor, simile, and metonymy. The research methodology is based on a structural-semantic contextual analysis of a representative sample of poetic texts. The study established that personification functions as an independent trope in a "strong" position of unambiguous reading and as a metatextual element of complex tropes in a "weak" position, where it interacts with other tropes to create polysemantic figurative fields. Particular attention is paid to referential personifying metaphors, in which personification becomes a marker of the author's point of view, modelling the world according to anthropomorphic principles. The findings emphasise that personification is a key tool for creating hybrid discursivity, in which the personified object becomes "potentially speaking" and serves as an expression of the speaker's empathic position. The author sees the potential of this research in a comprehensive analysis of the cognitive, pragmatic, and semantic aspects of personification and the development of new classifications of personifications.

Keywords: personification, metaphorical paraphrase, denotation, interaction of tropes, figurative field, figurative model of the world

The author

Dr Olga I. Severskaya, Leading Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

ORCID: 0000-0002-6277-9756

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Severskaya, O.I., 2026, Personification and personificating detail in the context of tropic interaction, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3. P. 95–111. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ИКОНИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ЕГОРА ЛЕТОВА.

Статья первая: Грамматика конструкций

А. Н. Черняков

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 15.05.2026 г.

Принята к публикации 05.06.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-7

Статья посвящена анализу лингвопоэтики Егора Летова в аспекте иконической грамматики. В работе исследуется лингвокреативная стратегия поэта, направленная на преодоление конвенциональности языкового знака и формирование «подлинного» поэтического языка, что достигается посредством актуализации имплицитного иконического потенциала грамматических структур русского языка. С опорой на теоретические положения Р. Якобсона о «поэзии грамматики» и современные исследования в области иконичности рассматриваются грамматические конструкции как значимый инструмент моделирования художественной реальности. В ходе исследования выявлены и систематизированы две ключевые группы синтаксических конструкций, используемых Летовым в иконической функции. Первая группа — неопределенно-личные предложения — анализируется как средство моделирования «мерцающей» или безличной субъектности, акцентирующее внимание на итеративности и автоматизме действий в рамках обезличенной тоталитарной картины мира. Вторая группа — номинативные ряды — интерпретируется как способ иконического воспроизведения визуальной сенсорики и эффектов «каталогизации» действительности. В статье демонстрируется, что работа Летова с синтаксическими ресурсами русского языка носит системный рефлексивный характер, а грамматика конструкций является фундаментальным уровнем реализации его лингвоцентрической поэтики. Иконичность грамматики в поэзии Летова выступает не только как стилистический прием, но и как регулярный семиотический механизм, обеспечивающий выход за пределы узусуально-языка в поле индивидуального художественного дискурса.

Ключевые слова: Егор Летов, иконичность, лингвопоэтика, неопределенно-личные предложения, номинативное письмо, поэтический синтаксис

Исследования последнего десятилетия, посвященные разным аспектам творчества Егора Летова (Валеева 2018; Кирпу 2016; 2018; Пехарева 2014; Темиршина 2019; 2022 и др.), всё более убеждают в существовании особой «лингвоцентрической» идеологии Летова-поэта. Эта идеология проявляет себя в стремлении установить максимально тесные, в идеале безусловные, субстанциональные связи между образом изображаемой действительности и его языковыми репрезентациями, что, в свою очередь, вскрывает активный интерес Летова к глубинным ресурсам и механизмам языка как такового и поэтического языка в

частности. В монографии О.Р. Темиршиной «Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии» (2024) убедительно продемонстрировано, что в художественной системе Летова язык выполняет не только (и даже не столько) эстетическую / поэтическую, сколько когнитивную, мироконструирующую и миромоделирующую функции. Как показано в этом масштабном исследовании, «в поэзии Летова нет намеренной синтаксической усложненности, в ней отсутствуют сложные метафоры, она... в целом напоминает наш повседневный язык. Однако этот язык функционирует в какой-то совершенно иной бытийной перспективе. Как будто бы субъект речи, используя “простые слова”, рассказывает о некоем непостижимом образе реальности, который разворачивается перед его внутренним взором здесь и сейчас» (Темиршина 2024, с. 15). Неслучайно в одном из интервью Летов признавался: «Я не совсем музыкант, для меня это вынужденная творческая форма контакта с массами, потому что поэзия у нас не в чести. А я прежде всего занимаюсь разработкой слова, экспериментами над словом, психологией и философией, воплощенными в слове» (Летов 2022, с. 138).

Обоснование лингвоцентризма Летова вступает в сложные отношения с метапозицией поэта, наиболее известным проявлением которой принято считать заявление в интервью «200 лет одиночества» (1990): «Надо сказать, что вообще все слова — г...о. Скуден язык. Нищ. “Жалок, наг и убог”. Всё это создано — все слова, понятия, системы — сам язык — для болтовни, для игры в бисер в лучшем случае. Если и не создано, то работает именно ради этого повсеместно. Слова недостойны НАСТОЯЩЕГО языка. <...> Всё это — костыли. Дырочки. Веревочки. Я всегда испытывал крайнее неудобство, когда пытался посредством речи выразить что-либо» (Летов 2001, с. 49; выделено автором, курсив наш. — А. Ч.). Схожее признание в неспособности выразить поэтическую эмоцию средствами узуального языка прослеживается в интервью 2004 года, где Летов, описывая собственные творческие практики в связи с созданием альбома «Долгая счастливая жизнь», говорит: «У меня открылся внутри душераздирающий глобальный поток. Впечатление было такое, что я стал не личностью, а стал всем миром. И сквозь меня, сквозь то, что я представлял как живой человек во времени... пытается прорваться со страшным напряжением... весь мир. Огромный поток, а я его торможу. <...> Я видел, как лист с дерева падает очень долго, как муравьи ползают, как дети копошатся, как качели скрипят, как там дедушка на велосипеде едет. Я одновременно видел это все. <...> Не знаю, у меня нет слов для этого. И не может быть слов на человеческом языке» (Летов 2022, с. 271; курсив наш. — А. Ч.). В этом апофатическом отношении к языку, которое может быть понято как одна из граней летовского интереса к психоделическим художественным техникам, видится стремление выйти за пределы того самого «человеческого языка», оказаться «снаружи всех измерений», чтобы построить новый — собственный — поэтический язык, способный, как представляется, преодолеть фатальность сосюрковского приговора языковому знаку как конвенциональной сущности.

В том, насколько тщательной и скрупулезной была работа Летова с языком при создании поэтических текстов, легко убедиться, ознакомившись с изданными в 2009–2014 годах тремя томами летовских автографов (черновых и беловых рукописей): они со всей очевидностью показывают, что творческий процесс у Летова имел рефлексивный характер и был связан с перебором множества текстовых вариантов по самым разным языковым параметрам — эвфоническим, лексико-семантическим, идиоматическим, стилистическим и др. Эта особенность летовского творчества делает особенно интересным и перспективным обращение к области поэтической грамматики — тому уровню работы поэта с языком, где, по замечанию Я.И. Гина, творческая свобода существенно ограничивается «диктатом самой языковой системы, “насилием” языка над художественной конструкцией» (Гин 1996, с. 78), а преодоление этого «диктата» не только — с одной стороны — требует от поэта исключительного языкового слуха, но и — с другой — открывает ему самые неожиданные и оригинальные творческие ходы. Именно здесь кроется не артикулированное напрямую, но очевидно растворяющееся во всей лингвопоэтике Летова внимание к механизмам языковой иконичности, некоторые подступы к интерпретации которого будут обозначены в данной статье.

Как показано в обзоре (Сигал 1997), интерес к изучению иконических механизмов естественного языка формируется и устойчиво поддерживается в лингвистике начиная с середины 1960-х годов. Р. Якобсон, считающийся одним из основоположников данного научного направления, в статье «В поисках сущности языка» обратил внимание на широкую применимость пирсовского понятия «диаграмма» как одной из разновидностей иконических знаков при описании грамматики: «Ярко выраженный диаграммный характер носит не только соединение слов в синтаксические группы, но и соединение морфем в слова. И в синтаксисе, и в морфологии любое отношение частей и целого согласуется с пирсовским определением диаграмм и их иконической природы» (Якобсон 2001а, с. 119). Последующее развитие этой установки, сформировавшее, по наблюдению К.Я. Сигала, два варианта теории иконичности — «сильный» («радикальный»), состоящий в «отстаивании иконической природы языка и иконичности как психосемиологического предусловия вербальной коммуникации», и «слабый» («умеренный»), признающий, что «в языке, являющемся динамическим продуктом человеческой когниции и коммуникации, имеются условия в том числе и для иконического соотношения между означающим и означаемым языковых знаков» (Сигал 1997, с. 103–104), — в итоге дало возможность постулировать, что «иконичность присуща в той или иной степени построению “блочных” единиц морфологии, словообразования и синтаксиса, структуре текста, семантической производности, семантизации фонетических “квантов” и “сочленений”, а также прагматической мотивации формально-квантитативных закономерностей языка и речи» (Сигал 2013, с. 67).

Вместе с тем следует, очевидно, признать, что иконизм языковых (и в первую очередь грамматических) знаков в обыденной и поэтической речи имеет разную природу и требует разных подходов к осмыслению. В естественном языке, где, по афористичному выражению Р. Jakobsona, «грамматические категории слов..., равно как и синтаксические функции этих классов и подклассов, образуют... *скелет и мускулатуру языка*» (Jakobson 1987, с. 84; курсив наш. — А. Ч.), грамматика оказывается по преимуществу областью «языкового бессознательного», той частью языковой системы, которая в наименьшей мере подлежит рефлексии со стороны говорящего, а следовательно, иконичность грамматических конструкций остается для носителя языка неявной и может быть эксплицирована лишь при переводе с «языка-объекта» на метаязык. В случае же с поэтическим языком, высказывание на котором «отличается от других тем, что может актуализировать разные моменты своей структуры (внешней или внутренней), сосредоточивая коммуникативную связь на том или ином моменте, чтобы в итоге охватить всю целостность знака или текста как сообщения» (Фещенко 2021, с. 26), иконичность выражения может становиться предметом непосредственной авторской установки уже хотя бы потому, что сфера грамматики здесь регулярно подвергается эстетической рефлексии — собственно, на этом постулате и строится Jakobsonовская эвристическая модель «поэзии грамматики и грамматики поэзии», утверждающая «глубокую аналогию между ролью грамматики в поэзии и живописной композицией, базирующейся на явном или скрытом геометрическом порядке или на отпоре против геометричности» (Jakobson 2001б, с. 536).

В том, что лингвокреативная установка поэта может перемещать не только фонетику, но и грамматику в «светлое поле сознания» (Л. П. Якубинский), эксплицируя ее потенциальную иконичность, видится проявление некоторых субстанциональных свойств самого феномена иконизма, как его трактует, например, С. Р. Вартазарян. Обосновывая мысль о том, что иконические знаки следует интерпретировать не как «неконвенциональные» (на чем строится позиция Пирса), а как обладающие особой — конструктивной — конвенциональностью, исследователь подчеркивает, что «иконический знак интенционален, можно сказать даже — он более интенционален, чем конвенциональные знаки» (Вартазарян 1973, с. 114), поскольку «основным в прагматическом отношении к нему (иконическому знаку. — А. Ч.) является не осознание относительности и условности его подобия денотату, а *осознание цели употребления данного знака*, которая состоит именно в воспроизведении (иногда лишь на уровне соответствия) некоторой структуры денотата в форме знака» (Там же, с. 116; курсив наш. — А. Ч.). Это свойство иконичности особым образом проявляет себя в поэтической речи, семиотическую основу понимания которой составляет «направленность на сообщение или распределенная автонимия»: «Особенностью иконических знаков этого рода является то, что *предметом обозначения в поэтическом иконическом знаке является само языковое поведение*. Сам язык, его особенности и закономерности становятся предметом

моделирования в поэтическом иконическом знаке» (Там же, с. 161; курсив наш. — А. Ч.). Если исходить из подобной трактовки иконичности поэтического знака, логично понимать ее не только узкоспециализированно — как «растворение» поэтической темы в репрезентирующей ее языковой фактуре и выстраивание отношений взаимного подобия между планом выражения и планом содержания художественного текста, — но и широко, в аспекте «соотнесенности особенностей идиостиля художника слова с особенностями его картины мира», когда «изменения в способах и формах художественного изображения действительности рассматриваются как отражение изменившегося мироощущения художников слова» (Дреева, Мильдзихова 2016, с. 26).

К числу наиболее демонстративных проявлений иконизации грамматики в поэтических текстах Летова, очевидно, можно отнести текстовые ситуации, когда поэтическая тема получает реализацию через такие синтаксические конструкции, за которыми в самом узусе закреплён определённый устойчивый семантический ореол. Таково, например, частотное в творчестве Летова середины 1980-х — начала 1990-х годов использование неопределённо-личных предложений, моделирующее семантическую ситуацию действия некой безликой (неназванной) силы, перед которой человек оказывается фатально бессилен, ср.:

(1) Положили немало жизней / В жертву важным экспериментам / Строя каналы и каналы / Всё во славу святым заветам // Затоптали сырую землю / Ради каменных постаментов / По указке своих всевышних / Уничтожили пол-Европы («Колыбельная», 1987 (Поэты... 2005, с. 74));

(2) Азартно давили прикладами каблуками / Чужунными небосводами, свинцовыми потолками / Топили в блевотине / стылой осенней грязи и кипящих весенних помоях / Рубили плеча топорами и саблями / Копались штыками в цветастых упругих кишках... («Азартно давили прикладами каблуками...», 1993 (Летов 2011, с. 339));

(3) В кладбищенской конторе выпекали гроб / В общественной столовой пожарили хлеб / В трамвае пробивали проездной талон / В подъезде экономили электросвет / На стройку успевали завозить раствор / В больнице успевали принимать больных / Ну а после успевали покупать товар / Громылая сапогами и цепями правоты... («Один день Ивана Денисовича (Солженицын писал совсем о другом)», 1987 (Летов 2011, с. 233));

(4) Предательского дядю повели на расстрел / Хорошенькую тётю потащили в подвал / В товарные вагоны загружали народ / Уверенные папы продолжали учить: / так закалялась сталь // <...> // Историю вершили закалённым клинком / Историю крушили закалённым клинком / Историю кололи закалённым клинком / Виновную историю пустили в расход. / Так закалялась сталь («Так закалялась сталь», 1987 (Летов 2011, с. 212)).

Как отмечается в (Тиханова 2023), неопределённо-личные предложения, где позиция предиката реализуется невозвратными глаголами в форме 3 л. мн. ч. настоящего и будущего времени либо мн. ч. прошед-

² В издании (Летов 2011) текст приведен без названия; воспроизводится в соответствии с названием песни на альбоме «Так закалялась сталь» (1988) по сайту «ГрОб Хроники», URL: https://grob-hroniki.org/texts/go/t_el_o/odin_denj_iva_na_denisovicha.html

шего времени при формально не выраженном субъекте, иконичны уже в силу своей грамматической организации: они «используются как коммуникативный прием импликации субъекта действия или состояния, о котором заявлено в предикате» (Там же, с. 185). Трактовка НЛП в «Русской корпусной грамматике» (РКГ) исходит из того, что они «являются способом языковой концептуализации особого типа личного субъекта», когда форма множественного числа, «выражая идею дискретного множества, обнаруживает связь с категорией одушевленности, максимально реализуя последнюю», причем «в системе одноставных предложений именно множественное число категоризует лицо, в то время как единственное число (совместно с 3-м лицом / средним родом) категоризует предмет» (Русская корпусная грамматика web). Как показано в РКГ, грамматическая неопределенность субъекта в НЛП не сужает, а, напротив, расширяет возможности прагматической интерпретации выраженной глагольной формой множественного числа семантики субъектности, которая может колебаться от неопределенного субъекта в открытом или закрытом множестве через определенного субъекта вплоть до Я-субъекта, то есть до «максимальной степени референтности и индивидуности» (Там же). Еще более усугубляет субъектную подвижность реализация НЛП в плане прошедшего времени, которое само по себе не дифференцирует категорию лица, но при этом значительно актуализирует роль прагматического контекста при интерпретации; как отмечается в РКГ, «в контексте (связном текстовом фрагменте) может возникать затруднение при квалификации подобных предложений: если в парадигматической лингвистике неопределенно-личные и неполные предложения четко противопоставлены, то в синтагматике “бессубъектное” предложение может допускать двойственное осмысление» (Там же) и сильно связано с моделированием точки зрения.

Проследим, как в вышеприведенных примерах устанавливается иконическая связь между формой поэтического высказывания и прагматическими рамками интерпретации субъектности, обусловленными темой текста. В примере (1), описывая «коллективную травму» исторического наследия тоталитарного государства через легко опознаваемые индексы-метонимии («каторги и каналы», «святые заветы», «каменные постаменты» и др.), Летов задает возможность воспринимать неидентифицируемую множественность субъекта не только как неопределенное «они», но и — скорее — как столь же неопределенное «мы» (или даже «мы все»), когда субъект поэтического высказывания становится для реципиента «мерцающим» (см. об этом: Цвигун, Черняков 2022), формирует одновременно и внешнюю, и внутреннюю точки зрения, не только обличает исход «важных экспериментов», но и как бы принимает на себя ответственность за них. В примере (2) возможность такой интерпретации уже существенно ослабляется, если не исключается полностью, уступая место множественному неопределенному (скорее даже неопределяемому) субъекту как иконическому выражению некоей стихийной антагонистической силы / насилия: с учетом общей прагматической пресуппозиции летовского творчества было бы странно предпо-

ложить, что «я-субъект» может присваивать себе предикаты «азартно давить прикладами каблуками», «топить в блевотине», «рубить сплеча топорами и саблями» и др., — такой атрибутикой Летов регулярно наделяет внешний мир, который в его художественной картине мира представлен как континуум активных, враждебных по отношению к лирическому «я» действий, лишенный конкретных агентов. Наконец, в (3) и (4) — текстах песен, названия которых интертекстуально отсылают к роману Н. Островского и повести А. Солженицына, двум важнейшим произведениям официального советского и диссидентского литературных канонов, — фокус интерпретации неопределенно-личных конструкций приобретает окончательную четкость и вместе с тем принципиальную нефиксируемость: с помощью рядов НЛП Летов создает общую картину «о-безличной» (не в грамматическом, а в семантическом смысле) действительности, в которой некий не(рас)членимый тоталитарный субъект итеративно совершает одни и те же автоматизированные действия (обратим внимание на то, что аспектуальный план примера (3) полностью, а (4) преимущественно представлен глаголами несовершенного вида, что дополнительно усиливает идею «бесконечно длящегося прошлого»).

Синтаксически противоположным, но семиотически подобным (в ракурсе использования иконических ресурсов грамматики) выступает у Летова использование конструкций иного типа — регулярных номинативных рядов. В проекции на общие закономерности поэтического языка исследователи по-разному интерпретируют лингвопоэтический потенциал так называемого номинативного письма (НП), однако сходятся в том, что в поэзии номинативное предложение обретает особую семантическую интенциональность, которой оно лишено в узуальном языке, выступает как значимый ресурс экспрессивного синтаксиса. Так, например, по наблюдению И. И. Ковтуновой, в поэтическом языке номинативные предложения «способны передавать неполную определенность субъекта. <...> В них присутствует в скрытом виде не называемый субъект — наблюдатель и его точка зрения. Картина, представленная в именном предложении, ... предполагает восприятие. Таким путем именные предложения дают образ восприятия» (2005, с. 282, 291), а Л. В. Зубова, рассуждая об особом функциональном ореоле НП в современной поэзии, отмечает, что «синтаксическая однородность номинативных структур наиболее адекватно отвечает современной потребности представить мир каталогом» (2000, с. 336). Оба отмеченных исследователями типа «семантических наращений» НП прослеживаются в поэзии Летова достаточно регулярно; остановимся на двух показательных примерах того, как использование Летовым номинативных рядов иконически развивает тему текста, определенную его заглавием.

(5) Целебные баталии, могучие народы / Святые воды, млечные пути /
Ядрёные пословицы, крестовые походы / Кривые гвозди, ясные глаза / Почётные
гербарии, ветвистые заборы / Лесные горы, вишивые тылы / Связующие нити,
затяжные коридоры / Живые звери, тёплые края // <...> // Только горячий смех,

оловянный враг, земляничный фронт / Только земная соль, заводная мышшь, голубой вагон / Каждый миг передозировка / На все оставшиеся времена / На все оставшиеся времена («Передозировка», 1991 (Поэты... 2005, с. 38));

(6) Солнце помогает мне / Светлое пятно / Доброе сияние / Бездонное окно / Пестрая сумятица / Образный захлёб / Вертится смеркается / Мой калейдоскоп / Кипучее движение игристого ума... остановка. // <...> // Солнце помогает мне / Тёплая волна / Мглистое сознание / Загробная страна / Лунное затмение / Мысленный потоп / Солнечное зрение / Мой калейдоскоп... / Кипучее движение игристого ума... остановка («Калейдоскоп», 2006 (Летов 2011, с. 519).

Поскольку оба текста уже становились предметом специального анализа (детальный разбор примера (5) предложен в статье (Валеева 2018), а примеру (6) был посвящен доклад Ю. С. Моревой «Что видно в калейдоскоп?» в рамках исследовательского семинара «“Зачем снятся сны?”: к 20-летию записи альбома», прошедшего в РГГУ 30 мая 2026 года), мы остановимся исключительно на тех аспектах их лингвопоэтики, которые непосредственно связаны с нашей темой.

Узнаваемой чертой летовского синтаксиса является не просто регулярное, а сверхрегулярное использование номинативно-атрибутивных синтагм N+Adj: в идиостиле Летова существительное почти никогда не употребляется без характеризующего его определения-прилагательного. Семантические роли определяемых слов и определений у Летова четко распределены: если существительные принимают на себя в первую очередь формирование денотативного пространства текста, то прилагательные в основном выстраивают коннотативные зоны, обычно организованные вокруг одной базовой коннотации (чаще всего оценочной), причем отношения между денотативным и коннотативным пространствами могут строиться как на их корреспонденции, так и на конфликте. Общую смысловую установку, которая стоит у Летова за подобной синтактикой, на наш взгляд, можно охарактеризовать как стремление поэта задать сложные и динамичные отношения между двумя, условно говоря, «каталогами» — репрезентаций мира (существительными) и его атрибутов (прилагательными).

В примерах (5) и (6) такая тенденция прослеживается вполне отчетливо. Так, в (5) эффект метафорической «передозировки» от окружающего мира создается путем нагромождения номинативно-атрибутивных синтагм при полном отсутствии глаголов, причем эти синтагмы, на первый взгляд кажущиеся абсолютно разрозненными, складываются в определенные семантические зоны, наполнение которых так или иначе пересекается: «милитарное» («целебные баталии», «крестовые походы», «вшивые тылы», «оловянный враг», «земляничный фронт»), «сакральное» («святые воды», «кривые гвозди», «ясные глаза», «земная соль»), «природное» («млечные пути», «почётные гербарии», «лесные горы», «живые звери»), «антропное» («могучие народы», «ядрёные пословицы», «горючий смех»), «детское» («почётные гербарии», «оловянный враг», «заводная мышшь», «голубой вагон»), «пространства и коннекторы» («ветвистые заборы», «связующие нити», «затяжные коридоры»,

«тёплые края») — очевидно, с учетом внутренне подвижных семантических отношений между элементами синтагм этот ряд может быть дополнен иными зонами, внутри которых словосочетания также будут вступать в иные комбинации. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что лингвопоэтическая креативность Летова захватывает не только частеречный профиль текста, но и грамматическую категорию числа: когда идиоматические выражения «святая вода», «млечный путь», «связующая нить» Летов ставит в форму множественного числа, они утрачивают свою идиоматичность и становятся такими же свободными словосочетаниями, как и «могучие народы» или «почётные гербарии», — и, подчиняясь этой инерции, таким же свободным словосочетанием в форме множественного числа начинает восприниматься синтагма «тёплые края», для которой эта форма числа является узуальной. Если переключить внимание с семантики отдельных синтагм или их сочетаний на сами языковые механизмы организации текста, представляется вполне логичным допустить, что «передозировка», которой посвящена песня, возникает не только от наблюдения мира, но и от ощущения рассыпающегося и утрачивающего свои значимости языка, и именно такую передозировку иконически воспроизводит текст.

В примере (6) инфинитивные ряды, будучи обрамлены двусоставными предложениями («Солнце помогает мне <...> Вертится смеркается мой калейдоскоп»), получают иную интенциональную установку: самой своей грамматической формой, буквально «поверх» лексической семантики отдельных слов и словосочетаний, номинативно-атрибутивные синтагмы иконически воспроизводят складывание цветных стекол при вращении калейдоскопа. Нельзя не обратить внимание на то, что первый сегмент текста, соответствующий первому куплету песни, начиная с первой же строки («Солнце помогает мне») последовательно иконизирует сенсорiku визуального восприятия лирического субъекта, смотрящего сквозь калейдоскоп на солнце. Кадрами такой визуальности становятся «светлое пятно», «доброе сияние», «бездонное окно» и «пестрая сумятица» — номинативное письмо в данном случае основано на «симметричном дуализме» грамматических и лексических значений слов, что буквально удваивает иконический эффект. Однако к концу текста существительные с семантикой визуальной сенсорности почти полностью (за исключением лишь «лунного затмения» и «солнечного зренья») уходят из текста, уступая место операторам ментального конструирования некоего воображаемого мира: «теплая волна», «мглистое сознание», «загробная страна», «мысленный потоп», — и, соответственно, лексико-грамматическая иконичность уступает место иконичности собственно грамматической. Логическим завершением этого тотально-иконического эффекта становится фраза-кода, завершающая каждый куплет: «Кипучее движение игристого ума... остановка», в которой отглагольное существительное с семантикой динамики («движение») сменяется отглагольным же существительным с семантикой статики («остановка»), благодаря чему лексические и грамматические значения не просто корреспондируют, а почти сливаются.

Завершая рассмотрение примеров данного ряда, приведем еще один максимально показательный текст, построенный на использовании иконического эффекта грамматической конструкции:

(7) *То ли змейка, то ли мост / То ли петелька взмахлёт / То ли грёзы, то ли газы / То ли светлые христосы / То ли скверная грязюка, то ли заняты места / То ли громкая гагара, то ли милая фигура / То ли твёрдая могила, то ли просторная комора / То ли стыдно, то ли поздно / То ли просто интересно / То ли буки, то ли веги, то ли капля в носу / То ли лёли, то ли вали, то ли лютые мозоли / То ли лампочка устала, то ли бабушка зевнула / То ли змейка, то ли мост / То ли хворост* («То ли змейка...», 1992 (Летов 2011, с. 326)).

Пример (7) может служить характерной иллюстрацией того, как поэтические техники Летова могут, условно говоря, аннигилировать семантику грамматикой. По поводу конструкций с сочинительным союзом *то ли... то ли...* РКГ отмечает: «Союзы со значением “внешнего сходства”... указывают на неуверенность Говорящего в том, какой именно из двух компонентов возможен в качестве описываемого, и на то, что в качестве описываемого возможно нечто третье. Однако они обладают собственной семантической спецификой, а именно, предполагают, что причина неуверенности Говорящего заключается в том, что описываемое обладает признаками как первого, так и второго» (Русская корпусная грамматика web; курсив наш. — А. Ч.). Подобная «неуверенность» поэтического субъекта у Летова оборачивается чистой языковой игрой: гибкость и пластичность открытого сочинительного ряда (компонентный состав которого, согласно В. А. Белошапковой, лимитируется только условиями внеязыковой ситуации, но не самой синтаксической структурой) в летовской логике допускает включение в отношения дизъюнкции чего угодно с чем угодно: «змейку», «мост», «петельку взмахлёт», «хворост» и так далее — до бесконечности. Дизъюнктивная логика, которая иконически демонстрирует «чистую грамматику» синтаксической конструкции, у Летова эксплуатирует самые разные языковые ресурсы: эвфонию (грёзы / газы, гагара / фигура, буки / веги, взмахлёт / хворост), морфологию (стыдно / поздно / интересно), синтаксический параллелизм (лампочка устала / бабушка зевнула, громкая гагара / милая фигура, твёрдая могила / просторная комора), семантические оппозиции (твёрдая / просторная, могила / комора) и др. — вплоть до синтагматического объединения компонентов вообще вне каких-либо мотивировок, даже формальных («то ли скверная грязюка, то ли заняты места»). В результате получается поэтический текст, который, с одной стороны, своей организацией иконически подражает самой грамматической модели *as is*, а с другой — оказывается почти идеальной иллюстрацией теоретического постулата о художественной речи как «высказывании с установкой на выражение» (Р. Якобсон).

Рассмотренные в статье примеры позволяют удостовериться в том, что работа Егора Летова с ресурсами русского синтаксиса на уровне «грамматики конструкций» носит не случайный, а тщательно отре-

флексированный и сложно организованный характер и позволяет по-эту осуществлять поиск такого «подлинного» поэтического языка, в котором план выражения и план содержания оказываются взаимно мотивированными. Развитию данной темы на глубинных уровнях поэтического высказывания, в том числе в аспекте использования Летовым разного рода грамматических девиаций как репрезентантов поэтической тематики, будет посвящена отдельная статья.

Список литературы

Валеева, Н.С., 2018. Опыт лингвистического анализа летовских текстов (на примере песни «Передозировка»). В: *Летовский семинар: Феномен Егора Летова в научном освещении*. М.; Калуга; Венеция, с. 151–160. [Valeeva, N.S., 2018. An experience of linguistic analysis of Letov's lyrics (on the example of the song "Perezodozirovka"). In: *Letov Seminar: The Phenomenon of Yegor Letov in Scholarly Perspective*. Moscow; Kaluga; Venice, pp. 151–160 (in Russ.)] EDN: LTRGYJ

Вартазарян, С.Р., 1973. *От знака к образу*. Ереван. [Vartazaryan, S.R., 1973. *From Sign to Image*. Yerevan (in Russ.)].

Гин, Я.И., 1996. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий. В: *Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы*. Я.И. Гин, (ред.). СПб., с. 75–86. [Gin, Ya.I., 1996. On the construction of the poetics of grammatical categories. In: Ya.I. Gin, ed. *Problems of the Poetics of Grammatical Categories: Selected Works*. St. Petersburg, pp. 75–86 (in Russ.)].

Дреева, Дж.М., Мильдзихова, А.К., 2016. Иконичность современного стихотворного текста как лингвосемиотический феномен. Владикавказ. [Dreeva, J.M., Mildzikhova, A.K., 2016. *Iconicity of Modern Poetic Text as a Linguosemiotic Phenomenon*. Vladikavkaz (in Russ.)] EDN: XFEYDF

Зубова, Л.В., 2000. *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. М. [Zubova, L.V., 2000. *Modern Russian Poetry in the Context of Language History*. Moscow (in Russ.)].

Кирпу, М.С., 2016. Об одном типе инфинитивных предложений (на материале творчества Е. Летова). *Вестник Томского государственного университета*, 412, с. 20–23. [Kirpu, M.S., 2016. On one type of infinitive sentences (on the material of the creativity of E. Letov). *Tomsk State University Journal*, 412, pp. 20–23 (in Russ.)] EDN: XAZDHL, <https://doi.org/10.17223/15617793/412/3>

Кирпу, М.С., 2018. Модели инфинитивных предложений (на материале творчества Е. Летова). *Мир русского слова*, 1, с. 14–20. [Kirpu, M.S., 2018. Models of infinitive sentences: a case study of Egor Letov poetry. *World of the Russian Word*, 1, pp. 14–20 (in Russ.)] EDN: YVFFRB

Ковтунова, И.И., 2005. Синтаксис поэтического текста. В: *Поэтическая грамматика*. Т. 1. М., с. 239–297. [Kovtunova, I.I., 2005. Syntax of poetic text. In: *Poetic Grammar*. Vol. 1. Moscow, pp. 239–297 (in Russ.)].

Летов, Е., 2001. *Я не верю в анархию*. М. [Letov, Ye., 2001. *I Do Not Believe in Anarchy*. Moscow (in Russ.)].

Летов, Е., 2011. *Стихи*. М. [Letov, Ye., 2011. *Poems*. Moscow (in Russ.)].

Летов, Е., 2022. *Все, что не анархия (Сборник публикаций)*. М. [Letov, Ye., 2022. *Everything That Is Not Anarchy (A Collection of Publications)*. Moscow (in Russ.)].

Пехарева, М.В., 2014. Идиостиль Егора Летова с точки зрения глубины текста. *Русская рок-поэзия: текст и контекст*, 15, с. 251–259. [Pekhareva, M.V., 2014. E. Letov's idiostyle in terms of text depth. *Russian Rock Poetry: Text and Context*, 15, pp. 251–259 (in Russ.)] EDN: XXCMBN

Поэты русского рока: Е. Летов, Д. Ревякин, Я. Дягилева, К. Рябинов, В. Кузьмин, Н. Кунцевич, 2005. М. [Poets of Russian Rock: Ye. Letov, D. Revyakin, Ya. Dyagileva, K. Ryabinov, V. Kuzmin, N. Kuntsevich, 2005. Moscow (in Russ.)].

Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/index> (дата обращения 07.05.2026). [Russian Corpus Grammar. Available at: <http://rusgram.ru/index> [Accessed 7 May 2026] (in Russ.)].

Сигал, К. Я., 1997. Проблема иконичности в языке (обзор литературы). Вопросы языкознания, 6, с. 100–120. [Sigal, K. Ya., 1997. The problem of iconicity in language (a literature review). *Voprosy Jazykoznanija*, 6, pp. 100–120 (in Russ.)] EDN: TSYXNR

Сигал, К. Я., 2013. Иконичность в языке и некоторые ее синтаксические проявления. Язык. Текст. Дискурс, 11, с. 56–71. [Sigal, K. Ya., 2013. Iconicity in language and some of its syntactic manifestations. *Language. Text. Discourse*, 11, pp. 56–71 (in Russ.)] EDN: RVQTGP

Темиршина, О. Р., 2019. К вопросу о звуке в поэзии: фоносемантика Егора Летова. В: Русистика и компаративистика. Т. XIII, с. 20–41. [Temirshina, O. R., 2019. Towards a sound in poetry: Yegor Letov's phonosemantics. In: *Russian Studies and Comparative Studies*. Vol. XIII, pp. 20–41 (in Russ.)] EDN: MDLTHP

Темиршина, О. Р., 2022. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова. Вестник Томского государственного университета. Филология, 80, с. 269–290. [Temirshina, O. R., 2022. Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics. *Tomsk State University Journal of Philology*, 80, pp. 269–290 (in Russ.)] EDN: KNVYDQ, <https://doi.org/10.17223/19986645/80/13>

Темиршина, О. Р., 2024. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. СПб. [Temirshina, O. R., 2024. Yegor Letov: Language and World. A Psycholinguistic Approach to Poetry. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: NWSAOD

Тиханова, О. В., 2023. Иконичность предложений типа «В дверь стучат». Вестник Череповецкого государственного университета, 3(114), с. 181–191. [Tikhonova, O. V., 2023. The iconicity of sentences like “V dver stuchat”. *Cherepovets State University Bulletin*, 3(114), pp. 181–191 (in Russ.)] EDN: VCDJGZ, <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-15>

Фещенко, В. В., 2021. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвостетической теории. Слово.ру: балтийский акцент, 12(1), с. 7–31. [Feshchenko, V. V., 2021. Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 12(1), pp. 7–31 (in Russ.)] EDN: KOTHLQ, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>

Цвигун, Т. В., Черняков, А. Н., 2022. «Мерцающий» субъект в поэтическом тексте: к проблеме читательской рецепции. Новый филологический вестник, 4(63), с. 42–54. [Tsvigun, T. V., Chernyakov, A. N., 2022. “Flickering” Subject in a Poetic Text: Towards the Problem of Perception. *The New Philological Bulletin*, 4(63), pp. 42–54 (in Russ.)] EDN: VJBPJH, <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-42>

Якобсон, Р., 1987. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге. В: Работы по поэтике. Р. Якобсон (ред.). М., с. 80–98. [Jakobson, R., 1987. Questions of poetics. Postscript to the book of the same title. In: R. Jakobson, ed. *Studies in Poetics*. Moscow, pp. 80–98 (in Russ.)].

Якобсон, Р., 2001a. В поисках сущности языка. В: Семиотика: антология. Ю. С. Степанов (сост.). М.; Екатеринбург, с. 111–126. [Jakobson, R., 2001a. In search of the essence of language. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Semiotics: An Anthology*. Moscow; Yekaterinburg, pp. 111–126 (in Russ.)].

Якобсон, Р., 2001b. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. В: Семиотика: антология. Ю. С. Степанов (сост.). М.; Екатеринбург, с. 525–546. [Jakobson, R., 2001b. The poetry of grammar and the grammar of poetry. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Semiotics: An Anthology*. Moscow; Yekaterinburg, pp. 525–546 (in Russ.)].

Об авторе

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

ORCID: 0000-0002-1531-5780

SPIN-код: 9014-0425

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Черняков А. Н. Иконическая грамматика Егора Летова. Статья первая: Грамматика конструкций // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 112–125. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

YEGOR LETOV'S ICONIC GRAMMAR.

Article one: Grammar of constructions

A. N. Chernyakov

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 15.05.2026

Accepted 05.06.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-7

The paper examines the linguopoetics of Yegor Letov from the perspective of iconic grammar. The study explores the poet's linguo-creative strategy, which is aimed at overcoming the conventionality of the linguistic sign and establishing an authentic poetic language, a goal achieved through the actualisation of the implicit iconic potential inherent in the grammatical structures of Russian. Drawing upon Roman Jakobson's theoretical framework of "the poetry of grammar" and contemporary research on iconicity, the paper treats grammatical constructions as a significant device for modelling artistic reality. Two principal groups of syntactic constructions employed by Letov in their iconic function are identified and systematised. The first group – indefinite-personal sentences – is analysed as a means of modelling "flickering" or impersonal subjectivity, foregrounding the iterativity and automaticity of actions within a depersonalised totalitarian worldview. The second group – nominal series – is interpreted as a means of iconically rendering visual sensory perception and the effects of the cataloguing of reality. It is demonstrated that Letov's engagement with the syntactic resources of Russian is systematic and reflexive in character, and that the grammar of constructions constitutes a fundamental level in the realisation of his linguocentric poetics. In Letov's poetry, iconic grammar functions not merely as a stylistic device but as a regular semiotic mechanism that enables transgression beyond the boundaries of conventional language into the domain of individual artistic discourse.

Keywords: linguopoetics, iconicity, poetic syntax, indefinite-personal sentences, nominal writing, Yegor Letov

The author

Dr Alexei N. Chernyakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0002-1531-5780

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Chernyakov, A. N., 2026. Yegor Letov's iconic grammar. Article one: Grammar of constructions. *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 112–125. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

**«СРЕДНИЙ СЫН И ТАК И СЯК,
МЛАДШИЙ ВОСЛЕ БЫЛ ДУРАК...» — КОНСТРУКЦИИ
С ПАРНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ
ДАЛЬНОГО И БЛИЖНЕГО УКАЗАНИЯ**

В. И. Подлесская

Институт языкознания РАН,
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 29.12.2025 г.
Принята к публикации 15.03.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-8

В работе анализируется семейство русских конструкций с парными местоимениями дальнего и ближнего указания, для которых характерны жесткие структурные ограничения: фиксированный порядок компонентов (т-местоимение перед с-местоимением), обязательная рифма второго местоимения с первым и ограниченный набор сочетаний сочинительных союзов с предложно-надежными формами местоимений. Значение таких конструкций не сводится к простой сумме значений их частей, что позволяет рассматривать их как синтаксические фраземы. Показано, что эти конструкции функционируют как средство неточной или намеренно размытой номинации в ситуациях, когда говорящий сознательно не стремится к максимальной информативности, полагая, что адресат способен реконструировать недостающие детали. Особенно продуктивно они используются при передаче чужой речи, заменяя фрагменты исходного дискурса, которые при цитировании подвергаются целенаправленной редукции. Показано, что отдельные конструкции внутри этого семейства обладают дополнительными смысловыми компонентами — оценочными коннотациями, значением несбывшегося ожидания или функцией универсального распространителя, что подчеркивает их семантическую многослойность и прагматическую гибкость.

Ключевые слова: микросинтаксис, нечеткая номинация, русский язык, указательные местоимения

1. Постановка задачи

Предметом нашего рассмотрения является семейство дублетных конструкций, в которых первый компонент — местоимение или местоименное наречие дальнего указания *т*-серии, а второй — образующий рифму к первому — местоимение или местоименное наречие ближнего указания *с*-серии: *так... сяк, такой... сякой, то... сё, туда... сюда, там... сям*¹. Конструкции этого семейства представлены в нескольких струк-

© Подлесская В. И., 2026

¹ Из числа непроеизводных местоимений *с*-серии, перечисленных в работе (Падучева 2016а), *сяк, сякой, сё, сям* встречаются только в составе фразеологизованных конструкций, местоименное наречие *сюда* может употребляться и в составе конструкции, и самостоятельно, а местоименное прилагательное *сей* — напротив, не образует конструкции рассматриваемого нами семейства, употребляется только самостоятельно.

турных вариантах: ее компоненты могут формировать единый синтаксический узел — без союза, с одиночным союзом, с двойными союзами, ср. *купил то-сё / то да сё / и то, и сё* — или входить в разные узлы, ср. *<сначала> купил то, <потом> купил сё*. Во всех структурных вариантах этих конструкций местоимения следуют в единственно возможном порядке — сначала местоимение *т*-серии, следом — местоимение *с*-серии. Этот факт наряду с очевидной некомпозициональностью значения позволяет считать эти конструкции синтаксическими фразами в том смысле, в котором этот термин использовался в работах Л. Л. Иомдина (см., *inter alia*, Иомдин 2013).

В работе ставятся две взаимосвязанные задачи. Первая (раздел 2) — выделить семантическое ядро, общее для всего семейства конструкций, вторая (раздел 3) — описать индивидуальные свойства конструкций данного семейства и их структурных вариантов, в том числе показать, что семантические и структурные различия между конструкциями / вариантами могут подкрепляться просодическими различиями. В заключении подводятся краткие итоги. Исследование проведено на материале трех подкорпусов НКРЯ — основного, мультимедийного и подкорпуса социальных сетей.

2. Семантическое ядро конструкций с парными местоимениями

Семантика рассматриваемого семейства конструкций находится в зоне, именуемой «нечеткой номинацией» (см.: Подлеская, Стародубцева 2013). К средствам нечеткой номинации говорящий прибегает тогда, когда хочет информировать слушающего о том, что снимает с себя ответственность за точность вербализации и предоставляет слушающему возможность усиленного сотрудничества в реконструкции исходного смысла. В литературе уклонение от точного именованного квалифицируется как «нежесткое использование» языковых выражений (*loose talk*, ср.: (Jucker et al. 2003; Sperber, Wilson 1991, p. 546)), как «размытая референция» или «размытая категоризация» (*vague reference / categorization*, ср.: (Channell 1994)), как использование «эластичных», или «растяжимых» языковых выражений (*elastic language*, ср.: (Zhang 2015; 2022)). Языковые средства, обслуживающие эту семантическую зону, весьма разнообразны. Это, например, дискурсивные маркеры, восходящие к словам и выражениям со значением подобия и выполняющие функцию аппроксиматоров (англ. *like*, русск. *типа*), количественные аппроксиматоры (*около* <пяти>, *примерно* <пять>), универсальные заместители (*штука, вещь, дело*), универсальные распространители (*и тому подобное, и всякое такое*), маркеры эпистемической модальности (*кажется, вроде бы*) и многие другие. Конструкции рассматриваемого семейства с полным правом занимают место в этом ряду.

По меткой формулировке, приведенной в (Zhang 2015, p. 44), прибегая к использованию средств нечеткой номинации, говорящий руководствуется важнейшей прагматической максимой: «предоставляй не-

уточненную и минимально необходимую информацию, если в точной информации нет необходимости»². Рассмотрим в качестве иллюстрации примеры (1) – (4):

(1) В пиджине структуры такой чёткой / обязательной нет. Там можно *так* / можно *сяк* / лишь бы поняли. А в креоле уже вполне нормальная грамматика³ [Светлана Бурлак. О неизбежности происхождения человеческого языка // Полит.ру. 2008].

(2) Что-то мелькает в газетах, толкующих *так* и *сяк* факты, которых, собственно, кот наплакал [И. А. Бродский. «Когда корабль не приходит в определенный порт...» // Новый Жюль Верн, 10. 1976].

(3) Вертит очками *так* и *сяк*:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полизет [И. А. Крылов. Мартышка и очки. 1815].

(4) Пример «слышал еси» / «еси слышал» – один из многих примеров / который считалось / что тут нечего делать / просто бывает *так* / бывает *сяк* / пока не обнаружилось / что есть жёсткий закон / [Андрей Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве» // Проект Academia (ГТРК Культура). 2012].

В примерах (1) – (4) конструкция *так... сяк* отсылает к некоторому набору имевших место способов действия, при этом говорящий или считает более точную информацию об этих способах действия несущественной – и поэтому излишней, или полагает, что говорящий может самостоятельно извлечь нужную информацию из лингвистического или внелингвистического контекста. При этом в (1) и (2) этот набор ограничен только здравым смыслом и совместным для говорящего и адресата пониманием ситуации. В (3) сообщается, что набор действий с очками разнообразен, приведены примеры этих действий, но употребление обобщающего *так... сяк* показывает, что список примеров открыт и набор действий с очками ими не исчерпывается. Наконец, в (4) выбор ограничен – есть всего два варианта порядка слов, которые обсуждаются – «слышал еси» / «еси слышал», однако употребление *так... сяк* подчеркивает, что выбор произволен и что примеров, когда изначально (ошибочно) предполагался произвольный выбор, – много.

Сходными соображениями руководствуется говорящий при использовании нечеткой номинации признаков с помощью конструкции *такой... сякой* в (5), (6), нечеткой номинации объектов с помощью конструкции *то... сё* в (7), (8), нечеткой номинации направления в (9) и локализации в (10):

(5) Он создал и *такие* книги, и *сякие*, и промежуточные, и переходные, и обманчивые, и пять, и десять... Но книги о вымышленном детстве у него – всё равно главные [Псевдоним alfare. Лайфстайл блог. 2021].

² "...provide unspecific and right-amount information when precise information is not needed or unavailable" (Zhang 2015, p. 44).

³ Здесь и далее в примерах сохраняется графика, орфография и пунктуация НКРЯ.

(6) В магазине может быть два стеллажа с томатной пастой: густой, жидкой, со специями, **такой, сякой** и т. д. [tsarvalera // liveinternet.ru. 2013].

(7) Вот сейчас можно чуть ли не в любой сказке найти такие элементы, которые можно посчитать травмирующими или вредными для формирования... **того или сего** [Псевдоним alfare. Лайфстайл блог. 2021].

(8) Накладываю мужу в тарелку **того-сего**, комментирую: — Сложный гарнир. Муж, волнуясь: — Сложный? [vesta neo. Песни Каменной Бабы. 2021].

(9) Они и в ресторан пригласят, и в кино, и **туда** и **сюда**, и сюрпризы и подарки и дорогие подарки, и цветы [vk. 11.11.2012].

(10) у нас тоже много таких вот старых, с потрепанной каменной кладкой домов, у которых **там** и **сям** торчат над карнизами проросшие деревья [alex-akajj // livejournal.com. 2013].

Базовое значение нечеткой номинации позволяет систематически использовать конструкции данного семейства в качестве так называемых «репрезентативов» — показателей чужой речи при цитации, то есть заместителей прямой номинации объекта или положения дел, которая, предположительно, имела в исходном фрагменте чужой речи, но при цитировании подверглась намеренной редукции (ср. сходное употребление местоимений деконкретизации типа *так-то* и *так-то*: (Падучева 2016б; Подлесская 2024). Использование конструкций данного семейства позволяет нарратору сохранить и передать при ретрансляции чужой речи информацию о том, что в исходном тексте имелись конкретные упоминания объектов определенного класса, событий, положений дел, однако при цитировании конкретные именованья опускаются — как правило, в целях обобщения и сокращения. Репрезентативы легко сочетаются с такими показателями чужой речи, как *мол* или *типа*. Так, в примере (11) в исходном тексте было указание на конкретные действия, в (12) — на конкретный номер, в (13) — на имя конкретного лица, в (14) — на топоним. Однако при трансляции внутри «внешнего нарратива» в цитате остается лишь след, задача которого оповестить, что в исходном тексте соответствующая информация содержалась, но сочтена нарратором избыточной:

(11) Совсем другое дело, если я честно обозначаю правду про себя “Мне это неприятно/ пожалуйста, не делайте вот **так**, сделайте пожалуйста вот **сяк**/ мы с вами договаривались вот про это, а не про то” [vk. 27.05.2016].

(12) сделал приписку мол я накатал на них жалобу номер **такой сякой** [Электронное ОСАГО. 2015 — 2021].

(13) вот вам пишет какой-то добрый дядя, типа вот я **такой-сякой**, готов вложить в твою группу несколько десятков тысяч долларов [vk. 11.09.2012].

(14) У меня подружка тем летом все время меня тянула: поехали **туда**, поехали **сюда**, бери Маринку с собой [Ребенок и отдых на море. 2022].

Таково общее семантическое ядро рассматриваемого семейства конструкций. Обратимся теперь к некоторым их индивидуальным свойствам.

3. Индивидуальные свойства конструкций с парными местоимениями

3.1. Дополнительные оценочные значения: такой... сякой, так... сак, ни то... ни сё

Конструкции данного семейства могут приобретать дополнительное оценочное значение. Особенность конструкции *такой... сякой* состоит в том, что она способна приписывать признаку негативную оценку; это происходит при использовании явного или подразумеваемого цитирования, оценка принадлежит «внутреннему говорящему», то есть автору цитаты. Так, в (15) и (16) внутренний говорящий прямо назван в тексте: в (15) негативная оценка принадлежит учительнице, в (16) — «молодой особе»; в (17) и (18) внутренний говорящий не назван, но реконструируется из контекста: в (17) оценка принадлежит неназванным взрослым членам семьи; в (18) — обобщенному классу «жены». Оценочное значение возникает как у бессоюзных вариантов конструкции, ср. (15) — (17), так и у вариантов с союзом, ср. (18):

(15) Одна из участниц моих семинаров рассказывала, что ее вызвала учительница и принялась ругать ее сына: он *такой-сякой*, он и пятое, и десятое [vk. 26.06.2015].

(16) Минут через 5 и правда пришла молодая особа, взяла телефон и давай орать типа у неё айфон был, ах я *такой-сякой* воришка [Авдотья Рязаночка. Женский взгляд на рязанские события. 2021].

(17) Вот старший брат/ гордость семьи/ а ты *такой-сякой*/ недотёпа/ там/ неизвестно/ что из тебя вырастет [Динара Асанова, Юрий Клепиков. Не болит голова у дятла (к/ф). 1975].

(18) Вот чуть ты не делаешь то, что от тебя хотят, и ты уже *и такой и сякой* и во всем виноват, и самый плохой... И это все ради того что бы ты просто сделал то что от от тебя хотят, или не делал то чего ты хочешь... кажется я знаю за что мужья бьют своих жен... [vk. 08.04.2016].

Конструкция *так... сак* способна приписывать способу действия или признаку оценку 'посредственно', то есть 'не слишком хорошо, но и не совсем плохо'. Именно в этом значении конструкция употреблена в популярной цитате из сказки «Конек-горбунок»: *Старший умный был детина, средний сын и так и сак, младший вовсе был дурак*. Как и в случае с *такой... сякой*, оценочное значение возникает как у бессоюзных вариантов конструкции, ср. (19) — (20), так и у вариантов с союзом, ср. (21):

(19) Про смарты, какая ещё тема. Где полный разбор смартов. Конкретный, не так сак [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 02.07.2019].

(20) *Первое время ты учишься как в школе — так сяк, а со временем учишься находить подход к каждому преподавателю, чтобы кому-то показать своё понимание, а от другого скрыть недоумение* [vk. 18.11.2015].

(21) *И вот собственно про сельдерей — он, конечно, жутко полезный, но не скажу, что мне его вкус понравился, ни так, ни сяк скорее всего, в салате или супе очень вполне себе, а вот прямо так хрустеть зеленухами — нет* [Псевдоним shraddha om. «...а Любовь — как метод вернуться домой...» 2021].

Дополнительное оценочное значение приобретает и вариант конструкции *то... сё* с двойным союзом *ни*. С помощью конструкции *ни то ни сё* говорящий выражает свое негативное отношение к объекту или положению дел, мотивируя тем, что объект / положение дел не вписывается в правильную с точки зрения говорящего классификацию. Так, в (22) ноябрь горящему не нравится, потому что не подлежит разумной категоризации в системе времен года, в (23) грибы не вписываются однозначно в противопоставление растительного и животного мира, в (24) ребенок-полукровка оказывается в затруднительном положении при попытке идентифицировать себя в категориях национальности:

(22) *Ноябрь — вообще непонятно что: уже не осень, ещё не зима. Ни то ни сё. Переходный возраст* [Михаил Блехман. Римские цифры // Ковчег. 2012].

(23) *Грибы считаются маргиналами, они ни то ни сё — ни травинка в лесу, ни зверушка под кустиком. Они так же неподвижны, как и деревья, среди которых растут, и в то же время, подобно человеку, питаются органическими веществами* [Александр Волков. По грибы в научном всеоружии // Знание — сила. 2009].

(24) *Я знал, что мать у меня русская, а отец еврей, выходит, я вообще без национальности, ни то ни сё, что меня вполне устраивало* [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля. 1994].

Ни то ни сё — структурно и просодически один из самых жестких вариантов конструкций с парными местоимениями. Она практически не допускает вставки лексического материала внутрь конструкции, внутри нее не может быть просодического шва. Конструкция обычно формирует сказуемое, а с коммуникативно-просодической точки зрения — рематическую составляющую. Рематический акцент располагается на втором местоимении (*сё*), а первое (*то*) — либо безударно, либо движение тона на нем обратно движению тона на *сё*⁴.

⁴ Конструкция следует так называемой «адаптивной» просодической стратегии, типичной для русских двухкомпонентных сочиненных групп: носителем основного фразового акцента является второй конъюнкт, тогда как первый либо произносится атонически, либо акцентируется таким образом, что движение тона на его ударном слоге обратно движению тона на ударном слоге второго конъюнкта. Иными словами, если на втором конъюнкте наблюдается подъем тона, то на первом (если он акцентирован) — падение, и наоборот; таким образом, ситуация, когда акцентирован только первый конъюнкт, невозможна, см. подробнее: (Кибрик, Подлесская 2009, с. 128–137).

Бессоюзный вариант конструкции *туда-сюда* приобретает дополнительное значение 'минимально приемлемо', чаще всего в сочетании с *еще*:

(25) *Немецкий еще туда-сюда*, был нужен при турпоездках в Восточную Германию, а где мог применить свои знания школьник, изучавший английский язык — было непонятно [А.Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // Волга. 2016].

(26) *Варвара ненавидела гладить. Стирать еще туда-сюда*, но гладить!.. [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения. 2003].

Когда говорящий выбирает речевую стратегию нечеткой номинации, он легко использует сразу несколько конструкций с парными местоимениями для выражения оценки:

(27) *Уж слишком вызывавшие были нехороши: один — ни то ни сё, дурак, другой — ещё туда-сюда*, но бабник, а третий — *и так и сяк*, но страшный [vk. 11.04.2014].

3.2. Дополнительные значения — уступительность: и туда и сюда, и так и сяк

Варианты конструкций с двойным союзом *и... и* тяготеют к использованию в контексте уступительности. Типичным построением является последовательность двух клауз, из которых первая, содержащая конструкцию с двойным союзом *и... и*, обозначает (неудавшуюся) попытку, во вторая — либо не достигнутую цель, либо ситуацию, которая воспрепятствовала достижению цели. Так, в примерах (28)–(29) клауза с *и туда и сюда* сообщает о (безрезультатных) поисках, при этом в (28) адресату далее прямо сообщается о провале поисков — *нету гусей*, а в (29) далее вводится одно из возможных объяснений, почему поиски не увенчались успехом: *могли имена свои забыть*:

(28) *я его покормила/ печника/ он ушёл/ и я гусей-то кормить. Ширь-пирь/ нету гусей... и туда/ и сюда/ и все по огороду прошла — нету гусей* [Беседа с Ниной Алексеевной о жизни. 2018].

(29) *Вас тогда увезли по Ладожскому озеру. А я на работе была/ в госпитале. Прихожу/ ни тебя/ ни Марины. Я по всем детским домам. А потом уже когда блокаду прорвали/ я и туда/ и сюда... по справочным. А мне говорят/ они в этом возрасте могли имена свои забыть* [Вадим Абдрашитов, Александр Миндадзе. Парад планет (к/ф). 1984].

Уступительные контексты особенно характерны для конструкции *и так и сяк*: при проверке случайной выборки из основного подкорпуса НКРЯ они составляют примерно 56 % вхождений конструкции. Несколько примеров ниже:

(30) Я уже заметки **и так и сяк** раскладывала, все равно остается свободное место [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. 1964].

(31) Уж я ли, кажется... **и так и сяк**, и прямо и стороной, и «голубчик» и «братец» — пятаится от меня, да и шабаш! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. 1875 — 1880].

(32) Я уж **и так, и сяк** расстилалась перед деканом, чтобы только он моего пацана на это место взял. Извертелась вся — как проститутка какая-нибудь! Где там! Проректорский протеже прошел [Андрей Житков. Кафедра. 2000].

(33) Один раз у психотерапевта машина не завелась. Он **и так и сяк** — мертвяя. Дворник подошел, заглянул под капот, проводок какой-то поправил — затарахтела [Ю.М. Поляков. Гипсовый трубач, или конец фильма. 2008].

Заметим, что в примере (30) имеется эксплицитный уступительный коннектор *все равно*, в (32) имеется конструкция *где там*, отвечающая за эмоционально окрашенное выражение обманутого ожидания. В двух других примерах имеем простое соположение клаузы с **и так и сяк** и следующей за ней, получая тем не менее эффект уступительности.

3.3. Сдвиг в сторону абстрактных значений: туда-сюда, ни с того ни с сего

Конкретные варианты конструкций с парными местоимениями в ряде случаев демонстрируют семантический сдвиг в сторону более абстрактных значений. В частности, конструкция *туда-сюда* может утрачивать пространственный компонент значения и употребляться в более общем ашпроксимативном значении. Она может отсылать к некоторому неуточненному набору действий, несущественному для дальнейшего развития событий:

(34) Пока **туда, сюда** — вышел, а уже темнеет. Так что сегодня занырнуть не удалось... [masterok.livejournal.com masterok. 2013].

(35) [Рубик (Фрунзик Мкртчян, муж)] На/продай.

[Мимино (Вахтанг Кикабидзе, муж, 39, 1938)] Зачем?

[Рубик (Фрунзик Мкртчян, муж)] У тебя деньги мало/у меня тоже мало. На!

[Мимино (Вахтанг Кикабидзе, муж, 39, 1938)] Нет/спасибо/я у Валеры возьму.

[Рубик (Фрунзик Мкртчян, муж)] Пока возьмёшь/ **туда/ сюда**... На!

[Георгий Данелия, Реваз Габриадзе, Виктория Токарева. Мимино (к/ф). 1977].

Дальнейший сдвиг приводит к тому, что конструкция приобретает функции универсального распространителя (англ. *general extenders*, см.: (Overstreet, Yule 2021)), то есть сигнализирует о том, что названные объекты или ситуации входят в более широкий ряд, но другие члены этого

ряда недостаточно существенны и подобны уже названным. В полном соответствии с общими принципами употребления конструкций рассматриваемого семейства, *туда-сюда* в качестве универсального распространителя чаще всего встречается в составе цитаты:

(36) Значит/ так. У них/ у кинолюбителей/ закон такой. Кто бы чего вас ни спрашивал/ ответ один/ Ларя хвали. Мол/ так и так/ мы ему всем обязаны. И в смысле духовности/ и всяко такое. Онегин/ Чацкий... Братья Карамазовы/ *туда-сюда*... [Сергей Соловьев. Спасатель (к/ф). 1980].

(37) У меня есть знакомый, ему 19 лет, и он уже папа. Ну получилось так. Все говорили, вот бросит, *туда сюда*. Нифига. Работает на двух работах, жену балует, сына обожает и не жалеет себя ради него. Утер нос всем злым языкам [vk. 21.10.2014].

Семантический сдвиг сопровождается ужесточением просодических ограничений: в качестве универсального распространителя *туда-сюда* не допускает просодического шва внутри конструкции и следует так называемой «адаптивной» просодической стратегии: носителем основного фразового акцента является второй конъюнкт, тогда как первый либо произносится атонически, либо акцентируется таким образом, что движение тона на его ударном слоге обратно движению тона на ударном слоге второго конъюкта (см. раздел 3.1 об аналогичных просодических ограничениях для конструкции *ни то ни сё*).

Еще один пример нетривиального сдвига — конструкция *ни с того ни с сего* в значении ‘неожиданно, без видимой причины’:

(38) *ни с того, ни с сего* на домашнем вайфае перестали грузиться фильмы и сериалы в приложениях кинопаба, а через браузер работает [iOS (iPhone/iPad). telegram iOS (iPhone/iPad). 04.10.2021].

(39) Всю жизнь работать для науки/ привыкнуть к аудитории/ к почтенным товарищам/ к своему кабинету — и вдруг/ *ни с того/ ни с сего/* оказаться в этом склепе/ каждый день видеть здесь глупых людей/ слушать ничтожные разговоры... [А.П. Чехов, О.Н. Ефремов. Дядя Ваня (МХАТ им. М. Горького, пост. О. Ефремова). 1894, 1988].

Конструкция очевидным образом сохраняет преемственность с причинным употреблением предлога *с* (ср. разговорное *С чего это он так развеселился?*), однако идиоматизация конструкции проявляется в том, что значение неожиданности возникает в единственной конфигурации — с двойным *ни*. Нарушение этого ограничения обыгрывается В. Высоцким при реинтерпретации пушкинской «Песни о вещем Олеге»:

(40) ...Каждый волхвов покарать норовит,
А нет бы — послушаться, правда?
Олег бы послушал — еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали *с того и с сего*,
Что примет он смерть от коня своего!

Вариант конструкции *с того и с сего* не допускается даже самой щадящей нормой, но прекрасно справляется со своей задачей в пародийном поэтическом тексте.

4. Заключение

Мы исследовали семейство конструкций с парными местоимениями дальнего и ближнего указания. Эти конструкции имеют структурные ограничения: в них жесткий порядок слов (*т*-местоимение на первом месте, *с*-местоимение — на втором), второе местоимение обязательно рифмуется с первым, не все мыслимые сочетания сочинительного союза и предложно-падежной формы местоимений допустимы. Значение конструкции не выводится регулярным образом из значений компонентов. Таким образом, перед нами синтаксические фраземы.

Конструкции данного семейства являются средством нечеткой номинации. Они эффективно используются в контекстах, где говорящий намеренно отказывается от передачи точной и полной информации, считая, что адресату достаточно сообщаемых сведений и адекватная картина может быть адресатом реконструирована с необходимой точностью и полнотой. В частности, конструкции данного семейства используются при передаче чужой речи, выступая заместителями некоторого фрагмента дискурса, который при цитировании подвергается намеренной редукции.

Отдельные представители рассмотренного семейства конструкций имеют, помимо ядерного, еще и дополнительные компоненты значения: оценочные значения, значение неоправдавшегося ожидания, значение универсального распространителя.

Данное исследование позволяет ввести в общетеоретический и типологический контекст группу средств выражения нечеткой номинации, имеющих весьма нетривиальную форму и весьма неожиданный набор дополнительных компонентов значения. Это расширяет наши представления об устройстве данной семантической зоны и о разнообразии языковых средств, ее обслуживающих.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2024-0001, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Список литературы

Иомдин, Л.Л., 2013. «Читать не читал, но...»: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, Труды международной конференции «Диалог 2013», 12(19). Москва, с. 272—284. [Iomdin, L. L., 2013 “Chitať ne chital, no...”: on a Russian construction with repeated lexical elements. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference “Dialogue 2013”, 12(19). Moscow, pp. 272—284 (in Russ.)].

Кибрик, А.А., Подлесская, В.И. (ред.), 2009. *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. Москва. [Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I., eds., 2009. *Night dream stories: A corpus-based study of Russian spoken discourse*. Moscow (in Russ.)] EDN: RBONUT

Падучева, Е. В., 2016а. Местоимение. Общая характеристика. В: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. Москва. Дата последнего изменения: 2024-04-07 15:25:40 MSK. [Paducheva, E. V., 2016a. Pronoun. General description. In: *Materials for the project of a corpus-based description of Russian grammar*. Unpublished manuscript. Moscow. Last updated: 2024-04-07 15:25:40 MSK (in Russ.)].

Падучева, Е. В., 2016б. Местоимения деконкретизации (такой-то и др.) В: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. Москва. Дата последнего изменения: 2024-04-07 15:25:40 MSK Paducheva, E. V., 2016b. Deconcretization pronouns (*takoi-to* 'such-and-such' and others). In: *Materials for the project of a corpus-based description of Russian grammar*. Unpublished manuscript. Moscow. Last updated: 2024-04-07 15:25:40 MSK (in Russ.)].

Подлеская, В. И., 2024. Русские указательные местоимения как маркеры чужой речи. *Russian Linguistics*, 48(1), номер статьи 20. [Podlesskaya, V. I., 2024. Russian demonstratives as markers of reported speech. *Russian Linguistics*, 48(1), art. 20 (in Russ.)] EDN: CGHYCT, <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09305-3>

Подлеская, В. И., Стародубцева, А. В., 2013. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи. *Вопросы языкознания*, 3, с. 25 – 41. [Podlesskaja, V. I., Starodubceva, A. V., 2013. On the grammar of placeholders in colloquial speech. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 25 – 41 (in Russ.)] EDN: QCOUBB

Channell, J., 1994. *Vague Language*. Oxford.

Jucker, A. H., Smith, S. W. and Ludge, T., 2003. Interactive aspects of vagueness in conversation. *Journal of Pragmatics*, 35(12), pp. 1737 – 1769, EDN: ESBVXP, [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00188-1](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00188-1)

Overstreet, M. and Yule, G., 2021. *General extenders: The forms and functions of a new linguistic category*. Cambridge.

Sperber, D. and Wilson, D., 1991. Loose talk. In: S. Davis, ed. *Pragmatics. A Reader*. Oxford, pp. 540 – 549.

Zhang Grace Qiao, 2022. Vague Language from a Pragmatic Perspective. In: *The Cambridge Handbook of Intercultural pragmatics*, pp. 274 – 300.

Zhang, G., 2015. *Elastic Language: How and Why We Stretch Our Words*. Cambridge, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139236218>

Об авторе

Вера Исааковна Подлеская, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-6783-5315

SPIN-код: 4814-0083

E-mail: podlesskaya@iling-ran.ru

Для цитирования:

Подлеская В. И. «Средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак...» – конструкции с парными местоимениями дальнего и ближнего указания // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, № 3. С. 126 – 137. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-8.

“SREDNII SYN I TAK I SYAK, MLADSHII VOVSE BYL DURAK...” —
CONSTRUCTIONS WITH PAIRED DEMONSTRATIVE PRONOUNS
OF REMOTE AND PROXIMAL REFERENCE

Vera I. Podlesskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Kislotsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

Submitted on 29.12.2025

Accepted on 15.03.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-8

The paper analyses a family of Russian constructions featuring paired demonstrative pronouns of remote and proximal reference, which exhibit rigid structural constraints: a fixed component order (t-pronoun preceding s-pronoun), obligatory rhyming of the second pronoun with the first, and a limited set of combinations involving coordinating conjunctions and prepositional-case forms of pronouns. The meaning of these constructions cannot be reduced to the simple sum of their parts, allowing them to be regarded as syntactic phraseologisms. It is demonstrated that these constructions serve as a means of vague or deliberately blurred nomination in contexts where the speaker intentionally avoids maximum informativeness, assuming the addressee can reconstruct the missing details. They are particularly productive in rendering reported speech, substituting for discourse fragments that undergo deliberate reduction during citation. The analysis shows that individual constructions within this family possess additional semantic components: evaluative connotations, the meaning of unfulfilled expectation, or the function of a universal scope expander, underscoring their semantic multilayeredness and pragmatic versatility.

Keywords: demonstrative pronouns, vague nomination, microsyntax, Russian language

Acknowledgements. This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-2024-0001.

The author

Prof. Vera I. Podlesskaya, Professor, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-6783-5315

E-mail: podlesskaya@iling-ran.ru

To cite this article:

Podlesskaya V.I., 2026, “Srednii syn i tak i syak, mladshii vovse byl durak...” — constructions with paired demonstrative pronouns of remote and proximal reference, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 126–137. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЭТИКИ ДОВИДА КНУТА (КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР)

К. А. Шубин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Поступила в редакцию 11.01.2026 г.

Принята к публикации 15.04.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-9

Современная эмигрантика достигла значительных архивных и текстологических успехов, но инструментарий для описания поэтики первой волны русского зарубежья остается неразработанным. Это препятствует пониманию творчества молодого поколения поэтов и писателей, оказавшихся в уникальном историческом и культурном контексте, но не получивших такую известность, как их старшие современники. В настоящей работе рассматривается творчество Довида Кнута (1900 – 1955), молодого поэта первой волны эмиграции, и описывается трансформация его поэтики. Ранние стихотворения Кнута были вдохновлены экспериментами авангарда, но в течение 1920 – 1930-х годов он переориентируется на более традиционную поэзию, свойственную «парижской ноте» Г. В. Адамовича и кружку В. Ф. Ходасевича «Перекресток». Периодизация творчества Кнута, отличительные черты его поэтических сборников и преемственность между ними устанавливаются с помощью квантитативных методов. Для точного сравнения сборников были подсчитаны, классифицированы и проанализированы их метафоры. Исследование определило, что раннее творчество, вдохновленное формальными экспериментами авангардистов, отличается повышенной метафоричностью, семантической неоднозначностью, контрастом стилей и преобладанием наиболее зыбких метафор – замещений и приписываний. В дальнейшем Кнут реализует установку на упрощение: его словарь становится нейтральным, значимыми оказываются метафоры-отождествления и метафоры-сравнения. На рубеже 1920 – 1930-х годов степень метафоричности резко снижается, но остается непостоянной, уравниваясь лишь в последнем сборнике «Насущная любовь» и цикле «Прародина». В этот период установка на упрощение переходит в установку на однозначность – предельную семантическую ясность. Умеренная метафоричность Кнута оказалась на уровне поэзии Адамовича и Ходасевича, влияние которых проявилось также в структуре метафор. Поэтика Кнута изменялась крайне динамично и не сводилась к подражанию старшим современникам. Исследование устанавливает формальные стороны художественного языка поэзии эмиграции, значимые для проведения границ между индивидуальными стилями ее представителей.

Ключевые слова: Г. В. Адамович, квантитативные методы, Д. Кнут, лингвистическая поэтика, поэзия первой волны русской эмиграции, В. Ф. Ходасевич

1. Поэзия Довида Кнута: от авангарда к «парижской ноте»

В ряду многочисленных исследований русской диаспоры малоизученной остается литература «молодого поколения» — прозаиков и поэтов, заявивших о себе только в послереволюционной эмиграции. К ли-

тературе этого поколения относится и творчество Довида Кнута (1900 – 1955). Мы знаем о нем благодаря исследованиям В. Хазана, который восстановил его биографию, опубликовал часть эго-документов (2000), проанализировал особенности поэтики (2014). Другой исследователь, Ф.П. Фёдоров, проследил генеалогию отдельных мотивов лирики Кнута, восходящих к поэзии символистов (2005). О новаторском языке раннего Кнута писал Д. Сегал (1997).

Эмигрировав во Францию в 1920 году, Кнут начинает участвовать в жизни молодого поколения поэтов и писателей, ориентированных на авангардную, дадаистскую и футуристическую литературу. Так, он вступает в группы «Палата поэтов», «Гатарапак», «Через», в которые входили Б. Божнев, А. Гингер, В. Парнах, Б. Поплавский, С. Ромов, М. Талов, С. Шаршун и др. Эти объединения близко общались с французскими дадаистами, приглашая их на свои вечера, как на «Дада лирик кан» Шаршуна, где читали стихотворения Л. Арагон, А. Бретон, П. Элюар и др. (Ливак 2014, с. 50). Затем в 1925 году, когда активность «Через» почти прекратилась, Кнут вступает в эстетически более традиционный Союз молодых писателей и поэтов, председателем которого в то время был Ю. Терапиано. Тогда же Кнут вместе с Терапиано, Н. Берберовой и Вс. Фохтом входит в редколлегия журнала «Новый дом», курируемого З. Гишпиус и Д. Мережковским, а в 1928 году становится членом «Перекрестка» Ходасевича (Хазан 2000, с. 33–34). Таким образом, в середине 1920-х годов в судьбе Кнута происходит перелом. По сути, он переходит из одной крайности в другую, из авангардно-модернистских кругов в неоклассические. К двум разным периодам, таким образом, относятся его сборники «Моих тысячелетий» (1925) и «Вторая книга стихов» (1928).

Главным результатом переориентации от авангардных к неоклассическим кругам стал сборник «Парижские ночи» (1932), закрепившийся в каноне эмигрантской литературы благодаря положительным рецензиям критиков: его одобрили Г.В. Адамович (1932), П.М. Бицилли (1932), В.Ф. Ходасевич (1932) и др. Затем творческая активность Кнута падает. Последняя его книга стихов «Насущная любовь» (1938) была встречена прохладно, о чем ярче всего говорит отзыв Ходасевича: «“Насущная любовь”, новая книга Д. Кнута, к несчастью, есть новый шаг назад» (1938). Отдельно от сборника был написан и опубликован в эмигрантской периодике цикл «Прародина» (1937). Следовательно, даже в более традиционный период творчество Кнута не было однородным.

По замечаниям В. Хазана, Кнут в 1930-е годы ориентировался на поэзию Ходасевича. В то же время исследователь, описывая диалог с Ходасевичем, отвечал на заявления Г.П. Струве (1996, с. 230) и О.А. Коростелева (2013б, с. 185–186) об эволюции Кнута от программы мэтра «Перекрестка» к поэтике «парижской ноты» Г.В. Адамовича, о чем свидетельствуют типичные для «Парижских ночей» мотивы смерти и творческой немоты. Хазан напоминает, что они появились уже в «Европейской ночи» (1927) Ходасевича и утверждать об одностороннем влиянии Адамовича на Кнута нельзя. Но ученый не исключает его сближения с

представителями «парижской ноты» (Хазан 2000, с. 61). Также Хазан приводит примеры творческого диалога Адамовича и Кнута (Там же, с. 65–66).

Научная полемика о поэтике Кнута восходит к вопросу о влиянии Адамовича и Ходасевича на представителей «молодого поколения». О. А. Коростелёв, указав на противоположные мнения современников, обратился к подсчетам стихотворных размеров поэтов диаспоры, проведенным Г. С. Смитом (Smith 1978, р. 42), и пришел к выводу, что на этом уровне все эмигранты были ближе к Адамовичу (Коростелёв 2013б, с. 192). Однако исследователь отметил, что «одного совпадения и несовпадения метрических данных, разумеется, недостаточно, чтобы с полной уверенностью говорить о сложном и неоднозначном вопросе влияний» (Там же, с. 191). Следовательно, до сих пор неизвестно, как именно складывались литературные отношения между мэтрами и молодым поколением. Более того, не было предложено способов, которыми можно определить широту влияния Адамовича и Ходасевича: исключительно стиховедческого метода оказалось недостаточно.

Мы предполагаем, что поэтика эмигрантских поэтов в целом и Кнута в частности определяется не всегда заметными изменениями художественного языка. О них писали в критических отзывах на «Насущную любовь», как, например, Терапиано: «Не думаю, чтобы Кнут не замечал сам, насколько некоторые его эпитеты, рифмы или словообразования сопротивляются иногда даже духу языка» (1938, с. 172–173). Поэтому главным предметом нашего исследования станет поэтический язык. Детально изучая его, можно показать, чем отличается поэтика разных сборников Кнута, существует ли преемственность между авангардно-футуристическим и традиционно-классическим периодами, а также не только определить место Кнута в литературе эмиграции, но и ответить в будущем на вопрос о влиянии мэтров на поэзию молодого поколения. Особую актуальность наша работа приобретает, если учитывать, что последние и единственные монографии о Кнута появились более двадцати лет назад. Теперь творчество поэта требует переосмысления.

Исследования подобного типа¹ предполагают развернутое описание стиля поэта. Такой метод помогает заметить множество черт художественного языка, но не всегда позволяет раскрыть его развитие. Чтобы изучить поэтику в диахронии, необходимо выделить и проследить изменения ограниченного набора параметров. Мы сосредоточились на анализе метафор, которые благодаря повсеместной встречаемости и большой вариативности дают возможность отследить изменения поэтики.

Изучение метафор русской поэзии обладает небольшой научной традицией. Статьи Ю. И. Левина (1969; 1998а) о структурной классификации метафор предоставили инструментарий для их количественного анализа. Опираясь на эти работы, М. Л. Гаспаров указал на «необычайную густоту тропов» в поэзии В. Маяковского и Б. Пастернака и определил, что Пастернак, несмотря на репутацию «поэта метонимии», го-

¹ Например, статьи в сборнике (Григорьев 1995).

раздо чаще обращается к метафорам, чем Маяковский (Гаспаров 1995, с. 387). Одновременно с Гаспаровым В.П. Полухина составила словарь метафор И. Бродского, также основанный на трудах Левина и охватывающий все творчество поэта (Polukhina 1985). Однако исследовательница, в отличие от Гаспарова, рассматривала творчество Бродского в синхронии.

Мы ставим целью нашего исследования определить особенности поэтики Кнута в диахронии, проанализировав употребление метафор. В нашей работе мы рассмотрим все творчество Кнута, охватывающее 1920–1930-е годы и включающее несколько поэтических сборников — «Моих тысячелетий» (1925), «Вторая книга стихов» (1928), «Сатир» (1928), «Парижские ночи» (1932), «Насущная любовь» (1938), а также цикл «Прародина» (1937), напечатанный в эмигрантской периодике и целиком изданный лишь в книге «Избранные стихи» (1949).

Мы сравним данные, полученные при подсчете и классификации метафор Кнута, со статистикой Гаспарова, рассмотрим особенности употребления метафор в каждом сборнике, выделим их отличительные и преемственные черты. Результаты мы также сопоставим с нашими подсчетами метафор в поэзии Адамовича и Ходасевича, необходимыми, чтобы определить контекст для позднего творчества Кнута.

2. Квантитативный анализ фигур речи: границы периодов творчества

Литературная жизнь Кнута, как мы показали выше, определяется переходом от кружков молодых писателей и поэтов, ориентированных на авангардно-футуристических авторов, к более традиционным объединениям старого поколения, не склонного к эксплицитным формальным экспериментам. Однако исследователи не установили, насколько в целом авангардные течения влияли на творчество Кнута. Хазан отмечает «влияния образов европейской поэзии, формальных исканий и поэтического эксперимента» (2000, с. 30) в первом сборнике «Моих тысячелетий», но не прослеживает их в последовавших сборниках Кнута.

Одним из показателей поэтики эксперимента мы считаем повышенную метафоричность, которая необычностью и насыщенностью приемов привлекает читательское внимание к новизне художественного текста, а также семантически усложняет поэтические тексты². Это подтверждают подсчеты Гаспарова и его сравнение Маяковского и Пастернака. Так, в сборнике «Сестра моя — жизнь» (1922) Пастернака, по читательским впечатлениям более «трудного» поэта, чем Маяковский,

² В этом определении мы исходим из концепции эксплицитно инновативной поэтики П.Ф. Успенского — модернистская писательская стратегия, показательно порывающая с традицией. Она противопоставляется имплицитно инновативной поэтике, избегающей незакрепленных в канонической литературе приемов, но изменяющей традицию за счет интертекстуальной игры (2023, с. 28–29).

одна метафора и метонимия приходятся на 6,5 слов, в то время как в поэмах Маяковского «Облако в штанах» (1915) и «Владимир Ильич Ленин» (1924) — на 9 и 8 слов соответственно (Гаспаров 1995, с. 386–387). Опираясь на эту статистику, мы можем определить близость метафорики Кнута к поэтике формального эксперимента. Следовательно, мы вправе ожидать, что более традиционные поэты склоны избегать метафор.

Результаты подсчетов для поэзии Кнута показаны на рисунке 1. Следуя за Гаспаровым, мы считали метафоры и метонимии, однако наш анализ будет касаться преимущественно первых, поскольку метонимии редко встречаются в творчестве Кнута. Части сборников представлены слева направо в порядке возрастания. Их названия сокращены: «Моих тысячелетий» — МТ, «Вторая книга стихов» — ВКС, «Парижские ночи» — ПН, «Насущная любовь» — НЛ. Частотность метафор и метонимий была подсчитана в соответствии с делением сборников на части, предложенным Кнутом. Только в случае с НЛ мы самостоятельно выделили третью часть, состоящую из поэмы «Поездка в Сэн-Реми». Это было необходимо для более показательного сравнения с ПН, вторая часть которых состоит из двух поэм.

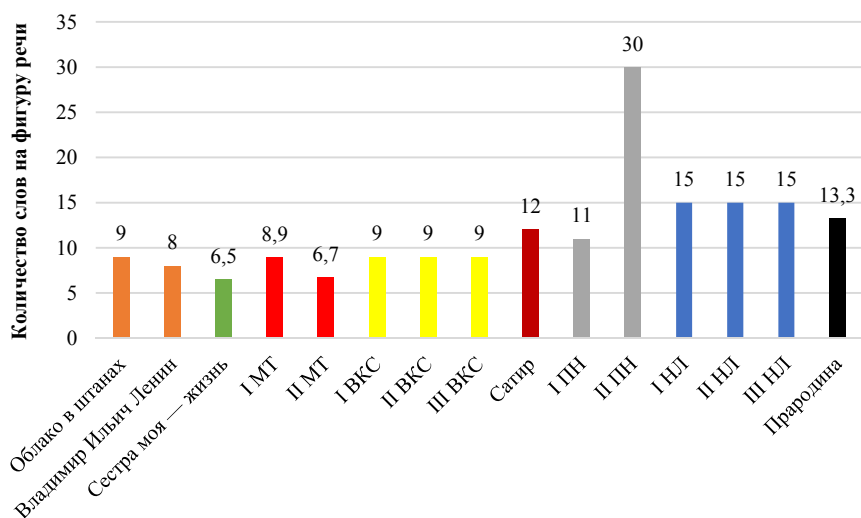

Рис. 1. Частотность метафор и метонимий в сборниках Кнута: сравнение с поэзией Маяковского и Пастернака

Как видно из рисунка, первые два поэтических сборника — «Моих тысячелетий» и «Вторая книга стихов» — больше всего насыщены тропами. Так раннее творчество Кнута сближается с поэзией Маяковского и Пастернака. «Сатир», несмотря на его статус литературной «шутки» (Хазан 2000, с. 54–55), ближе ко второму периоду творчества, который начинается с «Парижских ночей». Если «Вторая книга стихов» еще близка к «Моих тысячелетий», то после нее фигуры речи встречаются реже как минимум на 2 пункта. Этот разрыв указывает на постепенное изменение поэтики.

Если детально разбирать частоту метафор, то стоит указать на существенную неоднородность первых сборников. В «Моих тысячелетиях» из «палестинской» первой части выделяется цикл «Мена», где поэтический субъект выступает в роли восточного купца и использует особенности прозаической речи. Этим обусловлен низкий процент тропов — один троп на 30 слов. К циклу нужно добавить и стихотворение «Пыль», не имеющее фигур речи. Если принять во внимание ограничения и исключить из подсчетов «Мену» и «Пыль», то метафоричность раздела увеличится до одного тропа на 7,2 слов. Следовательно, в первой части уже присутствует тенденция к избеганию тропов.

Также значимо, что в ней преобладают стилистически нейтральные метафоры по типу «ночь взвевает» и «солнце любит мычанье». Во второй части появляются метафоры с вульгаризмами и разговорной лексикой: «шляемся... я и брат мой — беспутный ветер»; «неуклюже сутулится городской оголтелый рассвет». Контраст стилистических регистров сближает поэтику раннего Кнута с авангардно-футуристической русской поэзией, активно обращавшейся к вульгаризмам. В метафорически насыщенной и стилистически неоднородной второй части «Моих тысячелетий» показательнее всего выразилась эксплицитно инновативная поэтика.

В отличие от первого сборника, во всех частях «Второй книги стихов» метафоры и метонимии встречаются одинаково часто. По употреблению тропов этот сборник тоже сближается с авангардно-футуристической поэзией. Однако этому сходству противоречит лексический состав метафор. Во «Второй книге стихов» тропы часто образуются с помощью ограниченного ряда опорных слов. Так, восемь раз встречается слово «хлеб», иногда в сочетании с «трудный», «земной», «легкий», и всегда он оказывается метафорой или метонимией «жизни»: «Вот я вновь в любви — и в трудном хлебе»; «Мы вдруг поймем: сияющего неба, / Пустыни серебристо-голубой / Дороже нам кусок земного хлеба...»; «Благодарю Тебя за все: за хлеб, / За пыль и жар моей дороги скудной»³. Можно также выделить частые тропы со словами «дыхание» («дыханье благодати», «дыханье маслины», «от дыханья песков», «Семи небес суровое дыханье»), «душа» («Ты посолил веселою душой»; «Душа качала в первобытной лени / Видения бесцветные свои»; «А ты, душа, ты дремлешь на плоту / И видишь упоительные дали»), «небо» («Качалось и ревело небо»; «И вот — идет в неумолимом небе»; «О легкости, о небе говорить»; «в небесный тихий порт»; «отвращаю слух от неба»). В результате поэтика второго сборника оказывается более традиционной. Несмотря на высокую частотность тропов, значительная их часть семантически прозрачна и строится на повторяющихся словах, из-за чего увеличивается предсказуемость стихотворений и создается ощущение монотонности.

Третья книга «Сатир» сильно отличается от предыдущего творчества Кнута, что подтверждают и наши подсчеты: один троп приходится на 12,3 слова — отношение почти в два раза больше, чем в первом

³ Все стихотворения Д. Кнута цитируются по изданию: (Кнут 1997).

сборнике. Но для «Сатира» характерно провокационное употребление метафор в качестве эвфемизмов: «Таинственно мерцает треугольник, / Знак неги, лик блаженства и весны, / Но прячется под шляпою невольник, / Закованный в печальные штаны»; «Внедряюсь в стан, любовный и жестокий, / Пружинных тел, ярящихся тайком». Также встречаются и метафоры с лексикой стилистически сниженного регистра, соседствующей с поэтизмами: «...Как вдруг — хлебнула радости душа!..», «...Мы изредка обхаживаем глазом...», «Тогда нередко видели дубравы...», «В ночном кафе, куда загонит рок...» Если высокая метафоричность «Второй книги стихов» упрощалась нейтральной повторяющейся лексикой, то в «Сатире» редкое употребление тропов осложняется неоднородностью и провокативностью метафор. Таким образом, к 1928 году, когда были изданы и «Вторая книга стихов», и «Сатир», Кнут еще пользовался приемами эксплицитно инновативной поэтики.

Кнут полностью отказывается от поэтики формального эксперимента в 1930-е годы. Тогда он перестает обращаться к вульгаризмам и почти не использует лексику сниженного стилистического регистра. Отказ от повышенной метафоричности полнее всего выразился в четвертом сборнике Кнута «Парижские ночи» (1932). Однако, как и в случае с «Моих тысячелетий», части этого сборника заметно отличаются друг от друга. Сильнее всего выделяются поэмы «Я помню тусклый кишиневский вечер...» и «Уже давно я не писал стихов...», составляющие вторую часть «Парижских ночей», где одна фигура речи приходится на 30 слов. Им композиционно предшествуют некоторые стихотворения первой части, так же отличающиеся редкостью метафор: «Ты вновь со мной — и не было разлуки...» и «Отойди от меня, человек, я зеваю...». В первом одна фигура речи встречается на каждые 36 слов, а во втором — на 22. Стоит обратить внимание и на длину текстов: «Ты вновь со мной — и не было разлуки...» занимает 28 стихов, тогда как «Отойди от меня, человек, я зеваю...» — 6. Первое по объему сближается с поэмами последней части сборника, и действительно, чтобы сделать текст настолько свободным от художественных приемов, нужно и увеличить количество стихов без них.

Однако были и другие стихотворения с равной или даже большей длиной: «Словно в щели большого холста...» (32), «В скучном рассеянном мреяньи...» (29), «И вновь блуждают в окнах огоньки...» (28), «Уже ничего не умею сказать...» (22) и «Меж каменных домов, меж каменных дорог...» (20). Но во всех их фигуры речи используются сильно чаще: по одной приходится на 10, 7, 7, 13 и 9 слов соответственно. Эти стихотворения наследуют ранним сборникам Кнута. Так в первой части «Парижских ночей» одновременно проявляются, уравнивая друг друга, и повышенная метафоричность, и установка на упрощение.

Об отказе от приемов в целом можно говорить по отношению ко второй части «Парижских ночей», где одна фигура речи встречается раз в 30 слов. Для текстов этого раздела характерны длинные перечислительные ряды, распространяющиеся на множество строк и использующие слова в их первом словарном значении: «От их заплесневелых

лапсердаков / Шел сложный запах святости и рока, / Еврейский запах — нищеты и пота, / Селедки, моли, жареного лука, / Священных книг, пеленок, синагоги».

Отказ от метафор именно в этих двух текстах поддерживается белым стихом. Он создает ощущение прозаичности и простоты, о чем пишут некоторые эмигрантские критики напрямую⁴, а Ходасевичу этот отказ мог напомнить его собственные ранние поэтические опыты, что отметил Хазан (2000, с. 62). Скорее всего, стихотворный размер вместо со сниженной метафоричностью и большим объемом повлияли на положительную оценку этого текста. Два последних параметра, как мы показали, дополняют друг друга, ведь большое число свободных от приемов стихов — обязательное условие «простого», неметафорического стихотворения. Все перечисленное позволило Кнуту создать неметафорические тексты, единственные в его творчестве.

В отличие от них, в другом длинном тексте Кнута «Поездка в Сэн-Реми», который обозначен на рисунке 1 как третья часть «Насущной любви», метафоры встречаются в два раза чаще. При этом он тоже написан белым стихом. У них, примерно как у стихотворений других частей «Насущной любви», одна фигура речи приходится на 17 и 21 слово соответственно. Первая же глава «Поездки в Сэн-Реми» по насыщенности приемов сближается с текстами раннего периода: в ней одна фигура речи приходится на 9 слов.

В целом «Насущная любовь», а затем и «Прародина» следуют установке на упрощение. Она проявилась уже во «Второй книге стихов» в соответствии, с одной стороны, с программным аскетизмом «Парижской ноты»⁵, а с другой — с прямыми указаниями критиков. Так, Г.П. Струве отмечал успешное развитие поэтики Кнута, добавляя: «Кнуту, конечно, необходимы еще долгие годы работы и над упрощением формы, и над словарем...» (1928). Мы считаем, что трансформации в поэтике Кнута согласуются с определением критиков эмиграции, поэтому ниже будем пользоваться этим понятием.

Вероятно, именно в период «Насущной любви» установка на упрощение проявилась настолько полно, что вызвала недоумение от неоклассической эмигрантской диаспоры, на которую ориентировался Кнут с конца 1920-х годов. Так, Адамович указывал, что в поэзии Кнута исчезла строгость к форме: «Первое [опасность] — пренебрежение к выразительности (условно — к “форме”). Конечно, оно, это пренебрежение, у Кнута не от наивности, не от слабости техники, а от разочарования в ней» (1938)⁶. Другие эмигранты дают противоположные оцен-

⁴ Так, А. Бахрах писал про «Я помню кишиневский вечер...»: «Вспоминая свою кишиневскую юность, он заканчивал свою стихотворную *повестушку* признанием...» (Бахрах 1980, с. 126; курсив наш).

⁵ Так, О.А. Коростелёв указал на «выразительный аскетизм» как на «основополагающий формообразующий принцип» «парижской ноты» и поэтики Адамовича (2008, с. 36).

⁶ О том же писал Терапиано: «Вторым существенным недостатком новой книги является как бы умышленно небрежное отношение Кнута к языку. Не думаю, чтобы Кнут не замечал сам, насколько некоторые его эпитеты, рифмы или словообразования сопротивляются иногда даже духу языка» (1938, с. 173).

ки, положительно комментируя упрощение формы. Например, Н. С. Резникова писала о стиле стихотворения «Разлука» (1938) из «Насущной любви», распространяя свою оценку на весь сборник: «Это стихотворение восхищает благородством простоты, скупостью и выразительностью слов. В нем ясно выявляется характер творчества Д. Кнута, его лиризм, лишенный сентиментальности...» (Н. Р. 1938).

Поэтика зрелого творчества намечается уже в «Сатире», где частота фигур речи резко увеличилась по сравнению со «Второй книгой стихов». Тем не менее наиболее значимой для развития творчества Кнута оказалась вторая часть «Парижских ночей», где метафора встречалась лишь раз в 30 слов. Оказалось, что такие показатели были редки и даже несвойственны для поэта, но именно здесь ярче всего проявилась установка на упрощение. В дальнейшем Кнут соблюдал баланс между ней и насыщенной метафорикой.

3. Классы и функции метафор: ассоциативность и однозначность

Для более детального анализа мы также классифицировали метафоры всех сборников Кнута 1930-х годов. Методологической основой послужили работы Ю. И. Левина (1998б) и М. Л. Гаспарова (1995, с. 380 — 381). Они выделили четыре класса метафор — отождествления, сравнения, замещения (или загадки) и приписывания. Все они образуются из разных типов отношений между отмеченным и неотмеченным словами, по Левину, или субстратным и метафорическим образами, по Гаспарову. То есть определение класса метафоры зависит от того, как один объект сравнивается с другим. Если оба члена сравнения названы напрямую и находятся в предикативных синтаксических отношениях, — это метафора отождествления («язык — парламент»). Если оба члена тоже названы напрямую, но связаны отношениями подчинения или согласования, — это метафора сравнения («колоннада рощи»; «облачный кисель»). Практически такой вид можно определить, если между членами легко ставится знак равенства, союзное слово «как» или конструкция «похожий на»: пятаки сыроежек — сыроежки, круглые как пятаки; лунное пятно — это луна, похожая на пятно (Левин 1969, с. 294).

Если описываемое слово вытеснено, и вместо него остается метафорическое — это метафора замещения («Пчела за данью полевой / Летит из кельи восковой», где дань — это мед, а келья восковая — улей, оба реальных объекта полностью вытеснены). По Левину, к ним относятся и перифразы («ковер зимы»), и поэтому он называет этот класс «метафорами-загадками» (1998б, с. 460). Между замещениями и приписываниями граница достаточно размыта. Согласно Левину, к последним относятся только определения, которые актуализируют свои вторичные значения при номинативном существительном (1969, с. 300). Гаспаров шире толкует этот класс, определяя метафоры приписывания как те, у которых «метафорический образ опущен и лишь подразумевается при субстратном» («голосует сердце»; «время родило брата Кар-

ла») (1995, с. 380). Субстратный образ — это референт, часть реального плана текста, который сравнивается с другим образом. Субстрату в свою очередь приписываются несвойственные ему качества, позволяющие разгадать второй член метафоры. В нашей работе мы следуем расширительному толкованию этого класса, данному Гаспаровым. Также к замещениям мы, как и Левин, относим перифразы. Результаты подсчетов представлены на рисунке 2.

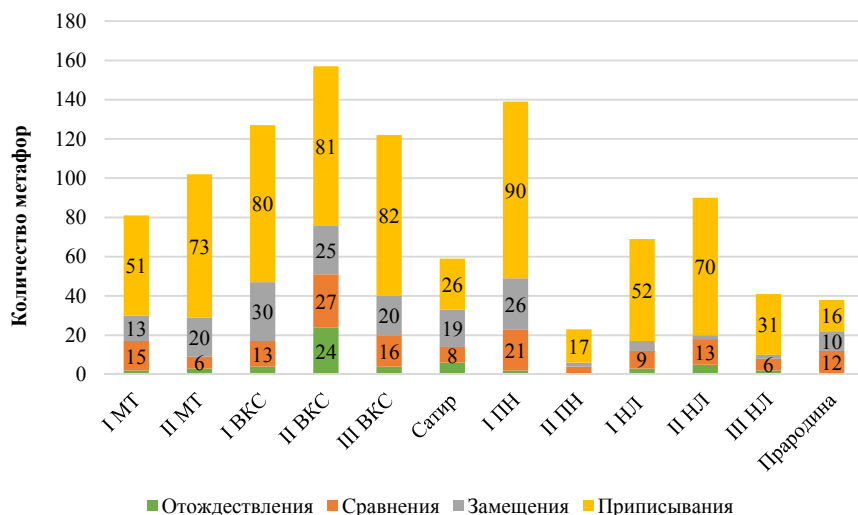

Рис. 2. Классификация метафор у Д. Кнута

Почти во всех сборниках чаще всего встречаются метафоры-приписывания. Из списка выпадает «Сатир», где количество приписываний становится почти равным количеству замещений, — 6: 8: 19: 26. Это исключение, доказывающее правило и обусловленное иронической упрощенностью сборника. Его дополняет и «Прародина», которая также обладает маргинальным статусом в творчестве Кнута.

По подсчетам Гаспарова, приписывания доминировали только в поэме Маяковского «Облако в штанах», тогда как во «Владимире Ильиче Ленине» и сборнике Пастернака «Сестра моя — жизнь» преобладают метафоры-замещения⁷. Из-за того что Кнут чаще всего обращается к приписываниям, для нас становится важным их соотношение с другими видами — это позволит провести границы между сборниками и периодами творчества.

Тем не менее мы считаем, что абсолютных значений недостаточно, чтобы сопоставить несколько сборников. Стоит рассматривать процентное отношение каждого вида метафор к их сумме в целом (таблица). Относительные значения позволят легче сопоставлять данные между книгами.

⁷ В «Облаке в штанах» 5: 10: 30: 55, — а в поэме «Владимир Ильич Ленин» — 10: 20: 45: 25. В книге «Сестра моя — жизнь» — 5: 1: 50: 44 (Гаспаров 1995, с. 381, 387).

Процентное соотношение разновидностей метафор

Сборник	Отношение количества метафор каждого вида к общему количеству метафор в сборнике, %
I МТ (1925)	2: 19: 16: 63
II МТ (1925)	3: 6: 20: 71
I ВКС (1928)	3: 10: 24: 63
II ВКС (1928)	15: 17: 16: 52
III ВКС (1928)	3: 13: 17: 67
Сатир (1928)	10: 14: 32: 44
I ПН (1932)	1: 15: 19: 65
II ПН (1932)	0: 17: 9: 74
I НЛ (1938)	4: 13: 7: 76
II НЛ (1938)	6: 14: 2: 78
III НЛ (1938)	5: 15: 4: 76
Прародина (1937)	0: 32: 26: 42

В «Моих тысячелетиях» и «Второй книге стихов» преобладают метафоры-приписывания — наиболее субъективные из всех. Их всегда больше половины: 63 и 71 % в двух частях первого сборника; 63, 52 и 67 % в трех частях второго. Из приписываний выделяются чаще всего олицетворения — они в любой поэтике составляют ядро этого класса. Однако в стихотворениях Кнута особое место занимает персонификация абстрактных категорий, в раннем творчестве характерных прежде всего для «Второй книги стихов»: «Где суетятся смерть, любовь и труд»; «...я повинен в непомерном счастье»; «...вода едва качала / Меня и мост и счастье без причин»; «Где тишина цвела, благоухая миром»; «пенье нежное эфира»; «счастье в куцах спело»; «Плыви в меня, таинственный восторг»; «Лежат века на зреющем песке». Персонификация абстрактных понятий дополняется переносом эпитетов, обычно связанных с человеком, на понятия или собирательные имена: «За воздух жизнерадостной земли»; «...пыль земли, невзрачной и рябой»; «Соблазны пустоты и скуки малодушной»; «глухие века»; «природы простодушной». В первом сборнике же доминировала персонификация земных явлений: «струится вечер»; «Белый ветер, зноби»; «Стоит тишина у рта».

Метафоры-сравнения и метафоры-замещения чаще всего встречались во «Второй книге стихов», их число иногда возрастает или уменьшается в остальных сборниках. Для Кнута характерно проецировать один ряд явлений на другой, представляя через бытовые вещи или явления природы некий высший смысл и ощущение «несказанного»: «Стою у моста. / Так пророк носил скрижали»; «...Нерадивый Фонарщик, / Зачем Ты меня возжег?»; «земные вещи / Свидетелей отрады бытия», «Мир призраков, свободный и безбрежный, / Вдруг воплотился...»; «Торжественной последней полнотой». Особенно заметны в этом сборнике замещения с прилагательным «последний»: «в последние по-

кои», «последняя — веселая — борьба», «в последнем плене», «полнота последняя». Первой палестинской части «Моих тысячелетий» были свойственны метафоры-сравнения другого типа. В них части человеческого существа сопоставлялись с окружающим миром: «женщин бронзогрудых», «от ветра моих желаний», «легла пустыней». Здесь метафорика обусловлена пространством Палестины — священным для еврейской культуры вообще и поэзии Кнута в частности.

Повышенная частотность замещений и сравнений в «ВКС» связана с аллегоричностью текстов, в свою очередь мотивированной устойчивым желанием передать божественное присутствие. Это присуще не только второму сборнику, хотя именно здесь аллегоричность однозначно проявляется в метафорах-отождествлениях: «Два глаза — два окна <...> / Две вести о крылах, о чудесах и звездах...» При этом соотношение классов метафор во «Второй книге стихов» идентично первой части «Моих тысячелетий». Возможно, это связано с сакральностью пространства Палестины, которое соответствует божественной тематике «Второй книги стихов».

Количество метафор-сравнений при этом минимально во второй части «Моих тысячелетий» при высокой встречаемости приписываний и замещений. Учитывая, что структурно они принадлежат к числу «самых сложных и зыбких» метафор (Гаспаров 1995, с. 387), для этой части характерна семантическая сложность. Она проявляется в сборнике как множественностью интерпретаций, так и сильной насыщенностью текста метафорами: «Черти ли чинят погром — / Порют божьи перины? / Ангел ли стелет ковром / Оброны райских кринов?»; «На язык неподобный и грубый / Каленая ляжет печать»; «И лишь фонарь, упрямый и бесстрастный, / И не мигнет зрачком зелено-красным».

Смещение употребления метафор в «Сатире» в пользу замещений и сравнений тоже объясняется стремлением к аллегориям, или к эвфемизмам, что мы отмечали выше. В «Сатире» метафоры, шифрующие эротическое желание, нарочито легко разгадываемы, что дополняет ироническую авторскую интонацию: «При виде жен глотаем волчий вой, / Рыща — в трамваях — по лесам соблазнов»; «...как будто два стиха, / Рифмующиеся с полночным счастьем»; «Под фиговым листом висели фиги!». Эротика в поэзии имеет давнюю традицию, восходящую к «Песне песней», где также использовались эвфемизмы. Кнут обращается к закрепленному изображению эротики, иногда прибегая к таким способам, которые, как в последней цитате, свойственны больше скабрёзным анекдотам.

В то же время, пусть в традиции такие темы не всегда недопустимы, в рамках молодого парижского авангарда тема эротики была очень популярна. В «Сатире», в частности, Кнут мог пародировать своего товарища А.С. Гингера, который сам иронично окрашивал эотику: «...женщину возжажду ли объять я, / Прodelаю ли с ней любовный тик?» (2013, с. 110). В цитате используется метафора-сравнение наподобие «по лесам соблазнов» Кнута. Но стоит отметить, что такие эвфемизмы встречались и раньше. Например, во «Второй книге стихов»:

«Но старый сон мне преграждает путь, / И вижу уstraшенными глазами / Знакомую заманчивую грудь, / Былые схватки с нежными врагами... / Последняя — веселая — борьба...»

Во всех сборниках 1930-х годов чаще всего встречаются метафоры-приписывания, причем чаще, чем раньше. Если в раннем творчестве Кнута метафоры-приписывания держались около 50 или 60 %, то в зрелом периоде их доля становится выше 70 %, что видно по второй части «Парижских ночей» и «Насущной любви» в целом. При этом в 1920-е годы сравнения и замещения превышали 10 %, кроме второй части «Моих тысячелетий». Начиная с «Парижских ночей» только метафоры-сравнения сохраняют этот статус. Тем не менее «Прародина» представляет уникальный корпус текстов, где замещения получают 26 %, а сравнения почти уравниваются с приписываниями: 32 и 42 % соответственно.

В том, как метафоры-замещения используются в «Парижских ночах», прослеживается связь с главными темами Кнута. Так, в «Парижских ночах» 11 замещений из 26 связаны с темой творчества, 4 — с высшей силой, 4 — со смертью. Все они не изображают тему чувств, которая станет ключевой для «Насущной любви». Также Кнут парадоксально пишет о творчестве, используя исключительно природную лексику: «О, полуночный плод, о, зреющее слово / Косноязычной горести моей»; «Роняют в мглу часы / певучие торжественные зерна». Для обозначения высшей силы используются имена лиц и мест, а для смерти — вновь природная лексика: «А мой Нерадивый Фонарщик / Зачем Ты меня возжег?»; «Но есть сердца, лавине есть одна / Средь нас преграда...»

Можем предположить, что здесь Кнут прибегает к замещениям, потому что только метафорический образ может раскрыть тему стихотворения, дополняя ее необходимыми смысловыми оттенками. Поэтому субстратный образ исчезает в приведенных цитатах, что особенно видно на примерах с творчеством: в них поэзия — это «плоды» или «зерна», за которыми следит поэтический субъект. Раскрытие темы предполагает, что первичного образа недостаточно из-за его неточности или неправильной семантики, поэтому в стихотворении качественно преобразуется язык описания. Так повышается иносказательность стихотворения, поскольку читателю нужно разгадать образ, стоящий за такой аллегорической метафорой.

От обратного темы «Парижских ночей», выражаемые с помощью замещений, наделяются сакральностью по аналогии со стихотворениями о божественном присутствии из «Второй книги стихов». У них фиксируется высокая встречаемость замещений. Смысловой оттенок сакральности появляется из-за исчезновения субстратного образа: либо субъект не способен говорить напрямую из-за сложного характера темы, либо она находится под запретом.

Точно такую же функцию выполняют замещения в «Прародине». Они крайне важны для этого сборника, насчитывая 26 % от общего числа метафор. Иносказательность связана с тем, что Кнут пишет о наиболее сакральной для еврейской культуры теме исхода и выражает идею о предначертанности возвращения еврейского народа: «Он

слишком долго нес — и ночь, и день — / Убогий скарб людской: дома и гробы. / Тысячелетний груз и дребедень / Бессильной веры, непосильной злобы...» С другой стороны, замещения нужны, чтобы показать неправильную жизнь современных людей, не соответствующую святости земли: «О, бедный Кармил! Гробовые кубы / Блюдут гигиенический уют: / Радиофон — и золотые зубы, / Сквозь кои души медные блюют». Несмотря на разницу между двумя темами, они обе отличаются сакральностью пространства, заставляющей обращаться к иносказаниям.

Таким образом, замещения коррелируют с обращениями Кнута к сакральным или табуированным темам. Они сохраняют ключевой статус для всех сборников 1920-х годов, «Прародины» и некоторых стихотворений первой части «Парижских ночей» — везде замещения занимают от 16 до 32 % от общего числа метафор. Только в «Насущной любви», где главной темой становятся чувства и человеческие отношения, замещения почти исчезают.

В отличие от такой роли замещений, приписывания только дополняют субстратный образ. У Кнута их функция ясна, они нужны для отвлеченных рассуждений субъекта: «Смерть нам делает тайные знаки»; «Расцветает большая печаль». И хотя Гаспаров отмечал зыбкость этого вида метафор, исследователь также указывал, что в поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин» они «приобретают плакатную четкость» (1995, с. 382), поскольку используются для олицетворения капитал(изм)а и пролетариата. Получается, что приписывания могут становиться простыми дидактическими метафорами при строго установленных для сравнения образах.

Подобную трансформацию мы видим в метафорах-приписываниях и у Кнута. Так, в «Насущной любви» словами для обозначения духовных и чувственных категорий образованы от 82 до 97 % метафор в целом, что соответствует высокой частоте приписываний. В итоге основные образы установлены заранее, словарь сборника напрямую связан с его темой, что непосредственно проявляется в строении метафор, состоящих из общеупотребительных понятных слов. Метафоры «Насущной любви» отличаются их легкодоступностью, ведь субстратом в них выступают абстрактные слова для обозначения чувств: «Но грусть и страсть неукротимых глаз / Все изменили, все преобразили, / Все переплавили, освободили нас // От мировой, от беспощадной власти — / Для счастья краткой встречи городской, / Для черного безвыходного счастья, / Чреватого горячею тоской». Назовем легкодоступность метафор установкой на однозначность, которую и станем считать отличительной чертой этого сборника. Более того, на это намекал Адамович, косвенно сравнивая новые на тот момент стихотворения Кнута с «агитками» Маяковского: «Он [Кнут] умышленно и сознательно опускается до агитации и пропаганды, только не в пользу того, на что агитация и пропаганда обычно бывают направлены, а для спасения “угнетаемых ценностей”»: спасения любви от ненависти, нежности от грубости, духовного развития от одичания, тепла от холода, музыки от шума, тишины от площадной бестолковщины...» (1938).

В отличие от «Насущной любви», у метафор-приписываний «Парижских ночей» нет установки на однозначность. Там не обнаруживается главный лексический класс, который бы строго определил перечень образов, выражаемых автором. Это подчеркивает большую ассоциативность метафорического языка Кнута в этом сборнике.

Важно отметить, что уже вторая часть «Парижских ночей» следует распределению частей «Насущной любви», реализуя установку на однозначность. Это отчетливо проявляется при сравнении метафор, раскрывающих тему творчества. Если в первой части «Парижских стихов» преобладают замещения с вкраплениями сравнений, то во второй, а именно в стихотворении «Уже давно я не писал стихов...», используются только приписывания: «Я эти торопливые слова / Брошаю в мир — бутылкою — в стихии / Бездонного людского равнодушья...»; «Я эти безнадежные слова / Брошаю в необъятные пучины...» В обоих случаях ясно, что субстратный образ — творчество. Эпитеты лишь незначительно уточняют семантику.

Также стоит отметить и значимый постоянный процент метафор-сравнений во всех сборниках. Поскольку этот вид непосредственно передает авторские идеи, не скрывая субстратный и метафорический образы, можно утверждать, что через них тоже проявляется установка на однозначность. Поэтому метафоры-сравнения оказываются актуальны для всех сборников Кнута — как для «Парижских ночей», так и для «Насущной любви». В первом из них метафоры-замещения, обозначающие творчество, сопровождаются метафорами-сравнениями, подсказывающими тему текста: «На плодородный пласт, на лист писчебумажный / Чернильные бросаю семена».

Можно сказать, что метафоры-сравнения не только выражают установку на однозначность поэтического языка, но и подчеркивают наглядность образов Кнута. Это особенно важно для сборника «Прародина», предмет которого — пейзаж Палестины. Отчасти метафоры-сравнения используются, чтобы составить пейзаж Палестины и представить его наиболее выразительно, подчеркнув длину или высоту гор, вид домов: «...Опять — оазисом: спасительная келья»; «Бугры горбатых рыжеватых гор, / Верблюдами разлегшихся по склонам»; «Теснящихся уступами домов / Таинственные голубеют кубы, / Стада камней, верблюдов и ослов...»

Таким образом, главным качеством для метафор «Насущной любви» становится их однозначность. Чтобы сделать образы легкодоступными, Кнут чаще всего обращается к приписываниям и сравнениям, остальные же разновидности составляют меньше 10 %. Однозначность подкрепляется тем, что лексический состав метафор напрямую соответствует словарю сборника. Такая установка при этом проявляется здесь сильнее, чем во «Второй книге стихов», из которой в «Насущную любовь» переходят ключевые слова и понятия.

«Парижские ночи» наследуют сборнику «Моих тысячелетий» по семантической сложности метафор. Однако в «Парижских ночах» отражается установка на упрощение в виде метафор-сравнений. В этом

проявляется переходный характер сборника. Затем, в «Насущной любви», установка на упрощение усиливается и переходит в установку на однозначность.

Наиболее оригинальным поэтическим языком, отличающимся как наглядностью, так и иносказательностью, обладает «Прародина», где приписывания по частоте сравниваются с другими видами. При этом замещения употребляются более свободно, что связано с сакральностью художественного пространства сборника. В этом прослеживается развитие палестинского пейзажа из первой части «Моих тысячелетий»: и в ней, и в «Прародине» активно используются все классы метафор.

4. Между Адамовичем и Ходасевичем

Наиболее показательным параметром для описания поэтики оказалась встречаемость фигур речи (метафоры и метонимии). Измерив ее у Кнута, получилось разделить его творчество на два периода, сопоставить со стилем футуристов (Маяковский и Пастернак) и показать неравномерное распределение метафор внутри сборников. Нашу статистику можно дополнить от противного: подсчитать не фигуры речи авангардистов, а приемы Адамовича и Ходасевича, занимавших полярные позиции в критике того времени.

В качестве корпусов для сравнения мы обратились к циклу Ходасевича «Европейская ночь» 1927 года (2009) и сборнику Адамовича «На Западе» 1939 года (2005). Мы рассмотрели лишь часть стихотворений из-за разного объема корпусов: «На Западе» существенно меньше «Европейской ночи». Поэтому у Ходасевича были рассмотрены только 14 стихотворений: до «Все каменное, в каменный пролет...» (1923). Корпусы заметно отличаются по времени написания, но мы не могли взять другие тексты: Ходасевич почти перестал писать после книги «Собрание стихотворений» (1927 года), в которую вошли стихотворения «Европейской ночи», а до сборника «На Западе» у Адамовича была издана лишь книга «Чистилище» (1922 год), напечатанная в начале эмиграции и не отражавшая его поздний стиль и представления о литературе⁸. Напротив, именно в позднюю книгу «На Западе» вошли тексты рубежа 1920–1930-х годов, написанные во время полемики с Ходасевичем и становления «парижской ноты». Из-за того, что корпусы относятся к противоположным полюсам эмигрантской литературы, их все равно перспективно сопоставить.

Количественные подсчеты показали, что поэтические языки Адамовича и Ходасевича одинаковы по степени метафоричности: у них одна фигура речи приходится на 18 и 17,5 слов соответственно (рис. 3). Это реже, чем в поздних сборниках Кнута: разница составляет 2–3 пункта и может как нивелироваться, так и расширяться в отдельных стихотворениях.

⁸ С «Чистилищем» связан неоклассический период Адамовича, недостатки которого он ощутил во время «парижской ноты» (Коростелёв 2013а, с. 69).

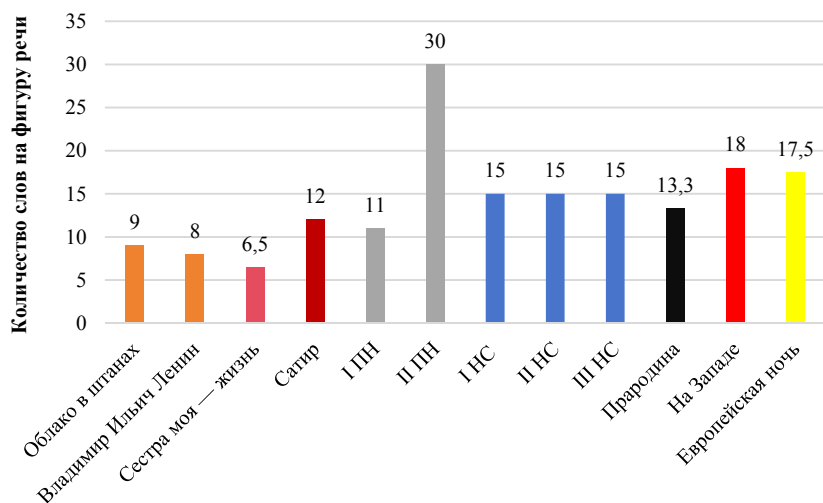

Рис. 3. Частотность метафор и метонимий в позднем творчестве Кнута (1930-е годы) в сравнении с другими поэтами

Если рассмотреть отдельные стихотворения «Европейской ночи» и «На Западе», то окажется, что резкие изменения метафоричности характерны только для Ходасевича. Так, в стихотворении «Жив Бог! Умен, а не заумен...» (1923) одна фигура речи приходится на 14,5 слов, в то время как в тексте «Пустился в море с рыбаками...» (1923) — на 32 слова. Важно учитывать и жанровую сложность «Европейской ночи»: с короткими лирическими текстами в ней соседствуют эпические и лироэпические стихотворения: «Соррентинские фотографии» (1926), «Баллада» (1925) и «Джон Боттом» (1926). В отличие от остальных, последний текст подчеркнуто неметафоричен. Творчество же Адамовича не отличается разнообразием жанров: «На Западе» содержат только короткие лирические стихотворения.

Из-за разнородности «Европейской ночи» стихотворения сильно отличаются по степени метафоричности, и поэтому цикл сопоставим с «Парижскими ночами». Сборник Кнута завершается двумя лироэпическими текстами, где фигура речи встречается один раз на 30 слов. Лирические тексты, по-разному насыщенные фигурами речи, мы показали выше. Важно, что колебания в степени метафоричности и их связь с жанровой сложностью сборника уникальны для творчества Кнута. Ранее, и в «Моих тысячелетий», и во «Второй книге стихов», приемы во всех частях встречались одинаково часто: раз на 8 или 9 слов соответственно. Так же равномерно фигуры речи распределяются в «Насущной любви», включая поэму «Поездка в Сэн-Реми».

Сходства между «Парижскими ночами» и «Европейской ночью» прослеживаются и на уровне лексики: в соответствии с неопределенностью тем они задействуют широкий диапазон словаря. При этом и Кнут, и Ходасевич не склонны обращаться к лексике для обозначения чувств и мыслей человека. Так, существенную роль в образовании ме-

тафор в «Европейской ночи» занимают слова для обозначения предметов. О распространении в «Европейской ночи» конкретных и «городских» слов в целом писал Левин (1998а, с. 256). Это характерно и для «Парижских ночей» Кнута: «И в траурном авто торопится мертвец, / Спешит — в последний раз (к дыре сырой и душной)...»; «Как соленая песня рыбацкая, / Как бессонная лампа поэта, / Как зеленая сырость кабацкая — / Эта ночь без рассвета».

Левин отмечал, что в «Европейской ночи» выдвигается на передний план лексика, связанная с темнотой (Там же). Главным образом она выражает мотивы смерти и разрушения, как и у Кнута. Аналогично «ночь» встречается чаще всех слов в «Парижских ночах» (26 вхождений). По нашим подсчетам, оно вместе со «мглой» занимают первое и второе место среди лексики, образующей метафоры.

Наоборот, у Адамовича метафоры чаще всего образуются словами для обозначения чувств и мыслей. Так, в сборнике «На Западе» встречаются типичные олицетворения чувств, включая важные для Кнута «счастье» и «любовь» (12 и 14 вхождений в «Насущной любви» соответственно): «Ночью настойчиво бьется ненастье / В шаткую дверь, / Гасит свечу... Мое бедное счастье, / Где ты теперь?»; «Но гибнет надежда. И страсть умирает» (Адамович 2005, с. 168). Ср. со стихами у Кнута, где используется тот же глагол «биться», но для олицетворения «счастья»: «В мире ходит беда, бродит ветер и зреют ненастья. / Скорбь витает над миром и дышит на нас горячо. / А в дрожащих руках бьется-бьется непрочное счастье, / А в усталых руках — непосильное счастье мое».

В связи с этим стоит вспомнить, что одна из черт поэтики Адамовича — аскетизм, проявляющийся в отказе от «украшений» и приводивший к «стихам прозрачным, графичным, черно-белым» (Коростелёв 2013а, с. 74). Можно предположить, что он мог проявляться через уменьшенную метафоричность. Это верно лишь отчасти, учитывая, что во второй части «Парижских ночей» существенно реже встречаются метафоры, чем в поэзии Адамовича. Но также, как отмечает Коростелёв, аскетизм привел к устранению образа автора. Как мы считаем, основываясь на наших подсчетах, устранение образа автора связано и с повышенным употреблением метафор-приписываний, олицетворяющих чувства. У Кнута такие слова могли конструировать образы субъекта и адресата или использоваться как абстрактные понятия, не привязанные к душевному состоянию конкретного лица: «Любовь чревата скукой иль изменой, / А долг — напоминает про долги»; «Стыдная жизнь, для романса пригодная, / Та, о которой цыганка поет: / Годы бесплодные, боль безысходная, / Испепеленное счастье твое...» Последний вариант мы видим в сборнике «На Западе», где метафоры — олицетворения чувств максимально абстрактны.

Но, в отличие от Адамовича, у Кнута ключевое значение занимает субъект и разные персонажи его стихотворений: так, в «Поездке в Сэн-Реми» описываются чувства влюбленных, встреченных субъектом в поезде. Поэтому сходство с Адамовичем лишь частичное: в их словарях ключевое место занимают слова для обозначения чувств, им свойствен-

на сильная степень отвлеченности. При таком распределении лексики у Адамовича и Кнута ясно, почему в рецензии на «Насущную любовь» критик сосредоточился на содержании: оно оказалось близким его поэзии. Но Кнут не следует за аскетизмом Адамовича.

Разница между поэтиками Адамовича и Ходасевича проявляется и в структуре метафор. В сборнике «На Западе» почти исключительно используются метафоры приписывания (83,3 %), остальные не превышают 10 %: отождествление (2,4 %), сравнение (4,8 %), замещение (9,5). У Ходасевича выделяются замещения (25,3 %) и сравнения (13,3 %), но приписывания все равно встречаются чаще всего (59 %). Эти данные подкрепляют параллели: «Парижские ночи» — «Европейская ночь», «Насущная любовь» — «На Западе». При этом несущественно, что в частях «Насущной любви» метафоры-сравнения занимают 10 %. Сильное повышение роли приписываний, исключая остальные приемы, сближает сборники. Из поздних корпусов стихотворений только «Прародина» выпадает из сопоставления. Так подкрепляется, с одной стороны, ассоциативность и метафоричность «Парижских ночей», а с другой — отвлеченность и однозначность стихов «Насущной любви».

В результате поэтики Адамовича и Ходасевича оказались умеренно метафоричны. По остальным параметрам они отличаются друг от друга. В то же время позднее творчество Кнута оказывается поделено между манерами мэтров. «Парижские ночи» лексически и по значимому проценту сравнений и замещений сближается с «Европейской ночью». «Насущная любовь» обнаруживает больше сходств с поэтикой Адамовича. «Прародина» же представляется наиболее самостоятельным и оригинальным циклом, отличаясь от остального творчества Кнута и современного ему контекста.

5. Заключение

Мы с разных сторон рассмотрели метафоры Кнута — их употребление, лексический состав и распределение по классам. Первый сборник «Моих тысячелетий» отличается повышенной метафоричностью, обращением к стилистически контрастным словам. На протяжении 1920-х годов в поэзии Кнута прослеживается тенденция к упрощению: словарь «Второй книги стихов» становится стилистически нейтральным при частом обращении к тропам, в то время как в «Сатире» сохраняется лексика сниженного стилистического регистра при существенном снижении встречаемости метафор.

Анализ структуры метафор показал, что уже в первой части «Моих тысячелетий» значительную роль выполняют метафоры-сравнения. Они будут важны во всех последующих сборниках Кнута. Только во второй части «Моих тысячелетий» вместе с насыщенностью метафорами повышается их семантическая сложность — появляются почти исключительно замещения и приписывания. Следовательно, ориентация на поэзию формального эксперимента в полной мере проявилась только в раннем творчестве Кнута 1920-х годов.

В «Сатире» и «Второй книге стихов» заметно повысились аллегоричность и формульность, выразившиеся в учащенном употреблении первых трех классов метафор — отождествлений, сравнений и замещений. В «Сатире» они также могли выполнять роль эвфемизмов. Так метафоры Кнута становились более доступными для читательского восприятия, за счет замещений и приписываний лишь отчасти сохраняя иносказательность.

Установка на упрощение полнее всего выразилась во второй части «Парижских ночей», где один троп встречался один раз на 30 слов. Оказалось, что такие показатели были редки и даже несвойственны для поэта, но именно здесь ярче всего проявилась установка на упрощение, которая появилась уже в стихотворениях «Второй книги стихов» и предусматривала увеличение предсказуемости поэтического языка и стилистическую нейтральность. В дальнейшем Кнут не отказывается настолько решительно от фигур речи и стремится к умеренной метафоричности на уровне мэтров эмиграции — Адамовича и Ходасевича.

Анализ структуры метафор показал, что для зрелого Кнута периода «Насущной любви» наиболее актуальной стала установка на однозначность поэтического языка. Так поэт развивал установку на упрощение. На это указывает возросший процент метафор-приписываний при сохранении прежней встречаемости метафор-сравнений и уменьшении замещений. Как было показано, изменения связаны с повышенной встречаемостью слов для изображения чувств и мыслей, концентрации метафор вокруг единственной темы «Насущной любви».

Только первая часть «Парижских ночей» и «Прародина» отличаются наиболее разнообразным и ассоциативным поэтическим языком. «Прародина» оказалась циклом, в котором Кнут пытался вернуться к стилю «Парижских ночей» после негативных отзывов в эмигрантской критике. Поэтому разнообразие метафор соответствует второй части «Парижских ночей», несмотря на то что по их встречаемости цикл все равно сближается с «Насущной любовью».

Таким образом, поэтика Кнута следует общим тенденциям в поэзии эмиграции. На рубеже 1920–1930-х годов он отказывается от эксплицитно инновативной поэтики, но не останавливается на условно традиционной поэтике. Поэтика поздних сборников Кнута динамично меняется. «Парижские ночи» обладали общими чертами с «Европейской ночью» Ходасевича, что обнаруживается на многих уровнях поэтического языка: в ключевых мотивах, наиболее употребительной лексике и типах метафор. Все эти параметры меняются к «Насущной любви», где Кнут сближается со стилем Адамовича. Стихотворения «Я помню тусклый кишиневский вечер...», «Уже давно я не писал стихов...» и цикл «Прародина» оказываются подлинно уникальными произведениями Кнута.

Количественный анализ показал позволил сопоставить творчество Кнута с контекстом первой волны эмиграции и найти как уникальные черты его стиля, так и сходства с современниками. Мы предполагаем,

что в будущем с помощью квантитативных методов получится указать отличия и сходства между представителями двух поколений, охарактеризовать поэтику «неоклассицизма» и «парижской ноты» в целом.

Список источников и литературы

Адамович, Г.В., 1932. Д. Кнут. Парижские ночи. В: *Последние новости*, 14 апреля 1932, с. 2. [Adamovich, G.V., 1932. D. Knut. Parisian Nights. In: *Last News*, 14 April 1932, p. 2 (in Russ.)].

Адамович, Г.В., 1938. Д. Кнут. Насущная любовь. В: *Последние новости*, 24 февраля 1938, с. 3. [Adamovich, G.V., 1938. D. Knut. True Love. In: *Last News*, 24 February 1938, p. 3 (in Russ.)].

Адамович, Г.В., 2005. *Полное собрание стихотворений*. О.А. Коростелёв (ред.). СПб. [Adamovich, G.V., 2005. *Complete collection of poetry*. O.A. Korostelev (ed.). St. Petersburg (in Russ.)].

Бахрах, А., 1980. «Моих тысячелетий». В: *По памяти, по записям: Литературные портреты*. Париж, с. 125–129. [Bahrah, A., 1980. "My millennia". In: *From memory, from records. Literary portraits*. Paris, pp. 125–129 (in Russ.)].

Бидцilli, П.М., 1932. Д. Кнут. Парижские ночи. В: *Числа*, 6, с. 257–258. [Bidsilli, P.M., 1932. D. Knut. Parisian Nights. In: *Numbers*, 6, pp. 257–258 (in Russ.)].

Гаспаров, М.Л., 1995. Владимир Маяковский. В: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей*. В.П. Григорьев (ред.). М., с. 363–395. [Gasparov, M.L., 1995. Vladimir Mayakovsky. In: V.P. Grigoriev, ed. *Essays on the History of the Language of 20th Century Russian Poetry. Attempts at Describing Idiostyles*. Moscow, pp. 363–395 (in Russ.)].

Гингер, А.С., 2013. *Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма. В 2 томах*. Т. 1. М. [Ginger, A.S., 2013. *Poetic obsession: Poetry, prose, articles, correspondence: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow (in Russ.)].

Григорьев, В.П. (ред.), 1995. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей*. М. [Grigoriev, V.P., ed., 1995. *Essays on the History of the Language of 20th Century Russian Poetry. Attempts at Describing Idiostyles*. Moscow (in Russ.)].

Кнут, Д., 1997. *Собрание сочинений: В 2-х томах*. Т. 1. Иерусалим. [Knut, D., 1997. *Collected works: in 2 volumes*. Vol. 1. Jerusalem (in Russ.)].

Коростелёв, О.А., 2008. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции. *Литературоведческий журнал*, 22, с. 3–50. [Korostelev, O.A., 2008. «Parisian note» and confrontation of youth poetry schools of Russian literary emigration. *The Journal of Literary History and Theory*, 22, pp. 3–50 (in Russ.)] EDN: JJPMLX

Коростелёв, О.А., 2013а. «Без красок и почти без слов...» (Поэзия Георгия Адамовича). В: *От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья*. СПб., с. 53–96. [Korostelev, O.A., 2013a. "Without colours and almost without words..." (Poetry of Georgy Adamovich). In: *From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, criticism, periodicals of Russian Abroad*. St. Petersburg, pp. 53–96 (in Russ.)].

Коростелёв, О.А., 2013б. Георгий Адамович, Владислав Ходасевич и молодые поэты эмиграции. Реплика к старому спору о влияниях. В: *От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья*. СПб., с. 183–195. [Korostelev, O.A., 2013b. Georgy Adamovich, Vladislav Khodasevich and young émigré poets. A remark on an old dispute over influences. In: *From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, criticism, periodicals of Russian Abroad*. St. Petersburg, pp. 183–195 (in Russ.)].

Левин, Ю.И., 1969. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация. В: *Труды по знаковым системам IV. Учёные записки Тартуского государственного университета*. Тарту, с. 290—306. [Levin, Yu.I., 1969. Russian metaphor: synthesis, semantics, transformation. In: *Sign Systems Studies IV. Scientific Notes of Tartu State University*. Tartu, pp. 290—306 (in Russ.)].

Левин, Ю.И., 1998а. О поэзии Вл. Ходасевича. В: *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М., с. 209—267. [Levin, Yu.I., 1998a. On poetry of V. Khodasevich. In: *Selected works. Poetics. Semiotics*. Moscow, pp. 209—267 (in Russ.)].

Левин, Ю.И., 1998б. Структура русской метафоры. В: *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М., с. 457—464. [Levin, Yu.I., 1998b. Structure of Russian metaphor. In: *Selected works. Poetics. Semiotics*. Moscow, pp. 457—464 (in Russ.)].

Ливак, Л., 2014. «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920—1926). В: *Литературный авангард русского Парижа: История, Хронология, Антология, Документы*. Л. Ливак, А.М. Устинов (ред.). М., с. 11—142. [Livak, L., 2014. “Heroic times of young foreign poetry”. Literary avant-garde of Russian Paris (1920—1926). In: L. Livak and A.M. Ustinov, eds. *Literary avant-garde of Russian Paris: History, Chronology, Anthology, Documents*. Moscow, pp. 11—142 (in Russ.)].

Резникова, Н.С., 1938. Д. Кнут. Насущная любовь. *Рубеж*, 17, с. 29. [Reznikova, N.S., 1938. D. Knut. True Love. *Rubezh*, 17, p. 29 (in Russ.)].

Сегал, Д., 1997. Довид Кнут: поэтика и эпоха. В: *Собрание сочинений: в 2 томах*. Т. 1. Иерусалим, с. 5—33. [Segal, D., 1997. Dovid Knut: poetics and epoch. In: *Collected works: in 2 volumes*. Vol. 1. Jerusalem, pp. 5—33 (in Russ.)].

Струве, Г.П., 1928. Молодые поэты. *Последние новости*, 19 июля 1928, с. 3. [Struve, G.P., 1928. Young Parisian poets. *Last News*, 19 July 1928, p. 3 (in Russ.)].

Струве, Г.П., 1996. Молодые парижские поэты. В: *Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы*. В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский (ред.). М.; Париж, с. 220—241. [Struve, G.P., 1996. Young Parisian poets. In: V.B. Kudryavtsev and K.Y. Lappo-Danilevsky, eds. *Russian literature in exile: An attempt at historical overview of abroad literature*. Moscow; Paris, pp. 220—241 (in Russ.)].

Терапиано, Ю.К., 1938. О новых книгах стихов. *Круг*, 3, с. 171—176. [Tera-piano, Yu.K., 1938. On new poetry collections. *Circle*, 3, pp. 171—176 (in Russ.)].

Успенский, П.Ф., 2023. Владислав Ходасевич в 1910-е – 1930-е гг.: идентичность, литературный контекст, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. М. [Uspensky, P.F., 2023. Vladislav Khodasevich in 1910 – 1930-s: identity, literary context, and poetics. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.)] EDN: ZZKGSC

Фёдоров, Ф.П., 2005. Довид Кнут. М., 447 с. [Fedorov, F.P., 2005. *Dovid Knut*. Moscow, 447 p. (in Russ.)].

Хазан, В., 2000. Довид Кнут: Судьба и творчество. Лион. [Khazan, V., 2000. *Dovid Knut: Fate and art*. Lyon (in Russ.)].

Хазан, В., 2014. «Некая бухгалтерия жизни»: Дневник Довида Кнута. 1934—1937. *Новый журнал*, 274, С. 157—211. [Khazan, V., 2014. “Some accounting of life”: Diary of Dovid Knut. 1934—1937. *New journal*, 274, pp. 157—211 (in Russ.)].

Ходасевич, В.Ф., 1932. Книжки и люди. В: *Возрождение*, 31 марта 1932, с. 3. [Khodasevich, V.F., 1932. Books and people. In: *Renaissance*, 31 March 1932, p. 3 (in Russ.)].

Ходасевич, В.Ф., 1938. Двадцать два. В: *Возрождение*, 10 июня 1938, с. 9. [Khodasevich, V.F., 1938. Twenty-two. In: *Renaissance*, 10 June 1938, p. 9 (in Russ.)].

Ходасевич, В.Ф., 2009. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 1: Полное собрание стихотворений. М. [Khodasevich, V.F., 2009. *Collection of work: in 8 volumes*. Vol. 1: Complete collection of poetry. Moscow (in Russ.)].

Polukhina, V., 1985. *The poetry of Joseph Brodsky. A study of metaphor*. PhD thesis. Keele University.

Smith, G.S., 1978. The versification of Russian émigré poetry 1920–1940. *The Slavonic and East European Review*, 56(1), pp. 32–46. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4207591> [Accessed 20 January 2026].

Об авторе

Кирилл Александрович Шубин, аспирант, младший научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0009-0005-8039-1164

E-mail: kir.shub@gmail.com

Для цитирования:

Шубин К.А. Трансформация поэтики Довида Кнута (квантитативный анализ метафор) // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 138–161. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

TRANSFORMATION OF DOVID KNUT'S POETICS: A QUANTITATIVE STUDY OF METAPHORS

Kirill A. Shubin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 11.01.2026

Accepted on 15.04.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-9

Contemporary émigré studies have achieved significant archival and textual advances, but the devices for describing the poetics of authors of the first wave of Russian émigrés remain underdeveloped. This hinders understanding of the work of the younger generation of poets and writers, who found themselves in a unique historical and cultural context but did not achieve the same recognition as their older contemporaries. This paper examines the work of Dovid Knut, a young poet of the first wave of émigrés, and describes the transformation of his poetics. His early poems were inspired by avant-garde experiments, but during the 1920s and 1930s, he reoriented himself toward a more traditional poetry, characteristic of the "Parisian Note" of Georgy Adamovich and the "Perekrestok" circle of Vladislav Khodasevich. The periodization of Knut's work, the distinctive features of his poetry collections, and the continuity between them are established using quantitative methods. To accurately compare the collections, their metaphors were counted, classified, and analysed. The study determined that his early work, inspired by the formal experiments of the avant-garde, is characterised by increased metaphoricity, semantic ambiguity, stylistic contrasts, and a predominance of the most elusive metaphors – substitutions and attributions. Later, Knut pursued a simplification approach: his vocabulary became neutral, and metaphors of identification and comparison started to occur more frequently. At the turn of the 1920s and 1930s, the degree of metapho-

ricity declined sharply but remained inconsistent, only reaching a balance in his final collection, "Nasushchnaya Lyubov", and the "Prarodina" cycle. During this period, the simplification approach transitioned to a focus on unambiguity – ultimate semantic clarity. Knut's moderate metaphoricity was comparable to the poetry of Adamovich and Khodasevich, whose influence was also evident in the structure of his metaphors. Knut's poetics evolved extremely dynamically, never reducing itself to imitations of older contemporaries. This study establishes formal aspects of the artistic language of émigré poetry, which are significant for distinguishing the individual styles of its representatives.

Keywords: Vladislav Khodasevich, Georgy Adamovich, Dovid Knut, quantitative philology, linguistic poetics, poetry of the first wave of Russian emigration

The author

Kirill A. Shubin, PhD Student, Junior Research Fellow, the Department of Corpus Linguistics and Linguistics Poetics, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: 0009-0005-8039-1164

E-mail: kir.shub@gmail.com

To cite this article:

Shubin, K.A., 2026, Transformation of Dovid Knut's poetics: A quantitative study of metaphors, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, p. 138–161. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-9.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

КОММОДИФИКАЦИЯ СПОРТА В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

М. Н. Коннова, И. Д. Нахрачев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 05.01.2026 г.

Принята к публикации 15.06.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10

Проанализированы аксиологические смыслы, эксплицируемые метафорами экономической сферы в англоязычном спортивном медиадискурсе. Показано, что понятия и образы из области торговли появляются в газетных публикациях с началом институционализации профессионального спорта. Качественное своеобразие социальных и культурных отношений, реализуемых в сфере спорта, сводится к количественным показателям, имеющим универсальный и индифферентный эквивалент — деньги. Прагматически мотивированный метонимический перенос «спортсмен → игровая функция» приводит к редукции представлений о многогранной личности спортсмена до ограниченного набора рационально фиксируемых профессиональных характеристик, что сближает «параметризованный» образ спортсмена с понятием о предмете. В монетаристской культуре, где «деньги символизируют собой все вещи» (С. Московичи), обобщением метонимии становится метафорическая модель «спортсмен — товар». Ее реализации, оформившиеся на рубеже XIX–XX веков в виде сочетаний субстантивов — имен деятелей спорта, как собственных, так и нарицательных, с лексемами семантики купли-продажи (напр., *the sale of players, to buy up players, to trade Rogers Hornsby*), становятся словесными маркерами процесса деаксиологизации образа спортсмена. Обосновано, что метафора «спортсмен — товар», на начальной стадии конвенционализации характерная прежде всего для речи спортивных менеджеров, впоследствии получает широкое распространение в американских СМИ. В современном спортивном медиадискурсе метафорическая модель «спорт — бизнес-предприятие» отличается высокой степенью детализации, структурируя представления обо всех социально значимых аспектах жизни профессиональных спортсменов. Многообразные «коммерческие» метафоры варьируются от ярких авторских окказионализмов до узуальных, близких к демегафоризации клише. Регулярно воспроизводимые, они служат экспликацией тотальной коммодификации спорта, который в глобальной медиаиндустрии развлечений утрачивает свое идеальное ценностное основание.

Ключевые слова: деаксиологизация, коммодификация культуры, метафора, спортивный медиадискурс

Отличительной характеристикой общественного бытия новейшего времени выступает «неудержимое проникновение спорта во все сферы человеческой жизни» (Самусенков, Столяров 2000, с. 10). Профессиональный спорт — сложное, амбивалентное, полифункциональное явление — представляет собой что-то значительное большее, чем исклю-

чительно соревновательную практику, цель которой состоит в достижении победного результата. Превратившийся в синтетическое зрелище, задающее свои специфические формы выразительности, спорт является областью массовой культуры, в недрах которой рождаются собственные герои и модели поведения (Богданова 2013, с. 3).

Приобретший на рубеже XIX—XX веков статус самостоятельного общественного института, профессиональный спорт представляет собой «детитще» новоевропейской культуры. Постоянный и повсеместный интерес к спорту обусловлен прежде всего тем, что он содействует формированию и реализации широкого круга социально-культурных ценностей — альтруистических, эгоистических, гедонистических. Ценности, транслируемые феноменом спорта, обладают деятельностным потенциалом, трансформируясь в мотивацию, которая обуславливает целеполагание, поведение, образ жизни. Спорт становится фактором инкультурации и социализации, влияя на массовое сознание, вводя эталоны и образцы, формируя аксиологическую картину мира.

Картина мира современного человека, социальное бытие которого почти всецело определяется его участием в процессах массовой коммуникации, создается медиатизированной информацией, интенсивно производимой и транслируемой традиционными и новыми СМИ (Тулчинский 2021, с. 49). В постиндустриальном обществе, основанном на культуре массового потребления, профессиональный спорт и его участники представляют собой продукты медийного моделирования, создаваемые с учетом потребностей аудитории и эти потребности формирующие. В условиях современной «экономики впечатлений» медиаконструкты — представления об игроках и командах — оказываются в первую очередь маркетинговыми инструментами, способствующими продвижению в медиaprостранстве спортивных зрелищ и услуг за счет апелляции к привычным для массового адресата образам и эмоциональным потребностям.

Для человека как существа словесного ведущим средством моделирования действительности выступает язык. Неотделимый от самой социальной реальности, которая вне языка и до языка — инструмента осознания и рефлексии — в полной мере не существует (Дружинин 2024), язык определяет форму выражения общественных и культурных смыслов, идеалов, ценностей, «задавая» парадигмы деятельности, цели и способы их реализации.

К числу действенных механизмов языкового моделирования действительности относится метафора, устанавливающая отношения тождества между разноплановыми сущностями за счет их аналогического уподобления. Замещая гипотезу, требующую очевидных проверяемых следствий, метафора номинирует точки «неизвестного социального пространства с помощью присвоения новым означаемым таких означающих, которые уже освоены в *предыдущем социальном опыте*» (Фрумкина 2007, с. 27). Наглядность метафор, создающих рельефный, конкретно-осознаваемый образ, придает аргументации убедительность и естественность, устраняя логические и эмоциональные барьеры, которые могут

возникнуть при предъявлении спорных идей, утверждений, оценок. Задавая определенный вектор работе сознания, метафоры участвуют в отборе ассоциаций, которые связывают знаки естественного языка и обозначаемый ими опыт, и устанавливают рамки коммуникации.

Роль метафор в структурировании содержательного пространства спортивных медиатекстов неоднократно становилась предметом лингвистического анализа (см., в частности: Киселева 2009; Кудрин 2011; Малышева 2011; Зарипов 2017; Шеховская 2021; Седова 2024). На материале англо-, немецко-, русскоязычных СМИ описаны особенности метафорического сопряжения сферы спорта с такими смысловыми областями, как «война», «техника», «искусство», «живая природа», «семья», «организм». При всем многообразии выявленных метафорических моделей, свидетельствующем, что современный спорт является своего рода «зеркалом» социального бытия, вне поля зрения исследователей до сих пор остаются образные средства, источником которых является торгово-денежная и, шире, экономическая сфера. Вместе с тем в условиях усиливающейся коммодификации культуры, преобразующей идеи, образцы и ценности в товары, реализуемые на потребительском рынке, именно концепты коммерческой сферы приобретают ключевое значение в процессе осмысления и вербализации спортивных реалий (ср.: Walsh, Giulianotti 2001; Vamplew 2018; Lis-Clarke, Walsh 2023).

Цель настоящей статьи — исследование экономических метафор, характерных для англоязычного спортивного медиадискурса, с точки зрения эксплицируемого ими ценностного содержания. Источником эмпирического материала выступают корпусные данные (Corpus of Historical American 2025 — далее СОНА; Time Corpus 2025), позволяющие проследить процесс становления коммерческой модели спортивных отношений в первой половине XX века. Роль экономических метафор в современном медиадискурсе анализируется на примере интернет-порталов спортивных изданий BBC Sport (2024), Sky Sports (2025), The Guardian (2025), ESPN (2025), Bad Left Hook (2025). Обращение к англо-американским СМИ обусловлено их ведущей ролью в формировании концептуального и языкового облика мирового спорта. Выступая ведущим поставщиком спортивной и околоспортивной информации для мировой медиааудитории, они становятся пространством формирования тех смыслов и ценностей, которые, получая глобальное распространение, оказывают воздействие на аксиосферу множества гетерогенных культур.

Экономическое начало проникает в сферу профессионального спорта с момента появления первых признаков его институционализации. Становление современного спорта (Англия, вторая половина XVIII века) совпадает, с одной стороны, с популяризацией научно-экспериментального, математического мировоззрения, с его акцентом на точном измерении явлений, с другой — со стремительным развитием промышленности, связанным с готовностью предпринимателей к рискованным вложениям капитала. С конца 1860-х годов, когда в Соединенных Штатах возникают первые открыто оплачиваемые профес-

сиональные бейсбольные команды, регламентирующим началом в спорте все чаще становится принцип прибыльности, что делает усиленную коммерциализацию отличительной особенностью спорта в англоязычных странах. Привнесенные в профессиональный спорт из сферы промышленного производства предельная рационализация и специализация ролей лишают спортсмена индивидуальности. Превращаясь в «заменяемые детали на игровом поле», спортсмены уподобляются физическим активам, призванным генерировать прибыль (Гуттман 2016, с. 112, 130).

На языковом уровне начальный этап симбиоза спорта и экономики находит свое отражение в постепенном расширении валентности лексем семантики купли-продажи, приобретающих способность сочетаться с дополнениями — субстантивами, обозначающими деятелей в сфере спорта. Один из первых примеров подобного рода встречается в декабрьском номере журнала *The Nation* за 1902 год:

(1) In our own day we have seen old-fashioned “rounders” develop into baseball, with an elaborate legislative code and a body of diplomatic and judicial practice which covers every point of the eligibility, transfer, and even *the sale of players*. Football has gone very much the same way (The Nation. 04.12.1902; СОНА) — рус.: Уже в наши дни мы стали свидетелями того, как из старинной лапты вырос бейсбол, с его подробным законодательным кодексом и совокупностью дипломатической и судебной практики, которая охватывает каждый пункт, касающийся статуса, перевода и даже *продажи игроков*. Аналогичным образом развивается и футбол.

В приведенном высказывании эмфатическая частица *even* («даже»), предвещающая метафору *the sale of players* («продажа игроков»), выделяет именуемое данным выражением явление из череды процедур, регламентирующих профессиональную деятельность спортсменов (*eligibility, transfer, and even the sale of players*). Будучи средством экспрессивного выдвижения коммуникативно значимой информации, частица *even* маркирует противоречие между ожидаемым положением дел (тем, что является должным — в данном случае невозможностью распоряжаться человеком посредством его продажи) и реально существующим (тем, которое описывается в сообщении). Эмоциональная маркированность высказывания, сигнализируемая частицей *even*, свидетельствует о том, что на рубеже XIX—XX веков обозначаемое метафорой *the sale of players* явление представляется говорящему непривычным.

Начало постепенной узуализации метафор купли-продажи в англоязычном, прежде всего американском, спортивном дискурсе относится к 1920-м — первой половине 1930-х годов. Ср. характерные примеры из журнала *Time*:

(2) Last week Samuel Breadon, owner of the world’s champion St. Louis baseball “Cardinals”, traded Rogers Hornsby, ...to the New York Giants <...> He is said to be “worth” \$300,000 (Time. 01.03.1927; Time Corpus) — рус.: На прошлой неделе Сэмюэл Бридн, владелец бейсбольной команды «Сент-Луис Кардиналс», продал (букв. обменял) Роджера Хорнзби команде «Нью-Йорк Джайэнтс». Говорят, он «стоит» \$300,000.

(3) They planned to... *buy up enough players* to put Boston — one of the most enthusiastic baseball towns in the U. S. — “back on its rightful heights” (Time, 06.03.1933. Time Corpus) — рус.: Они намеревались... скупить достаточно игроков, чтобы вернуть Бостон — один из самых увлеченных бейсболом городов США — «на его законные вершины».

В примере (2) монетарная семантика инфинитивной части сказуемого *to be worth* («стоить») указывает на тождество «игрок (*Rogers Hornsby*) — товар». Кавычки, графически маркирующие определение *worth* («стоит») как чужую речь, и пассивный оборот неопределенно-личной семантики *is said to be* («говорят»), подчеркивающий желание автора дистанцироваться от предмета речи, свидетельствуют о непривычности оценки игрока в денежном эквиваленте (*He is said to be “worth” \$300,000*).

Глагол *buy up*, совмещающей семы предельности, широты охвата и чрезмерного количества объектов действия, сочетается преимущественно с вещественными и собирательными именами — названиями ресурсов (ср. *buy up land, property, oil, crops, assets*). В примере (3) управляемым словом выступает субстантив *players* («игроки»), что свидетельствует об отождествлении спортсменов-членов команды с материальными запасами. Предметно-вещественные смыслы усиливаются количественным наречием *enough* («достаточно»).

Образность подобного рода сочетаний в описываемый период все еще продолжает осознаваться, о чем свидетельствуют примеры «визуализации» внутренней формы метафор купли-продажи. Ср. фрагмент статьи в журнале *Time* за декабрь 1935 год:

(4) Few scenes so nearly resemble the ancient *slave mart* as the annual winter meetings of the American and National baseball leagues. For three days *owners and managers haggle, trade and sell players*, ...and then disperse, hopeful that their club will finish on top. Last week's conclave in Chicago was no exception. Prize article on the block was the Philadelphia Athletics' ...*James Emory* (“Jimmy”) *Foxx*, twice voted “most valuable player” in the American League, propeller of 58 home runs in 1932, possessor of a lifetime batting average of .338 (Time, 23.12.1935; Time Corpus) — рус.: Немногие мероприятия так напоминают старинный невольничий рынок, как ежегодные зимние собрания Американской и Национальной бейсбольных лиг. В течение трех дней владельцы и менеджеры торгуются, обменивают и продают игроков... а затем расходятся в надежде, что их клуб окажется среди победителей. Состоявшееся на прошлой неделе мероприятие в Чикаго не стало исключением. Главным лотом на аукционе стал... Джеймс Эмори («Джимми») Фокс из «Филадельфия Атлетикс», дважды признанный «самым ценным игроком» Американской лиги, автор 58 хоум-ранов в 1932 году, обладатель среднего показателя отбивания за карьеру 0,338.

Пример (4) представляет собой развернутую метафору, элементы которой эксплицируют буквальное значение глагольного сочетания *sell players* («продавать игроков»). Предикатом начального предложения *resemble* («напоминают») сопрягаются два хронотопа — аукцион по продаже рабов (*slave mart*) и заседание представителей бейсбольной ли-

ги (*meetings of the American and National baseball leagues*). Внутреннее сходство сопоставляемых ситуаций раскрывают синонимичные сказуемые [owners] *haggle, trade and sell* [players] — «[владельцы] торгуются, выменивают и продают [игроков]». Отношение тождества, связывающее подлежащее — *prize article* (букв. «желанный лот») и именную часть сказуемого — *James Emory ("Jimmy") Fox*, указывает на отсутствие различий между товаром, выставленным на торги, и легендарным бейсболистом Дж. Фоксом. Обстоятельство *on the block* (*block* — «подставка на аукционе»), указывающее на возвышенную платформу, где размещается ценный лот для демонстрации участникам торгов, способствует максимальной детализации метафорического образа. Нагромождение статистических показателей в вынесенных в постпозицию однородных именных частях составного сказуемого — *propeller of 58 home runs in 1932, possessor of a lifetime batting average of .338* — отсылает к синтаксису рекламных объявлений, перечисляющих достоинства товара. Стилизация, свидетельствующая о желании говорящего дистанцироваться от описываемой ситуации, указывает на ироническое отношение потенциальной аудитории журнала *Time* к самой сущности модели «спортсмен — товар», экспансия которой в американских СМИ усиливается в 1930-е годы.

Первыми, в речи которых окончательно закрепляется метафорический образ «спортсмен — товар», являются спортивные менеджеры. Приобретая устойчивый, привычный характер, эта метафора становится порождающей моделью для осмысления явлений спортивной жизни в целом. Ср. характерное высказывание У. Б. Рики (1881–1965) — одного из наиболее влиятельных американских спортивных функционеров первой половины XX века:

(5) If I had the two men, I could sell them to Stoneham for four hundred and fifty thousand dollars. But I had no Frisch and, I feared, then, I no longer had a Hornsby. "But I said to myself that I could find other Hornsbys and other Frisches. I would find them young, but I could find them and develop them". That's how the idea of chain-store baseball was born, on that afternoon at the Polo Grounds in the summer of 1919. <...> On that afternoon when Hornsby was knocked unconscious, the Cardinals owed \$150,000 and he was their only player worth important money. Today the Cardinals are champions of the baseball world <...> Many promising young athletes who could have been sold to other clubs for fancy prices will report to Manager Frisch at Bradenton (Saturday Evening Post. 09.03.1935; СОНА) — рус.: Если бы у меня были эти двое, я мог бы продать их «Стоунхэму» за четыреста пятьдесят тысяч долларов. Но у меня не было Фриша, и, как я опасался, у меня больше не было Хорнсби. «Но я сказал себе, что смогу найти других Хорнсби и других Фришей. Я найду их молодыми, но смогу найти и развить». Так, в тот день на стадионе «Поло Граундс», летом 1919 года, родилась идея сетевого бейсбола. <...> В тот день, когда Хорнсби потерял сознание, «Кардиналс» были должны 150 000 долларов, и он был их единственным игроком, стоившим серьезных денег. Сегодня «Кардиналс» — чемпионы бейсбольного мира <...> Многие перспективные молодые спортсмены, которых можно было бы продать в другие клубы за баснословные деньги, будут подчиняться менеджеру Фришу в Брэйдентоне.

В (5) выстраивается образ команды как торгового предприятия. Антономасическая транспозиция имен собственных *Frisch*, *Hornby* в класс имен нарицательных в рамках конструкции обладания *I had no Frisch... I no longer had a Hornsby* (букв. «У меня не было Фриша... у меня не было и Хорнзби») имеет своим основанием категориальный сдвиг «человек → [материальный] объект». Неопределенный артикль в конструкции *a Hornsby* представляет спортсмена единичным представителем класса аналогичных предметов. Семантика исчислимого множества, актуализируемая окказиональными формами *Hornsby's*, *Frisches*, указывает на то, что спортивный функционер воспринимает спортсменов как дискретные единицы — вещи, обладающие определенным набором качеств. Утрачивая неповторимость, присущую личности, индивидуальные игроки становятся заменяемыми звеньями «в бесконечном производственном процессе» (Гуттман 2016, с. 119).

Высокая доля метафор купли-продажи и ценовых обозначений, характерная для приведенного высказывания У.Б. Рики — *I could sell them to Stoneham for four hundred and fifty thousand dollars; he was their only player worth important money; athletes who could have been sold to other clubs for fancy prices* — эксплицирует результат отождествления говорящим двух генетически различных процессов — управления бейсбольной командой и торговли. Для У.Б. Рики эта «симбиотическая» модель обладает объяснительной силой, генерируя новую, авторскую метафору *chain-store baseball* (букв. «сетевой бейсбол»). Это сочетание, впоследствии приобретшее в бейсболе терминологический характер, уподобляет команды низшей лиги филиалам торговой сети (*chain stores* — «однотипные розничные магазины одной фирмы»), поставляющим игроков клубам высшей лиги.

Процесс узуализации метафор купли-продажи, приобретающих в англоязычном медиадискурсе свойства устойчивости и воспроизводимости, приводит к тому, что экономические понятия и образы прочно встраиваются в концептуальный облик профессионального спорта. Рассмотрим основные особенности восприятия спортсмена в сквозь призму коммерческих отношений на примере современных новостных интернет-СМИ (*BBC Sport*, *Sky Sports*, *The Guardian*, *ESPN*).

Основным источником аналогий для структурирования представлений о спортсменах служит концепт «товар». На языковом уровне тождество *спортсмен* — *товар* реализуется посредством метафор с синонимичными субстантивами *commodity* («товар»), *article* («вещь, изделие»), *product* («продукт»), *goods* («товары»), отражающих различные стадии карьеры спортсмена — со времени его «производства» до момента «выхода из строя». Ср. фрагменты новостных публикаций:

(6) *He knows he's not the finished article but those who say he needs to do more work should come* (*The Guardian*. 28.06.2008) — рус.: Он понимает, что он еще готовое изделие, но те, кто считает, что ему еще нужно много работать, пусть приедут.

(7) With his fight with Andre Ward canceled, former middleweight champion *Kelly Pavlik* is suddenly *a very hot commodity* (badlefthook.com. 28.12.2012) — рус.: После отмены боя с Андре Уордом бывший чемпион в среднем весе Келли Павлик внезапно стал очень востребованным товаром.

(8) Mosley is *damaged goods* and didn't just look bad against Mayweather... but looked really bad against Sergio Mora, too (badlefthook.com. 18.11.2010) — рус.: Мозли — это бракованный боец, и он выглядел плохо не только против Мейвезера... но и очень плохо против Серхио Мора.

В примере (6) метафора [*not a*] *finished article* (букв. «[не] готовое изделие») позволяет сфокусировать внимание на «рукотворности» спортсмена — теннисиста Э. Маррея, который отождествляется с вещью, выпускаемой на производстве и поступающей на рынок в разной степени завершенности. В (7) существительное *commodity*, указывающее в специализированной торговой терминологии на сырьевые материалы или первичные продукты, уподобляет боксера К. Павлика высококачественному товару. Его популярность среди болельщиков подчеркивается метафорическим эпитетом *very hot* («пользующийся спросом, коммерчески успешный»). В (8) метафорическое использование «зонтикового» термина *goods* («товары»), отсылающего к любому виду материальных изделий, вместе с эпитетом *damaged* (букв. «имеющий повреждения») уподобляет неудачно выступающего спортсмена «бракованному», или «испорченному», товару.

Еще одним источником аналогий для восприятия спортсмена может становиться концепт «имущество», в котором товар осмысливается в рамках заключительного этапа операции «купли-продажи». Ср. следующие характерные примеры:

(9) The 17-year-old basketball phenomenon... is expected to be one of the *hottest properties* in next year's National Basketball Association (NBA) Draft, with a host of teams already said to be *clamouring for his signature* (BBC Sport. 30.07.2024) — рус.: 17-летний баскетбольный уникум... как ожидается, станет одним из самых востребованных игроков на драфте Национальной баскетбольной ассоциации (НБА) следующего года, и говорят, множество команд уже претендуют на его подпись в контракте.

(10) I think he will be a great *asset* to the team (Sky Sports. 16.08.2024) — рус.: Я думаю, он будет большим приобретением для команды.

Субстантив *property* (букв. «имущество»), соотносимый с результативным аспектом концепта «товар», функционирует в (9) в своем терминологически узусализованном метафорическом значении — «лицо, работающее по контракту». Отождествляя спортсмена с уже приобретенным, купленным изделием, метафора нивелирует представления о личной независимости индивидуума. Устойчивое сочетание [*one of*] *the hottest properties* («ходовой товар») и глагол *to clamour* («громко требовать») воспроизводят бытовую картину оживленной торговли, где баскетбольные клубы-покупатели стараются заполучить широко востре-

бованного игрока. В (10) субстантив *asset* («актив») отождествляет спортсмена с ресурсом, который, обладая экономической ценностью, является для своего владельца источником постоянного дохода.

Восприятие спортсмена как собственности предполагает обязательное наличие владельца, получающего прибыль. Ср. следующие высказывания:

(11) *Lamar Odom is a good bet to return to the starting lineup, thereby giving his owners a glimmer of hope they might see more of a return on their draft investment* (ESPN. 02.02.2009) — рус.: Ламар Одом имеет все шансы вернуться в стартовый состав, тем самым давая своим владельцам проблеск надежды на то, что они смогут увидеть большую отдачу от своих инвестиций в драфт.

(12) *The other is that Golden Boy owns a piece of Manny Pacquiao — which means they'd make more money off of the fight, too* (badlefthook. com. 09.11.2010) — рус.: Другая причина в том, что Голден Бой владеет кусочком Мэнни Пакьяо, а это значит, что они тоже заработают на этом бое больше денег.

В (11) притяжательная конструкция *his owners* (букв. «его владельцы») с предельной отчетливостью эксплицирует отношения обладания, связывающие собственника (баскетбольный клуб «Лос-Анджелес Лейкерс») и собственность (баскетболиста Л. Одома). В (12) отождествление боксера М. Пакьяо с вещью достигаемое посредством введения предиката *owns* («владеет»), усиливается субстантивной конструкцией *a piece of* (букв. «кусочек, фрагмент чего-л.»), которая уподобляет спортсмена не только дискретным, но и делимым предметам. Парадоксальность смысла снимается при метонимическом прочтении: референтом имени собственного *Manny Pacquiao* выступает не боксер, но доход, получаемый промоутерской компанией (здесь — *Golden Boys*) за продажу платных трансляций боев с его участием.

Одним из наиболее значимых качеств, характеризующих спортсмена в глобальном мире развлечений, является его коммерческая ценность. Ср. следующий пример:

(13) *He [Marc Gasol]'s not custom-built for Memphis' new offense... and I'm starting to think his value might have hit a plateau* (ESPN. 02.02.2009) — рус.: Он [Марк Газоль] не изготовлен на заказ для нового наступления Мемфиса... и я начинаю думать, что его ценность могла достичь предела.

Эпитет *custom-built* (букв. «изготовленный по специальному заказу») уподобляет баскетболиста М. Газоля техническому устройству или механизму, призванному облегчить действия команды (*Memphis'*) в зоне нападения (*offense*). Метафорическое значение субстантива *value*, соотносимое с эффективностью игры спортсмена («ценность»), вытесняется метонимическим смыслом («цена»). «Ценность» спортсмена эквивалентна стоимости его труда, которая измеряется гонораром в рамках очередного контракта. В приведенном примере недостаточная резуль-

тативность игры баскетболиста предопределяет стагнацию его коммерческой ценности — ситуацию, которая описывается экономическим клише [his value might have] *hit a plateau* (букв. «[его цена] стабилизировалась», ср. *Inflation rates have reached a plateau*).

Высокая регулярность выражений семантики купли-продажи в текстах спортивной и околоспортивной тематики в ряде случаев может приводить к деметафоризации экономической терминологии. Ср. следующий характерный пример:

(14) The Minnesota Timberwolves are rumoured to be interested in the Defensive Player of the Year runner-up although Philadelphia's *asking price* remains *high* (SkySports. 04.07.2024) — рус.: Ходят слухи, что «Миннесота Тимбервулвз» заинтересованы в игроке, занявшем второе место в номинации «Лучший защитник года», хотя запрашиваемая «Филадельфией» цена остается высокой.

В приведенном примере заключение договора о трудоустройстве спортсмена воспринимается в терминах покупки. Сочетание *asking price* («запрашиваемая цена») реализует здесь свое прямое значение, возникающее в ходе метафорико-метонимической генерализации. Замещение целостного образа атлета его прагматически значимым элементом — профессиональной функцией (*Defensive Player*) — приводит к метонимическому сдвигу по типу «спортсмен *вместо* труда, выполняемого спортсменом». Вторая, метафорическая, ступень, включает уподобление «спортсмен — товар». Результатом обобщения метафоры становится семантический перенос «стоимость контракта = стоимость спортсмена».

Конвенционализация экономических метафор в дискурсе спортивных СМИ сопровождается детализацией внутренней структуры метафорической модели спортивного мира как бизнес-предприятия. «Промышленно-торговые» аналогии привлекаются для описания практически всех аспектов жизни профессиональных спортсменов — их становления как атлетов, трудоустройства, соревновательной деятельности, спортивных травм и реабилитации. Ср. примеры новостных сообщений:

(15) Two of their top players, Raja Bell and Carlos Arroyo, are from that *basketball factory*, Florida International (ESPN. 10.06.2003) — рус.: Двое их лучших игроков, Раджа Белл и Карлос Арройо, являются выходцами из баскетбольной фабрики, «Флорида Интернэшнл».

(16) Only allowing the top 8 ranked players to compete in *showpiece events* of world tennis alongside names like Murray, Nadal, Williams and Kerber sounds like a logical system *to showcase* the best talent in the sport to the largest audience (parasports. world. 17.06.2017) — рус.: Только 8 лучших теннисистов могут участвовать в показательных турнирах мирового тенниса наряду с такими именами, как Маррей, Надаль, Уильямс и Кербер, что выглядит логичной системой, позволяющей представить лучшие таланты в этом виде спорта на суд самой широкой аудитории.

(17) Magnussen drops in to a *competitive driver market* where there are five seats still open for 2025 elsewhere on the grid (Sky Sports. 18.08.2024) — рус.: Магнуссен выходит на конкурентный рынок пилотов, где на 2025 год еще открыто пять мест в других местах стартовой решетки.

(18) Aston Martin owner Lawrence Stroll is determined to turn his team into title contenders, so he is *shopping for talent* — and he has attracted Ferrari's technical director Enrico Cardile (BBC Sport. 20.08.2024) — рус.: Владелец «Астон Мартин» Лоуренс Стролл полон решимости превратить свою команду в претендентов на титул, поэтому он ищет талантливых людей — и он привлек технического директора Феррари Энрико Кардиле.

(19) At the time, "The Ghost" had never fought over a 138-pound catch-weight, and was coming off of a lengthy stint *on the shelf* due to injury (badlefthook. com. 22.12.2012) — рус.: На тот момент «Призрак» никогда не выступал в промежуточном весе до 138 фунтов и долгое время не принимал участия в боях из-за травмы.

В (15) существительное *factory* («фабрика»), уподобляющее баскетбольную команду Международного университета Флориды (*Florida International*) крупному промышленному предприятию с автоматизированными системами производства, фокусирует внимание читателя, с одной стороны, на эффективности работы команды, в недрах которой возможен профессиональный рост спортсмена, с другой — на «стандартизированнойности», «типизированности» ее спортсменов.

В (16) использование терминологии из сферы продаж — глагола *showcase* («выставлять на витрине») и субстантива *showpiece* («экспонат») — позволяет автору уподобить престижные теннисные турниры демонстрационным показам дорогостоящих товаров, способным привлечь потенциальных покупателей, в роли которых здесь выступает массовая аудитория (*the largest audience*).

В (17) субстантив *market* («рынок»), указывающий на место совершения торгово-денежных операций, метонимически обозначает и совокупность товаров, которые можно приобрести или продать. Сочетание *competitive driver market* (букв. «гоночный рынок, основанный на конкуренции») метафорически уподобляет спортсменов-профессионалов выставленным на продажу товарам, конкурентные преимущества которых позволяют им «выделиться» и стимулировать спрос со стороны покупателей — владельцев гоночных команд.

В (18) группа сказуемого *is shopping for talent* (*to shop* — «делать покупки; подбирать товар») отождествляет набор игроков в команду с походом в магазин за покупками. Метафора, с одной стороны, указывает на многообразие талантливых спортсменов, обуславливающее само наличие выбора у потенциального покупателя, с другой — подчеркивает «обыкновенность», «распространенность», «доступность» перспективных игроков.

В (19) обстоятельственная конструкция *on the shelf* (букв. «на полке»), указывающая в прямом своем значении на место хранения неиспользу-

емых или изъятых из употребления изделий, метафорически описывает обусловленное травмой (*due to injury*) неучастие спортсмена в соревнованиях.

Стоит отметить, что конвенционализация метафорического образа *спортсмен* – *товар* не всегда приводит к полной утрате метафорами образного потенциала. В британском сегменте англоязычного медиапространства коммодификация спортсменов может становиться объектом мягкого юмора, находящего свое выражение, в частности, в форме окказиональных метафор, в которых «развертывание» логики внутренней формы узуальных словосочетаний намеренно доводится до степени *reductio ad absurdum*. Ср.:

(20) *Cost of English footballers starts scramble on world commodity markets* (заголовок статьи). The governor of the Bank of England is to switch the basis of sterling to “the home-grown box-to-box midfielder standard” (подзаголовок статьи). <...> “English footballers have now replaced petroleum as the world’s most valuable traded commodity”... as City dealers selling “versatile left-footed attackers from the north-east” futures reported record prices (The Guardian. 21.07.2011) — рус.: Стоимость английских футболистов на мировых товарных рынках начинает стремительно расти (заголовок статьи). Глава Банка Англии намерен перевести курс фунта стерлингов на «стандарт отечественных полузащитников, способных играть от штрафной до штрафной» (подзаголовок). <...> «Английские футболисты теперь заменили нефть в качестве самого дорогого в мире товара», а дилеры Сити, продающие фьючерсы на «универсальных левонюгих нападающих с северо-востока», сообщают о рекордных ценах.

В рамках конструкции тождества, лежащей в основе подзаголовка статьи (20), футболист (*midfielder*) уподобляется драгоценному металлу, за которым закрепляется роль универсального эквивалента (*the basis*) для британской валюты (*sterling*). Английские футболисты, воспринимаемые как самый дорогой товар на мировом рынке (*the world’s most valuable traded commodity*), отождествляются с нефтью (*petroleum*). В коллокации с лексемой *futures* («фьючерс») привычный субстантив *oil* («нефть»; ср., напр., *Brent crude oil futures* — рус. *фьючерс на нефть марки Brent*) замещается парафрастической конструкцией *versatile left-footed attackers from the north-east* («универсальные левонюгие нападающие с северо-востока»).

Исследование роли «коммерческих» метафор в спортивном медиадискурсе позволяет заключить, что в современной культуре, «мотором и символом» которой являются деньги (Московичи 1998, с. 362, 403), спортсмен воспринимается прежде всего как источник дохода. Метонимический сдвиг «спортсмен → игровая функция» приводит к замещению целостного образа спортсмена редуцированным набором квантифицированных характеристик, что облегчает уподобление спортсмена материальному предмету, обладающему количественно измеримыми физическими параметрами. В индустрии развлечений метонимия становится основой для базовой метафорической модели, которая определяет восприятие спортсмена в медиапространстве, — «спортс-

мен — товар». Зарождающаяся в американском сегменте англоязычных СМИ на рубеже XIX—XX веков, эта метафора сигнализирует о происходящей деаксиологизации личности спортсмена. Направляя ход мысли целевой аудитории по требующемуся автору медиавысказывания руслу, метафоры купли-продажи делают непривычные образы не только приемлемыми, но и воспринимаемыми как естественная «норма». Процесс конвенционализации экономических терминов в текстах спортивного дискурса, завершающийся к середине XX века, приводит к тому, что метафоры купли-продажи становятся неотъемлемой частью англоязычного спортивного медиадискурса. Высокая степень детализации «экономических» метафор, эксплицирующих одно из имманентных измерений профессионального спорта, свидетельствует о том, что в современной культуре потребления ценность спортсмена приведена к «общему знаменателю маркетизации» и выступает одним из «рубрикаторов» рынка массового потребления (ср.: Тульчинский 2021, с. 82).

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Список литературы

Богданова, Д. Ш., 2013. *Профессиональный спорт в современном обществе: культурфилософский анализ*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб. [Bogdanova, D.Sh., 2013. *Professional sport in modern society: cultural and philosophical analysis*. PhD thesis. St. Petersburg (in Russ.)].

Гуттман, А., 2016. *От ритуала к рекорду: Природа современного спорта*. М. [Guttman, A., 2016. *From Ritual to Record: the Nature of Modern Sports*. Moscow (in Russ.)].

Дружинин, А. С., 2024. *Когнитивные основы языкового конструирования ирреальности*: дис. ... д-ра филол. наук. М. [Druzhinin, A.S., 2024. *Cognitive foundations of the linguistic construal of irreality*. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.)].

Зарипов, А. Р., 2017. *Когнитивно-дискурсивный аспект изучения спортивной терминологической лексики в спортивном Интернет-медиадискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных Интернет-СМИ)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань [Zaripov, A.R., 2017. *Cognitive-discourse dimension of sports terminology analysis in sports Internet discourse (drawing on English and Russian Internet media)*. PhD thesis. Kazan (in Russ.)] EDN: ZQEWFR

Киселева, В. А., 2009. *Лексико-фразеологическая экспликация концепта футбол в спортивном дискурсе*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. [Kiseliova, V.A., 2009. *Lexical-idiomatic manifestation of the "football" concept in sports discourse*. PhD thesis. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: NKYQRT

Кудрин, С. А., 2011. *Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. [Kudrin, S.A., 2011. *Basic metaphors of sports discourse as text-generating models*. PhD thesis. Moscow (in Russ.)] EDN: QHSPZD

Мальшьева, Е. Г., 2011. *Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск. [Malysheva, E.G., 2011. *Russian sports discourse: theory and methodology of a linguo-cognitive analysis*. PhD thesis. Omsk (in Russ.)] EDN: ZOGLT

Московичи, С., 1998. *Машина, творящая богов*. Перевод Т.П. Емельяновой, Г.Г. Дилигенского. М. [Moscovici, S., 1998. *La Machine à faire les dieux*. Translated by T.P. Yemelyanova and G.G. Diligensky. Moscow (in Russ.)].

Самусенков, О.И., Столяров, В.И., 2000. Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии. В: *Гуманистическая теория и практика спорта*. Вып. 2: Футбол как объект гуманистического исследования. М., с. 3–134. [Samusenkov, O.I. and Stolyarov, V.I., 2000. Football as approached by humanistic theory of sport and phenomenology. In: *Humanistic theory and practice of sport*. Issue 2. Moscow, pp. 3–134 (in Russ.)].

Седова, Н.К., 2024. *Концептуальная метафора и метонимия как основание активных номинативных процессов в англоязычном спортивном дискурсе*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. [Sedova, N.K., 2024. *Conceptual metaphor and metonymy as the foundation of active nominative processes in English sports discourse*. PhD thesis. Moscow (in Russ.)] EDN: JFOUAF

Тулъчинский, Г.Л., 2021. Смысл фейка и фейк смысла. В: *Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность*. СПб., с. 48–85. [Tulchinskii, G.L., 2021. The sense of a fake and the fake of sense. In: *Fakes: communication, meanings, responsibility*. St. Petersburg, pp. 48–85 (in Russ.)].

Фрумкина, Р.М., 2007. Семантическая прозрачность метафоры как условие ее инструментальности. В: *Одиссей: человек в истории*. М., с. 23–37. [Frumkina, R.M., 2007. Semantic transparency of metaphor as a condition for its instrumentality. In: *Odyssey: the human in history*. Moscow, pp. 23–37 (in Russ.)].

Шеховская, Ю.А., 2021. *Метафора «себя» (metaself) в спортивном дискурсе в медийном пространстве (на материале русскоязычных, англоязычных и немецкоязычных спортивных сайтов)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. [Shekhovskaya, Yu.A., 2021. *The “metaself” metaphor in media sports discourse*. PhD thesis. Tyumen (in Russ.)].

Lis-Clarke, N. and Walsh, A., 2023. At Odds? Sports, Gambling and Hyper-Commodification. *Sport, Ethics and Philosophy*, 18(2), pp. 210–228, <https://doi.org/10.1080/17511321.2023.2242594>

Vamplew, W., 2018. The Commodification of Sport: Exploring the Nature of the Sports Product. *The International Journal of the History of Sport*, 35(7–8), pp. 659–672, <https://doi.org/10.1080/09523367.2018.1481832>

Walsh, A.J. and Giulianotti, R., 2001. This Sporting Mammon: A Normative Critique of the Commodification of Sport. *Journal of the Philosophy of Sport*, 28(1), pp. 53–77, <https://doi.org/10.1080/00948705.2001.9714600>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Bad Left Hook, 2025. Available at: <https://www.badlefthook.com> [Accessed 30 April 2025].

BBC Sport, 2024. Available at: <https://www.bbc.co.uk/sport> [Accessed 4 June 2024].

Corpus of Historical American English, 2024. Available at: <https://www.english-corpora.org/coha> [Accessed 14 January 2024].

ESPN, 2025. Available at: <https://www.espn.com> [Accessed 9 April 2025].

Sky Sports, 2025. Available at: <https://www.skysports.com> [Accessed 17 July 2025].

The Guardian, 2025. Available at: <https://www.theguardian.com/uk/sport> [Accessed 28 June 2025].

Time Corpus, 2024. Available at: <https://www.english-corpora.org/time> [Accessed 23 January 2024].

Об авторах

Мария Николаевна Коннова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID: 0000-0001-8808-6424

SPIN-код: 1900-1608

E-mail: MKonnova@kantiana.ru

Иван Денисович Нахрачев, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

SPIN-код: 1088-7017

E-mail: i.nakhrachev@gmail.com

Для цитирования:

Коннова М.Н., Нахрачев И.Д. Коммодификация спорта в зеркале метафор (на материале англоязычных СМИ) // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 162 – 177. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE COMMODIFICATION OF SPORT IN ENGLISH SPORTS MEDIA: A LOOK THROUGH THE LENS OF METAPHOR

Maria N. Konnova, Ivan D. Nakhrachev

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received on 05.01.2026

Accepted on 15.06.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-10

The article focuses upon axiological dimension of “commercial” metaphors in sports media. Drawing on historical corpora as well contemporary textual data we demonstrate that analogies from trade and economics have been extensively exploited in sports news discourse since the beginning of professional sport institutionalization. Qualitative distinctiveness of social and cultural relations that mean to be realized in sports appears to have been brought to quantifiable rational parameters – with money as their universal equivalent. Pragmatically motivated metonymic shift “sportsman → professional function” results in the multifaceted “sportsman” concept being reduced to a set of numerically verifiable professional traits, thus equating a sportsman to a thing – both characterised by “quantifiable” and countable features. In a consumer society, with money being a symbol of all things (S. Moscovici), metonymy undergoes generalisation, giving rise to a “sportsman is a commodity” metaphor. Linguistic instantiations of the latter, dating back to the late XIX – early XX centuries, include collocations of trade-related terms with proper and common names denoting sportsmen (e.g., the sale of players, to buy up players, to trade Rogers Hornsby). Signaling a shift in both lexical valency and meaning such word combinations mark the beginning of the devaluation of the sportsman. Having originated in the speech of American sports managers and club owners, the “sportsman is a commodity” metaphor has acquired cultural prominen-

ce, becoming integral to Anglo-American sports discourse. In modern media it is distinguished by a high degree of conceptual and linguistic detail and serves as an explanatory model structuring common perception of most socially significant aspects in professional sportsmen lives. In speech “commercial” metaphors vary from occasional vivid, often striking creative tropes to multiple conventionalized clichés. Used with consistent regularity, they serve as linguistic manifestation of the hyper-commodification of professional sport, which in the global media entertainment industry has been largely deprived of its original – ideal – axiological foundation.

Keywords: sports media discourse, metaphor, commodification of culture, devaluation

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the RNF project 22-18-00594 “Cognitive models of identification and counteraction to manipulation in the media space”.

The authors

Prof. Maria N. Konnova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0001-8808-6424

E-mail: MKonnova@kantiana.ru

Ivan D. Nakhrachev, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: i.nakhrachev@gmail.com

To cite this article:

Konnova M.N., Nakhrachev I.D., 2026, The commodification of sport in English sports media: a look through the lens of metaphor, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 162–177. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-10.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

«62. МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ»: СИТУАЦИОНИСТСКИЙ РОМАН ХУЛИО КОРТАСАРА

А. А. Еременко

Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Поступила в редакцию 30.07.2025 г.
Принята к публикации 15.03.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-11

Роман Хулио Кортасара «62. Модель для сборки» (1968) проанализирован в контексте движения ситуационизма. Роман рассматривается в составе корпуса произведений писателя 1960–1970-х годов – в период, когда происходили его политические переориентации в связи с обострением политической ситуации в Латинской Америке (военная диктатура в Аргентине, социалистическая революция на Кубе). Политические события в Европе этого времени, в частности студенческие бунты в мае 1968 года, нашли отражение в книге-альманахе «Последний раунд» (1969), однако между ситуационистами и Кортасаром, помимо общего социально-политического контекста, обнаруживаются типологические и контактные связи. В романе «62. Модель для сборки» описана группа персонажей, напоминающих ситуационистов по языку и форме деятельности (психогеографические практики дрейфа). Также установлено, что Кортасар был знаком с ситуационистским самиздатским журналом. Кортасара и ситуационистов объединяет внимание к городу и нацеленность на преобразование повседневности: для первого художественной задачей было освобождение литературы от рамок искусства через апелляцию к городской субъективности читателя; для вторых – через взлом специализированных структур власти и апробацию методов творческого исследования городской среды. Схожесть между текстами ситуационистов и произведениями Кортасара подкрепляется и общим философским претекстом, в частности работой «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, в которой изложена ключевая для ситуационизма концепция «ситуации». Указанные точки пересечения между Кортасаром и ситуационистами говорят об имеющейся между ними связи не только с точки зрения социально-политической и интеллектуальной среды в Европе 1960-х годов, но и на уровне языка художественной рефлексии и практики. Обнаружение и учет ситуационистского пласта в романе «62» позволяют включить его в поле исследований как политической истории XX века, так и художественных городоориентированных практик.

Ключевые слова: город, дрейф, Май 1968, ситуационизм, Хулио Кортасар, эстетика

Цель этой статьи – актуализировать сочетание политического и городского измерений в прозе Хулио Кортасара за счет обнаружения более тесной, чем принято об этом думать, связи художественной и политической писательской рефлексии на материале романа «62. Модель для сборки» (62/ *Modelo para armar*, 1968) и реконструкции социально-политического контекста вокруг него, а именно городских практик ситуа-

ционистов, политический пик которых пришелся на время написания и публикации романа¹. Однако, прежде чем рассматривать пристально черты ситуационистской эстетики в романе «62. Модель для сборки», следует очертить более широкий контекст творчества Кортасара через оптику политического.

Если попытаться возвести рефлексию политического и городского у Кортасара к некоему исходному пункту, то, по всей видимости, им можно считать дискуссию вокруг партизанских войн в странах Латинской Америки, в частности по вопросу о том, как оказался возможным успех Кубинской революции 1953–1959 годов и как его можно или нельзя повторить в других странах региона. Первую позицию обосновал сам Эрнесто Че Гевара, отводивший решающую роль в поддержке партизанской войны сельскому населению, у которого земля была отнята государственными или американскими корпорациями; эту идею, переросшую в теорию партизанского очага, или теорию фокизма (от исп. *foco* 'очаг'), позже развил французский философ и соратник Гевары Режи Дебре, ставший своего рода проводником латиноамериканских политических событий в Европе. Одна из его книг, а именно «Критика оружия» (*La critique des armes*, 1974), хранится в личной библиотеке Кортасара²; кроме того, ему посвящено стихотворение Кортасара *Поэта* 1968, написанное в период пребывания писателя в Индии в 1968 году, где впечатления от контраста между красотой пейзажа и городской бедностью завершаются строкой: “Pienso en Régis Debray” (Cortázar 1970, p. 80). Отличная по отношению к решающей роли сельской герильи позиция была предложена испанским философом и анархо-марксистом Авраамом Гильеном, который обосновал необходимость городской партизанской войны в крупных индустриальных городах, где сосредоточено подавляющее количество социального недовольства, способного стать революционной силой. Одним из примеров городской герильи Гильен называет студенческие восстания в мае 1968 года во Франции, показавшие возможность революционной ситуации в современном капиталистическом мегаполисе силами молодых и заряженных интеллектуалов-студентов, которых поддерживали и рабочие (Guillén 1973, p. 244–251). Примечательно, что язык «герильи» нашел место в тезаурусе ситуационистов, так что Рауль Ванейгем, автор одной из главных ситуационистских книг «Революция повседневной жизни» (1967), повлиявшей, как принято считать, на политические настроения среди молодых людей накануне мая 1968-го, напишет о том, что

Долгая революция ведет нас через построение параллельного общества, противостоящего господствующему обществу и сменяющего его, или,

¹ Активная работа над романом велась в период пребывания Кортасара во Вьетнаме (Сайгон) с мая по август 1967 года. Так, впервые название «62» возникает в письме, адресованном Франческо Порруа, от 26 июля 1967 года (Cortázar 2012, p. 472). К октябрю этого же года роман был окончен, о чем Кортасар сообщает Грасиеле де Сола в письме от 4 октября 1967 года (*Ibid.*, p. 514).

² Кортасар читал книгу одновременно с работой над «62», о чем может свидетельствовать упоминание чтения Дебре в письме Жану Андрю от 3 октября 1967 года (Cortázar 2012, p. 510).

еще лучше — к установлению коалиции микрообществ, настоящих очагов *гериллы* (курсив мой. — А.Е.), в борьбе за *всеобщее самоуправление* (курсив автора. — А.Е.). Эффективная радикальность позволяет все варианты, гарантирует все свободы. Ситуационисты не противопоставляют миру новое общество: вот вам идеальная организация, на колени! Они лишь демонстрируют собственной борьбой, самой высокой степенью сознательности этой борьбы, за что люди борются на самом деле и зачем они должны осознавать свою борьбу (2005, с. 287).

Мысль ситуациониста Ванейгема сближается с мыслью анархо-марксиста Гильена, и ее можно коротко сформулировать так: место действия современной революции — в городах. Однако ситуационизм — это во многом, если не в первую очередь, и эстетическая программа, близкая сюрреализму, дадаизму, патафизике, экспрессионизму и, наконец, леттризму³; ключевыми же категориями для ситуационистов, равно как и для всех перечисленных течений (и не только их), выступали воображение и игра, актуальные как в социокультурном, так и в политическом смысле⁴.

В целом можно говорить о том, что политическое — одна из определивших прозу Кортасара черт, особенно начиная с конца 1960-х, когда гибель Че Гевары в 1967 году актуализировала для многих дискуссию о роли Кубинской революции в политической и культурной динамике развития латиноамериканских стран⁵; однако уже и саму эмиграцию Кортасара в 1951 году во Францию можно считать политическим решением с учетом беспокойной популистской политической среды в перонистской⁶ Аргентине (Orloff 2013; Goloboff 2020). Во всех

³ Кроме перечисленных течений можно выделить и более мелкие группировки. Так, например, Э. Хьюгилл рассматривает ситуационизм на фоне движения патафизики и находит много пересечений, обусловленных одной и той же социальной средой и даже географическим положением. Многие группировки (леттристы, Коллеж патафизики, Движение ядерного искусства и проч.) концентрировались на Левом берегу Парижа (Хьюгилл 2017, с. 140–151), то есть там, где сооружали баррикады бунтующие студенты в мае 1968 года.

⁴ В ставке на игру как категорию социального развития прослеживается влияние работы Йохана Хёйзинги *Homo ludens* (1938), которого читал и часто упоминал в своих произведениях Кортасар.

⁵ В письме Роберто Ретамару от 10 мая 1967 года, более известном под заголовком «О положении интеллигента в Латинской Америке» (приводится полностью в книге *Último round*), Кортасар пишет, что поворот в его восприятии произошел после социалистической революции на Кубе, которую он называет «латиноамериканской революцией» (“esa revolución, la primera revolución socialista que me era dado seguir de cerca, fuera una revolución latinoamericana”); и, кроме того, формулирует свое писательское кредо — придерживаясь своей игровой поэтики, вкладывать в сочинения актуальное содержание и быть в контакте с читателем (“esa presencia, esa atmósfera que las hace reconocibles y entrañables, que despierta en el lector un sentimiento de contacto y cercanía”) (Cortázar 1970, p. 209, 214).

⁶ Общим местом в кортасароведении является интерпретация его ранних произведений как антиперонистских. Так, написанный в 1950 году и изданный по-

опубликованных при жизни писателя романах — «Выигрыши» (другой перевод — «Счастливчики», *Los premios*, 1960), «Игра в классики» (*RaYuela*, 1964), «62. Модель для сборки» (1968) и «Книга Мануэля» (*Libro de Manuel*, 1973) — содержатся политические мотивы, но только в трех последних действие происходит в одном и том же городе (Париже) и в среде небольшого интернационального коллектива, что позволяет объединить три произведения в своеобразный «триптих», внутри которого наблюдается сквозная нарративная динамика политизации героев и сюжета⁷, с одной стороны, и гетерогенизация прозы и доведение романного текста с помощью приема монтажа до состояния на грани с «книгой художника» (речь идет о коллажной организации «Книги Мануэля») — с другой⁸.

«62. Модель для сборки» принято считать промежуточным в артикуляции политического (Orloff 2013), что обусловливается тесной связью с романом «Игра в классики»: так, в предисловии Кортасар указывает на прямую связь с 62-й главой предыдущего романа, однако оговаривает, что новое произведение имеет иной замысел — при промежутках между частями текста его монтажная природа предполагает не выборочное прочтение одних частей и отбрасывание других (как в случае с «Игрой в классики»), но восприятие авторского устройства текста как уже данного целого, в котором «повторы и перемещения должны создать ощущение свободы от жесткой причинной связи»⁹ (Кортасар 1999, с. 16). Отсюда следует, что принцип нелинейности нарратива, заданный в предыдущем романе как игровой и экспериментальный, легализуется и становится нормативным в новом романе, а слово «перемещения» (*desplazamientos*) относится как к персонажам в рамках сюжета, так и к самим читателям. Кроме того, в одном из текстов¹⁰ альманаха «Последний раунд» (*Último round*, 1969) Кортасар дает своего рода указания на возможные интерпретации романа и, в частности, делится, что на одном из этапов работы над романом ему попался номер журнала *The Situationist Times*¹¹, из которого он выделил текст Гастона Башляра

смертно роман «Экзамен» изображает мрачную и гнетущую атмосферу города периода перонизма, влияющую на состояние героев романа (Standish 2000; Orloff 2013; Pérez 2019).

⁷ К. Орлофф видит в «Книге Мануэля» логическое завершение политической и эстетической эволюции и в целом рассматривает революционную тематику прозы Кортасара как выражение политического (Orloff 2003).

⁸ М. В. Кастро справедливо соотносит монтажную структуру «Книги Мануэля» с предшествовавшими ей «книгами-альманахами» Кортасара — «Последний раунд» и «Проза из обсерватории» (*La prosa del Observatorio*, 1972) — и выдвигает гипотезу о сознательной ориентации на ситуационистский журнал *The Situationist* (Castro 2020, p. 147–148).

⁹ В оригинале: “donde recurrencias y desplazamientos liberar de toda fijeza causal” (Cortázar 1995, p. 6).

¹⁰ На русском языке этот текст под названием «Распотрошенная кукла» вошел в сборник: (Кортасар 2002, с. 107–117).

¹¹ Кортасар приводит неточное название *The Situationist*, что обусловлено, вероятно, особым положением и дизайном шрифта на обложке журнала (рис. 1).

об интервалах и длительности как проливающий свет на некоторые места из романа «62». Кортасар приводит эту цитату на испанском, однако в самом журнале она дана в оригинале — на французском:

Une *analysis situs* des instants actifs peut se désintéresser de la longueur des intervalles comme l'*analysis situs* des éléments géométriques se désintéresse de leur grandeur. Seul leur groupement compte. Il y a alors causalité de l'ordre, causalité de groupe. Cette causalité a une efficacité d'autant plus sensible qu'on s'élève plus haut vers les actions plus composées, plus intelligentes, plus surveillées (Bachelard 1950, p. 77)¹².

Эта цитата из не переведенной на русский язык работы Башляра «Диалектика длительности» (*La dialectique de la durée*, 1936), в которой философ предлагает критику концепции длительности Анри Бергсона и противопоставляет ей концепцию мгновений, составляющих восприятие времени человеком¹³. Для Кортасара, хорошо знакомого с французской философией XX века, тема субъективного восприятия времени была близка, вероятно, поэтому среди многих текстов в журнале им был процитирован именно этот философский фрагмент из Башляра.

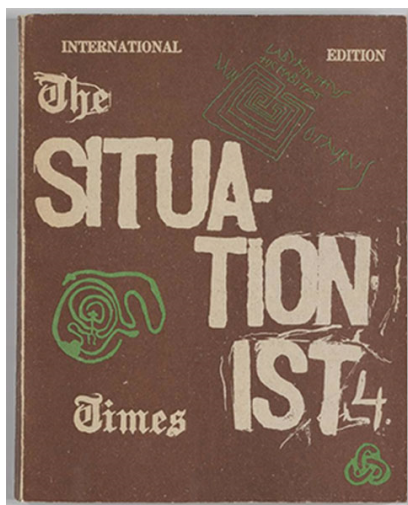

Рис. 1. Обложка журнала *The Situationist Times* (1967. №4)

Источник: www.archive.org

Рис. 2. Страница 36 четвертого номера журнала *The Situationist Times* за 1967 год с цитатой из работы Г. Башляра

Источник: www.archive.org

¹² Дословный перевод: «Анализ активных моментов может игнорировать длину интервалов, подобно тому как анализ геометрических элементов игнорирует их размер. Важна лишь их группировка. В таком случае существует причинность порядка, причинность группы. Эта причинность становится все более очевидной по мере перехода к более сложным, разумным и контролируемым действиям». Ссылка у цитируемого фрагмента указана по изданию: (Bachelard 1950). В журнале этот фрагмент находится на странице 36 (рис. 2).

¹³ Подробно о критике философии Бергсона со стороны Башляра см.: (Блауберг 2012).

Номер журнала был посвящен лабиринтам¹⁴, что также отмечает Кортасар, и эта тема связывала ситуационистов с экспериментальной урбанистической мыслью (например, с группой архитекторов «Команда 10»), реакцию на которую можно увидеть в ситуационистской самиздатской прессе¹⁵. Но кроме того, в приведенной Кортасаром цитате из Башляра обращает на себя внимание слово *groupement* («группировка»), что имеет прямое отношение к сюжетике и поэтике романа «62», а также к психогеографическим исследованиям ситуационистов, о чем будет сказано далее. Пока что можно сделать промежуточный вывод: во время работы над романом «62» Кортасар уже был знаком с ситуационизмом, пусть и исключительно в его эстетическом, а не политическом, изводе. События же мая 1968 года, которые впоследствии участники ситуационизма были склонны связывать исключительно с собственной деятельностью, нашли отражение в упомянутом альманахе, тем более что писатель застал их *in situ*¹⁶: целый раздел там посвящен этим событиям — цитаты лозунгов и речей участников бунта с указанием места их создания, фотографии с уличными плакатами, стихи и тексты Кортасара¹⁷. Примечательно, что следующий текст — очерк об Индии, где Кортасар пребывал с конца января по двадцатые числа апреля 1968 года в рамках своей работы в качестве международного переводчика ЮНЕСКО на конференции ООН по глобальной торговле и развитию (UNCTAD)¹⁸. В сочетании оба раздела — с хроникой майских студенческих бунтов в Европе и индийским травелогом с фотографиями местных людей и их быта — создают монтаж в духе того, как перемещаются из одного города в другой герои романа «62», что снова сближается с ситуационистским исследованием чувственного восприятия различных географических пространств.

¹⁴ Журнал *The Situationist Times* выходил с 1962 по 1966 год (всего было выпущено 6 номеров) и во многом заимствовал эстетику сюрреализма и патафизики, поскольку один из его редакторов-составителей, Ноэль Арно, принадлежал к кругу патафизиков (Хьюгилл 2017, с. 144).

¹⁵ См., например, периодику журналов *Potlatch* за 1954–1957 годы (<https://www.larevuedesressources.org/IMG/pdf/Potlatch.pdf>) и *Internationale Situationniste* за 1957–1969 годы (<https://www.larevuedesressources.org/internationale-situationniste-integrale-des-12-numeros-de-la-revue-parus-entre-1958-et-2022-2C2548.html>).

¹⁶ В письме от 29 мая 1968 года Анхелю Рама, работавшему в левоориентированном уругвайском еженедельнике *Marcha*, Кортасар сообщал об инциденте в Парижском интернациональном университетском городке, когда аргентинские студенты захватили павильон Аргентины. В их защиту было составлено коллективное письмо, подписанное Ж.-П. Сартром, С. де Бовуар, Н. Саррот, К. Фуэнтесом и другими интеллектуалами, в том числе Кортасаром (Cortázar 2012, p. 578–579).

¹⁷ Среди прочего упоминается и арест Режи Дебре (Cortázar 1970, p. 58).

¹⁸ Это была вторая поездка Кортасара в Индию, первая состоялась в 1956 году и, по словам самого писателя, не была удачной в силу его эстетической неготовности к радикально другой культуре (Cortázar 2012, p. 567). Подробнее о поездках Кортасара в Индию см.: (Caminada 2022).

В одной из программных работ ситуационизма, «Введение в критику городской географии», ее автор, главный теоретик движения Ги Дебор пишет о подобной практике — прогуливаться по городу, используя для «навигации» карту другого города — в качестве примера того, как можно достигнуть ощущения «остранения» (отклонения, *détournement*) городского ландшафта, который регулирует не только перемещение, но и сознание:

Один друг сообщил мне недавно, что обошел район Гари в Германии, слепо следуя при этом карте Лондона. Такая игра — это, разумеется, лишь весьма посредственная проба пера по сравнению с полноценным созданием архитектуры и урбанизма, которое однажды станет делом рук каждого. Но пока день не настал, можно выделить много отдельных, более простых шагов для работы в этом направлении, начиная с банального переноса тех элементов городской среды, которые мы привыкли видеть в специально приспособленных под них местах (Дебор 2018, с. 52)¹⁹.

Однако, пожалуй, наиболее эффектно психогеографический дрейф был реализован не на улицах, но в пространстве двумерном — в коллажных картах-плакатах²⁰ и печатных *livre d'artiste*²¹, которые создавали Ги Дебор и Астер Йорн с использованием реальных газет и карт городов в период своей тесной коллаборации с 1956 по 1959 год.

Подобная картографическая эстетика может быть обнаружена и в оформлении первого издания романа Кортасара в аргентинском издательстве *Editorial Sudamericana*²²: суперобложка книги в расправленном виде (рис. 3) представляет собой карту, которая при более тщательном наблюдении оказывается монтажом карт трех городов — Парижа, Вены и Лондона, что соответствует местам сюжетных перипетий героев рома-

¹⁹ На практике подобные прогулки или дрейфы осуществлялись зачастую под воздействием алкоголя, обуславливающим эффект «остранения», однако зафиксирован случай и более изощренный: во время дрейфа по Амстердаму, в котором участвовал в том числе Дебор и его соратник, художник Астер Йорн, было образовано две группы, которые синхронно перемещались по разным районам города и общались между собой через портативные радиоприемники. Об этом рассказывает Анри Лефевр, бывший в близком контакте с Дебором (Ross 2002, p. 272). Другим технологичным средством дрейфа, о котором писала на страницах *Potlatch* Мишель Бернштейн, могло быть такси — как реакция на идею одного парижского журналиста для решения проблемы трафика ограничить пользование личным транспортом в городе в пользу недорогого такси (см. текст *La dérive au kilomètre* в специальном «отпускном» выпуске журнала *Potlatch*, № 9 — 10 — 11 за 17 — 31 августа 1954 года).

²⁰ Эти карты — *Guide psychogéographique de Paris: discours sur les passions de l'armour*, 1956, и *The Naked City*, 1957 — подробно анализирует С. Сэдлер (Sadler 1998, p. 82 — 91).

²¹ Речь идет о книгах *Fin de Copenhague* (1957) и *Mémoires* (1959), в оформлении которых применялась смешанная техника из цветной печати, живописных пятен, аппликации вырезок из газет и карт.

²² Переписка по поводу издания романа велась между Кортасаром с выпускающим директором издательства Франсиско Порруа (в письмах Кортасар называл его «Пако») на протяжении первой половины 1968-го.

на²³. По замыслу Кортасара, читатель мог использовать суперобложку как *карту*, следя по ней за передвижениями персонажей²⁴, и даже называл получившуюся карту «первой главой книги»²⁵.

Рис. 3. Суперобложка первого издания романа «62. Модель для сборки» в развернутом виде (сама обложка исполнена в черном цвете)

Источник: www.todocoleccion.net

Такая пролиферация пространств характерна для прозы Кортасара²⁶, однако в случае с «62» описанные в романе пространства обретают

²³ Идея совместить карты трех городов в карту одного города методом коллажа была предложена Кортасаром, находившимся тогда в Тегеране, сначала издателю Порруа в письме от 24 апреля 1968 года, затем — художнику Хулио Сильве в письме от 27 апреля 1968 года (Cortázar 2012, p. 573, 576). С Сильвой, как и с Порруа, Кортасара связывала работа над изданием книг, среди которых *Les discours du Pense-Gueule* (1966), *La vuelta al día en ochenta mundos* (1967) и *Último round* (1969). В 1976 году Кортасар посвятил Сильве книгу *Silvalandia*. В письме Сильве от 27 июня 1968 года Кортасар сообщает, что получившийся макет суперобложки в точности соответствует его задумке (Ibid., p. 598).

²⁴ В письме Порруа от 16 июня 1968 года Кортасар делится впечатлениями от первого макета обложки «62», сделанного Сильвой, и предлагает поместить на суперобложку коллажную карту, саму же обложку — сделать черного цвета (Ibid., p. 583—585).

²⁵ Из письма Франческо Порруа от 27 июля 1968-го: “pienso que los mapas en la sobretapa son ya un primer capítulo del libro” (Ibid., p. 599).

²⁶ В рассказе «Другое небо» из сборника «Все огни — огонь» (1966) среди перечисляемых названий парижских галерей (Галери Вивьен, Пассаж-де-Панорама

трехмерность за счет экстрадигетического потенциала как суперобложки — карты некоего собирательного *города*²⁷, по которому читатель может перемещаться *одновременно и вместе* с персонажами, так и пустых (белых) промежутков между частями текста или «пассажами» (*pasaje*), сохранение которых при верстке текста Кортасар обосновывает более плавным ритмом чтения²⁸.

Некоторые исследования романа «62» говорят об онейрическом и метафорическом образе города²⁹, однако не комментируют того особого устройства пространства, в котором персонажи не просто гуляют, описывая улицы и перечисляя городские топонимы, как герои «Игры в классики», но совершают перемещения *систематически*, используя определенный язык описания и зачастую выражаясь от *коллективного* лица. Так, уже с первых страниц романа возникает³⁰ одна из основных тем — пространство «Города» (*la Ciudad*), и читателя как бы вводят в сообщество, имеющее свой язык и свои занятия:

О Городе — который впредь будет упоминаться не с большой буквы, ведь нет причины выделять его, то есть придавать ему особое значение в отличие от городов для нас привычных, — надо бы поговорить прямо сейчас, так как все мы были согласны в том, что с городом могут быть связаны любая местность и любой предмет вот поэтому Хуан не считал невозможным, что происшедшее с ним только что исходило каким-то образом из города, было одним из вторжений города или ведущих к нему галерей, возникших в этот вечер в Париже, как могли бы они возникнуть в любом из городов, куда его забрасывала профессия переводчика. По городу случа-

и др.) есть и галерея Гуэмес, и только знающий читатель опознает в этом игру, поскольку галерея расположена в Буэнос-Айресе, упоминание которого в конце рассказа удостоверяет в неслучайности такого географического сочетания.

²⁷ Обращает внимание то, что Кортасар в переписке с Сильвой выделяет не три города, с картами которых идет работа над макетом обложки, но и безымянный город — «*la Ciudad*» (Cortázar 2012, p. 595).

²⁸ Из письма Поппуа от 27 июля 1968-го: «*Quiero que haya más luz entre cada pasaje, una luz lujosa, abundante, precisamente para que el lector no “engrane” bruscamente de una parte a otra*» (Ibid., p. 600).

²⁹ Дж. Алазраки рассматривает задействованные в произведении города — Париж, Лондон, Вена — и перемещения по ним персонажей с точки зрения не сюжета, но образованного динамизма комбинаций героев в пространстве каждого города, называя это «*поэтикой движения*» (*una verdadera poetica del movimiento*) (Alazraki 1981, p. 163). И. Батрес не разделяет в романе Париж и «город», подтверждая это словами самого Кортасара, для которого «гулять по Парижу — я этом смысле я имею право называть Париж мифическим городом — означает двигаться к самому себе» (Batres 2017, p. 21). Наконец, Р. Селис исследует связь между письмом и сновидением в произведениях Кортасара, определяя урбанистический характер сновидений героев романа «62» как трансгрессивный, а также имеющий наряду с эстетическими и теоретическими политико-этические импликации (Celis 1997).

³⁰ Для последующих читателей других изданий романа возникновение города в романе воспринимается непреднамеренно, однако же для тех, кто читал роман в первом издании, скорее всего должна была возникнуть связь с суперобложкой, так что образ города предшествовал тексту романа.

лось бродить всем нам, всегда невольно, и, возвратясь, мы толковали о нем в часы «Клони», сравнивали его улицы и площади. Город мог явиться в Париже, мог явиться Телль или Калаку в пивной в Осло, кое-кому из нас случалось переходить из города в постель в Барселоне, или же бывало наоборот. Город не требовал объяснения, он был: он возник однажды во время разговора в «зоне», и, хотя первым принес новости из города мой сосед, вопрос о том, побывал ты или не побывал в городе, стал делом самым обычным для всех нас... (Кортасар 1999, с. 31–32)³¹.

В этом фрагменте говорится о городе, который не является конкретным городом, Парижем или любым другим городом в «привычном» значении, — скорее, речь идет о городе как некоей метафоре, слове-пароле, понятном в узком кругу людей, противопоставляющих себя тому, что оно означает, — то есть как некоем *ином* пространстве, где не обитают, но куда можно попасть и откуда следует рано и поздно вернуться. Схожими качествами временного перцептивного пространства обладает другое специальное слово «зона» (*la zona*), играющая не менее важную роль в романе³². Таким образом, уже в этом отрывке проглядывается своего рода психогеографическая «карта» существования персонажей, не отображающая топографические данные, но передающая коллективный ментальный образ обитаемого пространства, в котором существуют пограничные «зоны», ведущие в «город».

Во всех трех романах «триптиха» есть группа персонажей, степень политизированности которых повышается: от Клуба Змеи в «Игре в классики», герои которого рассуждают на философские темы и напоминают скорее фланеров, чем политизированную группу, до подпольной организации «Буча» (*Joda*) в «Книге Мануэля», члены которой совершают похищение политического деятеля. В «62» персонажи также образуют группу, на что указывает местоимение «мы» (*nosotros*) и общая дискурсивная среда, заключенная между «городом» и «зоной». Уже на этом этапе онейрические и психологические интерпретации города кажутся нерелевантными в силу интерсубъективности образа города, и, помимо этого, еще одним разделяемым всем кругом персонажей элементом выступает фигура «моего соседа» (*mi paderno*), которая связывает персонажей с городом и обладает особым знанием о нем:

...«мой сосед» был ценен как молчаливый очевидец, знавший город, знавший о существовании в нас города, которым мы решили владеть сообща с того вечера, когда в первый раз он был упомянут и стали известны первые его штрихи — отели с тропическими верандами, галереи, площадь с трамваями; никому и в голову бы не пришло сказать, что вот, мол, о горо-

³¹ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 20–21).

³² См. об этом далее в статье. Кроме того, можно добавить и биографическую трактовку этого слова: так, в процитированном полемическом тексте о латиноамериканских интеллигентах Кортасар, описывая воображаемую ситуацию, как если бы он остался в Аргентине и не эмигрировал в Европу, употребляет выражение *de zona*, беря его в кавычки (“concentrar todo su talento en una labor «de zona»”) (Cortázar 1970, p. 205).

де первыми заговорили Марраст, или Поланко, или Телль, или Хуан, все было придумкой «моего соседа», и таким манером, приписывая какое-либо намерение или осуществление чего-либо «моему соседу», мы какой-то гранью сообщались с городом. Речь о «моем соседе» или о городе всегда велась с глубокой серьезностью... <...> Иногда бывало даже, что мы чувствовали, будто «мой сосед» существует где-то вне всех нас, будто вот мы, а вот он, подобно тому, как города, где мы жили, всегда были и городами, и городом... <...> ...многие сведения о городе наверняка исходили от него, никто уже не мог вспомнить, что их сообщил кто-то из нас; они каким-то образом прибавлялись к тому, что мы уже знали и пережили в городе (Кортасар 1999, с. 37–39)³³.

Схожий персонаж-медиатор фигурирует под именем «друга» (в оригинале используется выражение “*el que te dije*”, букв. «тот, о ком я говорил») в «Книге Мануэля», и с точки зрения нарратологии этих «героев» можно считать как выполняющих роль, с одной стороны, металеписиса, устраняющего диегетическую дистанцию между читателями и персонажами и трансформирующего фикциональный сюжет в хроникальный нарратив очевидцев событий, а с другой — дейксиса, усиливающего «средовой эффект» текста и нивелирующего темпоральность за счет апелляции к текущему моменту разворачивания событий для персонажей и для читателей. Отсюда можно заключить, что и городское пространство в романе следует воспринимать на нескольких уровнях — как индивидуальное воображаемое пространство каждого из персонажей (например, Хуана или Элен), как пространство коллективной жизни персонажей, образующих сообщество за счет противопоставления себя городу и прониканию в него через «зоны», наконец, как реальное для Кортасара и читателей пространство города.

Такая урбанизированность мышления характерна не только для Кортасара (на которого Париж произвел не меньшее впечатление, чем несколькими десятилетиями ранее на Вальтера Бенямина, назвавшего этот город «столицей XIX века»), но и в целом для художественной и критической послевоенной мысли, стремившейся найти альтернативные (как, например, проект нового центра Парижа Ле Корбюзье или интернациональный стиль в архитектуре) способы организации повседневной жизни в увеличивающихся в размерах городах. Именно в это время во Франции, главным образом в Париже, происходило превентивное переселение малоимущего населения из центра города в новые районы на периферии (субурбии). Кроме того, усилилась мигрантская политика и контроль за порядком в городах вследствие колониальных потерь Франции — Индокитая в 1946–1954 годах и Алжира в 1954–1964 годах. Такое расширение площади города, возникновение нового однотипного жилья на периферии и одновременно все более заметная социальная дискретность городской среды, геттоизация рабочих и малоимущих районов и джентрификация центральных районов в капи-

³³ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 18–19). Кроме того, в фигуре «моего соседа» может проступать сам автор текста, «вездесущий нарратор».

талистических интересах — все это «производство пространства», по Анри Лефевру³⁴, определило политический характер Ситуационистского интернационала (СИ), возникшего в 1957 году после отделения от Леттристского интернационала (ЛИ).

В книге *The Situationist City* Саймон Сэдлер прослеживает историю ситуационистского движения через оптику его урбанистических проектов, показывая, что основной тезаурус ситуационистов, изложенный, однако, еще на страницах леттристского журнала *Potlatch*, — психогеография, дрейф, ситуация, *détournement* — имеет прямую связь с градостроительными дебатами 1950–1960-х и с зарождавшейся дисциплиной — городской антропологией (Sadler 1998). Наиболее отчетливо эта связь выражена в концепции «унитарного урбанизма» Ги Дебора, суть которого заключалась в «использовании всех форм искусства и техники как средств для цельного создания окружающей среды»³⁵. Город был доступной средой для проявления свободы и для «развлечений» — так Дебор в одном из эссе назвал практику дрейфа³⁶; но также город был предметом критического анализа складывающегося общества потребления, так что позднее Дебор отказался от тезауруса унитарного урбанизма в пользу выявления *идеологии урбанизма* и в работе «Общество спектакля» (*La Société du spectacle*, 1967) артикулировал атрофию политического действия жителей современного города вследствие намеренно отчуждающей градостроительной политики:

В новых условиях обитания и зрелищного контроля на современной «обустроенной территории» воссоздается новое искусственное крестьян-

³⁴ Например, печально известный район Пруйтт-Айгоу в Сент-Луисе, построенный в 1950-х годах как социальное жилье и превратившийся в гетто, так что единственным решением проблемы стал снос всего комплекса в 1972–1976 годах; строительство автотрасс обернулось снижением внимания людей к соседям в районе Гринвич-Вилладж в Нью-Йорке и, как следствие, снижением безопасности во всем районе, о чем писала в многочисленных статьях городская активистка Джейн Джейкобс, итоговая книга которой предрекла направление «новый урбанизм».

³⁵ Из «Доклада о создании ситуаций и принципах организации и деятельности международной ситуационистской тенденции», опубликованного в виде брошюры в преддверии учредительной конференции СИ в июне 1957 года. Стоит процитировать еще одну фразу из этой части доклада — о роли урбанизма в программе группы: «Унитарный урбанизм должен, например, определять акустическую среду, как и распространение разнообразных напитков и пищевых продуктов. Он будет включать в себя создание новых форм и *détournement* старых форм архитектуры, урбанизма, так же как и *détournement* прежней поэзии и кино. Цельное искусство, о котором все так много говорят, может быть достигнуто лишь на уровне урбанизма» (Дебор 2018, с. 99–100).

³⁶ Вот полная цитата из короткого текста «Итог 1954 года», опубликованного в 14-м номере леттристского журнала *Potlatch* 24 февраля 1954 года и подписанного Дебором и Ж. Фийоном: «Большие города наиболее благоприятны для развлечения, которое мы называем *дрейфом*. *Дрейф* это техника бесцельного движения, основывающегося на притягательности обстановок» (Дебор 2018, с. 31).

ство: распыленность в пространстве и ограниченный стиль мышления, которые всегда мешали крестьянству предпринимать независимые действия и утверждать себя в качестве творческой исторической силы, вновь становятся характерной чертой производителей, ибо развитие мира, производимого ими самими, также остается полностью за пределами их способностей понимания и действия, как это было при естественном ритме работ сельского общества. Но когда подобное крестьянство... восстанавливается сегодня как продукт условий усиления современной государственной бюрократизации, теперь его *апатию* приходится *исторически сфабриковать* и поддерживать, — естественное невежество уступает место организованному спектаклю намеренного заблуждения. «Новые города» технологического псевдокрестьянства четко вписываются в тот разрыв с историческим временем, на котором они воздвигаются, так что их девизом мог бы быть лозунг: «Вот здесь-то никогда ничего не произойдет, и *никогда ничего не происходило*» (Дебор 2000, с. 97).

Завершает же этот посвященный урбанизму раздел (с пункта 169 по 179) Дебор констатацией тождества улицы и истории как мест «*критики человеческой географии*», через которые «индивиды и сообщества должны создавать местности и события, соответствующие присвоению уже не просто их труда, но их истории в целом» (Там же).

Доподлинно не известно, был ли Кортасар знаком с работами Дебора (как теоретическими, так и художественными), но о ситуационистах он, по всей видимости, знал и даже вступал с ними в творческий диалог, заимствуя коллажную эстетику, речевой *détournement*³⁷. Б.К. Прадо, анализируя групповую деятельность персонажей «Игры в классики» и «Истории о хронопах и фамах», сопоставленную им с ситуационистской практикой создания ситуаций³⁸, разграничивает «деконструирующую» стратегию по разрушению повседневности дадаистами и сюрреалистами, выступавшими эстетическими ориентирами равно для писателя и членов группы, и революционную и «прогрессирующую» стратегию по завоеванию и творческому переустройству повседневности ситуационистами и персонажами Кортасара³⁹. Х.П. Бланес также сближает ситуационистов и Кортасара через создание ситуаций, понимая

³⁷ М.В. Кастро склоняется к версии, что Кортасар ориентировался на ситуационистские журналы при создании своих книг-альманахов «Последний раунд» и «Вокруг дня в 80 миров» (Castro 2020, p. 147–148). Кроме того, в имеющихся работах с применением психогеографической оптики к произведениям Кортасара (главным образом, рассматривается роман «Игра в классики») уклон делается не на политической интенции термина, но на описании синестетического восприятия пространства героями и самим писателем (Anderson 2013; Halbert 2016).

³⁸ Определение ситуации в перечне основных понятий СИ в журнале *Internationale Situationniste*, №1, июнь 1958: «Момент жизни, целенаправленно и осознанно сконструированный посредством коллективной организации единой обстановки и игры событий» (Дебор 2018, с. 109).

³⁹ «Sin embargo, nuevamente el objetivo de la situación dadaísta y surrealista es acabar con la esfera de la vida cotidiana, mientras que el del situacionismo es reconquistarla. Por esta razón, las «situaciones» que propondrán los situacionistas serán más constructivas, esto es, revolucionarias, que destructivas. También para Cortázar la vida cotidiana es rescatable o descolonizable mediante la construcción de «situaciones» (Prado 2011, p. 540).

последние как искусство хеппинга и перформанса — практик прямого взаимодействия со зрителем и пространством, что может быть рассмотрено и в политическом смысле; таким же образом эксперименты с формой романа и активизация читателя у Кортасара могут выступать как активизация *политического* в субъекте (Blanes 2014). Кроме того, и центр встреч ситуационистов, Левый берег Парижа, и конкретно Латинский квартал близ Пантеона, где обитал Дебор (Мерифилд 2015), совпадает с местом жительства как самого Кортасара, так и его персонажей⁴⁰.

Однако помимо общей повседневной среды можно говорить об общности фигурирования города в политической и эстетической программах ситуационистов и Кортасара. Воспроизводя город в своих произведениях, Кортасар не столько поэтизировал конкретный город и осмыслял его специфику, сколько апеллировал к повседневному опыту проживания в городе и выстраивал персонажей через их соотнесенность с коллективом и городом. Так, в одном фрагменте «62» содержится довольно пространное самописание группы персонажей:

Мой сосед однажды, кажется, изрек, что мы гораздо больше основываемся на общем множественном минимуме, чем на общем разделяющем максимуме, — правда, не совсем ясно, что он этим хотел сказать (Кортасар 1999, с. 98)⁴¹.

Эта фраза приобретает вполне конкретный смысл при обращении к ситуационистской теории, артикулированной Дебором в докладе об основании СИ, в котором постулируется отказ от восприятия жизни как линейности в пользу восприятия единичности момента или ситуации, в чем угадывается рефлексия философии момента Башляра, осуществлением которой на практике можно считать действия ситуационистов:

Ситуационистская теория решительно поддерживает нелинейную концепцию жизни. Следует перестать рассматривать понятие единства как применимое ко всей жизни в целом (в таком случае оно оказывается реакционной мистификацией, основанной на вере в бессмертную душу и в конечном счете в разделение труда), наоборот, оно должно применяться к отдельным моментам жизни и к созданию каждого такого момента путем единого использования ситуационистских методов (Дебор 2018, с. 105).

В этом смысле под «общим множественным минимумом» (*un mínimo común múltiplo*) может пониматься стремление к планетарному урбанизму посредством множественных индивидуальных психогеографических сред, а под «общим разделяющим максимумом» (*un máximo común divisor*) — современный город потребления, отчуждающий людей как друг от друга, так и от активной политической и творческой жизни.

⁴⁰ В романе «Книга Мануэля» перечисления названий улиц точно воспроизводят периметр квартала близ Пантеона в Париже.

⁴¹ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 99).

Кроме того, психогеографическая практика городского дрейфа может пролить свет на понятие «зоны» в романе. В статье «Теория дрейфа», опубликованной журнале бельгийских сюрреалистов *Les Lèvres nues* (№9, декабрь 1956), Дебор пишет, что

отправляющимся в дрейф человеку или группе следует на некоторое время забыть о тех мотивах, которые обыкновенно определяют их занятия и передвижение, о знакомствах, собственной работе и привычных местах отдыха, чтобы свободно следовать привлекательности изучаемой местности и происходящим на ней встречам. Роль случая при этом вовсе не так значима, как можно было бы подумать: теория дрейфа предполагает наличие психогеографического рельефа городов с постоянными потоками, узловыми точками и водоворотами, ощутимо затрудняющими как вход в некоторые *зоны* (курсив мой. — А.Е.), так и выход из них (Дебор 2018, с. 68).

Сравним это с фрагментом романа:

Русские буквы все еще отражаются, колеблясь в руках толстяка, сообщая новости дня, как впоследствии в «зоне» («Клюни», какой-нибудь перекресток, канал Сен-Мартен — все это тоже «зона») придется приступить к рассказу, придется что-то сообщить, потому что все они ждут, когда ты начнешь рассказывать, этот всегда беспокойный и чуть враждебный в начале рассказа кружок; как бы там ни было, все ждут, когда ты приступишь к рассказу в «зоне», в любом месте «зоны», неизвестно, где именно, потому что «зона» бывает в разных местах, и в разные вечера, и с разными друзьями — Телль и Остин, Элен и Поланко, и Селия, и Калак, и Николь; также и им в иные вечера выпадает явиться в «зону» с новостями из Города, и тогда уже твой черед быть участником кружка, жадно ожидающего, чтобы тот, другой, приступил к рассказу, ведь, как бы там ни было, в «зоне» словно ощущается дружелюбная и вместе с тем агрессивная потребность не терять связи, знать, что с кем происходит, а почти всегда ведь происходит что-то имеющее значение для всех: например, когда они видят сны, или сообщают новости из Города, или возвращаются из поездки и опять появляются в «зоне» (Кортасар 1999, с. 24)⁴².

Можно заметить, что «зона» способна принимать любое пространственное воплощение и аккумулировать состояния, которые переживает персонаж. При этом за опытом проживания «зоны» следует рассказ⁴³ о ней, что говорит о коллективном характере этой практики. Город здесь выступает как внешняя среда, отчужденная написанием этого слова с заглавной буквы. Можно предположить, что под «городом» понимается буквально городская среда, повседневная жизнь, тогда как «зона» — возникающее психогеографическое состояние, разделяемое коллективно. В качестве примера рассказа о пережитой «зоне» можно привести «психогеографический отчет» персонажа Марраста:

⁴² В оригинале: (Cortázar 1995, p. 9).

⁴³ В этом фрагменте присутствует и автобиографический маркер метанарратива, а именно соседство слов «рассказ» и «кружок», что коррелирует с эссе Кортасара «О коротком рассказе и его окрестностях», в котором писатель описывает ощущение возникающего у него рассказа через образ растущего шара. См.: (Еременко 2018, с. 207–208).

Я снова пережил — а в явлении города сочетались и зрительные, и эмоциональные моменты, они были неким состоянием, эфемерным междуцарствием, — тот случай, когда встретил Хуана на улице с аркадами... мы с Хуаном пошли рядом, не разговаривая, несколько кварталов шли параллельно, потом вдруг резко разделились — Хуан поспешно вскочил в трамвай, проходивший по большой площади, будто увидев знакомого среди пассажиров, а я вернулся налево к отелю с верандами, чтобы начать, как бывало уже много раз, поиски ванной комнаты (Кортасар 1999, с. 96 — 97)⁴⁴.

С виду не примечательная история о том, как Хуан внезапно покинул своего спутника Маррасте посреди улицы, облекается в рассказе второго фиксацией особой мультисенсорной комбинации, которая сложилась под впечатлением от странного поведения друга. С точки зрения психогеографии разделение героев произошло неслучайно, и есть связь между этим событием и городской средой — герои шли вдоль кварталов, а разделились, дойдя до площади с трамвайными путями. В то же время с этого эпизода повествование разделяется на сюжет о Хуане и сюжет о Маррасте как две магистральные линии, что делает роман похожим на смонтированные в одну книгу психогеографические отчеты персонажей. Однако наряду с описываемым субъективным опытом проживания «зон» в другом месте текста имеется и коллективный взгляд на деятельность группы героев:

Никто из нас не был по-настоящему серьезен (разве что Элен, но о ней мы, по сути, так мало знали), и соединяло нас в городе, в «зоне», в жизни одно — веселое и упрямое попираание десяти заповедей. Каждого из нас наше прошлое по-разному научило, что совершенно бесполезно быть серьезным, прибегать к серьезности в кризисные минуты, хватать себя за лацканы и требовать от себя каких-то поступков, решений или отречений; и ничего не могло быть логичней, чем этот безмолвный стговор, объединивший нас вокруг моего соседа, чтобы иначе понимать существование и чувства, чтобы идти по путям, которые в каждой данной ситуации не рекомендовались, отдаваться на волю судьбы, прыгать в трамвай, как сделал Хуан в городе, или лежать в постели, как делали мы с Николь, без рассуждений и чрезмерного интереса подозревая, что все это по-своему сплетает и расплетает то, что на уровне здравого смысла выразилось бы в объяснениях, письмах, телефонных звонках, а может, и в попытках самоубийства или во внезапных отъездах на политические акции либо на тихоокеанские острова (Кортасар 1999, с. 97 — 98)⁴⁵.

Такой нарратив напоминает рассказы участников ситуационистских дрейфов, которые (как, например, делала участница ЛИ и СИ Мишель Бернштейн в своих романах), вплетали свое знание внутреннего устройства сообщества в литературные тексты, делая их таким образом зашифрованным посланием «для своих»⁴⁶. Так и в приведенном отрыв-

⁴⁴ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 57 — 58).

⁴⁵ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 58 — 59).

⁴⁶ Г. Маркус приводит фрагмент из беллетристического романа «Вся королевская конница» (*Tous les chevaux du roi*, 1960), написанного М. Бернштейн для фи-

ке объединяющая героев деятельность называется «веселым и упрямым попиранием десяти заповедей» (*un alegre y obstinado pisoteo de decálogos*), далее в том же пространном тоне описывается некоторая ситуация («безмолвный сговор», *tácita complicidad*) и реакция на нее героев, при этом вместо прояснения возникает фигура сопоставления со «здравым смыслом» (*en el plano de la razón sensata*) — некоторым внешним взглядом, через который описываемая ситуация приняла бы форму нарратива «объяснений» (*explicaciones*), «писем» (*cartas*) и даже попыток самоубийства (*tentativas de suicidio*) и политических акций (*la acción política*), в том числе на тихоокеанских островах (*las islas del Pacífico*). Эта имитация внешнего взгляда обличает в «игре» политическое измерение, и ближе всего к такому взгляду на происходящее оказывается героиня Элен, о которой сказано как о «серьезной» (*serio*) персоне, про которую мало известно (*en el fondo sabíamos tan poco de ella*).

В этом смысле симптоматично, что именно Элен как самая отстраненная от круга персонажей героиня не играет и не описывает «зоны», но сбегает в метро, где она ощущает «свободу» от топографической заданности города, понимаемую ею, однако, как наличие выбора из ограниченного количества возможностей — выбора станции пересадки, номера выхода или стороны движения:

...Элен все же спустилась еще раз на станцию «Малерб», не в силах терпеть солнце и листву деревьев на бульваре, предпочитая полумрак, который по крайней мере намечал ее определенные маршруты, направлял ее ум к неизбежным решениям: Порт-де-Лила или Левалуа-Перре, Нейи или Венсенн, направо или налево, север или юг, и уже внутри этого общего решения вынуждал ее выбрать станцию, где она выйдет, а очутившись на станции, ей предстояло выбрать, по какой лестнице удобнее подняться, чтобы попасть на сторону с четными или нечетными номерами домов. Весь этот церемониал совершался так, как если бы кто-то вел ее под руку, слегка поддерживая и указывая дорогу, она спустилась по лестницам, повернула в нужном направлении, протянула билет контролерше на платформе, прошла на место, где должен был остановиться вагон первого класса. Все это время смутно думалось о городе, где в твоих путях-дорогах есть что-то пассивное, ибо они неизбежны и предопределены, есть что-то роковое, если дозволено употребить это роскошное слово. То, что могло случиться с нею в городе, всегда тревожило Элен меньше, чем ощущение необходимости совершать маршруты, в которых ее воля не участвовала, как если бы сама топография города, лабиринт тенистых улиц, его отели и трамваи неизменно складывались в неотвратимый, кем-то другим намеченный маршрут. Но теперь, в подземном Париже, в поезде, который в течение нескольких минут также понесет ее через неизбежную мешанину пейзажей и дорог, она испытывала странное облегчение, оттого что избавлена от своей свободы, может уйти в себя, отвлечься... (Кортасар 1999, с. 117–118)⁴⁷.

нансовой поддержки участников СИ, как пример «тайного языка» группы. Между героями происходит диалог, в ходе которого героиня спрашивает, чем занимается герой, и тот сначала отвечает: «Реификацией», а затем поясняет: «Я гуляю. По большей части, я просто гуляю» (цит. по: (Маркус 2019, с. 507)).

⁴⁷ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 71–72).

Для литературы физическая структура города с его культурной и символической наполненностью служит языком, в каком-то смысле «диктующим» рассказ, и наблюдения этого отражены в ряде концепций в гуманитарных науках XX века: «места памяти» (П. Нора), дискурс ходьбы по городу как «пространственная практика» (М. де Серто), топофилия (И-Фу Туан), «текст» города (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман и др.) и т.д. Однако поведение Элен как бы не вписывается в игру героев романа с «зонами», что обнаруживается в коллективном замечании, если не упреке, в адрес Элен: «Мы-то уходим в город, а ты только умеешь оттуда приходить, ты ничего другого не умеешь, как приходить из города» (Там же, с. 118–119)⁴⁸.

В контексте психогеографических практик это можно прочесть как неспособность или нежелание героини преобразовывать окружающее пространство и создавать «ситуации». Ее свобода — это свобода частного человека в пространстве ограниченных, но достоверных возможностей. В этой перспективе оказывается неслучайным, что именно Элен сталкивается с пограничными состояниями: мертвым юношей в клинике, где она работает, с девушкой в период ее первого опыта влюбленности, с куклой, которую эта девушка разбивает в порыве злости на холодность Элен. Менее других Элен встроена в «кружок» персонажей, что замечает Марраст («об Элен мы, в сущности, знали очень мало») и, наконец, именно Элен в конце романа умирает. Через фигуру героини можно увидеть экзистенциалистское измерение романа, а именно выражение Ж.-П. Сартра об «обреченности на свободу», с чем героиня не смогла смириться. Ситуационистский же призыв «создавать ситуации» также обязан сартровскому понятию «ситуации»⁴⁹ как актуального бытия человека, а выход за пределы ситуации определяет индивидуальное понимание свободы:

Так как личность никогда не является ни простой, ни сложной, то ее ситуация может быть той или иной. Я есть в действительности не что иное, как проект самого себя за пределы определенной ситуации, и этот проект предначертывает мне исходя из конкретной ситуации, так же как он освещает ситуацию исходя из моего выбора. Если, таким образом, ситуация в своей совокупности упрощается, если крушения, обвалы, эрозии привели ее к резко обозначенному виду, придав ей грубые черты, с сильными противоположностями, то сам я буду прост, так как мой выбор, которым я являюсь, будучи постижением *этой* ситуации-здесь, может быть только простым. Когда возникнут новые осложнения, то мне представится усложненная ситуация, благодаря которой я и себя найду усложненным. <...> Речь идет, в сущности, не о глобальном преобразовании, а о внутреннем изменении, которое также затрагивает *форму* ситуации. Однако это — изменения, которые я открываю как изменения «в моей жизни», то есть в единых рамках того же самого проекта (Сартр 2000, с. 557).

⁴⁸ В оригинале: (Ibid., p. 72).

⁴⁹ Подробнее про связь ситуационизма и экзистенциализма см.: (Wark 2011, p. 56).

В этом контексте проясняется «ставка» ситуационистов на *создание* ситуаций, а не их претерпевание, поскольку если не создавать ситуации самостоятельно, то они будут созданы кем-то другим вместо тебя. Отсюда найденное слово легло в основание отделившегося от леттристов Ситуационистского интернационала, так что первый номер нового журнала, позиционируемый как манифест нового движения, открывается текстом о «конструировании ситуаций», в котором угадываются размышления Сартра:

Ситуация — это единый ансамбль поведения во времени. Она состоит из определенного, продуманного поведения, публичных жестов, специально созданных для данного момента артефактов и «декораций». <...> Они, изменяясь, сами производят свои другие формы, провоцируют собственные новые жесты. Как сознательно управлять всем этим механизмом? Мы не ограничиваем себя эмпирическим экспериментаторством с окружающей средой для создания специально спровоцированных сюрпризов. Настоящая экспериментальная направленность деятельности ситуационистов состоит в гармонизации более или менее осознаваемых желаний и времени/места для их реализации. Именно гармонизация окружающей среды и этих примитивных желаний способна спровоцировать осознание их примитивности и привести к спонтанному возникновению новых желаний, для реализации которых нужно будет создать новую реальность⁵⁰.

И, наконец, в самом романе «62» содержится отсылка к фигуре Сартра — в монологе Элен, размышляющей о ситуации между подружками, оказавшимися в любовном треугольнике, и сопоставляющей ее с положениями из книги Сартра «Бытие и ничто», которые она вспомнила со слов «моего друга», персонажа, выполняющего функцию медиатора диететического и экстрадиететического уровней текста (о чем было сказано ранее), иными словами, приближенного к авторской инстанции:

...но ей (Селии. — А.Е.), конечно, и в голову не приходит, что каким-то странным образом она потеряла Николь из-за того, что бежала от меня и оказалась между Николь и этим юнцом, так же, как юнцу не придет в голову, что он должен не ненавидеть меня, но благодарить за Селию, и что мой сосед прав, говоря, что Сартр сумасшедший и что мы в гораздо большей степени являемся суммой чужих поступков, чем своих собственных (Кортасар 1999, с. 271)⁵¹.

В как бы ироничном ключе проступает один из ключевых мотивов романа — соотношение личного выбора и окружающей *ситуации*: как внутри круга близких людей, «зоны», так и за его пределами, в городе,

⁵⁰ Цит. по: http://debord.ru/Teksty/Predvaritelnye_problemy_v_konstruirovanii_situacii.html. Оригинальный текст опубликован в журнале *Internationale Situationniste*, №1 за 1958 год, а перевод на русский — в журнале российских нон-спектаклярных художников «Радек», №1 за 1998 год.

⁵¹ В оригинале: (Cortázar 1995, p. 175).

стране, мире⁵². Эта тема актуальна для Кортасара 1960-х, прошедшего путь от внешнего наблюдателя за политическими событиями Латинской Америки (Clayton 2010, р. 336—337) до осознания необходимости активного участия в социальной революции⁵³, но не отказывавшегося при этом от ее эстетической составляющей. Манифестируемый им поиск эстетического освобождения от условностей литературного языка, авторско-читательских ролей сближается с такими же поисками ситуационистов путей преобразования повседневности как с помощью авангардистской образности, так и через открытую политическую критику и практику⁵⁴.

К началу 1970-х годов относительно безобидное движение ситуационистов распалось, и наступил период терроризма как в западных странах (в частности, теракты немецкой «Фракции Красной армии»), так и на Ближнем Востоке (усиление «мусульманского фактора» в международной политике, эскалация арабо-израильских военных конфликтов). Для Латинской Америки, за событиями в которой следил Кор-

⁵² Примечательно, что в примере, который приводит Сартр к рассуждению об ограничивающем проявлении свободы по отношению к выбору места перемещения для достижения цели, возникает фигура аргентинца-эмигранта: «Только в действии, которым свобода открыла фактичность и восприняла ее как *место*, это место, определенное таким образом, обнаруживается как *мешающее, препятствующее* моим желаниям и т.д. Возможно ли, чтобы фактичность по-другому создавала препятствия? Препятствия *чему?* Помехи *какому действию?* Скажем эти слова эмигранту, который собирается покинуть Францию и уехать в Аргентину после поражения его политической партии. Как заставить его обратить внимание на то, что Аргентина “достаточно далеко”? “Далеко от чего?” — спросит он. Он, конечно, уверен, что если Аргентина “далека” для тех, которые остаются во Франции, то это только в связи с неясным национальным проектом, который оценивает место французов. Для революционера-интернационалиста Аргентина — центр мира, как и любая другая страна. Однако если мы конституировали вначале французскую землю первоначальным проектом в качестве нашего абсолютного места и если какая-то катастрофа мешает нам уехать, то именно по отношению к этому начальному проекту Аргентина окажется “достаточно далекой”, как “место изгнания”; именно по отношению к нему мы будем чувствовать себя изгнанниками. Следовательно, свобода сама создает препятствия, от которых мы страдаем. Это она, ставя перед собой цель, выбирая ее в качестве недоступной или труднодоступной, делает наше место непреодолимым или трудно преодолимым препятствием для наших проектов» (Сартр 2000, с. 503).

⁵³ Об отношениях между интеллектуалом и политикой Кортасар красноречиво выражается в эссе о революции и литературе: «Одна из самых острых проблем Латинской Америки заключается в том, что нам больше, чем когда-либо, нужны Че Гевары от языка, революционеры от литературы, чем писатели революции» (Cortázar, Llosa 1971, р. 76).

⁵⁴ В книге-справочнике «Искусство с 1900 года» ситуационизму и леттризму посвящена глава в разделе «1950—1959» (Буа и др. 2015, с. 429—435). Там также подчеркивается ключевая роль движения за счет сочетания авангардистской эстетики и критики капиталистического общества, что характерно для многих форм и практик современного искусства (Там же, с. 472).

тасар, 1970-е годы ознаменовались рядом военных переворотов и политических преступлений (достаточно назвать прогосударственные теракты Аргентинского антикоммунистического альянса в 1973–1976 годах, участвовавшие после смерти Хуана Доминго Перона в 1974 году, а кроме того, установление военных диктатур в Чили, Уругвае, Бразилии). Международная политическая нестабильность и социально-политические потрясения на родине так повлияли на прозу Кортасара рубежа 1960–1970-х годов, что в ней отчетливо наблюдается отход от эстетизации повседневности в сторону ее политизации⁵⁵. Если в «62. Модель для сборки» образ свободы артикулирован через тезаурус ситуационизма (психогеография, зона, группа, дрейф, ситуация, игра) и во многом продолжает заданное в «Игре в классики» исследование пограничных состояний между повседневностью и игрой, то уже в следующем (и последнем) романе «Книга Мануэля» сквозь зазоры между играми выступает другая повседневность — со списками жертв политических военных режимов, с описаниями пыток политзаключенных, — а сама игра оборачивается подготовкой к покушению на политического дипломата. В нероманной прозе Кортасара, особенно 1970–1980-х годов, также отчетливо заметно колебание между художественным и документальным модусами повествования, как и между фикциональным и автометафикциональным модусами (в рассказах из сборников «Тот, кто ходит вокруг» (*Alguien que anda por ahí*, 1978) и «Мы так любим Гленду» (*Queremos tanto a Glenda*, 1980), в политическом комиксе «Фантомас против международных вампиров» (*Fantomas contra los vampiros multinationales*, 1975)). Такой писательский сдвиг происходил в контексте подъема международного терроризма и военных диктатур, на фоне которых и Кубинская революция с партизанской герильей, и ситуационистский интернационал со студенческими бунтами 1968-го мифологизируются как эпоха материализации *свободы*, пусть и на непродолжительное время⁵⁶.

⁵⁵ Примечательна в этом смысле «купюра» в первой публикации на русском языке романа «Книга Мануэля» в специальном номере журнала «Иностранная литература» (№3, 1994), посвященном отзывам политических событий мая 1968 года. В русскоязычном тексте был опущен постскрипtum, содержащий прямые упоминания двух резонансных событий, относящихся к семидесятым годам. Одно из них — теракт во время Олимпийских игр в Мюнхене 5–7 сентября 1972 года, когда члены террористической группировки «Черный сентябрь» убили 11 членов израильской сборной и нескольких западногерманских полицейских. Другое событие — расстрел 16 политических заключенных без суда и следствия солдатами армии государственной военной диктатуры в Аргентине 22 августа 1972 года в аэропорте города Трелью. О втором событии не писали в европейских газетах из-за теракта в Мюнхене, который буквально «заглушил» заокеанские новости, на что и намекает автор постскриптума к роману (McCracken 1999). Эта «купюра» показывает, что позиция Кортасара даже в 1990-е годы воспринималась как потенциально опасная и компрометирующая, что говорит об актуальности затронутых писателем проблем независимости глобальных СМИ.

⁵⁶ Кортасар в письме от 26 июня 1968 года своему американскому переводчику Грегори Рабасса сообщает о майских студенческих бунтах в Париже как о «поэ-

Список литературы

- Блауберг, И. И., 2012. Бергсон и Башляр: интуиция длительности или интуиция мгновения? *Философские науки*, 10, с. 6–21. [Blauberger, I., 2012. Bergson and Bachelard: The Intuition of Duration or the Intuition of Instant. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 10, pp. 6–21 (in Russ.)] EDN: PJOLWD
- Буа, И.-А., Бухло, Б., Джослит, Д., Краусс, Р., Фостер, Х., 2015. *Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм*. М. [Bois, Y.-A., Buchloh, B., Joslit, D., Krauss, R. and Foster, H., 2015 *Art since 1900: Modernism, Anti-modernism, Postmodernism*. Moscow (in Russ.)].
- Ванейгем, Р., 2005. *Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений*. Перевод Э. Саттарова. М. [Vaneigem, R., 2005. *The Revolution of Everyday Life*. Translated by E. Sattarov. Moscow (in Russ.)].
- Дебор, Г., 2000. *Общество спектакля*. Перевод С. Офертаса и М. Якубовича. Б. Скуратов (ред.). М. [Debord, G., 2000. *The Society of the Spectacle*. Translated by S. Ofertas and M. Yakubovic. B. Skuratov, ed. Moscow (in Russ.)].
- Дебор, Г., 2018. *Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве. Статьи и декларации 1952–1958*. Перевод С. Михайленко. М. [Debord, G., 2018 *The Situationists and New Forms of Action in Politics and Art. Articles and Declarations 1952–1958*. Translated by S. Mikhailenko. Moscow (in Russ.)].
- Еременко, А. А., 2018. «Около детектива»: магический шар Хулио Кортасара (на примере рассказа «Тайное оружие»). В: *Первые научные штудии: сборник научных трудов*. Выпуск 8. Новосибирск, с. 193–210. [Eremenko, A. A., 2018. "Aroun the detective": the magic ball of Julio Cortázar (based on the short story "Secret Weapon"). In: *The first scientific studies: a collection of scientific papers*. Issue 8. Novosibirsk, pp. 193–210 (in Russ.)].
- Кортасар, Х., 1999. 62. *Модель для сборки: Роман; Только сумерки: Стихотворения*. Перевод Е. Лысенко и др. СПб. [Cortázar, J., 1999. 62: *A Model Kit; Save Twilight*. Translated by E. Lysenko. St. Petersburg (in Russ.)].
- Кортасар, Х., 2002. «Я играю всерьез...»: эссе рассказы, интервью. Перевод Э. Брагинской. М. [Cortázar, J., 2002. *"I Play Seriously...": essays, stories, interviews*. Translated by E. Braginskaya. Moscow (in Russ.)].
- Маркус, Г., 2019. *Следы помады: Тайная история XX века*. Перевод А. Умняшова. М. [Markus, G., 2019. *Lipstick Traces: A Secret History of the Twentieth Century*. Translated by A. Umnyashov. Moscow (in Russ.)].
- Мерифилд, Э., 2015. *Ги Дебор*. Перевод А. Соколинской. М. [Merifild, E., 2015. *Guy Debord*. Translated by A. Sokolinskaya. Moscow (in Russ.)].
- Сартр, Ж.-П., 2000. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. Перевод В. И. Колядко. М. [Sartre, J.-P., 2000. *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology*. Translated by V. I. Kolyadko. Moscow (in Russ.)].
- Хьюгилл, Э., 2017. *Патафизика: Бесплезный путеводитель*. Перевод В. Садовского. С. Дубин (ред.). М. [Hugill, A., 2017. *Pataphysics: a useless guide*. Translated by V. Sadovsky. Moscow (in Russ.)].
- Alazraki, J., 1981. 62, Modelo para armar: novela calidoscopio. *Revista iberoamericana*, 47, pp. 155–163, <https://doi.org/10.5195/reviberoamer.1981.3652>

зии, которая вышла на улицы и указала путь к спасению», однако результата не возымела (поскольку, как уточняет Кортасар, на выборах победил Шарль Де Голль), и призывает продолжать борьбу, следуя за Кубой, Аргентиной, Вьетнамом (Cortázar 2012, p. 586–587).

- Anderson, V., 2013. Unfrozen Music: Disrupted Synaesthesia in Julio Cortázar's Paris. *Hispanic journal*, pp. 115–129.
- Bachelard, G., 1950. *La dialectique de la durée*. Paris.
- Batres, I., 2017. 62/Modelo Para Armar: La Búsqueda Del Acceso París. *Hispanamérica*, 46(138), pp. 19–26.
- Blanes, J.P., 2013. El happening y la creación de situaciones en dos novelas de Julio Cortázar espacios de liberación y metáfora de la escritura. *Mitologías hoy*, 8, pp. 23–40.
- Caminada, L., 2022. From the Observatory in India: Julio Cortázar's Kaleidoscopic Gaze. *Rupkatha Journal*, 14(3), pp. 1–13, <https://doi.org/10.21659/rupkatha.v14n3.10>
- Castro, M.V., 2020. Julio Cortázar, escritor situacionista. In: *Julio Cortázar: celebración del gesto crítico*. Buenos Aires, pp. 139–150.
- Celis, R.E., 1997. *Sueño y escritura en la obra de Julio Cortázar*. Thesis. Washington.
- Clayton, M., 2010. Introduction to the translation of Julio Cortázar "The Situation of the Latin American Intellectual" ("Acerca de la situación del intelectual latinoamericano", 1967). *Journal of Latin American Cultural Studies*, 19(3), pp. 335–339.
- Cortázar, J. and Llosa, M.V., 1971. *Literatura en la revolución y revolución en la literatura: polémica*. Mexico City.
- Cortázar, J., 1970. *Último Round*. México.
- Cortázar, J., 1995. *62/Modelo para armar*. Buenos Aires.
- Cortázar, J., 2012. *Cartas 3. 1965–1968*. A. Bernárdez and C. Alvarez Garriga, eds. Buenos Aires.
- Debord, G. Théorie de la derive. *La Revue des Ressources*. Available at: <https://www.larevuedesressources.org/Theorie-de-la-derive> [Accessed 29 July 2025]
- Goloboff, M., 2020. La política en Cortázar. In: *Julio Cortázar: celebración del gesto crítico*. Buenos Aires, pp. 11–20.
- Guillén, A., 1973. *Philosophy of the urban guerrilla The Revolutionary Writings of Abraham Guillén*. New York.
- Halbert, W., 2016. *Play, Space and Idealized Reader Constructs in Contemporary Argentine Fiction: Jorge Luis Borges, Julio Cortázar, Ana María Shua and Belén Gache*. UK.
- McCracken, E.-M., 1977. *The Mass Media and Latin American New Novel: Vicente Leñero and Julio Cortázar*. San Diego.
- Orloff, C., 2013. *The Representation of the Political in Selected Writings of Julio Cortázar*. Boydell & Brewer Press.
- Pérez, A.J., 2019. La novela "El examen": Cortázar argentino. *Destiempos. Revista de Curiosidad Cultura*, 62, pp. 84–105.
- Prado, B.C., 2011. Julio Cortázar y el situacionismo. In: M. Fuentes and F. Tovar, eds. *A través de la vanguardia hispanoamericana: orígenes, desarrollos, transformaciones*. Tarragona, pp. 533–544.
- Ross, K., 2002. Lefebvre on the Situationist: An Interview. In: T. McDonough, ed. *Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents*. Cambridge, pp. 267–283.
- Sadler, S., 1998. *The Situationist City*. Cambridge.
- Standish, P., 2000. El examen de Julio Cortázar: novela de transición. In: *Actas XIII Congreso Asociación Internacional de Hispanistas*, 3, pp. 441–449.
- Wark, M., 2011. *The Everyday Life and Glorious Times of the Situationist International*. London; New York.

Об авторе

Алена Алексеевна Еременко, преподаватель кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-3362-8692

SPIN-код: 8989-7036

E-mail: alenamonet969@gmail.com

Для цитирования:

Еременко А.А. «62. Модель для сборки»: ситуационистский роман Хулио Кортасара // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 178–202. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-11.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

“62: A MODEL KIT”: A SITUATIONIST NOVEL BY JULIO CORTÁZAR

Alena A. Eremenko

Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia

Received on 30.07.2025

Accepted on 15.03.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-11

The article analyses Julio Cortázar's novel “62: A Model Kit” (1968) in the context of the Situationism movement. The novel is considered as part of the writer's corpus of works from the 1960s and 1970s, a period when he underwent political reorientations in connection with the aggravation of the political situation in Latin America (the military dictatorship in Argentina, the socialist revolution in Cuba). Political events in Europe at this time, particularly the student riots of May 1968, were reflected in the almanack “Last Round” (1969). However, beyond the general socio-political context, typological and contact links are discovered between the Situationists and Cortázar. The novel “62: A Model Kit” describes a group of characters reminiscent of the Situationists in their language and the form of their activity – the psychogeographical practices of drift. It is also established that Cortázar was familiar with “The Situationist Times” journal. Both Cortázar and the Situationists share a focus on the city and a desire to transform the everyday: for the former, the artistic goal was to liberate literature from the confines of art through an appeal to the reader's urban subjectivity; for the latter, it was to disrupt the specialised structures of power and test methods for creatively exploring the urban environment. The similarity between the Situationists' texts and Cortázar's works is reinforced by a shared philosophical pretext – namely, Jean-Paul Sartre's “Being and Nothingness”, which outlines the concept of ‘situation’, the key concept for the Situationists. These points of intersection between Cortázar and the Situationists suggest a connection not only at the level of the socio-political and intellectual environment in Europe in the 1960s, but also at the level of strategy and the language of artistic reflection and practice. The discovery and consideration of the Situationist layer in the novel “62” allows us to include it in the studies of the political history of the XX century, as well as in urban studies and the city-oriented artistic practices.

Keywords: aesthetics, city, *dérive*, Julio Cortázar, May of 1968, situationism

The author

Alena A. Eremenko, Lecturer, Department of Theory and History of the Humanities, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-3362-8692

E-mail: alenamonet969@gmail.com

To cite this article:

Eremenko, A. A., 2026, "62: A Model Kit": A Situationist novel by Julio Cortázar, *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 17, no. 3, pp. 178–202. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-11.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

О ПОГРАНИЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ФОЛЬКЛОРНОЙ МЕТРИКЕ

А. М. Петров

Карельский научный центр РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
Поступила в редакцию 12.11.2025 г.
Принята к публикации 15.03.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12

Рассмотрены некоторые диффузные явления стихотворной метрики: гетерометрия, гетероморфный стих, метрическая амбивалентность, размытые границы между системами стихосложения. Эта проблема находится в центре внимания стиховедов довольно давно, однако большинство работ выполнено на материале литературных текстов. Мы демонстрируем некоторые образцы «пограничных» явлений, выявленных в фольклорном стихе (или в стихе, близком к фольклорному). Объект изучения — поздние духовные стихи, имеющие форму трехстопного хорея. Массив текстов представлен двумя основными разновидностями: 1) стихи со сплошными женскими клаузулами и ослабленной парной рифмой; 2) стихи с перекрестной ослабленной рифмовкой ЖМЖМ. Выдвигается гипотеза, что стихи первого типа восходят к силлабической культуре XVII – XVIII веков, широко распространяются в старообрядческой среде, однако со временем начинают восприниматься как силлабо-тонические и в XX веке публикуются издателями преимущественно в виде текстов, сложенных трехстопным хореем. Стихи второго типа связаны с более поздней литературной традицией силлабо-тонического стиха и в меньшей степени осваиваются фольклорной культурой. Выявлены метрические типы, которые могут иметь несколько интерпретаций, поэтому предложен термин «метрическая неоднозначность»: он охватывает все потенциальное множество толкований метрики.

Ключевые слова: гетерометрия, гетероморфный стих, духовный стих, метрическая амбивалентность, полиметрия, силлабический стих, силлабо-тонический стих, фольклорный стих

1. Постановка проблемы. Краткая историография. Материал исследования

Среди множества стихотворных текстов существует некоторый массив объектов, анализ которых сопряжен со значительными трудностями. Прямолинейное использование традиционных методов и систем описания в отношении таких объектов не всегда возможно, поскольку эти тексты находятся «на границе» систем стихосложения, часть из них представляет собой сложные переходные формы с не вполне отчетливой метрикой. В эту группу включены довольно разные явления, их условно объединяет разная степень несоответствия по ряду параметров ожидаемому метроритмическому эталону, силлабо-тоническому образцу. Думается, что для истории и теории русского стихосложения

именно эта группа текстов может представлять первостепенный интерес — по причине сложности, нетривиальности образующих ее компонентов. Речь идет и о полиметрии (гетерометрии¹), и о переходных метрических формах, и о гетероморфном стихе (термин Ю. Б. Орлицкого)², и о «зыбком метре», метрических аномалиях, дефектах, сбоях, метрической амбивалентности, диффузности версификационных систем и т. п.

Это известная, актуальная проблема, которая активно обсуждается стиховедами. «Пограничные» явления в метрике анализируются в работах современных исследователей (Орлицкий 2005; Плунгян 2005; 2022; Семенов 2010; 2011; Корчагин 2014; Lotman 2022; Scherr 2023; Петров 2025; Pilshchikov 2025 и др.), хотя сам по себе вопрос о подобных «зыбких» структурах интересовал специалистов по теории стиха и раньше (Квятковский 1966, с. 98; Гаспаров 1984, с. 215–217; Гаспаров 2001, с. 134–139; Бельская 1984, с. 100; Руднев, Новинская 1986; Холшевников 1987, с. 36 и др.).

Перечисленные работы построены преимущественно на материале литературного стиха. Однако существует не менее значимый источник, а именно *фольклорный стих*, в том числе фольклорный стих литературного происхождения (околофольклорные формы словесного творчества).

Мы постараемся продемонстрировать несколько интересных образцов народного стиха, которые не укладываются в привычные стиховедческие категории. Ранее в качестве первого подступа к проблеме мы представили описание некоторых типов «дефектных» строк в народном стихе на материале четырехстопного хорея и четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой (Петров 2025). Нам были известны метр и размер каждого стихотворения; метрические аномалии подверглись специальному учету; была предпринята попытка их классифицировать. В настоящей работе задача усложнена: в корпус анализируемых текстов включены примеры произведений, содержащих строки с неоднозначной метрикой. Более того, в ряде случаев затруднительно определение не только метра, но и самой системы стихосложения, к которой относится тот или иной поэтический текст.

Материалом послужили духовные стихи из сборников (Селиванов 1991; Бучилина 1999; Поздеева 2007; Кузнецова 2015). Традиционно такие тексты рассматриваются как фольклорные и обычно публикуются в фольклорных сборниках. Однако корректнее, наверное, было бы

¹ Термин «гетерометрия» используется в разметке поэтических текстов Национального корпуса русского языка. Под гетерометрией понимается комбинация различных строк, написанных правильными силлабо-тоническими размерами (Плунгян 2005, с. 860); допускаются небольшие вкрапления дольника (Плунгян 2022, с. 24).

² Гетероморфный стих подразумевает большую степень свободы, чем гетерометрический: наряду с силлабо-тоническими строками, допустимы строки с расштанной метрикой, вплоть до свободного стиха.

называть их литературными стихами, бытующими в народной традиции, где они подвергаются разнообразным смысловым и формальным изменениям и во многом сближаются с фольклором.

Отдельная проблема — авторство таких произведений: если за точку отсчета «жизни» поэтического текста в культуре принять момент его создания, то на стадии фиксации собирателями-фольклористами стихотворение, как правило, уже бытует в анонимном виде, сведения об авторе утрачены. В настоящей (стихovedческой) статье проблема атрибуции авторства не ставится и не решается, что ни в коей мере не отменяет ее первостепенной значимости для литературоведения и фольклористики.

Изучению подвергнутся стихотворения, которые имеют хореическую структуру или сходство с хореической структурой и трехиктный размер. Например: «По горам, по ямам, // Прямо конь стрекает, // Всадника сбивает, // Ум мой повреждает. // Вне ума бываю, // Что творю, не знаю. // Вижу я погибель, // Страхом вся объята, // И сама не знаю, // Чем коня смирить» (Селиванов 1991, с. 276); «Воины Пилата // Мучили Христа, // Били по ланитам, // Били в грудь, уста» (Бучилина 1999, с. 119).

Оговоримся, что вопрос о количестве стоп проблематичен: издатели публикуют тексты то в виде трехстопного (или шестистопного) метра, то в виде шестистопного цезурированного (или двенадцатистопного). Уже на этом этапе мы сталкиваемся с некоторой неопределенностью, поскольку один и тот же текст в разных вариантах (а иногда и в одном варианте) получает непоследовательную интерпретацию в зависимости от разделения на строки, от способа его визуального представления в книге (часто произвольного). Произведения иной метрической природы и стопности нами не рассматривались (общее, приблизительное представление о метрике поздних духовных стихов можно получить из таблицы (Петров 2022, с. 58)).

Следует упомянуть и проблему качества записи и публикации текстов. При явных отклонениях от метрического эталона в редчайших случаях позволительны конъектуры, однако мы стараемся к ним не прибегать, поскольку существует риск ошибочного восприятия метрики.

Всего рассмотрено 20 текстов разного качества и разной степени близости к фольклорной традиции. Кратко охарактеризуем материал.

Тексты в источниках представлены неравномерно, больше всего хореических духовных стихов содержит сборник (Бучилина 1999), хотя, как мы увидим далее, количество текстов для включения в выборку по разным причинам не всегда легко определить. Мы постарались учесть материал во всей полноте, рассмотрев и те произведения, для которых не зафиксированы варианты (то есть не подвергшиеся фольклоризации; это оговаривается специально), и полуразрушенные, деформированные тексты, в которых хореическая основа угадывается лишь гипотетически. Укажем количество строк по сборникам и в целом: (Селиванов 1991) — 92, (Бучилина 1999) — 537, (Поздеева 2007) — 64, (Кузнецова 2015) — 321. Всего: 1014 строк.

Тематика стихотворений характерна для жанра: это покаяние, сокрушение лирического «я» о собственной греховности; поиск и обретение духовного идеала в его христианском смысле; размышления о смертном бытии; молитвенные обращения к небесным силам; имеются лирические пересказы библейских и евангельских сюжетов (об Адаме и Еве, о Рождестве Христовом, о молитве Христа в Гефсиманском саду, о суде у Понтия Пилата и распятии и т.д.).

Полный список исследованных произведений представлен в Приложении.

2. Обсуждение и результаты

Рассмотрим один духовный стих, который был записан под разными названиями в разных регионах России: в Нижегородской области, в Пермском крае, в Карелии и т.д. Он бытовал преимущественно среди старообрядцев. Это стих под условным названием «О юности» (или «О молодой юности»). Обычно он начинается со слов «Горе мне, увы мне, во молодой юности...» или каким-либо похожим образом. Тема произведения — борьба с греховными помыслами, соблазнами и страстями, которые свойственны молодости: голос юности, символом которой стал лихой, необузданный конь, вызывает к полнокровной жизни, к радостям земного, плотского бытия, к наслаждению дарами сиюминутных удовольствий. Однако это противоречит аскетическому характеру православной картины мира, строгости религиозного представления о человеческой душе и ее судьбе в вечности. Лирический субъект молит о смирении страстей, о преодолении духовной лени, испытывает страх перед грядущим наказанием за несправедную жизнь. Этот внутренний нравственный конфликт хорошо знаком каждому человеку, поэтому тема стихотворения находила отклик у носителей фольклора — сюжет «О юности» был очень широко распространен среди знатоков духовного пения и книжно-рукописной культуры. Например, в каталоге (Петрова 2024) содержатся сведения о не менее 46 вариантах (списках), выявленных в собраниях, сборниках, хранящихся в Рукописном отделе БАН (Там же, с. 754, 761). Духовный стих обнаруживается в археографических экспедициях до сих пор (Балдина и др. 2024, с. 525). Некоторые варианты опубликованы в других изданиях, они могут быть использованы для сопоставлений (Срезневский 1908, с. 241–242). Стих «О юности» упоминается и в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (ч. 2, гл. 9) о жизни старообрядцев Заволжья.

Прочитируем начало произведения по двум произвольно взятым вариантам (интервальные схемы наши): «Горе мне, увы, мне, (0.11.1) // Во молодой во юности (2.1.2) // Сам же я не знаю, (0.11.1) // Как на свете жити, (0.11.1) // Хочется пожити, (0.3.1) // Не знаю, как быти. (1.2.1) // Мысли побивают, (0.3.1) // К греху привлекают (1.2.1)» (Кузнецова 2015, с. 211); «Горе мне, увы мне (0.11.1) // В юности, во цвете! (0.3.1) //

Сам не понимаю, (0.3.1) // Как мне жить на свете. (0.11.1) // Плоть моя желает (0.11.1) // Больше согрешити, (0.3.1) // А душа жаждает³ (2.1.1) // Царство получитьи (0.3.1)» (Селиванов 1991, с. 274–275).

В обоих случаях текст напечатан издателями с разделением на короткие строки (шестисложные с единственным исключением: строка «Во младой во юности» содержит дактилическую клаузулу, дающую дополнительный седьмой слог). Как хорошо видно из приведенных схем, метр и размер стиха можно, немного упрощая, квалифицировать как трехстопный хорей со сплошной женской клаузулой, однако некоторые строки в схему хорей не укладываются, но соответствуют схеме амфибрахия. Это строки «Не знаю, как быти» (○—○○—○) и «К греху привлекают» (○—○○—○). На такие случаи в трехстопном хорее стиховеды уже обращали внимание (Бейли 2004, с. 133).

В других вариантах этого же стиха возможны другие комбинации, например анапестические (существенно реже, как исключение): «Сежу я на тебе, юность, // Как на бодром коне (○○—○○—), // И той не обуздан. // По горам, по холмам (○○—○○—) // Прямо конь стрекает, // Мене разбивает, // Ум мой погубляет» (Кузнецова 2015, с. 212).

Однако возможна иная интерпретация. В фольклорном стихе распространено такое явление, как ритмический перебой (переакцентуация) (Корчагин 2015; Петров 2022, с. 61–62). В приведенных примерах вероятен иллюзорный амфибрахий (анапест), за которым скрывается обыкновенный хорей, осложненный перебоем. В сущности, мы имеем дело с *метрической амбивалентностью*. Подобные случаи хорошо описаны стиховедами (Корчагин 2014, с. 92–93). При декламации таких строк мы обычно следуем за метроритмической инерцией и мысленно «втискиваем» стих в инвариантную метрическую модель (в данном случае — в модель трехстопного хорей), однако меняем интонацию: повышаем голос на ударном слоге («не знаю», «к греху» и т.п.). Это явление ранее было упомянуто М.Л. Гаспаровым при рассмотрении южнославянской силлабики и силлабо-тоники (1989, с. 224).

Поскольку в фольклоре перебой встречается регулярно, они проникли и в литературные имитации народного стиха — в частности, в трехстопный хорей А.В. Кольцова (Тарановский 2010, с. 293).

Некоторые строки могут быть интерпретированы тремя способами: ХЗ/Амф2/Акц, например: «Возьму в руках вожди» (1.10.1) (Кузнецова 2015, с. 213). Какова метрическая природа этой строки? Трехстопный хорей с двумя переборами на соседних иктах? Двустопный амфибрахий со сверхсхемным ударением на второй стопе? Акцентный стих с нулевым интервалом? Можно констатировать возрастание метрической неоднозначности. В данном случае вполне адекватна хореическая интерпретация, поскольку имеется внятный метроритмический контекст,

³ Ударение поставлено нами под влиянием метроритмической инерции. Возможно, правильное все-таки поставить ударение на первом слоге «жаждает». Мы будем исходить из неопределенности в акцентуации этой словоформы.

стих относительно однороден. В случаях же ярко выраженной гетероморфности стиха на однозначной квалификации метрики настаивать трудно.

Возможен и третий вариант: трансакцентуация, то есть искусственный перенос ударения на нужный слог для поддержания метрической схемы («не знаю», «к греху» и т.п.). В фольклоре нет прямого запрета на подобные сдвиги, но, конечно, в разумных пределах. В этом случае перед нами чистый хорей: «Как на бодром коне», «По горам, по холмам» и т.д. (ср. классическую пушкинскую строку «На холмах Грузии...»); трансакцентуация в духовном стихе может быть поддержана и необходимостью соблюдения женской клаузулы).

Наконец, существует и четвертая интерпретация метрики этого текста — силлабическая. Такую интерпретацию предлагал М.Л. Гаспаров для стихотворения О. Мандельштама «Когда подымаю, // Опускаю взор...» (Гаспаров 2001, с. 135). В этом литературном произведении также имеется неурегулированное чередование метрически двойственных строк: ХЗ/Амф2. Неупорядоченность ударений наводит на мысль о том, что в действительности перед нами силлабическая система стихосложения. Однозначное толкование невозможно, и многое зависит от стихотворной культуры, в которой воспитан читатель: тот, кто вырос на силлабо-тонике, слышит хореический ритм; тот, кто привык к силлабике, лучше чувствует равнотактность строк (Там же).

В связи с тем, что интерпретаций оказывается больше, чем две, мы предлагаем во всех подобных случаях говорить не о *метрической амбивалентности* (или *биметрии*), а о *метрической многозначности* (*неоднозначности*) — этот термин учитывает любое потенциальное множество истолкований метрики.

Какую-то помощь при интерпретации метра может оказать историко-культурный контекст («авторская воля» и «стиль эпохи»), о чем писал, в частности, А.А. Илюшин (2004, с. 67). Попробуем учесть этот фактор при анализе духовного стиха «О юности».

Данный стих был популярен среди старообрядцев, которые долгое время сохраняли традиции именно книжного силлабического стихотворства. Нам неизвестен автор этого произведения. Но можно предположить, что это был один из поэтов силлабической школы. Вероятно, силлабо-тоническое прочтение — это сравнительно позднее восприятие стиха, в котором часть ударений оказалась распределена по типу хорея. Такие случаи известны: например, силлабо-тонические черты приобрел исконно силлабический «Стих умиротелен» (Петров 2021б; Скулачева, Петров 2023, с. 253). Это не более чем предположение, но имеются и косвенные свидетельства структурного характера. Так, например, в (Срезневский 1908, с. 241 — 242) текст воспроизведен как цезурированный силлабический двенадцатисложник с неустойчивыми внутренними рифмами («Хочется пожити, / не знаю как быти») и редкими цезурными наращениями («Во молодой во юности / борят мнози

страсти»). С другой стороны, и сам этот двенадцатисложник мог стать результатом объединения шестисложных строк, поскольку русской поэтической традиции известны силлабические шестисложники. Пример такого стихотворения из раннего творчества М. В. Ломоносова приводит М. Л. Гаспаров: «Услыхали мухи Медовые духи»⁴ (1984, с. 30). Приведем текст полностью («[Стихи на туясок]»): «Услышали мухи // Медовые духи, // Прилетевши, сели, // В радости запели. // Егда стали ясти, // Попали в напасти, // Увязли бо ноги. // Ах! — плачут убоги, — // Меду полизали, // А сами пропали» (Ломоносов 1959, с. 7).

Если применить к этому стихотворению силлабо-тоническую оптику, то мы получим тот же результат, что и при разборе стиха «О юности»: неурегулированное чередование «трехстопных хореев» и «двухстопных амфибрахий» (полиметрический стих) с женской клаузулой в каждой строке (у Ломоносова последовательнее выдержана рифма). Однако это совпадение с силлабо-тоникой в данном случае носит случайный характер, поскольку стихотворение сочинено еще в рамках силлабики (1734 г.).

Мы предполагаем, следовательно, что стих «О юности» по происхождению является силлабическим шестисложником (он мог переписываться и в виде двенадцатисложника со сдвоенными строками; внутренние рифмы образовались в таком случае из обыкновенных конечных рифм), который позднее стал восприниматься как силлабо-тонический стих и скандировался уже по хореическому типу, благодаря распределению ударений этому вполне способствовало (отсюда становится более ясной оговорка о *сходстве* некоторых текстов с хореической силлабо-тоникой, сделанная выше, при представлении материала работы).

Имеется поздняя аудиозапись отрывка стиха (Кузнецова 2015, с. 548–549), сделанная в с. Усть-Цильма (Республика Коми) в 1963 году. Исполнители очень четко расставляют хореические акценты, см. нотное приложение (Там же, с. 776–777). В настоящее время запись доступна на сайте Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: <https://illh.ru/balashev/#audio> (звуковая дорожка №21 в разделе «Духовные стихи»).

Здесь уместно вспомнить дискуссию о метрике духовного стиха о Варлааме и Иоасафе («Из пустыни старец // В царский дом приходит...»), который исследователи в свое время считали то силлабикой (А. П. Кадлубовский), то силлабо-тоникой (А. И. Кирпичников) (Петров 2021а, с. 104–107). Этот вопрос до сих пор не решен. Имеется, в частности, лишь размытая, осторожная формулировка, что стих о Варлааме и Иоасафе «представляет собой нечто среднее между силлабикой и силлабо-тоникой» (Там же, с. 107), которая, безусловно, еще потребует уточнений. В этом произведении также преобладают строки, совпадающие по слогаакцентной структуре с трехстопным хореем (иногда — с

⁴ Неточная цитата. У Ломоносова: «Услышали мухи // Медовые духи».

трехстопным хореем с начальными переборами), но при желании можно трактовать его и как полиметрический стих, и как стих силлабический. В выборку для настоящей работы мы его не включили, но этот образец метрически неоднозначного текста все же следует иметь в виду для сравнительных операций. Например, два варианта (текст из рукописного сборника XVIII века и текст, записанный с голоса в 1997 году) опубликованы в (Бучилина 1999, с. 222 – 224).

О том, что трудности в интерпретации не случайны и имеют под собой какие-то фундаментальные основания, говорят примеры из творчества И. А. Бродского, приведенные Ю. Б. Орлицким в полемической статье (2020). Исследователи, по мнению Ю. Б. Орлицкого, часто заблуждаются, принимая за силлабический стих обыкновенный силлабо-тонический шестистопный дактиль (Там же, с. 34). Но это, в свою очередь, значит, что граница между силлабикой и силлабо-тоникой подчас не столь прозрачна, как мы привыкли думать.

Проблема разграничения систем стихосложения возникает и в некоторых других случаях – например, при переводе сербского силлабического десятисложника (народного или литературного) на русский язык. Для русскоязычного слушателя декламация такого стиха в оригинале звучит как метроритмическая какофония, что обусловлено фонологическими особенностями сербского языка – разными сочетаниями четырех видов музыкального удара и заударными долготами. Дело осложняется и отсутствием рифмовки, ср. оригинал: «У врѐменѡм и бурном жилишту // чѡвѣку је сређа непозната, // права сређа за кѡм вјечно трчи – // он јој не зна мјѣрѣ ни грѣницѣ» и перевод: «Во жилище временном и бурном // человеку неведомо счастье – // истинное, цель исканий вечных, // неведомы грань его и мера» (пер. Ильи Числова) (Ньегош 2017, с. 72).

Поэтому поискам адекватных способов художественного перевода сербского десетерца всегда уделялось много внимания – и в литературной, и в академической среде. Как отметил переводчик поэмы П. Негоша «Горный венец» А. А. Шумилов, «между силлабикой и силлаботоникой “нет непреодолимой границы”» (Шумилова 2024, с. 27). А. А. Шумилов «называл сербохорватскую систему версификации промежуточной между силлабикой и силлаботоникой, поскольку эту систему можно определить и как силлабическую (с четким упорядочением цезур), и как силлаботоническую (имеющую тенденцию к упорядочению ударений – преимущественно хореическому метру – но с большей свободой, непривычной для русского слуха)» (Там же). Именно поэтому, помимо фонологических причин, столь сложен для восприятия русскоязычным слушателем сербский десетерац. Попытка создать «подобную систему» в русском переводе закономерно приводит к тому, что «получившийся стих по-прежнему остается экзотичным для русского слуха» (Там же). Преимущество же такого перевода заключается в том, что читателю дается возможность «услышать уникальную

авторскую интонацию» (Шумилова 2024, с. 27). В личной переписке с М.Л. Гаспаровым переводчик высказал очень важную мысль: «Десетерец (так в тексте. — А.П.) и хорей и не хорей одновременно. Он хорей, когда песня поется, когда она читается — не хорей, а эпические песни не только пелись, но и читались» (Там же, с. 13). Подобная неопределенность, как мы видели, может быть характерна и для некоторых русских поэтических текстов, в том числе фольклорных и околофольклорных. Проблема переходных явлений в метрике, таким образом, не ограничивается рамками истории и теории русского стиха и в дальнейшем должна рассматриваться в более широком контексте.

Теперь приведем некоторые количественные данные о метрике «Стиха о юности». Всего строк во всех шести вариантах — 436 (100 %). Из них ХЗ — 273 (62,6 %) («Бога забываешь» (0.3.1) (Селиванов 1991, с. 275)), ХЗ/Амф2 (метрическая амбивалентность) — 84 (19,3 %) («Для душ повреждение» (1.2.2) (Селиванов 1991, с. 275)), ХЗ/Амф2/Акц (метрическая неоднозначность) — 12 (2,8 %) («Со мной слезно плакать» (1.01.1) (Кузнецова 2015, с. 132)), прочие — 67 (15,4 %). Под «прочими» понимаются «дефектные» строки и единичные, спорадические метрические типы, которые не влияют на квалификацию метра, но загромождают общую аналитическую картину. Это могут быть и ямбы, и хорей большей стопности, и дактили, и анапесты, и дольники, и тактовики — каждый представлен несколькими примерами, теряющимися в массиве трехстопной хореической основы. Их можно классифицировать в отдельной работе. Безусловно, они принимают довольно активное участие в «расшатывании» метрического инварианта и интересны для дальнейших наблюдений.

Тематически и метрически к «Стиху о юности» примыкает духовный стих «Гробик ты мой, гробе». Прочитаем начало стиха: «Гробик ты мой, гробе, (0.11.1) // Привечный мой доме, (1.2.1) // Ты ли моя ложа, (0.3.1) // Ко смерти приложа. (1.2.1) // Белы руки сложат, (0.11.1) // Ко сердцу приложат, (0.3.1) // Холст оденут, (0.1.1) // И во гроб положат. (2.1.1) // В землю опустят, (0.2.1) // Персем посыплют, (0.2.1) // Буду я лежати, (0.11.1) // Суда ожидати, (1.2.1) // Век помышляти, (0.2.1) // Грехи обличати» (1.2.1) (Кузнецова 2015, с. 106–107).

Метрическая неоднозначность заметна уже по этим первым строкам. Наряду с обычной полиметрией (чередование хореических и дактилических строк) здесь встречаются и амбивалентные строки ХЗ/Амф2: «Привечный мой доме», «Ко смерти приложа», «Суда ожидати», «Грехи обличати». Далее отмечены также метрически многозначные строки ХЗ/Амф2/Акц (амфибрахий со сверхсхемным ударением): «Моя душа грешная, (1.10.2) // Пойдешь в муку вечну» (1.01.1) (Там же, с. 107).

Всего в этом тексте 39 строк, основная конкуренция ведется между ХЗ (13 строк, или 33,3 %) и ХЗ/Амф2 (14 строк, или 35,9 %); строк ХЗ/Амф2/Акц всего 3 (7,7 %), прочих — 9 (23,1 %). Возможно, в основе этого стиха также лежит трехстопный хорей, но в данном случае ритмическая инерция, ритмическое ожидание сформироваться не успевает

(один из показателей этого — обилие «прочих» строк). Поэтому целесообразнее квалифицировать этот текст как гетерометрический (полиметрический) стих с включением метрически многозначных строк, не поддающихся точной квалификации.

В традиции околофольклорных духовных стихов существует и другая линия исторического развития. Это структура с иной строфической, с регулярным чередованием женских и мужских клаузул — ХЗЖМЖМ (строгая перекрестная рифма выдерживается далеко не всегда; приоритет отдается четным строкам в четверостишиях⁵): «На всех солнце светит, // На меня уж нет. // Я лежу во гробе // И не вижу свет. // Крышкой уж не давит, // Не теснит доска, // Сердце уж не бьется, // Отошла тоска» (Бучилина 1999, с. 375). Имеются единичные примеры строк с дактилической клаузулой: «И почти молчанием // Страдание Христа⁶» (Там же, с. 122).

Это уже чистая силлабо-тоника, связи с силлабикой XVII—XVIII веков нет, авторы ориентируются на иную поэтическую культуру.

Трехстопный хорей нельзя назвать самым распространенным метром и размером в русской поэзии, «это редкий стих» (Тарановский 2010, с. 291), однако «хронологически это один из самых первых русских силлабо-тонических размеров» (Гаспаров 2012, с. 62), он восходит к 1735 году: пример такого стиха привел в «Новом и кратком способе...» В.К. Тредиаковский; это, как правило, стих песен (Там же). Размер встречается в творчестве Державина, Дельвига, Пушкина и др. (Там же, с. 62—63); постепенно обрастает смысловыми обертонами: линия *сатирическая, предромантическая и романтическая* (Там же, с. 63). Далее формируется полноценный семантический ореол размера: темы *пути и смерти* у Лермонтова («Горные вершины // Спят во тьме ночной...»), *природы и разлуки* у Фета, тема *быта* у Огарева, с позднейшими смысловыми ответвлениями (*сатира и гражданственность, импрессионистическая интонация, смерть, любовь и бунт* и т.д.) (Там же, с. 64—92).

Следовательно, для проникновения ХЗЖМЖМ в народную культуру имелись предпосылки, существовала литературная традиция, тоже, в свою очередь, имевшая переключки с фольклором. Духовные стихи этого метрического типа — поздние, они, как правило, записаны собирателями в XX веке, хотя в целом околофольклорная силлабо-тоника получила распространение раньше, во второй половине XIX века (Петров 2021а, с. 88).

Однако и в данном случае, несмотря на прочную литературную основу, фиксируется фольклоризация метра. Например, стих «Страдания Спасителя» (Бучилина 1999, с. 118—120) имеет ряд соответствующих признаков. Так, первый ритмический перебой расположен уже в

⁵ О четверостишиях можно рассуждать лишь условно, поскольку текст исполняется устно; форма письменной фиксации может варьироваться, многое зависит от особенностей редакторской подготовки стихов к публикациям.

⁶ Строка совпадает с ЯЗ, это обычный в фольклорном стихе метрический сбой.

четвертой строке, причем в очень необычном месте — на последней стопе, со сдвигом метрического ударения влево, на вторую стопу, с пропуском ударения на тонической константе: «Вспомним день великий, // Как Христос за нас // Пострадал в преторе, // О какой ужас!» (Там же, с. 118). Конечно, здесь возможна (и даже вероятна) трансакцентуация (*ужас*) с выравниванием ритмики, но ударения издателем не расставлены, приходится только гадать.

Имеются и строки ямба («дефектные»): варьирование анакрузы — один из замеченных ранее процессов в поздних духовных силлаботонических стихах (Петров 2025, с. 139). Например: «А Христос молился // За своих врагов, // Злостно наушавших // Они плевали вновь» (— — —) (Бучилина 1999, с. 119).

Отмечена дольниковая вариация: «Господу всякий воин (0.21.1) // Наносил удар» (Там же).

Все это — пусть и «дефектные», но однозначно интерпретируемые строки. Однако имеются и строки *Х3/Амф2*, например: «Воины схватили // Господа в претор, // К столбу привязали (1.2.1), // Как бы на позор» (Там же). Таких метрически амбивалентных строк существенно меньше, чем в «Стихе о юности»: сказывается теснейшая связь с силлаботоникой.

Большему разрушению подвергся стих «На всех солнце светит...» (Там же, с. 375–376). Это уже фактически двусложник с переменной анакрузой: из 48 строк *Х3* = 33 (68,75 %), *Я3* = 11 (22,9 %), с незначительным числом строк *Х3/Амф2* (4, или 8,3 %: «Прощайте, родные, (1.2.1) // Все мои друзья, // Мне уж путь готова // Мать-сыра земля» (Там же, с. 375)).

Метрическая амбивалентность проявляется и в другом: иногда в одном и том же варианте стих предстает то как *трехстопный* хорей, то как *шестистопный цезурированный*. Например: «Робкое журчанье, // Тихий шелест трав, // И темнота ночная // Наводила страх. // Вот с учениками / в тишине ночной // Пробирался к саду / Иисус с семьей. // Робко пробирался / среди гор Кедрон, // Тут же возвышалась / гора Иион» (Там же, с. 96).

Уловить какую-то закономерность не удается: издатели (видимо, по рукописям) печатают стихи двояким способом. По всей видимости, и для переписчиков, и для издателей оба способа представления стиха эквивалентны. Полуступишия в шестистопном стихе автономны, отсутствуют стиховые переносы в области цезуры, то есть шестистопный хорей в данном случае — это простая сумма двух трехстопных.

Однако сладить с длинной строкой наивному автору (или переписчику) иногда бывает трудно. Один из ярких образцов переходных явлений в метрике на этом материале — духовный стих «Изгнание из рая» (Там же, с. 37), напечатанный в виде шестистопного «хорея». Слово «хорей» не случайно взято в кавычки: метрический прототип с трудом угадывается за разрушенным стихом. Приведем начало (пометки кур-

сивом наши): «Где ты, рай, прекрасный, / сладкий мой едям⁷?! (X3+X3) // Ах, как был я счастлив, / обитал я в нём, (X3+X3) // Саюзин⁸ жил за богом я, бессмертен был, (дефектная строка) // Как родного сына, / он меня любил. (X3+X3) // И имели мы с Евой довольство во всем, (Ан4) // Плод всех деревьев раиских был продолень, (дефектная строка) // Лишь древа назнания / плод был запрещен» (X3/Амф2+X3) (Там же).

При изучении чистых силлабо-тонических форм такие тексты, конечно, не подлежат включению в выборку, однако для исследования проблемы метрической неоднозначности они, напротив, представляют интерес. Здесь также отмечены амбивалентные строки (точнее — полустипишия) X3/Амф2: «С едениям з древа (1.2.1) / пали в тяжкий грех», «А стражам велел нас (1.2.1)⁹ / из рая изгнать, (1.2.0) // На трудную землю (1.2.1) / он нас поделил, // Рыдаим, зываим (1.2.1) / раиским дривесам» (Там же).

Однако не всегда текст настолько разрушен. В единичных случаях метрика духовного стиха передана безупречно: «Помоги мне, Боже, щедрою рукой. // Ниспосли терпенье, радость и покой, // Грешник я великий на земном пути. // Господи помилуй, Господи, прости» (Поздеева 2007, с. 303); «Я умом ходила в город Вифлеем // И была в Вертепе и видала в нем, // Как Господь-Спаситель, Сам Творец и Бог, // Родился от девы и лежал убог» (Бучилина 1999, с. 82).

После необходимых комментариев, касающихся конкретных текстов, приведем общие количественные данные по метрическим типам строк в X3ЖмЖм. Полустипишия в шестистопных цезурированных строках условно примем за «строки» вида X3 (X3+X3)¹⁰. Всего «строк» — 463. «Строк» (включая полустипишия) X3 — 389 (84 %), X3/Амф2 — 30 (6,5 %), прочих («ямбы», «анapestы», «дольники», «хореи» с дактилической клаузулой, а также дефектные разрушенные) — 44 (9,5 %). Следовательно, степень метрической точности в силлабо-тоническом стихе X3ЖмЖм существенно выше, чем в «Стихе о юности», пограничном между силлабикой и силлабо-тоникой, в котором доля метрически неоднозначных строк достигала 22,1 % (X3/Амф2+X3/Амф2/Аки). Силлабо-тоническая версификация задает более жесткие метрические стандарты. Наконец, можно ответить и на такой вопрос: какие строки — женские или мужские — чаще имеют неоднозначную метрику? Из 30 строк

⁷ Эдем — райский сад (примеч. изд.).

⁸ В союзе (примеч. изд.).

⁹ Редкий пример стихового переноса.

¹⁰ Напомним, что в одном и том же варианте того или иного стихотворения шестистопные строки могут чередоваться с трехстопными без какой-либо закономерности. Если предположить, что в стихотворении 10 строк, из которых 4 — шестистопные, а 6 — трехстопные, то при наших подсчетах количество условных «строк» в данном случае равно 14 (за эталонную меру принят трехстопный хорей). «Строка» в данном случае чуть более широкое понятие, чем обычно, она включает и обычные строки, и полустипишия. Это условность, принятая нами для удобства систематизации материала.

ХЗ/Амф2 женских — 19 (63,3 %), мужских — 11 (36,7 %). В строках с женской клаузулой тенденция к метрической неоднозначности выражена сильнее.

3. Выводы

Мы обратились к проблеме пограничных явлений в метрике на материале фольклорного стиха — точнее, литературного стиха в его фольклорном бытовании. Эта сложная проблема привлекает внимание современных стиховедов, вызывает оживленные дискуссии и споры на конференциях, семинарах и в периодической печати. К «пограничным» явлениям мы отнесли случаи метрической неоднозначности строк (метрической амбивалентности), неопределенности версификационных систем; подчас нелегко провести границу между гетероморфным стихом, полиметрией и стихом, метрика которого единообразна, но осложнена, замаскирована переакцентуациями (ритмическими переборами).

В корпус текстов для исследования были включены поздние духовные стихи, имеющие хореическое строение (трехстопные и шестистопные). Ранее эти тексты стиховедческому изучению не подвергались. Материал сводится к двумя разновидностям хорей: хорей со сплошными женскими клаузулами и хорей с перекрестным строением ЖмЖм. Этот метр и размер редки в русской литературной поэтической традиции; то же самое мы можем констатировать и для традиции народной. Нам удалось подобрать всего 20 текстов, из которых несколько — явно литературные произведения без единого варианта, а другие — вариации одного и того же сюжета. Однако и на этом ограниченном материале отыскиваются интересные образцы неоднозначных метрических структур: ХЗ/Амф2, ХЗ/Амф2/Акц, *силлабо-тоника / силлабика, трехстопный стих / шестистопный стих* и т. д.

Мы попытались учесть исторический фактор и предположили, что трехстопный хорей с женскими клаузулами восходит к силлабическому шестисложнику. Трехстопный же хорей ЖмЖм — прямой наследник литературной силлабо-тонической традиции. Между этими двумя типами трехстопных хореев имеется важное различие: первый содержит существенно больше метрически неоднозначных строк, чем второй, его метр более распатан. Вероятно, это след прежней силлабики.

На наш взгляд, в связи с тем, что строки в некоторых редких случаях могут интерпретироваться несколькими способами, целесообразно пользоваться термином *метрическая неоднозначность*, поскольку *метрическая амбивалентность* (или *биметрия*) предполагает выбор только из двух вероятностей. Но их может быть больше двух, например, ХЗ/Амф2/Акц. Справедливости ради, это, конечно, раритеты, о метрике которых можно спорить. Но такие случаи всё же следует учесть в терминологии, что даст некоторую свободу маневра при фиксации строк, интерпретируемых несколькими разными способами.

Поскольку метрическая неоднозначность может возрастать или убывать (выбор из одной, двух, трех и т.д. вероятностей), то существует, очевидно, и своего рода иерархия, градация, соответствующая разной мере энтропии стиха. Однако важно отметить, что при всех существующих отклонениях, аномалиях и неопределенностях стихотворные тексты имеют твердую метрическую основу, которую все же можно выявить; метрический инвариант в большинстве случаев хорошо просматривается за массивом фольклорных дефектов.

Мы коснулись только нескольких частных пограничных явлений. В перспективе рассмотренные тексты можно подвергнуть более подробному стиховедческому анализу: описать ритмические формы, представить типологию цезур, ритмику полустуший и т.п., тем более что образцы такого анализа для трехстопного хорей уже имеются (Бейли 2004, с. 130–136). Но решение этих задач требует существенно большего объема материала, чем тот, которым мы пока что располагаем.

Благодарности. Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания по плановой теме № 124022000077-1 «Фольклор и литература коренных народов Северо-Запада России и Финляндии».

Приложение

Список исследованных текстов

1. Сборник (Селиванов 1991): №112: «Стих о юности» («Горе мне, увы мне // В юности, во цвете!»). Всего — 1 текст.

2. Сборник (Бучилина 1999): №1: «Изгнание из рая» («Где ты, рай, прекрасный, сладкий мой едем?!») (*деформированный текст с метрическими сбоями и «темными» местами*), 9: «Я умом ходила в город Вифлеем...», 17: «Тихо, не шелохнет...» («Тихо, не шелохнет, // Птичка не поет...»), 24: «Страдания Спасителя» («Вспомним день великий, // Как Христос за нас // Пострадал в преторе, // О какой ужас!»), 24а: «Суд над Христом у Пилата», 24б: «Страшное бичевание Христа нашего Господа», 24в: «Венчание и уничижение Иисуса Христа», 24г: «Отвержение Христа»¹¹, 25: «В пятницу молчание» («В пятницу святую // Все должны молчать...»), 131: «Стих» («Юность, моя юность, // Младое ты время...»), 179: «Стих надгробный» («Господи, помилуй, господи, спаси...»), 180: «На всех солнце светит...» («На всех солнце светит, // На меня уж нет...»). Всего — 7 основных текстов для исследования, 1 деформированный и 4 литературных, без явных признаков фольклоризации.

3. Сборник (Поздеева 2007): №27: «Завистью гонимой, я бегу стыда...», 76: «Сам-то я не знаю, как на свете жити...», 97: «Господи, помилуй, Господи, прости...» («На гору Голгофу...»). Всего — 3 текста.

4. Сборник (Кузнецова 2015): №59: «Гробик ты мой, гробе» (Гробик ты мой, гробе, // Привечный мой доме...) (*гетерометрический стих с большим количе-*

¹¹ Духовные стихи №24а–24г использованы в качестве дополнительного материала для сопоставлений и не учитываются при подсчетах. Это явно литературные по происхождению тексты из личного архива составителя сборника (Бучилина 1999). Сведений об их архивации нет.

ством метрически неоднозначных строк), 74: «О молодой юности» («Горе мне, увы мне // Во молодой юности!»), 122: «Стих про младя лета» («Горе мне увы мне // Во молодой во юности...»), 333: «Стих о юности» («Горе мне, увы мне // Во молодой во юности...») (отрывок). Всего: 2 основных текста для исследования, 1 гетерометрический текст для сопоставлений, 1 отрывок.

Итого: 20 текстов.

Список литературы

Балдина, Т.П., Кужлев, М.В., Сурин, А.П., 2023. Археографическая экспедиция на Вятку 2023 г. *Труды Отдела древнерусской литературы*, 71, с. 516–527. [Baldina, T.P., Kuzhlev, M.V., Surin, A.P., 2023. The Archaeographic Expedition to Vyatka in 2023. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 71, pp. 516–527 (in Russ.)] EDN: NLRTAZ, <https://doi.org/10.31860/0130-464X-2024-71-516-527>

Бейли, Дж., 2004. Хореические размеры в песнях А.В. Кольцова и Д.Н. Кашина. В: *Избранные статьи по русскому литературному стиху*. Дж. Бейли (ред.). М., с. 109–148. [Bailey, J., 2004. The Trochaic Song Meters of Koltsov and Kashin. In: J. Bailey, ed. *Selected Papers on Russian Literary Versification*. Moscow, pp. 109–148 (in Russ.)].

Бельская, Л.Л., 1984. О полиметрии и полиморфности (на материале поэзии С. Есенина). В: *Проблемы теории стиха*. Л., с. 99–109. [Belskaya, L.L., 1984. On Polymetry and Polymorphism (Based on the Poetry of S. Yesenin). In: *Problems of Theory of Versification*. Leningrad, pp. 99–109 (in Russ.)].

Гаспаров, М.Л., 1984. *Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика*. М. [Gasparov, M.L., 1984. *Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza*. Moscow (in Russ.)] EDN: WTJAKJ

Гаспаров, М.Л., 1989. *Очерк истории европейского стиха*. М., 304 с. [Gasparov, M.L., 1989. *An Essay on the History of European Versification*. Moscow, 304 p. (in Russ.)] EDN: RVIRKL

Гаспаров, М.Л., 2001. *Русский стих начала XX века в комментариях*. М. [Gasparov, M.L., 2001. *Early 20th Century Russian Poetry in Comments*. Moscow (in Russ.)] EDN: PWFIXV

Гаспаров, М.Л., 2012. *Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти*. М. [Gasparov, M.L., 2012. *Meter and Meaning. About One of the Mechanisms of Cultural Memory*. Moscow (in Russ.)] EDN: YLHNUR

Илюшин, А.А., 2004. *Русское стихосложение*. М. [Ilyushin, A.A., 2004. *Russian Versification*. Moscow (in Russ.)] EDN: MYGNPU

Квятковский, А.П., 1966. *Поэтический словарь*. М. [Kvyatkovskii, A.P., 1966. *Poetic Dictionary*. Moscow (in Russ.)].

Корчагин, К.М., 2014. Метрическая амбивалентность в русском стихе («сверхкороткая» силлаботоника, силлабический стих, кольцовский пятисложник и гиперпеон). В: *Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей*. М., с. 87–104. [Korchagin, K.M., 2014. Metric Ambivalence in the Russian Verse (“Ultrashort” Syllabic-Accentual Verse, Syllabic Verse, Koltsov’s Five-Syllable Verse and Hyperpaeon). In: *Corpus Analysis of Russian Verse: Collection of Scientific Articles*. Moscow, pp. 87–104 (in Russ.)] EDN: TIZIVX

Корчагин, К.М., 2015. Начальные переакцентуации (перебои) в русских двусложных размерах (типология и история). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 74(1), с. 19–29. [Korchagin, K.M., 2015. Initial Reaccentuations in Russian Dissyllabic Meters (Typology and History). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 74(1), pp. 19–29 (in Russ.)] EDN: TJEZTX

Орлицкий, Ю. Б., 2005. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии. *Новое литературное обозрение*, 3(73). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html> (дата обращения: 16.11.2025). [Orlitskiy, Yu. B., 2005. Heteromorphic (Unordered) Verse in Russian Poetry. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3(73). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html> [Accessed 16 November 2025] (in Russ.)] EDN: HSEGBN

Орлицкий, Ю. Б., 2020. Еще раз о так называемой «силлабике» Бродского и ее объективном контексте — русской силлабике конца XX века. *Известия Смоленского государственного университета*, 1(49), с. 33—46. [Orlitskiy, Yu. B., 2020. Once Again About So-Called Brodsky's "Syllabics" and Its Objective Context — Russian Syllabics of the Late XX Century. *Izvestia of Smolensk State University*, 1(49), pp. 33—46 (in Russ.)] EDN: TZEYLL, <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-33-46>

Петров, А. М., 2021a. Духовные стихи о царевице Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели. *Антропологический форум*, 49, с. 88—131. [Petrov, A. M., 2021a. Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models. *Forum for Anthropology and Culture*, 49, pp. 88—131 (in Russ.)] EDN: FXIXP, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131>

Петров, А. М., 2021b. «Стих умилителен» и его фольклорные версии: книжная силлабика в народной культуре. *Quaestio Rossica*, 9(4), с. 1440—1457. [Petrov, A. M., 2021b. Stikh Umilitelen and Its Folk Versions: A Syllabic-Accentual Interpretation of Literary Syllabic Verse. *Quaestio Rossica*, 9(4), pp. 1440—1457 (in Russ.)] EDN: RRWTCL, <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.648>

Петров, А. М., 2022. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики. *Вопросы языкознания*, 3, с. 54—74. [Petrov, A. M., 2022. Trochaic Tetrameter in Russian Folk Spiritual Verses of Late Tradition: Some Issues of Metrics and Rhythmics. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 54—74 (in Russ.)] EDN: QQJOML, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.3.54-74>

Петров, А. М., 2025. Дефектные строки в народном силлабо-тоническом стихе: случайность или закономерность? *Вестник Московского университета. Серия. 9. Филология*, 5, с. 131—143. [Petrov, A. M., 2025. Defective Lines in Folk Syllabic-Accentual Verse: Accident or Regularity? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 5, pp. 131—143 (in Russ.)] EDN: ROEFUN, <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-11>

Плунгян, В. А., 2005. К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника. В: *Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой*. М., с. 857—869. [Plungian, V. A., 2005. On the Evolution of Russian Metrics: Non-Monotonic Syllabic-Accentual Verse. In: *Language. Personality. Text: Collection of Articles for the 70th Anniversary of T. M. Nikolaeva*. Moscow, pp. 857—869 (in Russ.)] EDN: PYERKT

Плунгян, В. А., 2022. О метрике Игоря Чиннова. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 3, с. 11—36. [Plungian, V. A., 2022. On Igor Chinnov's Metrics. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 3, pp. 11—36 (in Russ.)] EDN: NINKXE, <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.3.2>

Руднев, П. А., Новинская, Л. П., 1986. Об одной композиционной особенности стихотворного текста: к проблеме переходных метрических форм. В: *Жанр и композиция литературного произведения*. Петрозаводск, с. 124—132. [Rudnev, P. A. and Novinskaya, L. P., 1986. On One Compositional Feature of a Poetic Text: On the Problem of Transitional Metrical Forms. In: *Genre and Composition of a Literary Work*. Petrozavodsk, pp. 124—132 (in Russ.)] EDN: WKWCIZ

Семенов, В., 2010. Функциональная биметрия в стихе М. Цветаевой (на материале стихотворения «Неподражаемо лжет жизнь...», 1922). *Toronto Slavic Quarterly*, 32 (Spring), с. 96–111. [Semenov, V., 2011. Functional Bimetrics in the Verse of M. Tsvetaeva (Based on the Poem “Life Lies Inimitably...”, 1922). *Toronto Slavic Quarterly*, 32 (Spring), pp. 96–111 (in Russ.)].

Семенов, В., 2011. Проблема деформации классических метров в русской поэзии конца XX в. с функциональной точки зрения. В: *Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2 ч.* Тарту, с. 507–526. URL: https://ruthenia.ru/Push_Chten5/Semjonov.pdf (дата обращения: 16.11.2025). [Semenov, V., 2011. The Problem of Deformation of Classical Meters in Russian Poetry of the Late 20th Century from a Functional Point of View. In: *Pushkin Readings in Tartu 5: The Pushkin Era and the Russian Literary Canon: On the 85th Anniversary of Larisa Ilyinichna Volpert: in 2 parts.* Tartu, pp. 507–526. Available at: https://ruthenia.ru/Push_Chten5/Semjonov.pdf [Accessed 16 November 2025] (in Russ.)].

Скулачева, Т. В., Петров, А. М., 2023. Правила разметки ударений в стихе и их экспериментально-фонетическая проверка. В: «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей»: Сборник статей к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой. М., с. 250–259. [Skulacheva, T. V. and Petrov, A. M., 2023. Rules of Stress Annotation in Verse and Their Experimental-Phonetic Testing. In: “...Vpered i vverkh po lestnitse zvuchashchei”: A Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Olga Fedorovna Krivnova. Moscow, pp. 250–259 (in Russ.)] EDN: ADDFPJ

Тарановский, К., 2010. *Русские двусложные размеры. Статьи о стихе.* М. [Taranovsky, K., 2010. *Russian Binary Meters. Articles on Versification.* Moscow (in Russ.)] EDN: QUYUTF

Холшевников, В. Е., 1987. Что такое русский стих. В: *Мысль, вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха.* Л. [Kholshchevnikov, V. E., 1987. What Is Russian Verse. In: *Thought Armed with Rhymes: Poetic Anthology on the History of Russian Verse.* Leningrad (in Russ.)].

Шумилова, М., 2024. Русская модель сербского десятисложника в работах А. А. Шумилова: перевод *Горного венца* П. Негоша в сравнении с поэтическими опытами А. Востокова и А. Пушкина. *Зборник Матице српске за славистику*, 105, с. 9–29. [Shumilova, M., 2024. Russian Model of the Serbian Decasyllable in the Works of A. A. Shumilov: Translation of the *Mountain Crown* by P. Njegosh Compared with the Works of A. Vostokov and A. Pushkin. *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 105, pp. 9–29 (in Russ.)] EDN: KEPOWP, https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2024.105.1

Lotman, M., 2022. Secondary Meter. In: *Frontiers in Comparative Metrics 4. September 16–17, 2022. Tallinn University, Estonia: Conference abstracts.* Tallinn, pp. 21–22.

Pilshchikov, I., 2025. New Applications of Jakobson’s “Broad Metrics”: Sung Poetry and Dual-Metered Verse. *Studia Metrica et Poetica*, 12(1), pp. 65–109, <https://doi.org/10.12697/smp.2025.12.1.03>

Scherr, B. P., 2023. Metrical Ambiguity. *Studia Metrica et Poetica*, 10(2), pp. 7–31, <https://doi.org/10.12697/smp.2023.10.2.01>

Список источников

Бучилина, Е. А., (сост.), 1999. *Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области.* М.

Кузнецова, В. П. (сост.), 2015. *Духовные стихи Русского Севера.* Петрозаводск.

Ломоносов, М. В., 1959. *Полное собрание сочинений.* Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.

Негош, Петар II, 2017. *Луча микрокозма* (Петр II Петрович-Негош. *Луч микрокозма*. Перевод И. Числова). Беране; Никшић; Београд.

Петрова, Л. А. (сост.), 2024. *Светская и духовная поэзия XVII – XX вв.* Н. Ю. Бубнов (науч. ред.). СПб.

Поздеева, И. В. (ред.), 2007. *Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхотамья: Исследования и публикации.* М.

Селиванов, М. Ф. (сост.), 1991. *Стихи духовные.* М.

Срезневский, В. И., 1908. Бегунские стихи. В: *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола.* Вып. 1. В. Бонч-Бруевич (ред.). СПб., с. 228 – 274.

Об авторе

Александр Михайлович Петров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

ORCID: 0000-0002-5095-4254

SPIN-код: 9363-9969

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

Для цитирования:

Петров А. М. О пограничных явлениях в фольклорной метрике // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 203 – 221. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ON BORDERLINE PHENOMENA IN FOLKLORE METRICS

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, Russia

Received on 12.11.2025

Accepted on 15.03.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12

The paper examines several diffuse phenomena in poetic meter, including heterometric verse, heteromorphic verse, metrical ambiguity, and blurred boundaries between systems of versification. Although these issues have attracted scholarly attention, most previous research has focused on literary texts. This study presents several examples of such “borderline” phenomena identified in folklore verse, or in verse closely related to folklore. The object of study is late spiritual verse in the form of a trochaic trimeter. The array of texts is presented in two main varieties: 1) poems with feminine clausulae and weakened pair rhyme and 2) poems with cross-weakened rhyme (feminine – masculine – feminine – masculine). I suggest that verses of the first type date back to the syllabic versification of the 17th – 18th centuries. They were widely circulated among Old Believers, but over time these verses began to be perceived as syllabic-accentual ones. In the 20th century they were published primarily in the form of texts composed in trochaic trimeter. Poems of the second type are associated

with the later literary tradition of syllabic-accentual verse, they are to a lesser extent assimilated into folk culture. I identified metrical types that can have several interpretations, and therefore I propose the term “metrical uncertainty” rather than “metrical ambiguity”: it covers the entire potential set of interpretations of metrics.

Keywords: folk verse, spiritual verse, syllabic verse, syllabic-accentual verse, metrical ambiguity, polymetrical verse, heteromorphic verse, heterometrical verse

Acknowledgements. The paper was written at the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences within the framework of the state assignment No. 124022000077-1 “Folklore and Literature of the Indigenous Peoples of North-West Russia and Finland.”

The author

Dr Alexander M. Petrov, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-5095-4254

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

To cite this article:

Petrov, A. M., 2026, On borderline phenomena in folklore metrics, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 203–221. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

**СЕЛФИ-НАРРАТИВ:
АВТОМЕДИАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ АВТОФИКЦИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ**

К. Э. Разухина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6
Поступила в редакцию 08.07.2025 г.
Принята к публикации 15.03.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-13

Автофикциональность новейших литературных русскоязычных текстов захватывает разные способы создания автобиографической идентичности. Термин «автомедиальность» был предложен Кристиан Мозер и подразумевает междисциплинарный подход к написанию нарративов, построенных на биографическом материале: авторы, работающие над созданием автофикционального образа себя в тексте, используют различные средства массовой информации (или медиа) для саморепрезентации. В рамках данной статьи рассматриваются две стратегии автомедиальности внутри автофикциональных произведений: использование описания видео и фотографии в поэтическом высказывании Оксаны Васякиной «Казанский текст» (2024) и дневниковой формы с инкрустированием в текст снимка кинематографической героини Лоры Палмер в рассказе Натальи Мещаниновой «Литературный эксгибиционизм» (2023). В обоих текстах фигурирует ономастическое и субъектное тождество автора-героя-рассказчика, характерное для автофикшена как модуса письма, а идентичности героинь строятся во взаимоотношениях со значимыми другими. Целью данного исследования является подробное рассмотрение техник функционирования автомедиальности в современных русскоязычных текстах с гибридной жанровой спецификой, а также раскрытие метафорического сходства автофикшена с жестом сделанного селфи, которое демонстрирует одновременно и образ субъекта, и его объектность, и инструмент, с помощью которого делается снимок. Методологической базой данной статьи можно считать психоаналитические работы Ж. Лакана, Д. Узланера, а также исследования в области автофикциональности и автотеории Л. Муравьевой, М. Вагнер-Эгельхааф, Л. Фурнье. В автофикциональных текстах с автомедиальностью субъектность авторов и героев выстраивается по отношению к Другому. Эта фигура может быть вполне конкретной (близкие «другие») и абстрактной (большой Другой), представляющей собой некоторую дискурсивную власть, контролирующую субъекта. Авторы текстов помимо автомедиальности используют различные метадискурсивные практики саморазоблачения для того, чтобы создать установку на референциальность и документальность автонаратива.

Ключевые слова: автофикциональность, автомедиальность, автофикшен, современная русскоязычная поэзия, современная русскоязычная проза

1. От автофикшена к автофикциональности

Феномен автофикшена, занимая промежуточное положение между автобиографией и художественным вымыслом, остается предметом широких теоретических дискуссий. Его ключевая особенность — способность трансформироваться и адаптироваться к различным нарративным стратегиям, подразумевающим множественность проживаемого опыта разными субъектами. Его подвижность, а также сопутствующая вариативность жанровых форм и медиа, используемых для саморепрезентации (автофикциональность может являть себя в прозе, поэтических практиках, живописи, кинематографе, фотографии, графических романах), ставит под сомнение саму возможность его строгого определения.

«Автофикциональность можно масштабировать» (The autofictional is scalable) (Wagner-Egelhaaf 2022, p. 26) — пишет Мартина Вагнер-Эгельхааф, подразумевая, что разнообразность автопрактик опровергает замкнутость любых определений, которые можно было бы дать методу письма, построенному на совмещении фактологического и вымышленного горизонтов. Этот тезис опирается на идею процессуальности автофикционального письма, которое не столько подчиняется заданным параметрам, сколько динамически формирует их в зависимости от конкретных нарративных и субъективных контекстов. С момента своего возникновения в конце 1970-х годов как дискуссионного неологизма автофикшен последовательно утверждался в качестве жанровой формы, парадоксально настаивающей на своей межжанровости. Лариса Муравьева отмечает, что такая особенность автофикшена проявляется за счет его «трансгрессивности» как жанра: «Трансгрессия сводится, с одной стороны, к жанровой проблематике: к тому, что современные автофикциональные тексты комбинируют вымысел с реальными событиями, нарушая привычные жанровые конвенции. С другой — к тому, что это смешение ставит в амбивалентную позицию читателя, вынужденного одновременно доверять и не доверять автофикшну, читать его и как правдивые мемуары, и как вымышленный рассказ» (2025, с. 199).

В рамках данной статьи в мою задачу не входит развенчание этой теоретической конвенции, но я очерчу свое понимание явления (в духе того, что его можно масштабировать). В след за Вагнер-Эгельхааф я понимаю автофикшен как автофикциональность (the autofictional), а именно как «...внутренний режим / модус автобиографического, который может проявляться по-разному и с разной интенсивностью» (Wagner-Egelhaaf 2022, p. 24). Рассматриваемый режим письма детерминруется сложным взаимодействием исторических и литературных контекстов, а также спецификой трансформирующегося субъекта. При этом сохраняется имманентная потенциальность («сила») автофикционального письма, способная актуализироваться в автобиографических формах, соответствующих конкретной историко-культурной ситуации.

2. Интермедиаальный подход к рассмотрению автофикшена: текст как селфи

В процессе письма автор или авторка сознательно активирует одновременно «фикциональный» и «автобиографический» пакты (Lejeune 1982, p. 192–194), создавая тем самым специфическое пространство для конструирования идентичности. Эта двунаправленная стратегия позволяет субъекту письма, оперируя автобиографическим материалом через призму художественного осмысления, осуществлять перформативный акт создания своей идентичности в тексте. Воспоминания в данном случае выступают как инструмент нарративной сборки «Я», где документальная достоверность вступает в диалектические отношения с фикциональностью. При построении такого нарратива важное место отдается различным медиаальным средствам репрезентации памяти. Воспоминания опосредуются как вербальными медиа (устные истории, эпистолярные источники, эго-документы, интертекстуальные отсылки), так и невербальными семиотическими системами (фотографии, материальные артефакты). Эта особенность автобиографического письма, получившая в современных исследованиях определение «автомедиаальности», предполагает междисциплинарную методологию анализа жизнеописательных практик, акцентирующую роль медийных технологий в процессах субъективации (Moser 2019, p. 247).

Таким образом, описанный Кристианом Мозером междисциплинарный подход предполагает: во-первых, присутствие в автофикциональном тексте автомедиаальной репрезентации личного опыта, где «авто» подразумевает наличие некоторого субъекта и его биографии, тогда как «медиаальность» существует как процесс перевода / переноса личного опыта посредством одного медиа в другое; во-вторых, интермедиаальное построение субъектности в тексте, где интермедиаальность понимается как «взаимодействие, т. е. синхронное, а также диахронное обратное влияние, точнее, обратная связь при переводе той или иной концепции на язык художественной формы (других художественных форм)» (Ханзен-Лёве 2016, с. 16). Хотя определение Оге Ханзен-Лёве достаточно зонтичное и широкое, в рамках понимания автомедиаальности в автофикшене оно позволяет рассматривать несколько способов медиации внутри текстов, когда автор / авторка 1) использует другое медиа как референт для создания своего или чужого «портрета», цитируя или описывая в тексте это медиа (экфрасис); 2) создает гибридные нарративы, где считывается «синтез разных медийных языков», предполагающий инкрустирование в текст различных медийных форм (Швец 2024, с. 330). К последнему случаю можно отнести автофикциональные «Рассказы» Наталии Мещаниновой (2022), которые режиссерка сопровождает различными кадрами из фильмов, видеохроник, телепередач.

Принимая во внимание широкое определение интермедиаальности, книгу можно рассматривать не как замкнутый художественный мир, а как интертекстуальную вселенную — динамичное пространство, где разворачиваются отношения между текстом, цитатами, отсылками и

аллюзиями к другим медиа. В основе этого процесса лежит перевод, поскольку язык сам является медиумом (сложной системой знаков). Таким образом, книга может рассматриваться как медиа, реализующее себя через последовательность интермедиальных связей, в котором выстраивается и отражается субъектность пишущего / пишущей. Продолжая эту мысль, мне бы хотелось предложить метафору автофикционального текста как зеркального селфи¹, где письмо превращается в перформативный акт создания и отражения «Я». Селфи в зеркале как жест фиксирует не просто изображение, но и процесс самовосприятия (мы видим одновременно и субъекта, и объект, и инструмент создания образа), автофикшен воспроизводит этот жест в плоскости текста. Здесь автор / авторка предстает как создатель, персонаж и читатель собственного нарратива, а письмо становится местом постоянного колебания между самообнаружением и самоконструированием. В этом зеркальном зале текста-селфи субъект не столько отражается, сколько возникает в процессе отражения — хрупкий, множественный, сознательно играющий с границами реального и воображаемого, документального и фикционального.

Зеркальное селфи — это перформативный акт создания и отражения «Я» в эпоху цифровизации. Эту параллель раскрывает Джозеф Уортен, который, анализируя автофикциональные нарративы, сближает новые практики саморепрезентации с логикой базы данных и самопозиционированием в социальных сетях. Он отмечает, что саморепрезентации пользователей, подобно литературному «я», разбросаны по сети, постоянно изменяются и дополняются, представляя собой нефиксированный во времени набор моментов (твитов, комментариев и селфи), существующий в «усиленном настоящем» Интернета (Worthen 2021). Характерным примером «эстетики базы данных в форме романа» Уортен считает «LIVEBLOG» (2015) Меган Бойл, состоящий из постов личного блога.

Кризис целостного «Я» в цифровую эпоху и поиск новых языков для его репрезентации прослеживается в романе Ольги Медведковой «Ф.И.О.» (2022), где ставится под сомнение субъектное и ономастическое тождество автора-героя рассказчика, поскольку критической пересборке подвергается сам модус автофикциональности, а также имя главной героини, зафиксированное в документах. Если Уортен говорит о наборе моментов (твитов и селфи), то Медведкова собирает свой роман из проблематизированных документов, создавая «эстетику базы данных» из осколков идентичности. Здесь стоит упомянуть позицию Жерара Женетта, считавшего «автовывымысел», где автор равен персонажу, а персонаж рассказчику, «“вымыслом” только для таможни» (Genette, 1991, p. 87)². Как и в селфи, Медведкова уделяет внимание процессу

¹ Благодарю Алексея Масалова за подсказанную идею и за рекомендацию источников по теме.

² «Таможня» — метафора, которую использует Женетт для обозначения «нумерической» идентичности автора-героя-рассказчика в автофикшене, имеющей значение для паспорта, но не для повествования.

самовосприятия в тексте, отмечая его проблематичную, становящуюся природу через стратегию саморазоблачения в письме: «Секрет заключается в том, что я ношу не свое имя. Не свою фамилию. То есть она моя, но не моя, не изначальная, неправильная. Фамилия моя, но не та, что моя, имя мое, но не то, которое мое, то есть не та, не то, что мне было дано от рождения. Ну вот, начинается, как сказал бы мой папа. Опять эта ужасная путаница. Хорошо, что меня не слышит (надеюсь, что никогда не прочтет) какой-нибудь психоаналитик. Не просто путаница, а невнятица, перекосяк; не просто темнота незнания, так себе, мол, нет и не надо, а мешанина всего и со всем, как на моей карточке французской медицинской страховки, на которой я фигурирую — просто как в Винни Пухе — “под именем”: Medvedkova, Yarkho Olga Anat.» (Медведкова 2022, с. 10).

Дмитрий Узланер, анализируя психоаналитические аспекты селфи, ссылается на Жака Лакана: через его оптику он интерпретирует понятие «взгляда», имеющего прямое отношение к стадии «зеркала», когда субъект обретает свою целостность через визуальный образ, в котором узнает себя и с которым он / она себя отождествляет (Узланер 2021, с. 163). Специфика такой фотографии прослеживается в следующем: «Субъект глядит не в камеру, как это бывает на обычных фотографиях, он/она глядит на свое изображение на экране телефона. Субъект в буквальном смысле глядит на себя через взгляд Другого. Он как бы примеряет взгляд Другого, как бы замещает свой собственный взгляд взглядом из черного зрачка объектива телефона» (Там же). Узланер, перефразируя Лакана, отмечает: «Взгляд Большого Другого... “оглядывает индивида как субъекта”, под его взглядом индивид превращается в пронизанного идеологией субъекта» (Там же, с. 170). В черном зрачке объектива телефона сосредоточен некий взгляд, который, как пишет Узланер, остается неопределим до конца, угрожает субъекту и ставит его в подчиненное положение (Там же, с. 174–175), но делает его присутствующим, одновременно объективируя и субъективируя. В оптике этого Другого субъект представляет собой белое полотно, на которое набрасывается «определенный образ и даже целая картина» идеологического измерения, диктующего как именно нужно быть сфотографированным / сфотографированной.

Лорен Фурнье, выделяя автотеорию в отдельный модус автофикционального повествования (как правило, автотеория подразумевает построение теоретических концепций сквозь автобиографический опыт автора / авторки), отмечает, что такого рода практикам свойственна стратегия саморазоблачения, сопровождающая текст авторефлексивными рассуждениями о становлении нарратива: «Такое саморазоблачение порочных мыслей и недостатков нужно не столько для возбуждения сочувствия или предупреждения критики в ее адрес, сколько для установления личной материальности / *personal materialism*» (Fournier 2021, p. 192). Речь идет о личной материальности — практике превращения субъективности в осязаемую текстовую реальность, где установ-

ка на честность, прежде всего перед самим собой, гарантирует подлинность самораскрытия. Такого рода материальность достигается и путем попытки освобождения от чужого взгляда, дискурсивных, поведенческих, социальных, гендерных и других конвенций. Подход переворачивает традиционные представления об исповедальном письме: автор / авторка не столько оправдывается или кается, сколько фиксирует ускользающую природу фикционального нарратива и воссоздает себя через акт письменного самообнажения.

Данную практику самораскрытия в письме с последующей попыткой освобождения от власти большого Другого можно проследить в романе «Руки женщин моей семьи были не для письма» (2023) Еганы Джаббаровоной: через жест письма и процесс саморепрезентации авторка прорывается через властные дискурсивные установки, материализуя личный голос: «Мне хотелось наконец разорвать порочный круг расплаты, открыть наши плотно зашитые рты, чтобы крикнуть о своем существовании и существовании матерей, бабушек, сестер, подруг. Хватит держать друг друга за горло мертвецкой хваткой страха: *а что, если кто-то увидит, а что, если кто-то узнает, а что скажут люди, что подумают твои родственники, что сделает твой отец, когда узнает*, — прочная цепь ужаса годами держала нас за горло, душила, как меня душила дистония» (Джаббарова 2023, с. 102).

Страх быть застигнутым / застигнутой врасплох этим до конца неопределимым большим Другим провоцирует авторов и авторок на то, чтобы показывать свою субъектность как некий «спектакль» (Нэнси Миллер), в рамках которого саморазоблачение является гарантом истинности повествования и того, что письмо стоит риска:

Сопряженная с риском письма, самокритика представляет собой пакт, подобный «автобиографическому пакту», связывающему писателя и читателя в производстве правды о себе, согласно которой то, что поставлено на карту, имеет значение и для других: где-то в самофикционализации (“self-fiction”) есть вера в то, что письмо стоит риска. В этом смысле, превращая свой авторский голос в спектакль, личное письмо теоретизирует инструменты своего производства: личную материальность (personal materialism) (Miller 1991, p. 24).

Стратегия саморазоблачения в автофикциональных текстах обнаруживает двойную детерминацию: с одной стороны, она вписывается в дискурс «новейшей искренности» (Подлубнова 2023) с его трендом на публичное проговаривание интимного опыта, а с другой — отражает характеристики автофикшена на уровне поэтики, отличающейся повышенной метанарративностью и намеренной лакунарностью. Эти особенности выполняют важную референциальную функцию: фрагментарность и рефлексивные разрывы в повествовательной ткани создают эффект достоверности, поскольку подстраиваются под нелинейность подлинного воспоминания о себе и прошлом. Автофикциональный текст постулирует режим правдоподобия с демонстрацией про-

цесса письма и сохранением нарративных пробелов. Подобно тому как селфи становится методом «приручения» неконтролируемого большого Другого (субъект сам выстраивает ракурс фотографии, самолично принимает позу перед зеркалом) (Узланер 2021, с. 184), автофикшен предстает способом письма намеренно прозрачным, демонстративно обнажающим приемы. Подобное «раскрытие карт» поддерживает иллюзию контроля над репрезентацией, в которой субъект будто бы предвосхищает и нейтрализует взгляд Другого через превентивное саморазоблачение. Но в этой кажущейся прямолинейности кроется парадокс: текстовое тело, выставленное напоказ со всеми шрамами и шероховатостями, одновременно и подчиняется власти большого Другого, и сопротивляется полному порабощению. Исповедальность делается формой тонкой игры — жестом, который, имитируя полную открытость, на самом деле устанавливает новые границы между интимным и публичным.

Читатель сталкивается с пространством постоянного колебания: между контролем и уязвимостью, между искренностью и перформативностью, между желанием быть прочитанным / прочитанной и страхом быть окончательно расшифрованным / расшифрованной. В этом напряжении порождается особая текстовая материальность — всегда ускользающая от окончательных интерпретаций.

В романе Оксаны Васякиной «Рана» (2021) большое место отдается референциальному метадискурсу (*métadiscours référentialiste*) (Gasparini 2004, p. 92), всячески сигнализирующему о подвижности границ текста. По Филиппу Гаспарини, «референциальный метадискурс» предполагает такую коммуникацию между автором и читателем, в рамках которой опровергается вымышленный характер повествования: здесь повествовательная инстанция тождественна автору и его опыту, излагаемому в нарративе (*Ibid.*, p. 92–93). В «Ране» автофикциональная идентичность героини конструируется во взаимоотношениях со значимым другим — умирающей от рака матерью. Импульс травмы ломает нарратив, делает его фрагментарным и полным лакун, а способ говорения о табуированных темах, за которые берется Васякина, изобретается непосредственно в процессе письма: «Но я не умею сочинять истории. Мир вокруг меня структурируется так, как я его пишу. И я структурирована так, как я пишу себя. <...> Я думала о том, может ли эта история вписаться в более конвенциональную форму. Может ли здесь не быть всех тяжелых неприятных подробностей. Могу ли я написать стерильную книгу. Нет, не могу, не могу и не хочу» (Васякина 2021, с. 10); «Зачем я делаю это — медленно описываю умирание и мертвое тело собственной матери? В этом есть много боли и попытки осмыслить, выписать опыт. Но есть и нота тщеславия: продолжать жить — значит иметь контроль над собственным телом» (Там же, с. 180).

Кто же оказывается тем Другим, необходимым для целостной субъективации в автофикшене (и одновременно «смотрит» на нарратора и нарраторку, объективируя их)? Прежде всего это сам читатель как

внешний конституирующий взгляд, чье предполагаемое присутствие придает нарративу завершенность. Взгляд читателя, как не-место, как черный зрачок мобильного телефона, выражает одновременно отсутствие и присутствие, подчиняющее пишущего другого. Однако Другой в автофикшне существует и как внутренний механизм — это интериоризированная инстанция культурных кодов, литературных условностей и социальных ожиданий, под влияние которых автор / авторка попадает и которые одновременно оспаривает. Иными словами, медиасфера с дискурсами и идеологиями, сохраняющими доминирующее положение. Другой проявляет себя не только как абстрактная властная инстанция, но и как совокупность конкретных интересубъективных отношений — близких и далеких «других», с которыми автор / авторка вступает в связи сопричастности и отчуждения: «Применительно к автофикшну, трансгрессия в первую очередь связана с символическим, дискурсивным и этическим пересечением границ между “я” и “Другим(и)” (между приватным и публичным, между своим и чужим опытом) — что не в последнюю очередь создало автофикшну репутацию скандального жанра» (Муравьева 2025, с. 200).

Внутри текста разыгрывается сложная борьба с различными модулями Другого, где идентичность конструируется через постоянное измерение дистанции — то приближаясь к одним фигурам (в актах подражания, любви, признания), то отталкиваясь от других (через сопротивление, полемику, субверсию). На уровне организации текста саморазоблачение и метанарративность делаются той стратегией, которая ненадолго «приручает» взгляд большого Другого.

3. Автофикциональность в малых жанрах

В рамках данной статьи я рассмотрю, как осуществляется автомедиальное построение субъектности в поэтическом высказывании Оксаны Васякиной «Казанский текст» (2024) и рассказе Натальи Мещаниновой «Литературный эксгибиционизм» (2023). Оба текста реализуют характерную для автофикциональных произведений «установку на подлинность» (Гинзбург 1999, с. 223): на уровне субъектной организации авторки и героини ономастически тождественны друг другу, реципиентом считывается референциальность биографического материала, обе писательницы задействуют для саморепрезентации различные медиа.

Поэтический сборник Васякиной «О чем я думаю» (2024) продолжает «исследовать знаковую для ее романов проблему взаимосвязи времени / забвения и памяти» (Сотникова 2025, с. 390—391) в автофикциональном ключе. Эту же линию можно проследить и в ее прозаической трилогии («Рана», «Степь» и «Роза»), где автодокументальность оказывается в промежутке между «поэтической, прозаической и эссеистической речью» (Подлубнова 2025, с. 390). Однако в «О чем я думаю» Васякина продолжает межжанровый эксперимент с другого ракурса: в сборник вошли циклы стихотворений, написанных за четыре последних

года («Казанский текст» — не исключение), а ее автогероиня «учится писать у подлеска (живого — и репродукции неизвестной картины в случайном альбоме)» (Разухина 2025, с. 391), но на этот раз в предельно гибридных поэтических формах. Подлесок становится метафорой блуждающего, ветвистого письма, которое не укладывается ни в какие жанровые конвенции, из них разнообразно выламывается и прожитый на уровне тела, биографии опыт, и память с ее лакунами.

В стихотворении Оксаны Васякиной «Казанский текст» функционируют два ключевых медианосителя памяти, выступающих в качестве материальных репрезентантов семейной истории: видеозапись с двоюродной бабушкой Миннегель, записанная лирической героиней на первый айфон, и фотографическое изображение с матерью. Поэтический текст открывается видеоэкфрасисом, где Миннегель запечатлена «в солнечном дне / как в янтарном осколке» (Васякина 2024, с. 13), что визуально усиливает ретроспекцию. Авторка детально реконструирует материальную фактуру видеозаписи через тщательную фиксацию телесных и бытовых деталей: приготовление каши («молоко закипает, и в чугунном котелке каша / томится вся в желтых масляных пятнах»), особенности внешнего облика («На голове у нее белый аккуратный тюрбан, / похожий на плетеную булку») и физические характеристики («Тело Миннегель крепкое, как у поджарой собаки»). Процесс медиальной реконструкции в тексте выходит за рамки визуального ряда, включая ольфакторное измерение («Слышно сливочный запах» (Там же)). Этот прием передачи запаха выполняет важную функцию в создании эффекта иммерсивности: посредством вербальной артикуляции ощущений авторка преодолевает ограничения цифрового носителя.

Важно отметить, что эта визуальная реконструкция полностью зависима от субъективного восприятия героини — именно ее избирательный взгляд означает те или иные элементы, делая видимым то, что в записи оставалось бы скрытым (например, волосы «по колено» под тюрбаном у Миннегель).

В «Казанском тексте» Васякиной поднимается проблематика этнической идентичности женщин ее семьи: вследствие «русификации» татарское имя Миннегель трансформируется в Машу («На деле не Маша, а Миннегель. Маша по-русски, / Миннегель по-татарски» (Там же)). В акте письма Васякина возвращает Миннегель ее татарское имя, символически сопротивляясь гомогенизирующим практикам властных дискурсов, проводящих политику культурной ассимиляции. Этот ономастический жест приобретает особую значимость в контексте женской семейной истории, где имя становится носителем не только индивидуальной, но и коллективной этнической памяти. Мать лирической героини «похожа на тетю Машу» — «ореховые глаза и татарский скуластый череп» (Там же, с. 16), но тем не менее «своему отражению с презрением цедила *татарва*» (Там же). Телесные маркеры вступают в противоречие со внутренними установками, поскольку презрительное отношение матери к собственному отражению свидетельствует об усвоенном стиг-

матизирующем взгляде Другого. Подобный кризис идентичности преодолевается Васякиной соединением личного опыта с коллективным, построенном на памяти о пережитых травмах женщинами ее семьи. Ключевым для этого соединения является образ хризантем, который авторка проводит через весь «Казанский текст»:

Я люблю белые хризантемы.
Они похожи на всех женщин моей семьи.
Тугие, ароматные, острые.
Аромат такой спелый, такой тяжелый.
Аромат тяжелый, как боль (Там же, с. 15).

Особую значимость в образе хризантем приобретает их характеристика — «спелый и тяжелый» аромат, через сравнение «как боль» реализует оксюморонный концепт цветка как хрупкого растения, запускающего смысловой шлейф травмы. Эта сенсорно-аффективная связь дает эффект синестезии, где обонятельное восприятие становится проводником в область коллективного травматического опыта. Все части стихотворения соединяются в финале через этот образ:

Лицо матери,
ее тонкие губы, которыми она не могла улыбнуться,

длинные косы Миннегель,

мой татарский череп,

головки белых ослепительных хризантем (Там же, с. 20).

В данном фрагменте детали («тонкие губы» матери, «длинные косы» Миннегель, «татарский череп» героини, «головки белых ослепительных хризантем») формируют из разрозненных элементов единый концепт женской семейной истории. Стилистически фрагмент построен как перечень, в котором отсутствуют глагольные формы, что придает изображению статичность коллективной фотографии или портрета. Части работают на целое и являются характеристиками женщин ее семьи, но, несмотря на разрозненное соположение, соединяются в одно общее «тело» хризантем.

В тексте предметом поэтической рефлексии так же становится книга «Улица с односторонним движением» Вальтера Беньямина (Там же, с. 18), в которой рассказчица обнаруживает совместную с матерью фотографию. Книга Беньямина маркирует разрыв между попыткой академического освоения теории («Я не открывала ее с третьего курса Литературного / института») и условиями тяжелого повседневного труда («потому что читать Беньямина и работать за барной / стойкой невыносимо» (Там же)). Невозможность «читать Беньямина» в прошлом обусловлена не отсутствием интереса, а условиями материального состояния, делающего теоретическое знание психологически недоступным: «фрустрирует хлеще, чем порно в VK 2011-го» (Там же). Здесь же в рамках поэтического высказывания авторка обнажает перед реципиентом

особенности практик чтения и письма, проводя критику левого интеллектуализма и элитизма. Подобную проблематику авторка поднимает не в первый раз:

В лите я тусовалась с левыми. Мы читали французских философов, как я сейчас понимаю, чепуху. У меня был очень серьезный конфликт с тем, что мы читали. Это моя большая боль: я, как женщина, была не проявлена даже там, где все было настроено на борьбу за равенство. Вот я читаю Рансьера «Несогласие» — и он там начинает с Античности и делит полис на тех, у кого есть голос, и на тех, у кого нет голоса. Но я понимаю, что я ни к той, ни к другой группе не отношусь хотя бы потому, что Аристотель делил на группы горожан, которыми могли считаться только мужчины. И Рансьер на это опирается. Я, с одной стороны, пыталась это впитать потому, что это был маркер некоей продвинутости; с другой стороны, у меня был очень простой вопрос: как мне применить себя в этой истории, как применить собственный опыт? (Мамлыга 2021).

В этом заключена мысль о природе чтения: книга остается неизменной, но ее смысл радикально трансформируется в зависимости от социального контекста читателя. Таким образом, фрагмент становится микромоделью литературного опыта вообще — всегда ситуативного, телесного и социально обусловленного.

Вторым медианосителем, являющимся проводником «самого ценного» (лирическая героиня вводит этот смысл через цитату из Беньямина), предстает последняя фотография героини с ее умирающей матерью:

Мне двадцать два,
матери сорок два,
это наша последняя совместная фотография

Мы долго пытались вставить в приемник влажную
сторублевку,
потом втиснулись в кабинку, рассчитанную на
одного человека,
я села к матери на колени

Мать не смотрит в камеру,
ее ореховые глаза обращены к чему-то, что
я никогда не увижу,
на восковых щеках ее блики,
мать уже близка к смерти, но мы ничего об этом не
знаем (Васякина 2024, с. 19).

Документальная фиксация момента становится пророческим текстом о приближающейся смерти матери. Камера здесь оказывается не просто техническим устройством, но своеобразным инструментом, запечатлевшим невидимое: «ее ореховые глаза обращены к чему-то, что / я никогда не увижу» — это особый разрыв между матерью и дочерью, между живым взглядом и уже предчувствуемым уходом близкого чело-

века, превращает снимок в артефакт личной боли героини, означенной ретроспективно (автофикшен-роман «Рана», опубликованный в 2021 году, полностью посвящен матери Оксаны Васякиной).

Таким образом, медиальные объекты в этом тексте предстают не как нейтральные носители информации, но как сложный семиотический конструкт, где документальная достоверность постоянно опосредуется субъективными механизмами памяти и интерпретации, пропускаемыми через автобиографический опыт.

В автобиографическом рассказе Натальи Мещаниновой «Литературный эксгибиционизм» наблюдается интермедialная стратегия создания идентичности, реализуемая через взаимодействие с двумя медианосителями — фотографией Лоры Палмер из сериала Дэвида Линча «Твин Пикс» (1990) и фрагментами из личного подросткового дневника, которые рассказчица восстанавливает по памяти. Черно-белое изображение киногероини, зафиксированное в момент ее беззаботности до убийства и заключенное в условную рамку телевизионного экрана, функционирует как визуальный образ, где документальность снимка (его материальность) вступает в противоречие с фикциональной природой кинематографического нарратива. Особый семиотический статус приобретает выбор именно этого кадра — остановленного мгновения «до катастрофы», которое становится метафорой автобиографического письма как попытки фиксации целостного «Я». Дневник подросткового периода, включенный в текст, подвергается двойной рефлексии: с одной стороны, он осмысливается как аутентичный документ прошлого, с другой — его появление мотивировано интертекстуальным влиянием книги Дженнифер Линч «Тайный дневник Лоры Палмер» (1990), которая, будучи фикциональным текстом по мотивам телесериала, была воспринята юной Мещаниновой как подлинный биографический источник: «Я купила общую тетрадь, поставила дату на первой странице и написала, как Лора Палмер: “Дорогой дневник” ... Дальше было непонятно, че делать» (Мещанинова 2023, с. 21).

Благодаря этому медиа обнажается зыбкий механизм самоидентификации, поскольку фикциональный дневник киногероини делается катализатором создания реального автобиографического текста, а границы между заимствованным и подлинным, своим и чужим сознательно проблематизируются. Экран телевизора как рамка для изображения Лоры Палмер приобретает в этом контексте метатекстуальное значение, представляя читателю автофикциональный нарратив как некий «экран», где проецируются и наслаиваются друг на друга различные версии «я» — кинематографически-заимствованная и дневниково-фикционализируемая.

Первая запись, которую делает рассказчица, беспощадно вырывается, поскольку Мещаниновой кажется, что стиль ее письма похож на «школьное сочинение» (Там же, с. 22). Выписывая свой образ на страницах, рассказчица ощущает давление взгляда некоего Другого, потенциального читателя, который мог бы увидеть фрагменты (Сашка Шипулин — ее первая любовь). В его глазах она не хотела казаться «страшной и толстой», ведь в момент написания повествовательница оглядывается на идеализированный образ героини Линча, следова-

тельно хочет помыслить себя как некоторую «другую», отождествившись с образом Лоры. Это слияние с кинематографической героиней не случайно, но на момент начала рассказа подтекст остается не явным. Она называет себя «Натали» и продолжает вести повествование в стиле романов с описанием множественных сексуализированных сцен: «Называть секс сексом мне не хотелось, а вот написать что-то вроде “единорог ворвался в долину” было как-то высоколитературно, на мой тогдашний вкус» (Там же, с. 26). Стремление к «высоколитературности» сочетается с попыткой конструирования образа «роковой женщины» через гиперболизированную сексуализацию повествования. Этот диссонанс между языковыми регистрами отражает более глубокий конфликт между реальным и желаемым «Я», где письмо становится инструментом самотрансформации.

Особую значимость приобретает фигура матери как молчаливого Другого, по отношению к которому в дневнике появляются практики умолчания и идеализации. Этот «протективный дискурс» (сокрытие травматичных аспектов жизни ради защиты больной матери) провоцирует дополнительный уровень напряженности, где автофикциональное письмо колеблется между откровенностью и вынужденной самоцензурой. Идентичность авторки формируется внутри своеобразного треугольника взаимодействий: с идеализированным образом Лоры Палмер, с конкретным адресатом-другим (Сашка Шипулин), с фигурой матери как инстанцией морального контроля.

Момент подлинного саморазоблачения проявляется как непростой процесс, где возвращение к дневниковой практике во взрослом возрасте актуализирует травматические воспоминания, ранее подвергавшиеся цензуре. Однако прямота прорывается чуть раньше и в подростковом дневнике, в момент цитирования фрагмента из «Тайного дневника Лоры Палмер»: «Кто-то большой, взрослый и злой мучает меня и хочет убить. Так и было. Был в моей жизни один большой, взрослый и злой убийца моего детства, мамин муж, мой второй по счету отчим» (Там же). Интертекст «Тайного дневника Лоры Палмер» — это зашифрованное свидетельство о пережитом насилии, где фикциональный текст становится единственно возможным способом репрезентации переживаемого травматического опыта.

Фигура матери в этой системе координат занимает амбивалентную позицию: будучи центральным Другим, чье воображаемое восприятие контролирует саморепрезентацию героини, она одновременно оказывается несостоятельной как инстанция защиты: «Что сделалось бы с моей мамой, если бы я написала все, как было на самом деле? Даже интересно, что с ней сделалось бы? Она убила бы его? Меня? Себя? Сошла с ума? Ударилась бы в православие? Плакала бы? Разлюбила бы меня? А может — защитила бы меня?» (Там же, с. 28).

Прорыв к репрезентации аутентичного опыта происходит лишь при отказе от самомифологизации через образы «других» (Лоры Палмер / Натали) и переходе к саморазоблачающей прямоте нового дневника: «Уезжая в Москву, я проехала танком по чувствам многих людей. Но меня это не трогало. Больше не трогало» (Там же, с. 37).

Эта метафора («проезжаясь танком») знаменует смену нарративного режима: от эстетизированной автофикции к травматическому реализму, где письмо становится актом символического возмездия и одновременно освобождения от груза умолчания.

Таким образом, эволюция повествовательных стратегий отражает процесс психологической работы с травмой: от первоначального цитирования через длительный период самоцензуры (обусловленной страхом перед взглядом Другого) к окончательному «вербальному экспозиционизму» как форме саморазоблачения. Обретение подлинной идентичности проходит также через метадискурсивные размышления о процессах самоконструирования и выписывания автофикциональных версий себя.

4. Выводы

В текстах Васякиной и Мещаниновой стратегия автомедиальности используется для репрезентации себя и других, а саморазоблачение становится не просто нарративным приемом, но и методом экзистенциального самоутверждения своей идентичности через письмо. В обоих случаях можно проследить подвижные отношения между медийными репрезентациями (фотографии, видео, кинематографические образы) и личным опытом их осмысления, где метанарративные комментарии выполняют двойную функцию: с одной стороны, они обнажают процессуальность конструирования идентичности, с другой — задают уровень достоверности через демонстрацию своей фикциональной природы.

У Васякиной это проявляется в работе с семейными фотографиями и видеозаписями, которые предстают как свидетельства и как материальные носители коллективной травмы и этнической памяти. Ее поэтический текст, как зеркальное селфи, одновременно фиксирует и набрасывает образ, демонстрируя импульс к собственной репрезентации, но и неизбежную уязвимость перед взглядом Другого.

В рассказе Мещаниновой автомедиальность принимает форму интертекстуального диалога с кинообразом Лоры Палмер, где дневник становится пространством экспериментов с субъектностью — от подростковой мифологизации себя как «другой» до взрослого прорыва к травматической правде. Как и в селфи, здесь важна рамка (экран телевизора), которая одновременно ограничивает и концентрирует взгляд, создавая эффект контролируемой откровенности. Автомедиальные тексты Васякиной и Мещаниновой подчеркивают процессуальность саморепрезентации: саморазоблачение здесь не статично, а разворачивается во времени, будь то возвращение к детским дневникам или переосмысление семейных фотографий. Если селфи остается в рамках мгновенного жеста, то автофикциональная саморепрезентация превращает этот жест в протяженный во времени исследовательский процесс — не просто «я есть», а «я становлюсь собой через то, как об этом рассказываю».

Список литературы

- Васякина, О., 2021. *Рана*. М. [Vasyakina, O., 2021. *Wound*. Moscow (in Russ.)].
- Васякина, О., 2024. *О чем я думаю*. М. [Vasyakina, O., 2024. *What am I thinking about*. Moscow (in Russ.)].
- Гинзбург, Л.Я., 1999. *О психологической прозе*. М. [Ginzburg, L. Ya., 1999. *On Psychological Prose*. Moscow (in Russ.)].
- Джаббаров, Е., 2023. *Руки женщин моей семьи были не для письма*. М. [Dzhabbarova, E., 2023. *My female relatives' hands weren't made for writing*. Moscow (in Russ.)].
- Мамлыга, М., 2021. Писательница Оксана Васякина — о книгах, которые на нее повлияли. URL: <https://litinstitut.ru/content/pisatelnica-oksana-vasyakina-o-knigah-kotorye-na-nee-povliyali> (дата обращения: 01.07.2025). [Mamlyga, M., 2021. Writer Oksana Vasyakina — about books that influenced her. Available at: <https://litinstitut.ru/content/pisatelnica-oksana-vasyakina-o-knigah-kotorye-na-nee-povliyali> [Accessed 1 July 2025] (in Russ.)].
- Медведкова, О., 2022. *Ф.И.О. Три тетради*. М. [Medvedkova, O., 2022. *Full name. Three notebooks*. Moscow (in Russ.)].
- Мещанинова, Н.В., 2023. *Рассказы*. 3-е изд. СПб. [Meshchaninova, N. V., 2023. *Stories*. 3d ed. St. Petersburg (in Russ.)].
- Муравьева, Л., 2025. Автофикшн — трансгрессивный жанр? *Новое литературное обозрение*, 3(193), с. 197—211. [Muravieva, L., 2025. Is Autofiction a Transgressive Genre? *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 3(193), pp. 197—211 (in Russ.)] EDN: ZBWSXO, https://doi.org/10.53953/08696365_2025_193_3_197
- Подлубнова, Ю., 2025. Рецензия на книгу Оксаны Васякиной «О чем я думаю». *Воздух: журнал поэзии*, 44, с. 390. [Podlubnova, Yu., 2025. Review of Oksana Vasyakina's "What am I thinking about". *Vozdukh: Poetry Journal*, 44, p. 390 (in Russ.)].
- Подлубнова, Ю.С., 2023. К маме с небритыми ногами: «новая искренность» в эпоху метамодерна. *Знамя*, 2, с. 178—188. [Podlubnova, Yu. S., 2023. To mom with unshaven legs: «new sincerity» in the era of metamodernism. *Znamya*, 2, pp. 178—188 (in Russ.)] EDN: CADFMN
- Разухина, К., 2025. Рецензия на книгу Оксаны Васякиной «О чем я думаю». *Воздух: журнал поэзии*, 44, с. 391. [Razukhina, K., 2025. Review of Oksana Vasyakina's "What am I thinking about". *Vozdukh: Poetry Journal*, 44, p. 391 (in Russ.)].
- Сотникова, Д., 2025. Рецензия на книгу Оксаны Васякиной «О чем я думаю». *Воздух: журнал поэзии*, 44, с. 390—391. [Sotnikova, D., 2025. Review of Oksana Vasyakina's "What am I thinking about". *Vozdukh: Poetry Journal*, 44, pp. 390—391 (in Russ.)].
- Узланер, Д.А., 2021. *Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта*. М. [Uzlaner, D. A., 2021. *Objective subjectivity: psychoanalytic theory of the subject*. Moscow (in Russ.)] EDN: RDGGJH, <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2192-2>
- Ханзен-Лёве, О.А., 2016. *Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду*. М. [Hansen-Löve, A. A., 2016. *Intermediality in Russian Culture. From Symbolism to Avant-garde*. Moscow (in Russ.)].
- Швец, А., 2024. Интермедиальность: очерк (истории) понятия. *Новое литературное обозрение*, (3)187, с. 330—341. [Shvets, A., 2024. Intermediality: an Outline (History) of the Idea. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 3(187), pp. 330—341 (in Russ.)] EDN: GBFUVN, https://doi.org/10.53953/08696365_2024_187_3_330
- Fournier, L., 2021. *Autotheory as Feminist Practice in Art, Writing, and Criticism*. Cambridge, MA, <https://doi.org/10.7551/mitpress/13573.001.0001>
- Gasparini, P., 2004. *Est-il je? Roman autobiographique et autofiction*. Paris.
- Genette, G., 1991. *Fiction et diction*. Paris.

Lejeune, Ph., 1982. The autobiographical contract. In: Tz. Todorov, ed. *French literary theory today: A reader*. Cambridge, pp. 192 – 222.

Miller, N.K., 1991. *Getting Personal: Feminist Occasions and Other Autobiographical Acts*. New York.

Moser, C., 2019. Automediality. In: M. Wagner-Egelhaaf, ed. *Handbook of autobiography / autofiction: in 3 volumes*. Vol. 1. Berlin; Boston, pp. 247 – 262, <https://doi.org/10.1515/9783110279818-030>

Wagner-Egelhaaf, M., 2022. Of Strange Loops and Real Effects: Five Theses on Autofiction/the Autofictional. In: A. Effe and H. Lawlor, eds. *The Autofictional: Approaches, Affordances, Forms*. Springer, pp. 21 – 39, https://doi.org/10.1007/978-3-030-78440-9_2

Worthen, J.R., 2021. Autofiction and Selfie Aesthetics. *Post45*, 9 December. Available at: <https://post45.org/2021/12/autofiction-and-selfie-aesthetics/> [Accessed 5 September 2025].

Об авторе

Карина Эдуардовна Разухина, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ассистент кафедры теоретической и исторической поэтики, ассистент кафедры истории русской литературы Новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0003-3512-6538

SPIN-код: 4824-2737

E-mail: karina.razuhina1301@mail.ru

Для цитирования:

Разухина К.Э. Селфи-нарратив: автомедиальное построение субъектности в русскоязычных автофикциональных текстах // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 222 – 238. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-13.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

SELFIE NARRATIVE: AUTOMEDIAL CONSTRUCTION OF SUBJECTIVITY IN RUSSIAN-LANGUAGE AUTOFICTIONAL TEXTS

Karina E. Razukhina

Lomonosov Moscow State University,
1 Vorobyovy Gory, Moscow, 119991, Russia
Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia

Submitted on 08.07.2025

Accepted on 15.03.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-13

The autofictionality of the latest Russian-language literary texts encompasses various ways of creating autobiographical identity. The term 'automediality' was proposed by Christian Moser and implies an interdisciplinary approach to writing narratives based on biographical material: authors working on creating an autofictional image of themselves in the text

use a variety of means of technological media for self-representation. This article examines two strategies of automedia within autofictional works: the use of video and photographic descriptions in Oksana Vasyakina's poetic statement "Kazan Text" (2024) and the diary form with the incrustation of a photograph of the cinematic heroine Laura Palmer in Natalya Meshchaninova's story "Literary Exhibitionism" (2023). Both texts feature the onomastic and subjective identity of the author-hero-narrator, characteristic of autofiction as a mode of writing, while the identities of the heroines are constructed in relation to significant others. The aim of this study is to examine in detail the techniques of automediality functioning in contemporary Russian-language texts with hybrid genre specificity, as well as to reveal the metaphorical similarity of autofiction to the gesture of taking a selfie, which simultaneously demonstrates the image of the subject, its objectivity, and the instrument used. The methodological basis of this article can be considered the psychoanalytic works of Lacan, Uslaner, as well as research in the field of autofiction and autotheory by Muravyova, Wagner-Egelhaaf, and Fournier. In autofictional texts with automediality, the subjectivity of authors and characters is constructed in relation to the Other. This figure can be quite concrete (close 'others') or abstract (the Other), representing a certain discursive power that controls the subject. In addition to automediality, the authors of the texts use various metadiscursive practices of self-exposure to create a setting for the referentiality and documentary nature of the auto-narrative.

Keywords: autofiction, automediality, autofictionality, contemporary Russian-language poetry, contemporary Russian-language prose

The author

Karina E. Razukhina, PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Assistant Professor, the Department of Theoretical and Historical Poetics; Assistant Professor, the Department of Contemporary Russian Literature, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-3512-6538

E-mail: karina.razuhina1301@mail.ru

To cite this article:

Razukhina, K. E., 2026, Selfie narrative: automedial construction of subjectivity in Russian-language autofictional texts, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 222–238. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-13.

**ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»**

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2026

Том 17
Vol.
№ 3

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 21.08.2026 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21,0
Тираж 300 экз. (1-й завод — 31 экз.). Заказ 68
Свободная цена

Signed 21.08.2026
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 21,0
Edition 300 copies (first print: 31 copies). Order 68
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia